МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ТВОРЧЕСКИХ СОЮЗОВ
НА СТАВРОПОЛЬЕ

БЕЛАЯ АКАЦИЯ

Ставрополь, 2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2) 6
Б 43

Составление Е. Полумисковой

Редакционная коллегия:
Екатерина Полумискова - главный редактор,
Владимир Бутенко, Виктор Кустов,
Александр Покровский, Сергей Скрипаль,
Татьяна Третьякова-Суханова, Александр Куприн,
Тамара Лангуева

ISBN 978-5-91717-015-2

© Ставропольское региональное отделение Общероссийской общественной организации писателей «Общероссийское литературное сообщество», 2017

© Составление, Е. Полумискова, 2017

© Оригинал-макет, ООО «Блиц-Инфо», ООО «ЮРКИТ», 2017

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

У древа есть душа? Она есть и у камня. Вот только в камне медленны её движения. Душа есть у воды, реки и водопада. Душа есть у тумана и дождя.
У вихря есть душа, у урагана. Душа есть у животных, птиц и подземелий.
И у пещер холодных - тяжела она, сыра. У света утреннего и вечерней мглы - во всем. Душа есть у Земли, у звезд и у планет, небесных карликов и сказочных гигантов. Ты тронул что-то - значит, тронул душу.

А. Покровский

Как сложен и прекрасен, но также очень хрупок мир, который окружает нас! Живой и трепетный, таинственный и древний, незыблемо-вечный и постоянно меняющийся. Такова Вселенная, соприкасающаяся с нами от самого рождения - она дарит великую радость жизни и мудрость осознания бытия, чувство творческого вдохновения и любви ко всему, что находится рядом. И мы в ответе за то, что храним и передаём будущим поколениям - свою культуру и родной язык, национальную память и природные богатства. И оказывается, всё в этом мире способно понимать и общаться, находиться в единстве и говорить на одном языке - языке природы. Надо только прислушаться.

Сосны пронизаны солнцем, исполнены вечным величьем,
словно от корня до кончиков игл посвященные в тайну лучом,
на языке поэтичном, но не человечьем, не птичьем,
гимнам внимают в их честь, очень древним. И я понимаю, о чём…
Или мне кажется только, что этот язык первородный,
даже до-мысленный и до-словесный, ещё до рожденья знаком
всем во Вселенной - от звёзд до пылинок -
на нём говорящим свободно,
и узнаётся в дыханье небесном и в сердцебиенье земном.

Слово и Живопись уже по сложившейся традиции вновь обретают крылья в тёплые майские дни и слетаются на форум творческих союзов «Белая акация», который проходит в третий раз на Ставрополье в 2017 году, в Год экологии в России. И значит - пришло время понимания и укрепления звеньев и ниточек, соединяющих всё живое на этой планете в один неразрывный узел. И не случайно символом форума стала цветущая белая акация, словно мировое Древо Жизни, мощное и нежное, ароматное и стойкое, дарящее защиту и совершенную красоту. А ещё - она возвращает память детства и дарит уверенность в завтрашнем дне. Известные русскоязычные писатели, гости форума, отмечали не раз, что «всё в мире может быть не тем, чем кажется. Но

это всё - живое, и к нему лишь надо осторожно прикасаться, пусть даже в мыслях. Чем более тебе дано, тем больше спросится».

Одним из кульминационных событий форума творческих союзов «Белая акация» в прошлом году стало издание одноимённой книги писателей и художников при поддержке Правительства и министерства культуры Ставропольского края. Презентация этого уникального литературного сборника состоялась в Общероссийский день библиотек с участием Губернатора Ставропольского края В.В. Владимирова и запомнилась всем присутствующим непринуждённым общением, дружелюбной, творческой атмосферой, пронизанной вдохновением и взаимным доверием. Затем эту книгу широко представили авторы в городах и районах края.

Выход в свет очередного сборника оказался возможным также благодаря Губернатору Ставропольского края. Литературные произведения, включенные в книгу, объединены общим замыслом и помогают читателю увидеть, прочувствовать, понять живую душу малой и великой Родины по имени Россия. Так росток пробивается из зерна, брошенного в благодатную почву, и берёт от родной земли всё лучшее, устремляясь к солнцу. Так, опираясь на исторические корни и духовные традиции, питаясь от целебного, чистейшего истока вековой памяти, формируется устойчивый и стройный, не сгибаемый никакими ветрами стебель, внутренний нравственный стержень целого поколения россиян - наших земляков, радушных хозяев и отважных защитников, сохраняющих в своих сердцах любовь к людям и верность Отечеству. Именно об этом расскажут ставропольские писатели в первой части книги.

А что же дальше? Чтобы из ростка выросло деревце, оно завоёвывает окружающее пространство, бурно разрастается, раскидывая ветви во все стороны, желая дотянуться до неба. Ветви создадут благодатную тень и укроют путника от летнего зноя, некоторые расцветут и принесут обильные плоды, какие-то пробьются сквозь бури и коснутся будущего. О духовных поисках рассказывают авторы произведений, включённых во вторую часть книги.

Но вот дерево окрепло, поднялось высоко над вершиной холма, заглянуло за горизонт и стало ориентиром для многих в пространстве и времени. Его заметили издалека, им восхищаются, к нему устремляют свои взоры, слетаются к цветущим ветвям, слушают шелест густой кроны. И каждый листок на верхушке дерева видит, как на ладони, всю планету. Авторы-гости форума представлены в третьей части книги.

В 2016 году в прямом эфире на телепередаче СТВ, где звучал анонс культурных мероприятий «Белой акации», три художника-профессионала совместно написали картину с натуры - сотрудники телевидения принесли в студию большие ветки цветущей акации. А в память о чудесном репортаже осталась чудо-картина, с которой и начинается знакомство читателей с этой книгой.

Главный редактор и составитель,
директор Общероссийской общественной
организации писателей «Общероссийское
литературное сообщество»,
член Союза писателей России *Екатерина Полумискова*

ПЕРЕКРЁСТОК

Стали великой книгой на свете
Следы на камне.

И. Кашпуров

КИСЛОВОДСКАЯ ЭЛЕГИЯ

(отрывок из рассказа о художниках Н. Ярошенко и М. Нестерове)

- Дамы и господа! Кто желает фотографироваться? - высокий человек в пенсне и черном фраке с белой манишкой расхаживал взад-вперёд по кисловодскому бульвару, галантно раскланиваясь и провожая оценивающим взглядом курортников.

А у входа в Нарзанную галерею пристроился седовласый, одноногий в выгоревшем солдатском полевом мундире инвалид, который выкрикивал хриплым, срывающимся голосом:

- Милостивые господа, подайте на лечение ветерану турецкой кампании, герою сражения при Аясляре!

И со всех сторон доносилось: «Кавалеры и барышни! Пожалуйте кататься, лучшие экипажи - к вашим услугам!», «Спешите в театр! Знаменитые солисты Тифлисской оперы - всего две недели в Кисловодске! Всего две недели!»

Курортный городок начинал оживать только после полудня, когда немного спадала жара, а гости Кисловодска устремлялись к центральным аллеям.

- Господин фотограф! - немолодая дама в батистовом платье и шёлковой накидке с пелериной повелительно махнула сложенным веером из крашеных фазаньих перьев.

Взвалив громоздкий черный ящик с массивной треногой на плечо, тот сорвался с места, стараясь на ходу определить выгодный ракурс для снимка. Но энергичная дама, не давая ему опомниться, заторопилась по газону к высоким елям, где барышня в кружевной шляпке, протянув ладонь с семечками, угощала огненно-рыжего бельчонка.

- Минуточку, мадам, сейчас я установлю фотоаппарат, и будет чудесно, если мадмуазель повернётся ко мне лицом.

- Да что ж вы возитесь, милейший! - раздраженно.

- Таково, мадам, искусство фотографии. Надобно сначала навести объектив, настроить фокус, а потом - вылетит птичка.

Тут бельчонок молниеносно взвился вверх по стволу.

- Это вы белкам объясняйте, что такое искусство фотографии. Если поймаете. Идём, девочка моя! - дама рассерженно взяла за руку растерявшуюся барышню и решительно направилась к противоположной стороне бульвара, едва не столкнувшись с элегантно одетым в добротный итальянский фрак мужчиной в «котелке» и с тростью.

Тот остановился, вежливо, но довольно холодно окинул взглядом мать и дочь, приподнял «котелок» и слегка кивнул, а затем двинулся дальше, вдоль берега Ольховки неторопливым, уверенным шагом.

«Вот и объясняйте белкам, что такое искусство…» - мысленно повторил он занятную фразу, единственную, выхваченную из постороннего шума и галдежа. На вид ему было лет тридцать пять. Утончённое с волевыми чертами лицо, внимательный, живой взгляд серых глаз и моложавая осанка... Он шёл и старался не думать о плохом - о том, что Николай Александрович Ярошенко, его друг и наставник, безнадёжно болен горловой чахоткой. А он, русский художник Михаил Нестеров, находясь на отдыхе в Пятигорске, узнал на днях, что Ярошенко вернулся, наконец, из Италии в Кисловодск. Теперь они смогут увидеться. Неужели затем, чтобы проститься навсегда? Ах, как всё это нелепо!..

...Хорошо здесь летом! Далеко, у самого горизонта, виден Эльбрус, а к нему на многие десятки вёрст тянется горная цепь. Набегает, словно гигантская волна с белоснежным гребнем в бескрайнем море холмов, нагромождённых один на другой. И чем дальше, тем бледнее и бледнее становятся их очертания, покрытые лиловой дымкой, размываются акварелями, то совсем исчезая и растворяясь, словно пена морская, то взлетая в небеса вместе со стаями низко бегущих облаков.

Жаркими днями он просиживал в комнате на окраине Пятигорска, а по вечерам писал этюды без устали, вдохновенно. И наслаждался этой тишиной, где слышалось только, как самозабвенно стрекочет кузнечик в траве да парящий над лесом орёл пронзительно перекликается со своими орлятами. И думалось Нестерову всё больше о дочери - какая она вырастет, какая судьба ждёт её? Как она будет жить-поживать, умная, красивая, милая да ласковая? Дай-то бог, чтобы она была счастливее отца! Так, в думах и мечтах, пробегали часы. Лишь изредка проедет мимо горец или казак, которого и не отличишь сразу от горца - та же папаха и бурка, только волосы русые. А потом опять тишина, мир да покой. И снова думы, как назойливая мошкара - не отогнать...

А Кисловодск всё тот же, что и семь лет назад, в 1890-м, когда он впервые оказался здесь. Только деревья подросли и клумбы стали роскошнее. И казацкие хатки всё белеют да голубеют под камышовыми крышами, а жизнь уж не такая простая и дешёвая. И остановился он теперь в Казённой гостинице, хотя Мария Павловна по привычке настаивала на переезде его к ним на дачу в один из флигелей.

Большая усадьба Ярошенко располагалась частью наверху, у соборной площади, частью внизу, у парка, где калитка выходила прямо к Ольховке,

бойко скачущей, как по лесенке, по скатам больших каменных плит. Нестеров знал, что усадьба эта была куплена почти за бесценок, в рассрочку у знаменитого сербского добровольца генерала Черняева. Теперь же, вместо черняевского старого дома, стояли три домика, таких беленьких и уютных, с множеством балконов. Тот домик, где жил сам художник и где помещалась его мастерская, был особенно мил, с большим балконом и верандой, расписанными в помпейском стиле, а с него открывался чудесный вид на Зелёные горы, на парк с царской площадкой...

В парке, в густой тени деревьев, было свежо и сыро. В конце июля утренние туманы и прохладные вечера уже напоминали о том, что лето на исходе. И небесная синева становилась более насыщенной, а воздух - прозрачным и звенящим, многократно усиливающим теперь каждый звук - от шелестящих листьев до падающих капель. Нестеров давно привык не слушать и не слышать городского шума, он воспринимал лишь целительное, всеобъемлющее природное безмолвие, пронизанное солнечным светом, птичьим гомоном, ароматом цветов и его мыслями. И эта тишина кружила голову.

Оттого и не увидел сразу, что к калитке подошли два молодых человека в широкополых летних шляпах и с большими альбомами под мышками. Один из них, худой, с красивым, но каким-то болезненным, прозрачно-зеленоватым лицом и слегка отстранённым видом, высоким и сипловатым срывающимся голосом окликнул его по имени:

- Михаил Васильевич, вы ли? А мы с Анфимычем гадали, кого же нам сегодня обещала Мария Павловна?

Нестеров взглянул на молодых людей, отчаянно пытаясь припомнить, кто бы это мог быть. Но приветствовавший его незнакомец натянуто рассмеялся и представился, чувствуя, что смех рискует перейти в кашель:

- Вы не помните меня? Я - Владимир Васильевич Перов, сын Василия Григорьевича. А это Сергей Анфимович Щербиновский, брат Дмитрия Щербиновского, тоже художник...

Анфимыч был внешне прекрасен, как шекспировский Ромео, но показался Нестерову деликатным и милым, в отличие от своего приятеля, не говоря уже о брате, «Митеньке» Щербиновском, снискавшем славу довольно способного художника, но уж больно безалаберного, большого болтуна и проказника. С ним, с этим самым Сергеем Анфимычем, Нестеров был готов общаться...

Оставив на веранде альбомы, молодые люди вошли в дом вслед за Нестеровым. Навстречу им уже спешил хозяин усадьбы.

Старые друзья какие-то мгновения смотрели друг на друга сквозь пелену, застилавшую глаза, затем молча обнялись....

Вечер настал неожиданно. И хотя закатное небо ещё светилось и пылало радужными сполохами, старый сад, обступивший усадьбу Ярошенко, уже окутали туманные сумерки. Над лампой, освещавшей открытую

веранду, плясали ночные мотыльки, и нестройный оркестр цикад вдохновенно исполнял виртуозную, импровизированную увертюру. Откуда-то из парка едва доносился девичий смех и мужские голоса, которым вторил далёкий собачий лай. А восточную сторону темнеющего небосклона заволокла полупрозрачная дымка, из которой вынырнул лунный диск, гладкий и блестящий, словно новенький целковый, которым тщетно пыталось откупиться южное лето от назойливых курортников.

Анфимыч, спохватившись, торопливо откланялся:

- Господа, прошу меня простить, но я обещал непременно заглянуть к одному знакомому, живущему через две улицы - по соседству.

Нестеров решил, что сейчас самое время попрощаться до завтра с хлебосольными Ярошенками. Он должен был настроиться на работу, ибо времени для написания портрета оставалось мало, а управиться он решил непременно до отъезда в Киев.

Они с Анфимычем вышли из усадьбы и не спеша направились по улочке вдоль белёных домиков, которые стояли приветливые и аккуратные, утопая в зелени и доверчиво распахнув окошки в палисадники.

Щербиновский пребывал в приподнятом настроении и читал наизусть Лермонтова, а Нестеров погрузился в свои думы…

Может быть, все эти господа Фигнеры, Яковлевы, Тартаковы и берут сумасшедшие деньги за свой «товар» - за голос, да и шут с ними! Ведь люди платят охотно. А тут, казалось бы, всё готов отдать - картины, состояние до последнего гроша, затем лишь только, чтобы вернуть, к примеру, Ярошенко его самый обыкновенный голосишко, этого заплутавшего бродягу, без которого никак не обойтись… И что стоит в конечном счете та молчаливая вечность в приглушённых красках и затёртых образах, эти «Монахи» и даже «Отрок Варфоломей» в золочёных рамах, покрытых музейной пылью, по сравнению со словом человеческим, неотделимым от него самого, покуда он жив? Нестерову только теперь пришло это откровение, отчетливо и пронзительно, отзываясь болью и горечью в душе. Возомнил себя бог знает кем, творцом неумирающих шедевров! А ведь человек, как и все творения божии, уникален и неповторим, и каждый прожитый миг - это счастье. Заливаться бы трелями, как эти пичуги, не задумываясь ни о чём. А дар художника, этот дар свыше - ах, зачем он? Зачем…

Анфимыч между тем умолк, поглядывая на маячившую вдалеке голубенькую казацкую хатку с расписными ставнями и незамысловатым трехступенчатым крыльцом. Когда они проходили мимо, Щербиновский неожиданно остановился и попросил подождать минуту-другую, пока он не переговорит со своей тифлисской знакомой. А вовсе не со знакомым, как было сказано у Ярошенок. Дело молодое, что тут скажешь!

Нестеров прошёл вперед и задержался у калитки, над которой прямо на улицу свисала тяжёлая ветка яблони. В густых сумерках созревающие яблоки, облепившие ветку, казались особенно крупными, круглыми и необычайно ароматными. Да и полная луна показалась теперь художнику по-

хожей уже не на плоскую сверкающую монету, а на огромное небесное яблоко, искушающе сладкое, сочное и опьяняюще желанное для всех влюбленных на земле.

В одном из открытых окон, слабо освещённых изнутри, за тюлевой занавесью качнулся неясный женский силуэт, и Щербиновский окликнул:

- Люси!

Тотчас же из окна раздался глубокий, мелодичный, неотразимо прекрасный голос:

- Анфимыч, это вы?

Нестеров напрягся и затаил дыхание, совершенно околдованный этим чудесным, завораживающим звуком, льющимся нежно и звонко. После свистящего, надрывного шепота Ярошенко, заставлявшего окружающих сочувственно вздрагивать, эта животворная мелодия буквально потрясла его.

Той, кому принадлежал этот дивный голос, не было видно за тюлевой занавесью, и они продолжали болтать ни о чём, воркуя, перебрасываясь ничего не значащими фразами. Но Нестеров весь превратился в слух, жадно внимая тому, что было так фантастически музыкально, неожиданно прекрасно и трогательно-задушевно. Он был настолько взволнован, что слышал, как в ночной тишине раздаются напряженные, гулкие, как колокол, удары его сердца. И, казалось, волны струящегося неземного света набегали и пронизывали всё вокруг, отчего и деревья, и кусты, и цветы в палисаднике загадочно вспыхивали золотистыми искорками и погружались в сияющее пространство. И ничего другого он уже слышать и видеть не мог, да и не хотел.

Эта таинственная, невидимая незнакомка между тем произнесла:

- Ну что же вы стоите на улице, входите!

Анфимыч растерялся и смущенно пробормотал:

- Спасибо, Люси, но я не один…

- А с кем же вы?

- Мы с Михаилом Васильевичем Нестеровым идём от Ярошенок домой. Нестеров - известный художник, может быть слышали?

Нестеров весь сжался, словно пружина, и сердце его зашлось от стука.

- Может быть, слышала…

Эти слова невидимка произнесла с едва заметным акцентом, но так нежно и приветливо, что у Нестерова голова пошла кругом и он, даже если бы захотел, не смог бы сейчас сдвинуться с места. Он был ошеломлён своим неожиданным волнением, и в то же время почему-то несказанно обрадовался этому.

Прошло ещё какое-то время, и Щербиновский попрощался, подошел к Нестерову, взял его под руку, и они пошли дальше. Но божественная музыка этого удивительного голоса околдовала их обоих и всё следовала за ними неотступно, до самой гостиницы.

- Анфимыч, кто это был? Неужто, ангел, сошедший с небес, чтобы поболтать с вами? - наконец решил спросить Нестеров.

- Это синьорина Лючия Солли, солистка Тифлисской оперы.

- Так она итальянка?

- Наполовину. Её мать - действительно, итальянка, а отец - русский дворянин, волжанин. Её зовут Людмила Павловна, а Лючия Солли - сценический псевдоним.

- Но ведь вы назвали её на французский манер - Люси?

- О, её история окутана такой тайной… Мне известно только, что она более семи лет жила в Париже, брала уроки у Виардо, а Форкатти, антрепренер Тифлисского оперного театра, заключил с ней контракт на два сезона, и она теперь гастролирует вместе с труппой.

- Боже, сколько секретов. Не многовато ли для одной женщины? А вы давно общаетесь с ней?

- Мы познакомились прошлым летом в Тифлисе. Но мне кажется, что я совсем не знаю её, и каждое слово, каждая фраза - словно впервые. - Анфимыч говорил таким проникновенным шепотом, что у Нестерова даже защемило сердце. Ему вдруг во что бы то ни стало захотелось познакомиться с этой актрисой, хотя бы затем, чтобы ещё раз услышать серебряные переливы её голоса.

- Анфимыч, милый мой, прошу, познакомьте нас. Вы ведь меня уже представили ей, дело за малым. Я хочу взглянуть на неё - это, понимаете ли, профессиональное любопытство художника. И хочу также, чтобы она увидела меня. И всё. Нет, не подумайте, я не собираюсь «отбивать» у вас «даму сердца» и вообще не намерен ухаживать за приезжими барышнями. Для меня это как-то несолидно, у меня почти взрослая дочь, и я - порядочный человек…

Нестеров говорил скороговоркой и при этом живо жестикулировал, а глаза его блестели во тьме.

- Михаил Васильевич, я вас с удовольствием познакомлю, - спокойно отозвался Анфимыч, прерывая эту сбивчивую тираду и не глядя на попутчика. Он и представить себе не мог Нестерова в роли своего соперника. - Хотите, завтра же сходим в оперу на спектакль, вы увидите Люси на сцене, сами преподнесёте ей букет белых роз - она их очень любит.

Нестеров опешил, вообразив, что обладательница этого чудного, проникновенного, неземного голоса, которому несколько минут назад он, словно Христос в Гефсиманском саду, внимал с благоговением и трепетом, вдруг завтра выйдет на сцену в декольтированном полупрозрачном платье и будет петь перед курортной публикой какую-нибудь застольную песню или танцевать тарантеллу! Но не пойти в оперу было выше его сил. Он хотел непременно увидеть эту невидимку, услышать её голос, во что бы то ни стало разгадать её загадку, а уж потом решать, зачем ему всё это нужно.

На следующий день Нестеров принялся за портрет Ярошенко с таким усердием, какого он от себя и не ждал. Усадив мэтра Передвижных выставок в кружевную тень на деревянную скамью перед клумбой, на которую выходила веранда, сам он расположился спиной к солнцу, понимая, что на

этот раз солнцепёка ему не избежать. Но он готов потерпеть, насколько позволит ему собственное здоровье. Бледное и грустное лицо Ярошенко с надвинутой на лоб шляпой было прекрасно освещено, а незамысловатой декорацией служила густая, изумрудная зелень заросшего сада.

- Не хотите ли, Николай Александрович, чтобы я изобразил вас на фоне так любимой вами Шат-Горы? Решайтесь, пока не начали.

Нестеров вдруг вспомнил, как Ярошенко когда-то рассказывал о своих первых кавказских приключениях, как подружился с молодым Исламом Крымшамхаловым, племянником своего «кунака» князя Исмаила Урусбиева, как давал тому уроки живописи, а сам, будучи в гостях у Исмаила, написал свою знаменитую «Шат-гору» в родном ауле князя. А ещё раньше, лет пятнадцать назад увидел Нестеров полотно Ярошенко со странным названием - «Песни о былом», написанное там же, в Урусбиево. Кунацкая князя освещена отблесками яркого огня в камине, на стене - сабля и ружье, а супротив очага - группа людей, горцев. На переднем плане, на резной тахте, откинувшись на ее спинку, восседает сам князь, так расслабленно и покойно. Только лицо сосредоточено и слегка напряжено, в неподвижном взгляде, устремленном на горящие поленья и сизый дым, уходящий в очажный дымоход, столько затаённой грусти и житейской мудрости... Князь слушает старинную песню и вспоминает… А Ислам Крымшамхалов оказался вполне способным учеником Ярошенко, написал много портретов, и среди них «Ярошенко на этюдах», так что Нестерову теперь никак нельзя было отступиться от этой затеи с портретом на скорую руку. Уже - нельзя!

Ярошенко покачал головой:

- Следуя вашей же логике, нет большего искушения запечатлеть мою физическую слабость и немощь, как рядом с Эльбрусом. Даже если бы мне вдруг этого захотелось, вы же понимаете, что худшей композиции и не вообразить. Лучше я буду, позируя вам, смотреть на него издали и мечтать. А за моим плечом пускай колосится эта густая, непричёсанная мурава. Всё правильно. Фантазии никакой, зато натурально. Ну, с богом!

Он махнул рукой и как-то виновато улыбнулся, а Нестеров прищурился, внимательно и придирчиво оценивая героя своей будущей картины. И нанёс первые мазки.

- Николай Александрович, в Италии, мне помнится, горы живописные и более доступные, не то, что на Кавказе. Кажется, сделай шаг вперёд - и уже с ними на ты? - Нестеров вспомнил вдруг тот неподдельный восторг, который ощутил в своё первое посещение этой удивительной страны, можно сказать, «Мекки» изобразительного искусства. Но чем дольше он оставался под впечатлением, тем сильнее потом тянуло его к родным северным красотам. И он остался им верен навсегда.

- На сей раз я отправился в самый носок «итальянского сапога», в Реджио. И вот тут, на другой стороне Мессинского пролива, впервые увидел Этну.

- И как она вам показалась? - Нестеров приподнял бровь, подмечая, что выражение лица Ярошенко оживилось, глаза заблестели. Надо во что бы то ни стало «вытаскивать» из него эти недавние дорожные впечатления, а если повезёт, то и давние. Всё подальше от дурных мыслей. Да и в искусстве портрета Нестеров лжи не признавал - изобразит ведь всё, как есть, не приукрашивая. Успеть бы…

- Почтенная, я вам скажу, «дама», эта гора! Громадная, величественная. Лежит на самом берегу моря, словно русалка, распустила серебристые космы, хвост чешуйчатый в воду окунула и нежится на солнце - спокойная такая, гладкая и красивая. Даже не верится россказням о её дурном характере.

- Так вы, покуда путешествовали, сочли Этну смирной милашкой?

- В нескольких часах езды от Мессины есть местечко Таормина, стоящее на горе прямо против Этны, из Мессины её не видно. Так вот, отсюда старушка уже не та! Красоту она свою, конечно, сохраняет, но видно, что вся она словно в ссадинах и нарывах, которые сочатся и дымят. И потому она будто бы хочет повернуться и расправить свои члены, разгладить морщины. А ветер разгоняет дым над верхним кратером, чтобы остудить её пыл.

- Представляете, каково приходится тем, кто ютится в лачугах на неспокойных склонах?

- Да уж. Но Кавказские горы куда величественнее, выше, мощнее. И неприступные вовсе, и к небесам ближе, чем к земле. И словно нет им дела совсем до людишек. Бывает, содрогнутся спросонья, сбросив лавину в ущелье, и опять дремлют в ледяной тишине...

- Знаете, Николай Александрович, спокойствие это горное - всегда напускное какое-то, не верится мне в него. Сколько страсти эти в душе не копи, а ведь прорвутся наружу. То ли дело, туманы над Волгой да луга.

- А я вот что скажу, Михаил Васильевич, когда недуг меня этот подкосил, пригнул к земле, как травинку в поле, так захотелось мне сбросить его прочь, как из кратера извергнуть. И не за итальянским солнцем, не за воздухом морским потянуло меня туда, а к вулканам недремлющим, к силе их внутренней исполинской. В Неаполе я прожил дней десять, но жизнь мне эта надоела, и я переехал в Помпею, где вроде бы тишина, покой, деревня… Оттуда поднялся я на Везувий.

- Удалось-таки!

Нестеров с довольным видом наблюдал, как разгорается огонь в глазах у Ярошенко, словно тот и вправду поднабрался у вулканов глубинного, пускай мятежного, но всепобеждающего, непреклонного духа.

- Лава разрушила каменную дорогу до железнодорожной станции, так что большую часть пути пришлось одолеть верхом. Но на таких сёдлах, что казалось, сидишь не в седле, а на бороне, опрокинутой вверх зубьями. Мне помнится, я вам уже рассказывал, что видел я на вершине Везувия, когда побывал там впервые, пятнадцать лет назад?

- Вы ведь писали этюд!

- Мне очень хотелось написать картину. Но, увы… Всё изменилось с тех пор, стало всё по-новому. Я действительно тогда стоял на краю громадного кратера-воронки, откуда через каждые две или пять минут раздавалась такая канонада и вылетали такие массы дыма, паров, камней и пепла, что, по совести говоря, хотелось поскорее и подальше удрать от этой чертовщины. Я не мог пробыть там более часа и, пока писал этюд, мой ящик, шляпа, платье и картон были усыпаны пеплом. И это не способствовало колоритности пейзажа, хотя сообщило ему маков тон.

- Представляю, как вы смотрелись в самом жерле вулкана! Не то, что кочегар у топки, тут масштаб вселенский, - Нестеров позволил себе, наконец, пошутить, не боясь, что Ярошенко рассердится.

- После Везувия осматривать уж было нечего… А здесь, после возвращения, усилилась слабость, словно захворал опять. Сил хватает на то, чтобы только позировать вам, - признался Ярошенко и вздохнул. - Я уж было подумал, а не податься ли мне в Теберду к Исламу Крымшамхалову? Мы уже там побывали все вместе, с Хетагуровым и Кондратьевым. У них у всех - тоже чахотка. А там воздух лёгкий, хрустальный, даже позабыли о недуге.

Нестеров, чувствуя, что пришла пора принять эстафету по части воспоминаний, принялся рассказывать о своих киевских перипетиях, мысленно сетуя, однако, на то, что Анфимыч сегодня куда-то запропастился. Быть может, забыл про его просьбу и прогуливается по Кисловодску тет-а-тет с прекрасной певицей из Тифлисской оперы? Ну, а ему-то что за дело…

- Так вот, по поводу Плащаницы Виктора Васнецова для Владимирского собора, вернее, относительно оригинала её, - в который раз Нестерову пришлось отвлечься от мыслей о таинственной незнакомке и вернуться к разговору с Ярошенко. - На мой взгляд, он принадлежит к тому времени «переутомления» огромного таланта Виктора Михайловича. Шитьё же я видел доведённым до половины - художество было видно в нём и тогда. Тон, выражение лица, благородство материала - всё это удовлетворяет самым придирчивым требованиям. Плащаница будет заключена в ковчег-гробницу из дуба, бока должны свисать, и всё, конечно, покроют стеклом.

- А в каком же месте в соборе хотят выставить гробницу? - поинтересовался Ярошенко, - а то ведь у нас могут даже самые перлы затолкать в такой угол, поди разбери, что к чему!

- Да, это дивная вещь! Со времён «благочестивых княгинь» ещё не было ничего подобного у нас. Вообще, в работе этой видна для меня и чудная мастерица-художница, эта прекрасная девушка-вышивальщица, с которой я взял когда-то тип своей великомученицы Варвары и был недалёк от того, чтобы влюбиться в неё и связать с нею свою судьбу. Теперь, к сожалению, это поздно, всё хорошо в своё время…

Нестеров неопределённо улыбнулся и поднял глаза к небу, на что Ярошенко отреагировал взволнованной тирадой:

- Да что же вы, ей богу, ну какие ваши годы? Разве я не знаю Леночку Прахову? Чудесная девушка, я и не предполагал, что вы так недалеки от серьёзных намерений! В чём же дело?

- А дело - в работе! Сейчас Леля закончила вышивать мою «Богоматерь», раньше того ею же была вышита «Святая Ольга» с моего же оригинала, а теперь она полагает начать «Святую Варвару», и на этот раз в подарок мне. Оригинал же этого образа я думаю подарить ей, тем более что мотивом для эскиза послужила сама же Леля. Не удивляйтесь, у меня к ней была всегда особенная симпатия и расположение. Я даже скажу вот что. Если бы мне было суждено когда-либо жениться вторично, то никого бы я не желал иметь своей женой, кроме этой талантливой, необычайно доброй и чистой душой девушки. Но… увы и ах!..

Вскоре заявились Перов с Щербиновским, усталые и полные впечатлений, с альбомами под мышками. Потом во время обеда беседовали на предмет устроения выставок. Нестеров припомнил выставку картин из наполеоновской эпопеи Верещагина, какие объявления были ей предпосланы, и на какую рекламу этот знаменитый художник имел привилегии. Сотни аршин дорогого безвкусного бархата (по три рубля аршин, как сказывали), тысяча рублей за зелень, которой обставили вернисаж, множество витрин с награбленными древностями Новгородской, Вологодской, Архангельской губерний. Всюду столы с портретами, книгами, фотографиями, а за столами бойко взывают к вниманию наивной публики хорошенькие продавщицы. Ну, словом - Европа, или того более - Америка! Выставка эта помещалась в Историческом музее, а напротив, в Гостином дворе, такая же «Америка» под вывеской музея восковых фигур и «всемирно известного великана» Шульце-Беньковского, беспощадно отбивающего у Верещагина и лавры, и посетителей.

За столом Нестеров весь извелся, не смея напомнить Анфимычу вчерашнюю просьбу, но тот, словно приберегая хорошие новости на десерт, извлёк, наконец, из кармана два билета на спектакль в оперу:

- Михаил Васильевич, ежели составите мне компанию, буду рад…

Перов мрачно съехидничал по поводу всяких там развлечений и отправился в свою комнату, сказавшись нездоровым. А Нестеров с Анфимычем раскланялись и торопливо покинули Ярошенок.

Они пошли той же дорогой, что и накануне, и снова, подойдя к голубенькой хатке с крылечком, Щербиновский окликнул приятельницу. Полилась та же дивная музыка речи, и незнакомка просила подождать её минутку-другую. Она собиралась в театр.

Эта минутка продлилась, казалось, целую вечность. И вот на крылечке показалась невысокая, изящная девушка в накинутом на плечи итальянском шелковом плаще с капюшоном. Лицо сияющее, задорно веселое, со слегка вздёрнутым, аккуратным носиком, на котором выразительно и даже кокетливо сидело пенсне. А из-под накинутого на самый лоб капюшона капризно и очаровательно выбивались пряди волнистых светло-каштановых волос.

Они познакомились - Нестеров и Люси, русский художник и итальянская актриса. Она знала про «Отрока Варфоломея» и ещё что-то о Нестерове, он же не знал о ней ничего. Но, как отрок Варфоломей, весь превратился в слух и ожидание, словно через мгновение-другое спадёт завеса и приоткроется истина - единственная и неповторимая, одному ему предназначенная. Он в это верил, чувствовал это, знал об этом…

Они шли втроем сначала улицей, потом парком. Нестеров пытался рассмотреть обладательницу пленившего его голоса, проникновенного и задушевного, и вынужден был поначалу признать, что Лючия была далеко не красавицей в обыденном представлении художника. Точнее - ни в коем случае не красавицей. Она не обладала внешностью мученицы Варвары, образ которой, взятый с Лели Праховой, он буквально «вымучил», несколько раз переписывая её голову по настоянию заказчика картины. К тому же Люси не молчала, как все герои и героини его полотен, переживая страсти в душе и ожидая откровения небесного. Она говорила, и ничего уж больше не было нужно вдобавок к этому чудесному дару. Только слушать! И Нестеров внимал, удивляясь тому, что ему впервые не хотелось перенести на холст предмет своего обожания и восхищения. Да и как бы он смог нарисовать этот голос, его переливы и гипнотическую власть над ним этой милой, обаятельной и неповторимой девушки «бальзаковского возраста»? Да и под силу ли художнику такое!

В ней поражало и очаровывало не внешнее, а внутреннее совершенство, что-то глубоко скрытое от многих и открывающееся лишь избранным в счастливые минуты. Речь её была не просто удивительно музыкальна, но на редкость жива и остроумна. К тому же она была весьма начитанна и образованна. Но её голос с особыми, грудными вибрациями, так же как и милый акцент с мягким произношением и даже выпадением букв «л» и «р», показались Нестерову совершенно неотразимыми и вызвали такой прилив чувств, впечатлений, образов и слов, что бедный Анфимыч, при всей своей молодости и красоте оперного Ромео, как-то сразу полинял и отступил в тень. А они вдвоём уносились мыслями в какую-то волшебную даль и не заметили, как оказались у входа в театр. И тут Люси снова исчезла, чтобы затем появиться на сцене, исполнять роль, принимать от публики аплодисменты, цветы…

Проводив домой после спектакля Люси, затем Анфимыча, Нестеров возвращался в Казённую гостиницу далеко за полночь, не переставая размышлять, что ему делать дальше. Вспомнилось вдруг то счастье, какое они пережили в юности с покойной женой Машей, как увидел он её впервые на улице в родной Уфе и последовал неотступно, пустив шагом свою лошадь, покуда не узнал, где она живёт. Как венчались в церкви, и он, щупленький, болезненного вида студент, казался по сравнению со своей невестой «гадким утёнком». И как из-за свадебного застолья вызвали уездного доктора к роженице, а он не поспел, и та умерла. Машенька всё сокрушалась, а всего через год её и самой не стало сразу же после рождения Оленьки. И вот, по

прошествии пятнадцати лет, встретил он ту, которую желал полюбить всей душой, да и, возможно, уже полюбил, и даже не с первого взгляда, а с первого произнесённого ею слова. И было это счастьем совсем иного рода - ни с чем не сравнимым счастьем двух родственных творческих душ, душ двух «артистов», какого в первом случае не было вовсе.

Нестеров, наслаждаясь спектаклем, вдруг поймал себя на мысли, что певица Лючия Солли исполняла роли талантливо, умно и старательно, но… не гениально, как ему показалось. Голос её, «оживлявший» давно всем известные музыкальные партии, и следа не имел от того очарования, какое звучало в обычной разговорной речи актрисы. И его это несказанно обрадовало. Он теперь имел полное право однажды поставить её перед выбором «любовь или театр?».

Дни полетели, словно пушинки с одуванчика. По утрам он самозабвенно работал над портретом Ярошенко, после обеда они с Анфимычем шли мимо дома Люси, и когда она не была занята в спектаклях, предпочитали романтические прогулки по Кисловодску. Так или иначе, но Нестеров и Люси обрели друг друга, полюбили так, что, казалось, не могли обходиться один без другого. Вскоре Анфимыч понял, что он лишний, и влюбленные были ему за это бесконечно благодарны. Теплые летние вечера и ночи, Красные камни, Серые камни, берега Ольховки благоговейно внимали всем секретам, о чём они говорили, гадали, мечтали. Лючия откидывала свой «капуцинский» капюшон, небрежно накинутый на кудрявую головку, и улыбалась художнику такой очаровательной, искренней, открытой улыбкой, что он забывал обо всём на свете и молил судьбу лишь об одном - чтобы продлились эти счастливые, беззаботные мгновения.

Как-то после спектакля Люси вышла из театра рассерженной, усталой, неудовлетворённой своей игрой. На немой вопрос Нестерова она выдохнула:

- Представьте себе, что Форкатти и дирекция театра до того доэкономились на реквизите, что занавес во время спектакля едва не оборвался, а под музыкантами то и дело подламываются стулья. К тому же всей труппе задержали жалование, сославшись на недостаток кассовых сборов. Это просто возмутительно!

Нестеров нежно взял её за руку, посмотрел в большие карие глаза, которые из-за пенсне казались ещё крупнее и выразительнее, и мягко произнёс:

- Люси, а вы не подумывали уйти из театра? К чему вам все эти сложности и волнения, этот прохвост Форкатти, этот прогнивший пол на сцене и пыльный полуистлевший занавес. Разве не хотели бы вы жить свободно, вырвавшись из придуманного мира иллюзий?

Люси подняла на него изумлённый взгляд и даже как-то побледнела, словно у неё внезапно закружилась голова. Она поспешила к ближайшей скамейке под раскидистым каштаном, а Нестеров присел рядом с ней, не выпуская её руки из своих горячих ладоней.

- Но зачем же так… Для меня ваши слова означают только одно, наверное, я - плохая актриса?

- Да нет же, Люси, милая, замечательная! Это театр плох для вас. Вам надобно играть саму себя. Ежеминутно, ежечасно, не повторяясь, импровизируя.

- Но кто же будет смотреть такой спектакль? - она говорила медленно, словно в полусне, опустив голову и не глядя на Нестерова. - Публика плачет навзрыд и взрывается аплодисментами лишь в награду за то, что в героине узнаёт самих себя - Адель или Виолетту, Маргариту, Сильву, Кармен… А я? Кому нужна я в роли самой себя? Маленькая, серая перелётная птичка, которая мечется между двумя родинами, играет чужую судьбу и поёт чужую песню?

Нестеров сжал её пальцы, решившись, наконец, произнести те слова, которые он до сих пор не отваживался вымолвить:

- Вы нужны мне, Люси, очень нужны! Когда вы поёте со сцены, то дарите счастье абсолютно всем, но когда говорите, когда произносите своим волшебным голосом моё имя, я просто схожу с ума, потому что тогда весь мир начинает говорить со мной вашим голосом. И я не слышу, не желаю слушать ничего и никого, кроме вас. Люси, я люблю вас!

Люси молчала, оглушённая этим признанием. Она понимала, что Нестеров был серьёзен, как никогда, и боялась поверить в случившееся. Ей казалось, скажи она теперь хоть слово, и душа улетит куда-то ввысь, а когда вернётся, не будет уж ничего.

- Люси, выходите за меня замуж, - продолжал Нестеров, и его твёрдый, спокойный голос вывел её, наконец, из оцепенения. - Но что вам может предложить бедный художник кроме своей любви, руки и сердца? Верите ли вы теперь в серьёзность моих намерений? Отвечайте - да или нет?

- Я вам верю, - сказала Люси своим божественным, но слегка дрожащим голосом, - и что же мы теперь будем делать? У меня контракт с Форкатти, потом я должна вернуться в Париж, потом…

- Люси, мы обвенчаемся здесь, в Никольском соборе, и уедем в Киев, у меня там связи, у меня чудесная, милая дочь Оленька. Вы, ученица Виардо, сможете давать блестящие уроки вокала, если захотите, а если нет…

- Молчите, заклинаю вас, молчите…

Люси сжала до боли его руку и ещё больше побледнела. Лоб Нестерова покрылся испариной, ибо страшная догадка промелькнула в сознании.

- Вы связаны какими-либо обязательствами? Помолвлены, обручены? Этот Анфимыч обитает в вашем сердце? Или какие-то ещё парижские тайны?

Она молчала, но всё же, справившись с волнением, тихо вымолвила:

- Михаил Васильевич, у меня нет никаких обязательств ни перед кем, я совершенно свободна и я тоже… я тоже вас полюбила всей душой. Но я не…

Он не позволил ей закончить фразу:

- Не говорите больше ничего, мы поженимся и уедем в Киев. И ничто, никто не сможет нам помешать. Слышите?

***

Ярошенки вскоре прознали про сердечные дела Нестерова. Может быть, Анфимыч не удержался в разговоре с Перовым-младшим, а может быть, внимательный взгляд и чуткое женское сердце Марии Павловны… Только как-то за обедом Николай Александрович своим уже привычным шепотом спросил:

- Ну что же вы, Михаил Васильевич, не познакомите нас со своей девушкой? Уж порадуйте стариков, пригласите её к нам в гости, на чай. Или это так, блажь курортная?

Нестеров, проглотив кусок пирога, едва не застрявшего в горле после такого вопроса, нахмурился и пообещал завтра же прибыть к обеду со своею невестой.

Мария Павловна всплеснула руками и ахнула, но узнав, что это никакая не графиня, не княгиня и даже не купчиха, а солистка Тифлисской оперы, разочарованно поджала губы и сказала только, что венчаться надобно здесь, в Никольском соборе, а перед отъездом в Киев молодожёнам следует непременно переехать к ним на дачу, в один из флигелей.

Люси отнеслась к приглашению весьма напряженно, долго подбирала платье, переживала по поводу причёски, что упрямые локоны никак не хотели укладываться и всё время выбивались из-под капюшона на лоб, а пенсне соскакивало со вздёрнутого носика и едва не разбилось по дороге к усадьбе.

Госпожа Ярошенко встретила их у самой калитки приветливо, разглядывая невесту Нестерова с почти материнским любопытством и волнением. Перов с Щербиновским как раз уехали на целый день на природу в ущелье Берёзовки, писать этюды. Поэтому застолье получилось по-семейному теплым и задушевным. Нестерову показалось, правда, что Ярошенки пытались «прощупать» Люси по части её начитанности и образованности, но остались довольны. Люси блестяще выдержала этот экзамен и ещё спела а капелла несколько известных партий.

Растроганная Мария Павловна, хлопотавшая на кухне, попросила Люси помочь ей.

И вот, оставшись за столом вдвоём с Нестеровым, Ярошенко понимающе покачал головой и констатировал:

- Ну вот и понятно мне теперь, отчего это вы за портрет мой берётесь по утрам, не выспавшись, с покрасневшими, но такими мечтательными глазами, и куда так торопитесь после обеда.

- Да, представьте себе, не думал я, что вдохновит меня на творчество не итальянский пейзаж с вулканами, а божественный голос итальянской актрисы. Это вам не у ног каменной госпожи Этны прогуливаться!

- Пусть у вас с Люсенькой эта любовь будет на всю жизнь оставшуюся, как у нас с Машей… А портрет-то неплохой получается, не разучились ещё.

На что Нестеров воскликнул с жаром:

- Не щадите меня, Николай Александрович! Не научился ещё. Сам вижу, портрет слабоват по живописи. Но зато похож.

- Похож, это верно. Да и кого винить, коли натура такая! Писали как будто портрет, а выходит натюрморт с сухофруктом.

И оба рассмеялись, хотя ярошенковская «фирменная» шутка оказалась более чем грустной.

Дамы, решив посекретничать с глазу на глаз, окончательно подружились. Мария Павловна и не заметила, как слезы навернулись на глаза, но тут же разулыбалась:

- Это я от счастья за вас, голубушка. Мне вспомнилась моя первая любовь. С Николаем Александровичем мы тогда ещё не были знакомы.

- Расскажите, прошу вас.

Голосок Люси с очаровательным акцентом и серебряными переливами совершенно растрогал хозяйку дачи. Та присела на деревянный «венский» стул и мечтательно запрокинула голову:

- Представьте только, я - совсем ещё молоденькая гимназистка Машенька Невротина, в кроличьей шубке в талию, с муфтой и в шляпке, иду по заснеженной улочке. Тут коляска из-за угла вылетает, я в сторону. Каблучок скользит по льду, и я падаю в сугроб с размаху. Возница осаживает коня, из коляски выскакивает барин - видный такой, красивый, статный. Подхватил меня в охапку, посадил в коляску и спрашивает, куда подвезти. А я со страху и со стыда смеюсь, слова вымолвить не могу… Вот так и познакомились. Мне тогда девятнадцати ещё не было, а ему почти сорок лет. Дворянин, помещик, Николай Алексеевич Некрасов…

Мария Павловна вздохнула и как-то погрустнела.

- Он был женат? - предположила Люси.

- И да, и нет. По крайней мере, он сделал мне предложение, я умирала от счастья. Но… не судьба. Перед самой свадьбой он вдруг говорит мне странные слова: «Девочка моя милая, та, которая полюбила меня первой, чистой, искренней и светлой любовью! Что же я могу дать тебе взамен?» А в глазах такая боль, сомнение и страдание, что у меня сердце зашлось.

- И что же было потом?

- Мы расстались… Я думала, что не переживу этого горя. Зачем это со мной, почему, за что? Жить мне не хотелось, я блуждала по городу, как тень. Не помню себя совершенно в этом состоянии. Знаю только, что до сих пор всё ещё не могу спокойно читать его стихов, ком встаёт в горле, и я словно перестаю дышать... А потом я как-то позировала Крамскому, и судьба подарила мне ещё одну встречу - с Ярошенко. Он был тоже Николаем, и я поняла сразу, что именно он и есть моя судьба. Судьбу ведь не обманешь.

- На всё воля божья, - тихо сказала Люси, и голос её дрогнул. Она подумала вдруг о Нестерове, о том, что их ждёт. Может быть, тоже не судьба?

Через день, когда Люси не была занята в спектакле, она постучала в кабинет антрепренера Тифлисской оперы, помещавшийся за сценой в тес-

ной комнатке. Форкатти с недовольным видом сидел за столом, заваленным бумагами.

- Виктор Людвигович…Синьор Форкатти, мне нужно переговорить с вами.

Люси произнесла его имя на французский лад с ударением на последнем слоге. Отчество, как и его настоящая фамилия Людвигов, выдавали немецкие «корни», но сам он почему-то предпочитал, чтобы его считали итальянцем по фамилии Форкатти, казавшейся ему более благозвучной, а значит - более счастливой. Ведь дела его шли пока из ряда вон плохо.

После слов Люси он вздрогнул, дёрнул плечами, отбросил перо и хмуро взглянул на девушку, вообразив, что она пришла за жалованием:

- Ну что там ещё, синьорина Лючия? Я же сказал, что в конце недели выплачу часть суммы всем актёрам.

Он произнёс слово «синьорина» с некоторой издёвкой, так же намекая на не совсем итальянское происхождение актрисы. Но, смягчившись, пригласил её присесть в кресло напротив.

- Благодарю, синьор Форкатти, я хотела просить вас позволить мне остаться здесь ещё на некоторое время.

Опустив глаза, она теребила в руке кружевной платочек.

- Что-что?

- Мне… я… я не намерена возвращаться в Тифлис с труппой и ухожу из театра.

- Но, позвольте, у нас же с вами контракт до конца сезона! Да что произошло, наконец?

«Итальянец» вскочил и подбежал к девушке, а его чрезмерно выразительная мимика невольно рассмешила её. Люси едва успела платочком прикрыть улыбку и ещё ниже опустила голову. Форкатти рухнул перед ней на колени и схватил за руку:

- Люси, вы себя плохо чувствуете? Но ведь здешний климат ещё никому не навредил! Я вас умоляю, одумайтесь!

- Я чувствую себя превосходно и выхожу замуж, - тихо и совершенно спокойно произнесла Люси, отодвигаясь от Форкатти.

- За кого? - изумлённо выпалил Форкатти.

- За Михаила Васильевича Нестерова. Он - известный художник.

Форкатти подпрыгнул:

- Художник?! Мама-мия! Да вы в своём уме, милочка? Ну и кто мне покроет убытки по контракту? Вы хотите сказать, этот ваш заезжий Микеланджело? Пожалуйста, ради бога! Только где я найду солистку для заключительного спектакля в Тифлисе?

Чересчур эмоциональные и довольно пошлые восклицания сыпались из уст Форкатти, как из рога изобилия, при этом он неистово жестикулировал:

- Нет, это черт знает что! Только не говорите мне, что вы оказались в безвыходном положении, и этот новоявленный Эль Греко обесче-

стил вас. И как только этим старикашкам удаётся уговаривать наивных барышень?

- Это уж слишком, синьор Форкатти, - отрезала Люси, решительно поднялась и прожгла гневным взглядом «итальянца». - Господин Нестеров любит меня, а я люблю его. Мы решили пожениться. Ему тридцать пять, мне - двадцать семь, Что же здесь невероятного?

- Вот именно, синьорина. Вы уже не семнадцатилетняя провинциалка, у которой в голове только ветер и всякие там глупости. У вас есть имя, есть талант, есть опыт. А вы убеждаете себя, что всю жизнь мечтали по утрам в штопанном переднике подавать чай с плюшками этому неудавшемуся Леонардо да Винчи, а по вечерам, скучая и зевая, в домашнем салопе изображать радушную хозяйку салона ценителей деревенского пейзажа? А как же Европа, Милан, Париж, Вена? Ваша матушка отказалась от всего ради театра, а вы!

- Оставьте в покое мою матушку, - вспыхнула Люси и выскочила из кабинета Форкатти.

Из театра девушка сразу же направилась к почтамту и, когда почтальон протянул ей большой синий пакет, присланный до востребования из Парижа, она, не медля, решила прочитать послание. Недалеко от выхода из парка, в тени старой акации пустовала скамейка. Люси присела на неё, вскрыла конверт и погрузилась в чтение.

Мать писала по-французски, что серьёзно больна и не может зарабатывать на существование, что отец давно не живёт с ней и не присылает денег, что он разорился и задолжал крупную сумму, а кредиторы наложили арест на его и так не бог весть какое имущество, что кормилица умерла в прошлом месяце, и похоронена за казенный счет, как нищенка. Тогда мать попыталась обратиться к друзьям отца Люси, представителям российской эмиграции, но там дали понять, что нужны некоторые взаимные обязательства…

Люси не могла уже читать дальше, ибо слёзы покатились по щекам на исписанный чернилами лист, и сразу же пошли разводы. Она сняла пенсне и закрыла лицо платком. Ах, бедная Золушка, это только в сказке она попадает на бал и выходит замуж за принца. Да и Нестеров - разве он принц? Разве сможет он спасти от катастрофы всю её несчастную семью? Разве посмеет она навязать ему свои неразрешимые проблемы взамен той чистой любви, тех светлых чувств, на какие способен этот благородный, этот прекрасный человек? Нет-нет, он ничего не должен знать!

Люси вздрогнула и открыла глаза - прямо перед ней стоял Нестеров в своём итальянском костюме, в «котелке» и с тростью. Он смотрел с таким участием, с такой нежностью и в то же время с твёрдостью, что она тотчас же перестала плакать.

- Михаил Васильевич, простите, чувства переполнили мою душу, я только что говорила с Форкатти, да и новости из Парижа совсем не радуют…

Нестеров присел рядом на скамейку и взволнованно произнёс:

- Так вы говорили с Форкатти? И этот прохвост нагрубил вам?

- Неужели вы собираетесь вызвать его на дуэль? - Люси слабо улыбнулась, наблюдая, как взгляд его темно-серых глаз яростно вспыхивает.

- На дуэль? Слишком много чести! Пойду и набью ему морду.

- Да полно вам, остыньте. Форкатти здесь ни при чём. Для расстройства есть и другие поводы. Ах, оставьте…

Слёзы снова покатились по щекам Люси. А Нестеров вскочил со скамейки и, энергично взмахнув рукой, кликнул извозчика.

- Едемте со мной, - он крепко схватил Люси за руку и направился к коляске, запряженной серой в «яблоках» кобылой.

- Но помилуйте, куда? - Люси подняла на него удивлённые глаза.

- Разве я не говорил, что всегда мечтал вырваться из порочного круга бед - вместе с вами! И на Кавказе, и в Италии, и ещё где-нибудь влюблённые иногда решают сами свою судьбу и бегут от обстоятельств, от враждебного мира, обретая своё будущее. Идёмте же со мной, я увезу вас - пусть не на край света, а всего лишь на окраину Кисловодска, но мы непременно должны быть вместе.

- Разве мои родители не поступили так когда-то? И что с ними сталось теперь? Что будет со мной? А с вами? - воскликнула Люси и поднялась вслед за Нестеровым, который подсадил её в лаковую прогулочную коляску, быстро уселся рядом и скомандовал вознице, неопределённо взмахнув рукой:

- Гони!

И они помчались по пыльной дороге, туда, где неприступной скалой возвышался Храм Воздуха. Раз уж не получается прямо сейчас повенчаться в Никольском соборе, так пусть этот природный храм станет для них священным местом. Отпустив экипаж, Нестеров взял Люси под руку и увлёк её вверх по крутой, извилистой тропинке. Они устраивали передышки, любовались видом на Кавказский хребет и на городок, оставшийся где-то вдалеке, и поднимались всё выше. А воздух становился всё прохладнее, и каждое сказанное здесь слово уносилось вдаль, раздаваясь звонким, хрустальным эхом под беспредельным небесным куполом, залитым солнечным светом.

- Смотрите, Люси, как прекрасно это место, в котором богу было угодно соединить наши земные дороги. Я родился в Уфе, а вы - в Италии. Но мы нашли друг друга здесь, в Кисловодске. И для меня нет на земле места прекраснее, роднее, чем это! Разве способно нас что-нибудь разлучить?

Он повернулся и крикнул, что было силы:

- Э-э-й! Слышите меня? Я люблю вас! Люси-и! Э-гэ-гэй!

Нестеров чувствовал, что в груди его будто клокочет вулкан, ни с чем не сравнимый, ещё не пережитый им даже тогда, когда он был впервые влюблён в будущую жену Машу. Он обещал помнить и любить её всегда, но теперь Люси поселилась в его сердце. Он понимал, что без неё он просто не сможет обитать на этой земле, и жить порознь им теперь хуже, чем вовсе не жить. Когда он обернулся, Люси снова плакала, но теперь уже от счастья.

Вскоре оперный театр Форкатти завершил свои выступления в Кисловодске, и вся труппа собиралась уезжать в Тифлис. Настал последний день гастролей, и Люси пела в заключительном спектакле. Нестеров с Анфимычем преподнесли ей огромную корзину белых роз «от почитателей». Нестеров, теперь уже в присутствии Щербиновского, объявил своей невесте о том, что будет ждать её приезда в Киев сразу же по окончании контракта. А Люси торжественно пообещала бросить сцену и связать свою судьбу с Нестеровым. Правда, она не могла исключить и свою поездку в Париж, чтобы повидаться с матерью и отцом, хотя Нестеров предлагал ей вояж по Европе уже в качестве свадебного путешествия.

На следующий день, по дороге к Минеральным Водам, Нестеров и Люси не могли наговориться, словно спешили сказать друг другу всё недосказанное. Люси словно таяла на глазах с каждой минутой, приближавшей их расставание. Нестеров был тоже сам не свой.

Наконец, подали поезд «Владикавказ-Тифлис». Она шагнула в купе, и всё вокруг словно куда-то испарилось, исчезло, померкло. Раздался третий свисток, состав тронулся. Люси прижалась к стеклу, мертвенно-бледная, и рука её описала в воздухе крестное знамение, которым она осеняла Нестерова и свою любовь, оставшуюся вместе с ним на перроне...

***
У времени свои права.
Угрюмый лес, седое небо,
Полуистлевшая трава -
Притихли до поры без снега…

Когда наступит «белый» час -
Предугадать никто не может,
Но что-то назревает в нас
С предощущением мороза…

Снежинки снятся по ночам
За много дней до снегопада
И приземляются к ногам
Долготерпению в награду.

***
В разгаре лето, здесь -
прохлада…
За сетью тонких паутин
Трава красна от спелых ягод -
За целый год не унести!

Забыто мамино лукошко,
Забыты книги и дела -
Я раздвигаю осторожно
Кусты…
Куда я забрела?..

Так, не спеша, иду по лесу,
А вслед, как мысли, мотыльки…
И возвращаться бесполезно:
Звучат стихи,
Звучат стихи…

***
Молодая Весна!
Да пребудет, стозвонная,
Сто печалей моих
К облакам вознесёт голубым,

Сто потерь заметёт
Нежным светом, зелёная,
Сто забот вмиг развеет,
Как белый струящийся дым.
… К детворе и скворцам
Будет солнце спешить яснооkое,
В дар седым мудрецам -
Песню сложит про душу высокую…
Да пребудет - Весна!

***

Сосулек свечи голубые
Ты нежно трогаешь рукой…
Они недавно ливнем были,
Туманом лёгким над рекой.

Законы естества забавны:
Ничто не исчезает вдруг…
Здесь всё - вторичное, и главное -
Единый нерушимый круг!

Но сколько… сколько превращений
Таит в себе любовь твоя:
Каких обид, каких сомнений?!
Не знаешь ты?
Не знаю я…

***

Ничего не случится…
Только ветер поднимет волну,
Только слёзы мои на ресницах
Я рукой осторожно смахну.

Ничего не случится, я знаю:
Даль речная размоет печаль…
Только горы да тропка лесная
Будут завтра меня встречать.

Ничего не случится со мною,
Может, станет чуть больше тревог…
Также солнце взойдёт над землёю -
Дня прошедшего вечный итог…

***

Сентябрьский дождь прохладно-мягок,
Медлителен, как листопад…
Он пахнет семечками яблок
И шляпками лесных опят.

Под звук его так сладко спится!
Бывает даже, по ночам,
Из сказок бабушкиных принцы
Порой заглядывают к нам.

…Его мелодия простая
Известна всем давным-давно,
Она из неба прорастает
И льётся, льётся мне в окно.

***

Ни звонка, ни телеграммы:
Я вживаюсь в край лесной…
Ты прости молчанье, мама,
Это связано с весной!

Это связано с восходом
Солнца за моим окном…
И с гудками теплохода,
Отошедшего давно.

***

Сиянье утренней земли
нас приближает к совершенству,
чтоб на мгновенье мы смогли
познать величие блаженства:
простых деревьев и реки,
прохладных трав, что под ногами…
Своей гордыне вопреки,
мы вознесёмся над грехами.
Когда ещё нам будет так
и сладостно, и безмятежно,
что никакой внезапный страх
стрелой нас не пронзит, как прежде?!
…Куда идём? Зачем спешим?
Неужто Бога мы стыдимся?
Ведь белокрылый Серафим
с такими рядом не садится…

Замрём же хоть на краткий миг!
Наедине с душой своею
себя послушаем… и мир.
Он станет ближе и светлее.

УТРО ЗИМНЕЕ

Зимний воздух свеж и невесом,
будто он явился к нам из чуда!
Светлой речки синий окоём
озаряет все её запруды…

Там, на взгорье, церковь, как свеча,
куполами издали сверкает,
а при ярких солнечных лучах
красота, наверное, другая…

В целом свете нет такой земли,
где за далью даль встаёт вдали,
манит вечной тайною дорога,
сердце замирает от восторга!

Родина, Россия, ты жива,
И всегда -
воистину -
красива!..
Пусть взлетают в небо кружева
белых облаков твоих, Россия!

… Тишина. Томленье и простор -
и душа в объятьях нежных утра.
Жизнь уже не кажется простой,
коль бесценной кажется минута.

ДЕМОН

Монастырь стоял в шести верстах от города. Он и сам походил на город. Храм на полторы тысячи прихожан с трёхъярусной звонницей, пять корпусов под кельи, двухэтажная больница, две церковноприходские школы, два гостиничных дома для приезжих, двухэтажный корпус для живописи, воскобойный завод, мастерская по изготовлению церковной утвари и ювелирных изделий, водяная и ветровая мельницы, пасека, две маслобойни, скотный двор и многочисленные хозяйственные постройки. Необъятные, богатые урожаем земли благодатью божьей одаривали монашек и юных послушниц за самоотречение от мирской жизни, неугасимую, как лампада, веру, смиренную доброту и покаяние за тех, кто ещё не постиг вечную, православную мудрость бытия. Иоанно-Мариинская духовная обитель была любима всей богатой и сытой, задыхающейся от хлебного изобилия, южной губернией России.

Игуменья Агриппина второй день не находила себе места. Неизвестно куда подевалась её любимая трёхногая, мордочкой похожая скорее на енота, чем на собачонку, маленькая дворняжка по кличке Нюша.

Холодным осенним вечером незнакомая девчушка лет шести принесла к воротам монастыря щенка, перевязанного мокрой от крови тряпицей. Оказывается, отец девочки копал огород и случайно отрубил спящему в зарослях сухой травы, приблудившемуся малышу лапу. Рану обработали, питомца нарекли Нюшей и оставили в только что организованном собачьем приюте. С тех пор матушка в ней души не чаяла. Да и Нюша, казалось, понимала не только слова, но даже и её мысли. А вот теперь куда-то, сердешная, запропастилась. Одолеваемая грустными предчувствиями, настоятельница молила Всевышнего о помощи, уединившись на чугунной скамейке в зарослях густой сирени.

По тропинке, слегка путаясь в чёрном облачении, почти бежала старшая из монахинь, а за ней семенил Гордей Скрынник, ученик и последователь известного

Никиты Филатова - художника, ювелира, чеканщика и мастера фигурного литья.

- Матушка, матушка, вот что ироды окаянные написали, - причитала сестрица, в одной руке держа камень, а в другой кусок серой обёрточной бумаги.

- Да что стряслось, сестра Ефимия? - поднялась со скамейки игуменья.

- Позвольте, матушка, я сам объясню, - вопросил Гордей и, получив утвердительный кивок надменной игуменьи, начал свой рассказ. - Сижу, значит, я в мастерской, форму разложил, латунь для плавки приготовил на новый аналой, как влетает в окно вот этот самый голыш, кувшин для воды глиняный, двухведёрный - вдребезги, ну и стекло, само собой. Я выскочил - никого, только сестра София стадо козье ведёт на скотный двор. Тогда я бумажку-то открыл и прочитал послание. Вижу, вроде как вам оно адресуется. Тут думаю надо вас оповестить, - мужчина протянул обрывок листа с наклеенными на него буквами: «Для Агриппины. Твоя собака у меня. Приготовь пять тысяч рублёв. Тогда Нюшку назад и получишь. Пойдёшь в полицию - Нюшке худо будет, сама увидишь. Жди другого письма. Наблюдатель».

- Видно демоны душу чью-то заблудшую опутали. Прикажи, сестра, лошадей заложить, поеду к владыке за советом, - спокойно распорядилась уверенная в себе женщина, недавно перешагнувшая порог неминуемой старости - своё шестидесятилетие.

Коляска, запряжённая парой бодрых пегих лошадок, быстро катила под гору. У самого железнодорожного переезда пришлось остановиться, ожидая пока минует товарный состав, последний вагон, которого имел зарешечённые окна. Из них через стальные прутья были видны лица арестантов. Они что-то кричали остановившимся у шлагбаума людям в фаэтонах, бричках и подводах. Слов было не разобрать. Обрывки окриков страдальцев разносились по округе, но быстро теряли силу, исчезая в густой зелени вековых дубов Бибердовой дачи. Игуменья перекрестилась и стала усердно молиться за спасение душ православных, преступивших заповеди Божьи.

Архимандрит встретил Агриппину как всегда душевно. Велел приготовить большой самовар. На массивном круглом, сделанном из хорошего морёного дуба, столе словно по мановению волшебной палочки возникали, казалось, из ниоткуда: фарфоровые блюдца с душистым вареньем, стеклянные розетки с майским мёдом, ломтики белоснежного осетинского сыра, красная икра, вперемежку с мелко порубленным зелёным луком, и нарезанная тонкими ломтиками розовая, слегка подкопчённая ветчина. Запахи свежих продуктов перемешивались между собой и ароматным букетом наполняли большую комнату, где владыка по обычаю принимал дорогих гостей. Игуменья скромно отломила маленький кусок нежного хлебного мякиша, запила стаканом холодной родниковой воды и поведала архиерею Агафадору таинственную историю исчезновения любимой питомицы.

- Ну, скажу я тебе, матушка, дело и впрямь серьёзное. Но в полицию пока обращаться не будем. Нечего сор из избы выносить. Слышал я, появился у нас новый адвокат из столицы - присяжный поверенный Ардашев. Человек степенный. Серьёзными, говорят, государственными поручениями раньше занимался. А потом в отставку вышел и к нам пожаловал. Дом купил на Николаевском. К нему многие с делами мирскими обращаются. Ох, и мастер он этих злодеев отыскивать! Правда, оплату берёт немалую. Ну да ладно. Чай мы с тобой тоже Господом не обижены. Я пошлю к нему диакона своего, внесу аванс. А завтра ты уже сама с ним повидаешься, да дельце-то это субтильное ему и расскажешь. В монастыре и прими его. Пусть своими глазами всё посмотрит. Даст Бог, поможет, - с удовольствием прихлёбывая из блюдца горячий чай, рассуждал архипастырь. - А ещё скажу тебе, Агриппина, много ты всякой обслуги в обители Божьей держишь. Не дело это. Монастырь то иноческий, а у тебя и чеканщик, и кузнец, потом этот, как его… художник городской Филатов, а кроме них ещё и сапожник с плотником. Прямо артель целая, а не храм божий. Теперь вот распознай, кто из них вознамерится сие злобное лихо сотворить. Ты уж, матушка, сердце-то сильно не рви. Приедет адвокат, разберётся, - отставив блюдце, владыка вытер бороду салфеткой и поднялся из-за стола, тем самым давая понять, что аудиенция закончена.

…Утро следующего дня выдалось тёплым, и дорога доставляла Ардашеву удовольствие, в особенности, наверное, ещё и оттого, что нанятый фаэтон был на новых металлических рессорах и мягких резиновых колёсах. Такой извозчик стоил дороже обычного, но зато и поездка была намного приятней. Миновав извилистый Ясеновский переезд, дорога вновь поднималась вверх, и оттуда во весь рост открывался величественный Казанский кафедральный собор, колокольней своей обращённый к Богу. А чуть поодаль высилась звонница Андреевского храма.

Присяжного поверенного уже ждали. Молодая, круглолицая, с большими, чёрными, как уголь глазами монашка смиренно поклонилась и повела за собой. С настоятельницей беседовали на скамейке аллеи. Агриппина подробно пересказала адвокату то же что и владыке. Молча передала записку с угрозами и предоставила полную свободу действий на территории монастыря, но с одним условием - повсюду его должна была сопровождать сестра Аглая. Клим Пантелеевич не возражал против эскорта милого и скромного создания. Что же касается самого послания, то буквы были вырезаны из книги духовного содержания, о чём красноречиво свидетельствовал узнаваемый церковный шрифт. Первоначальная догадка о том, что автора письма следует искать среди монахинь, послушниц или наёмных работников, находила своё подтверждение.

Появление на территории незнакомого, видного и щеголевато одетого господина из другой, мирской, жизни привело весь контингент обители в лёгкое замешательство, быстро сменившееся искренним любопытством. Казалось, что все занимаются будничными заботами, но, между тем, особа присяжного поверенного вызывала неподдельный интерес.

Первым делом Ардашев внимательно осмотрел снаружи мастерскую, в которую влетел злополучный камень. Новое стекло уже вставили, а обломки старого заботливо подмели. Но, пройдя под тем самым окном, он услышал под ногами хруст раздавленных подошвами мелких частиц. На дорожке у самой клумбы некоторые из осколков остались нетронутыми. Оказалось, что наиболее мелкие кусочки просто смели на клумбы, поленившись убрать. Вооружившись пинцетом, он собрал стекляшки в спичечный коробок и положил их в карман пиджака. Сестра Аглая с интересом наблюдала за манипуляциями странного господина.

Зайдя в мастерскую, Клим Пантелеевич увидел за столом местного умельца, сосредоточенно покрывающего семисвечник серебрянкой. Приняв адвоката за полицейского, Гордей, едва заметно заволновался, не зная, куда деть жёлтые от кислотных пятен руки, но потом спокойно пересказал историю о влетевшем в окно камне. Остатки разбитого кувшина он уже выбросил. Место, где он находился в тот момент, когда в него попал брошенный с улицы булыжник, мастер показал сразу, добавив, что эта пустая двухведёрная глиняная ёмкость всегда находилась у стены за печным выступом, поскольку в комнате места и так маловато.

- Вот тут он стоял. Я слышу - «бах!», смотрю стекло навылет и кувшин вдребезги, - почёсывая окладистую бороду, картинно излагал мастер. От недавно потушенной печи исходил жар, и оставаться в мастерской не хотелось. Клим Пантелеевич с удовольствием вышел на воздух.

До кузнечной мастерской сестра провела Ардашева узкими окольными тропинками и опять осталась ждать, не заходя вовнутрь помещения. Беседа с кузнецом Никифором Загиловым новых открытий не принесла, поскольку вчера он весь день провёл в кузне и только вечером окончил работу. Никифор с большой неохотой разговаривал с Ардашевым, всем своим видом, показывая, что ему некогда заниматься пустой болтовнёй. Человеком он был не молодым, но ещё сохранившим силу и точный глазомер - два незаменимых качества профессии коваля. Внизу, поодаль, лежала кучка голышей. Как он объяснил - это речной камень, необходимый ему для домашней баньки. Обычный камень использовать для парной нельзя, потому что если его раскалить, а потом плеснуть ковш холодной воды, то от разницы температур он разлетится на мелкие кусочки не хуже любой бомбы.

А вот сапожник Варфоломей Тихонов кое-что припомнил. Ещё утром у него закончились подмётки, и он отправился на склад мимо мастерской, где изготавливали разную церковную утварь. Уже обойдя её, он услышал то ли звон разбитого стекла, то ли звук брошенного камня, а может и то и другое вместе, но не придал этому никакого значения. Потом обернулся и заметил удаляющуюся по дорожке фигуру художника Филатова, быстро исчезнувшего в зарослях сирени.

Аглая вошла в художественную мастерскую вместе с Климом Пантелеевичем и, слегка улыбнувшись, молча поклонилась известному в губер-

нии иконописцу. На вопросы адвоката Никита Самойлович отвечал с плохо скрываемым раздражением.

- Какое вам дело до того, где я был вчера. Если вы меня в чём-то подозреваете, так прямо и скажите, - горячился Филатов.

- Меня интересует только одно, куда вы направлялись утром, проходя мимо мастерской Скрынника? Отрицать очевидное бессмысленно, поскольку вас видели, - настаивал адвокат.

- Да, я действительно вчера решил прогуляться по парку, просто потому что испытывал нехватку творческой фантазии. Когда я уже миновал мастерскую Гордея, где-то далеко позади, я услышал что-то похожее на звон рассыпавшихся стёкол, но особенного внимания этому я не придал, - теребя не по годам курчавую шевелюру, объяснял руководитель художественной мастерской.

- А скажите, сестра, когда заканчивается утренняя молитва? - озадачил монашку внезапным вопросом Ардашев.

- До девяти - ответила Аглая, и, смутившись, поспешно вышла.

- А что Скрынник, ремеслу-то своему у вас обучался?

- Да, сирота он. Был когда-то учеником в моей мастерской рядом с Казанской площадью, потом смотрю, очень нравится парню с металлом возиться. Гравировку делал замечательную, а пишет - что рисует. Вот я и посоветовал ему технику художественного литья освоить. А чеканку и золочение он уже сам постиг. В монастырь я пришёл вместе с Гордеем ещё в девяносто восьмом, а теперь к нему со всей губернии заказы везут. Недавно дозволил ему своё клеймо на изделиях ставить. А он отказался. «Вы, говорит, меня из нищеты вытащили и тем по гроб жизни вам обязан. Ваше имя, учитель, и есть моя марка» - слегка поостыв, спокойно объяснял Никита Самойлович.

В четыре часа зазвонили к вечерне. Малые колокола на звоннице запели частым и весёлым, почти детским голосом, а за ними ударил большой хозяин-колокол и спугнул диких голубей, которые, громко хлопая крыльями, полетели куда-то через парк прямо к Члинскому лесу.

«Ну что ж, ситуация понятна. Вымогатель допустил два непростительных ляпсуса. Но не стоит торопиться, завтра я заставлю его ошибиться и в третий раз. Вот тогда мышеловка и захлопнется. Надо же, кто бы мог подумать?.. - рассуждал Ардашев, открывая коробочку любимого монпансье. Адвокат не заметил, как за его спиной мелькнул чей-то тёмный силуэт.

Но судьба распорядилась по-другому. И новый день опять начался с происшествия, которое по своей жестокости и цинизму заставило вздрогнуть даже бывалого жандармского ротмистра Владимира Карловича Фаворского - начальника Ставропольского отделения жандармерии, вызванного в монастырь негласным доносчиком охранки.

А дело было так. Игуменья, как всегда, после молитвы вышла к своим собачкам, а навстречу ей прямо из кустов с громким лаем неслась маленькая лохматая дворняжка Пчёлка с привязанным к туловищу пакетом. От

свёртка отходил длинный шнур, который дымил, искрился и шипел. Слава Богу, ночью прошёл дождь, и собачонка от страха забежала в большую лужу, где фитиль стал гореть медленнее. Бесстрашная настоятельница оторвала шнур, сбросила пакет, а «Пчёлку» взяла на руки и от себя уже не отпускала. Благодарная собака лизала спасительнице руки. Под ошейником у дворняжки была прикреплена обёрнутая в марлю записка: «Сегодня в восемь вечера приди к дому № 26 по Казачьей улице. В открытую форточку брось деньги. Собаку получишь через час. Если обманешь, разлетится твоя Нюшка на мелкие кусочки, как нынче эта дворняга. Наблюдатель».

Где взрывчатка, там уже затронута безопасность и спокойствие государства - самой большой в мире Империи, а стало быть, это компетенция уже не сыскной полиции, а жандармского отделения. Поэтому-то и сидел уже второй час Фаворский в монастырской комнате и детально выспрашивал настоятельницу о происшедшем. Судя по вопросам, тайный доносчик успел подробно ввести ротмистра в курс дела, и некоторые откровения чиновника были для игуменьи новостью.

- Известно ли вам, матушка, что художник Филатов тайно встречается с сестрой Аглаей? В день, когда вам подбросили первое послание, они целовались на скамейке под старыми липами, - приоткрывал завесу над ещё одной тайной незваный гость.

- Час от часу не легче, - охала Агриппина и взмахивала руками.

- А знаете ли вы, что сапожник Варфоломей Тихонов выносит домой изготовленные в монастыре женские туфли, которые потом его жена продаёт на Нижнем Базаре? - невозмутимо продолжал Владимир Карлович.

- Ни за что не поверю. Быть такого не может. Ведь воровство - грех великий, - горестно выговорила матушка.

В дверь постучали. Агриппина обрадовалась, увидев вошедшего Ардашева. Экзекуция вопросами и разоблачениями дорогих её сердцу людей, слава Богу, закончилась. Фаворский, давний соперник присяжного поверенного в «русскую пирамиду» и «алагер», радостно приветствовал адвоката.

- Ну, Клим Пантелеевич, предлагаю пари на красненькую, кто вперёд бомбиста изловит. Принимаете?

- Отчего же не принять, Владимир Карлович. Только разрешите для начала свёрточек полюбопытствовать.

- Да вот, пожалуйста, смотрите, вон он, на столе лежит.

Ардашев внимательно осмотрел пакет из плотной промасленной бумаги, вынул миниатюрный складной, состоящий из двенадцати предметов, перочинный нож, немного надрезал оболочку и, взяв на кончик лезвия желтоватый порошок, попробовал его на вкус. «Кисло-горьковатый характерный привкус. Ну вот, теперь мышеловка захлопнулась», - улыбнувшись, подумал адвокат.

Ход дальнейших мероприятий по изобличению преступника для Фаворского был ясен. Следуя этому плану, задолго до назначенного времени, в соседних домах расположились переодетые жандармы и полицейские

филера, а сам руководитель операции притаился в каморке истопника, готовый в любой момент настигнуть жестокого вымогателя.

Ровно в восемь игуменья подошла к дому № 26 по Казачьей улице и, бросив в открытую форточку пять тысяч бумажными купюрами, удалилась. Матушка нарушила наставление жандарма и, вместо переданной ей денежной куклы, рассталась с настоящими деньгами, полагая, что если вдруг ротмистр потерпит неудачу, то преступник, получив всё-таки выкуп, сжалится и вернёт Нюшку.

К дому никто не подходил. Прождав ещё шесть часов, уставший сидеть в засаде, измученный сомнениями, начальник жандармского отделения приказал взломать навесной замок на входной двери и обыскать полуподвальное помещение.

Надо сказать, что комната, в которую бросили свёрнутые трубочкой деньги, была достаточно большой, примерно в десять квадратных саженей и совершенно пустой. Но под старой половицей имелась крышка погреба. Фаворский, с зажженной свечой спустился по обвалившимся земляным ступенькам вниз и нашёл в углу подвала подземный ход, по которому мог пройти, не пригибаясь, взрослый человек. Офицер двигался в кромешной темноте, и только слабый отблеск свечи указывал направление. Сырая подземная галерея скоро закончилась, и ротмистр уткнулся в запертую снаружи дверь. Как потом выяснилось, ход соединялся с ледником соседней усадьбы, находящимся примерно в пятидесяти саженях от злосчастного дома. Тут же у двери валялся завязанный мешок, который начал оживать, двигаться и скулить. Открыв его, Владимир Карлович увидел исхудавшую, но живую собаку с тремя лапками. Денег в комнате не было.

Это был не просто провал - дело попахивало отставкой. Над ним будет потешаться не только полицмейстер, а ещё и коллеги из Терского жандармского управления. Но, как ни крути, а к настоятельнице ехать было надо.

Монастырь встретил Фаворского такими приветливыми возгласами, что он даже немного оторопел от неожиданности, но потом понял, что радуются не ему, а Нюшке. У любимой беседки Агриппины, казалось, собрались все, кто, так или иначе, знал о случившемся происшествии. Собачонку передавали друг другу, и от этого она нервничала и жалобно скулила, но, попав в привычные тёплые руки матушки, успокоилась.

- Ну, что дорогой Владимир Карлович, афронт? - слегка улыбаясь, по-доброму поинтересовался Ардашев.

- Да уж, положеньице-то хуже губернаторского, - смущенно отмахнулся ротмистр.

- Как вы знаете, я провожу частное расследование по просьбе настоятельницы здешнего монастыря и могу лишь указать на преступника, а для его задержания полномочиями я не наделён. Стало быть, злоумышленника предстоит арестовывать именно вам. Так что всё не так уж плохо, учитывая, что любимая трёхногая питомица игуменьи цела и невредима - подбодрил молодого приятеля Ардашев.

Тридцатидвухлетний Фаворский сменил прежнее руководство всего пару лет назад, приехав в Ставрополь после беспорядков 1905 года, и в короткие сроки сумел создать широкую сеть осведомителей. Именно благодаря его кипучей деятельности, губернию миновали так называемые эксы, от которых задыхались Тифлис, Москва и даже Петербург.

- Матушка, позвольте мне закончить расследование, - тихо проронил Ардашев, и в беседке воцарилась мёртвая тишина. - Поскольку преступник чрезвычайно опасен, я прошу арестовать его незамедлительно. Это сидящий напротив вас Гордей Скрынник.

- Как вы смеете оговаривать честного человека! - возмутился мастер, но ротмистр уже проворно защёлкнул на его руках ручную цепочку.

- Не человек ты, а демон, - растеряно проронила игуменья.

- Признаться, господа, я с самого начала заподозрил Скрынника в преступлении, поскольку обнаружил кусочки разбитого стекла на клумбе, а там они могут оказаться лишь в одном случае - если камень бросили не снаружи, а изнутри, что впоследствии подтвердилось показаниями случайно проходивших мимо свидетелей - иконописца Филатова и сапожника Тихонова. Кроме того, влетевший голыш уже потратил достаточно энергии, и у него не хватило бы силы разбить двухведёрный, толстостенный глиняный кувшин, в довершении ко всему ещё и пустой. Я не говорю уже о фантастической траектории полёта, согласно которой камень должен был бы достать сие гончарное изделие за печным выступом. Но пойдём дальше. Поскольку Скрынник был гравёром, то имел своеобразные особенности почерка и, чтобы не быть разоблачённым, решил вырезать буквы из молитвенника, а потом наклеил их на бумагу и устроил инсценировку с влетевшим в комнату булыжником. Только вот вместе с буквами к бумаге прилипли едва заметные, но хорошо различимые через увеличительное стекло частички серебрянки, которой пользовался умелец. Единственное, чему вчера я не мог найти объяснения - это характерным жёлтым пятнам на его руках. Но теперь всё стало на свои места. Используя печь, Гордей тайно готовил в мастерской взрывчатку, а именно нитрат целлюлозы, имеющий цвет сливочного масла и кисло-горький специфический привкус. По взрывной мощности его состав примерно в четыре раза сильнее обычного порохового заряда. Кстати, именно на этой основе изготавливается популярный у охотников бездымный порох. Процесс получения опасной взрывчатой смеси чрезвычайно прост, но я не буду утомлять вас рецептом приготовления смертельного «пирога», скажу лишь, что для этого используется азотная кислота. В результате чего от неё и остаются химические микроожоги на руках в виде жёлтых пятен. Они-то и выдали преступника. Но, если вы хотите получить последнюю улику, то я рекомендую просто отрезать маленькую прядь окладистой бороды Гордея и погрузить этот клок волос в чистый спирт, потом слить содержимое в стеклянный сосуд и дать жидкости испариться. И я уверяю вас, через некоторое время в осадке останется толстый слой нитрата целлюлозы, идентичный тому, который содер-

жится в неразорвавшейся бомбе. Произойдёт это потому, что человеческие волосы, а тем более борода, представляют собой своего рода губку, впитывающую пылеобразующие вещества, а к ним относится и это химическое соединение. Что же касается адреса, куда требовалось принести выкуп, то это помещение бывшей мастерской художника Филатова, где десять лет назад работал подмастерьем юный Гордей. Именно поэтому он прекрасно знал о существовании тайного подземного хода, вырытого ещё казаками при основании станицы, для того чтобы укрывать свои семьи от внезапных набегов горцев. А теперь, матушка, разрешите откланяться, - вежливо попрощался с игуменьей адвокат и медленно пошёл, выбрасывая вперёд трость, к главным воротам святой обители.

- Храни тебя Бог, - настоятельница трижды перекрестила Ардашева в спину и задумчиво проронила, - нелегкий путь предстоит тебе пройти вместе со своим народом.

Игуменья Агриппина славилась даром прорицания, и ясным февральским днём 1917 года, перед самой смертью, благодарила Господа, что не увидит разорения родного монастыря и поругания святых православных традиций.

ОСЕНЬ

Шорох осенних листьев,
Шёпот увядших трав.
Осень идёт по-лисьи,
Прячась в ветвях дубрав.

Золотом одевая
Кроны лесных берёз,
Ласково напевает
Песню осенних грёз.

Тонкие паутинки
В добрых её руках.
Маленькие слезинки
Прячутся в облаках.

Тихо её попросим:
Дольше не уходи,
Мы ведь не знаем, осень,
Что же там, впереди.

ОСЕННИЙ СОНЕТ

Картиной милой каждого пленит
Осенний лес, его берёз сиянье
На фоне неба и очарованье
Осин и клёнов, трепетных ракит.

Ведёт тропинка, как музейный гид,
Всё глубже в чащу, ручейка журчанье
Ласкает слух и радует сознанье.
Какой божественный открылся вид!

Но звёзды в небе зажигают свечи,
Становятся таинственными речи,
Прозрачны и спокойны вечера.

Таится тишина в еловых лапах.
А во дворах - костров горящих запах,
И рвутся к небу искры от костра.

ДОЖДИК

Дождик стучится в окошко,
Скучно ему и темно.
Я погрустила немножко,
Глядя на дождик в окно.

Милый, забавный ребёнок,
Он нагулялся, устал,
Что-то бормочет спросонок
Из-под больших одеял.

Тучи - его одеяла,
Полночь, как добрая мать,
Мягко его укрывала
И уложила в кровать.

Только не спит шалунишка,
Прыгнул и снова ко мне.
Как непоседа-мальчишка
Вертится в тёмном окне.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Дождь весенний по прозрачным лужам
Барабанил лёгкое стаккато.
Он пришёл на смену зимним стужам,
Он искрился, торопясь куда-то.

Серебристое его круженье
Озорным и беспокойным было.
Дождика короткое движенье -
Будто время, что, как миг, уплыло.

Дождь весенний вновь ко мне вернётся
Ненадолго, на одно мгновенье.
Радостью нежданной отзовётся
Лёгкого дождя прикосновенье.

***

Аромат акаций белых
В тёплом воздухе витает.
В дальний край берёз несмелых
Лёгкий ветер улетает.

Он в окошко постучится,
Пролетев над облаками.
Беспокойной белой птицей
Будет ветер между нами.

Ветер (не обман ли это?)
Принесёт сквозь расстоянье
Тёплой весточкой привета
Не письмо - твоё дыханье.

***
Тёплый свет от осенних берёз,
Будто лета ушедшего память.
Может, завтра ударит мороз
И кружить будет снежная замять.

Но пока жёлтых листьев тепло
Средь сиреневых сумерек светит,
Забываешь колючее зло,
Растворяясь в сияющем свете.

Золотое свеченье берёз -
Благодарная память о лете…

МИНУТЫ

Свежий запах цветов - белых роз
и лиловой сирени,
Лёгкий ветер в окне занавеску
качает слегка.
Тихий сумрак вечерний, туманные
милые тени,
И созвучья стихов создаёт
на бумаге рука.

Всё как будто застыло, и в сумрачном
смутном покое
Ни тревоги, ни бед, лишь минуты
неслышно бегут.
Очень редко бывает небесное
чувство такое -
Ощущенье величия этих
прекрасных минут.

***
Майской ночью дождь умыл листву,
Ливнем пробежался по дорожке,
Помаячил до утра в окошке,
Пошумел и спрятался в листву.

Ты проснёшься - будет новый день,
Ароматом сада напоённый.
Лес нарядный, празднично-зелёный
Позовёт тебя на отдых, в тень.

Будет сочной свежая листва,
Птицы будут петь неугомонно,
Но одну из них, на ветке клёна,
Звонкую, заметишь ты едва.

Будто в рифму запоёт она.
Пусть поёт, ведь хор многоголосен.
Среди клёнов, и берёз и сосен
Поселилась яркая весна.

Но уходит май моей мечты,
Как всегда, загадочно чудесен.
Обещаю: много новых песен
Звонких, радостных услышишь ты.

Выбирай - любую пропою,
Мне не трудно говорить стихами,
А беседовать с тобою… с Вами -
Всё равно что птице петь в раю.

РОМАШКИ

Большие белые ромашки
Глядят весёлыми глазами.
Большие белые ромашки,
Я, как всегда, любуюсь вами.

Растёте не в оранжереях -
Вас солнце ласковое греет.
Над вами, плача и жалея,
И дождик льёт, и ветер веет.

Красавицы, не замарашки,
И глазки светят золотые.
Большие белые ромашки -
Любимицы святой России.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Как в России светло от берёз,
Чудодейственных и белоствольных!
Вижу в них я сестёр богомольных
С нежной мягкостью шёлковых кос.

В них - сибирское детство моё,
Очень доброе, очень родное,
Искромётное и озорное -
То, что лучиком в сердце поёт.

Детство пряталось в чащах лесных
И прогретых на солнце полянах,
В росных травах, закатных румяных,
В хвойном духе сибирской сосны.

Даль таёжная, синий утёс…
Я богаче не знаю наследства.
Мне светло в окруженье берёз,
Мне так радостно в памяти детства.

***

Ты поднимешься, Русь, из разрухи и пепла
И, кресту поклонясь, зашагаешь вперед.
Ты вставала всегда, ты мужала и крепла,
У тебя самый лучший на свете народ.

Ты поднимешься, Русь, восстановишь святыни
И поймешь, в чем глубинная русская суть.
Духом Правды и истины, но не гордыни
Препояшешь себя в этот праведный путь.

Ты поднимешься, Русь, нет ни тени сомненья.
Хватит злобные окрики русским бросать.
У великой страны велико назначенье -
Мир, во злобе лежащий, молитвой спасать!

***

Среди неискренних рулад,
Звучащих более чем странно,
Поет душа на русский лад,
Поет и плачет покаянно.

Не прерывайте песни той,
И мир незримый сохраните
С его добром, с его мечтой, -
Он хрупок, словно солнца нити.

В нем светел Книги книг оклад.
В гармонии молитв и звонов
Среди разлада, войн и стонов
Поет душа на русский лад!

МОЯ СТЕПЬ

(главы из повести)

О широкой, раздольной степи и не только ставропольской, всегда вспоминаю с теплотой и нежностью. Далеко не вся моя жизнь была связана со степными просторами. Были в ней и «морской», и «лесной», и даже «горный» периоды, но лучшие из них - степные, от ребячества и до старости.

Нет, я говорю не о проживании в степных краях. Можно прожить всю жизнь, но так и не узнать, не увидеть степь весеннюю, половодную, когда в ней пробуждается вся живность и дивная растительность, степь летнюю, выжженную нещадным солнцем, окутанную призрачным полотном марева, печальную - осеннюю, с увяданием и прощальным приветом неутомимого жаворонка, и пронизанную непогодью - зимнюю, с ветрами, снежными буранами, а то и холодными затяжными дождями.

Впервые ставропольскую степь я увидел летом пятьдесят четвёртого, когда моя семья переезжала с родной Саратовщины на Ставрополье - родину отчима Константина Андреевича Малярова.

От станции Кавказской до места назначения села Казгулак, тогда Петровского района, мы со всеми своими пожитками ехали на грузовике. Мы - это мама Прасковья Захаровна, отчим, мои братья Фёдор и Александр, которым не было и по году, и ваш покорный слуга, восьмилетний пацан.

Какую-то часть пути ехали степью, не просто чистым полем с пашнями и огородами, а именно первозданной степью с волнами ковылей, с одинокими курганами, орлами, нехотя взлетавшими с их маковок, плавно набиравшими высоту и оттуда, распластавшись широкими крыльями, они парили, зорко оглядывая свои земные владения.

А вдоль проселочной дороги там и тут столбиками возникали у своих нор забавные зверьки - суслики. Некоторые при нашем приближении тут же ныряли в свои

укрытия, но были и отчаянные или без меры любопытные, которые во все свои чёрные глазёнки смотрели на вонючее чудовище - машину.

Удивляло многое. Огромные сёла, каких я не видывал на своей малой родине, сады, бесконечные виноградники и бескрайние, уже сжатые поля, но ещё заставленные многочисленными копнами соломы. Таких полей я не видывал на своей Саратовщине. Тогда я ещё мало что вообще видывал.

И родное село отчима, раскинувшееся в низине, удивило своим размахом. А окружала село все та же первозданная степь. Позже, в конце шестидесятых, в начале семидесятых, когда появилась могучая тракторно-машинная техника, возделанные земли подступили, что называется, к самым порогам сельчан. А в те, пятидесятые, вольных земель хватало.

***

Наверное, моё знакомство со степью произошло не сразу и то были не самостоятельные выходы. Нашими соседями была большая семья Винниковых, кроме родителей, состоявшая из четырёх сестёр и трёх братьев. Братья Витька и Жорка были уже подростками, а Вовка мой тёзка и мой ровесник. С Вовкой мы дружили, а вот его братья мне и ныне поминаются недобрым словом. Много я от них натерпелся в детстве.

Братья Винниковы водили тучу голубей. Если они поднимали в небо всю свою огромную стаю, то к ней обязательно прибивались чужаки. Голубей в селе водили и болели ими не только пацаны, но и взрослые дядьки. Многие занимались голубями не только для забавы. Винниковы кушали их едва ли не каждый день. А прибившихся, за редким исключением, обязательно ожидал большой семейный котёл.

Надо ли говорить, что голубями на свою беду заболел и я. Развести собственную стаю была моя так и несбывшаяся мечта. Чего я только не проделывал, чтобы заполучить пару-другую голубей. Голуби стоили денег. Денег не было. Откуда, если колхозникам-родителям платили по трудодням только в конце года. Жили, в основном, своим натуральным хозяйством и если появлялась какая копейка, то опять же, с продажи домашней продукции. Мы, пацаны той поры, выкручивались - воровали дома куриные яйца, сдавали их огромному дядьке, безрукому Куценке, инвалиду-фронтовику, разъезжавшему по селу в маленькой повозке на ишачке. И тем самым приобретали у него пятаки и папиросы «Огонёк»-гвоздики, самые дешёвые, стоившие пару яиц за пачку. Благо, кур водили помногу, они вольно гуляли и неслись славно.

Как-то меня угораздило забраться в древний сундук бабушки Гашки - матери отца. В сундуке я обнаружил изрядную стопу ассигнаций. Не знаю, были то царские деньги или ранние советские. Помню, бумажки были большие и ярко раскрашенные. Позже Константин Андреевич в юморных тонах рассказывал приятелям, что я отхватил у бабушки без малого миллион. Но не говорил, как жестоко отодрал меня за те бумажки. За тот миллион я купил у кого-то из польстившихся на картинки голубятников пару си-

зарей. Как водится, повязал голубям крылья, чтобы они не летали и пустил в сарай. Для привыкания птицам нужно время и чем моложе голубь, тем он скорее привязывается к новому месту. Но если тебе подсунули старых голубей, то, освободив им крылья от пут, только ты их и видел.

Конечно, мне не терпелось поднять собственных голубей на крыло, но едва они взлетели, как тут же оказались на крыше соседей, среди чужих голубей. Просил Жорку, наиболее жестокого из братьев Винниковых, отдать моих голубей. Куда там! Более того, вечером, когда голуби усаживались на насест, Жорка позвал меня к каменной изгороди, разделявшей наши дворы.

- Гляди, Малярчонок, - смеясь, Жорка достал из-за пазухи мою голубку, заложил головку птицы между пальцами, резкое движение рукой и у Жорки между пальцами осталась головка, а тело уже трепыхалось на земле. Та же участь постигла и голубя.

- Хорошая лапша нынче будет, - издевался Жорка.

Наревелся вдоволь в огороде под старой грушей, да и оставил в сердце свои печали. Не пожалуешься, тем более, что мои домашние были против моего увлечения голубями, в особенности, бабка Гашка. Она, конечно, обнаружила пропажу своего миллиона, слёзно пожаловалась своему Костюше. Последовала жестокая порка, тогда дело обычное.

Отвлёкся. Ещё одна доходная статья пацанов была охота на сусликов. Их выливали из нор водой, но чаще добывали капканами, которые можно было приобрести в заготконторе. Старшим пацанам капканы давали даже в кредит. Ловля сусликов поощрялась колхозным руководством. Зверьки наносили ощутимый урон зерновым полям.

Я начинал охоту на сусликов в подсобниках у тех же братьев Винниковых. Их отец, дядя Антон, работал в колхозе ездовым на паре лошадей. Во дворе соседей стояла одноконная повозка с железной бочкой. Иногда братья запрягали одну из отцовских лошадей, заполняли бочку водой и отправлялись в степь «по суслики», так говаривали старожилы. И я увязывался с ними.

Работы хватало. Мы с Вовкой таскали вёдра с водой, находили новые норки, били колотушками по мокрым головам ошалевших от потопа сусликов. Витька и Жорка тут же ловко снимали со зверьков шкурки. Помнится, платили в заготконторе за шкурки немного, ну, а если шкурок набиралось много…

Десяток капканов мне подарил отец. Против охоты на сусликов он ничего не имел. И первой же весной, когда я учился в классе третьем-четвёртом, мы ватагой - человек пять, отправились в степь «по суслики».

***

И сейчас помнится то необъяснимое чувство восторга, наслаждение волей в совместном походе пацанов. Степь кругом! Не надо прятать в рукав окурок папиросы, сколько угодно ругайся матом и никто из взрослых тебя не услышит, не увидит и не поймает за ухо. И это чувство свободы переполняло каждого из нас.

Отойдя от околицы села несколько километров, мы принимались искать укромное место для стана. Обычно находили небольшую балочку, в которой сбивался по осени курай-перекати поле, в ней и располагались.

Первым делом натаскивали курая на подстилку - земля ещё изрядно холодила, и для костра. Потом каждый начинал заниматься своим делом. Разбредались со связками капканов по степи в разные стороны в поисках суслиных нор. Кому удавалось загнать суслика в нору, что называется, живьём, считай почти сто процентов - есть шкурка!

Капканы ставились без приманки. У норки ножом или руками разрывалось углубление, в него ставился снаряженный капкан, бывало для верности над норкой с одной стороны накладывался козырёк, чтобы суслик вылазил из норки именно в сторону капкана, а не от него.

Спустя час-полтора вновь собирались на стан. Разжигали костёр. Курая надо было много. Сухой, он сгорал быстро, но давал щедрый жар. На палочках, прутиках поджаривали сало. Без сала и краюхи хлеба в степь - ни ногой. Когда нагорало изрядно золы, закладывали в неё картохи.

Занимался день - яркий, солнечный. Насытившись, лежали на тёплой подстилке, покуривали, курили почти все, бездумно глядели в голубые небеса и слушали степного глашатая, неприметную птаху - жаворонка, с его долгой, никогда не надоедающей однообразной песней. Кто-то незаметно задрёмывал. Подниматься «по суслики» приходилось далеко до восхода солнца.

Потом наставал самый волнующий момент - проверка капканов. Кому повезёт? Можно было ещё на подходе к норке, обозначенной горкой земли, увидеть трепыхание зверька в капкане. Попадался чаще всего за лапку, а то и головой - немучительная мгновенная смерть. Случалось, незакреплённый колышком капкан зверёк оттаскивал далеко от норы.

Вновь сходились на стан. Кто-то хвалился богатыми трофеями, кто-то, менее удачливый, помалкивал. Снимали шкурки, тушки выбрасывали хищникам, коих в степи хватало и пернатых, и бескрылых.

Иногда поджаривали на прутиках филейные части зверьков, но домашнее сало вкуснее.

Ставили капканы на тушканчиков, этих местных кенгуру. Тушканчик более крупный зверёк с длинными задними конечностями, чаще ловился в ночное время. Летом бывало оставались промышлять с ночёвкой. И верхом добычи, но редкой, случалась поимка хорька. Красивого и очень свирепого зверька. Палец может отхватить запросто. Шкурка хорька стоила дорого. Поймать хоря - мечта каждого пацана-добытчика, мне посчастливилось лишь однажды.

***

В конце мая в школу наведывался кто-либо из колхозных правленцев, а то и сам председатель. Каждый раз говорилось одно и то же, как трудно приходится нашим отцам и матерям колхозникам. Мы и сами о том знали не

понаслышке. Старшие ребята приглашались в полевые бригады прицепщиками, девочки в женские бригады на прополку полевых и огородных культур.

Чуть позже была создана ученическая бригада с землёй и техникой. Мне в ней поработать не довелось. Отец считал, что в ученической бригаде баловство, а не работа. Там соблюдали дисциплину, много отдыхали, занимались спортом и вообще жили по удобному распорядку.

Не оставались без внимания и более младшие классы - четвёртый, пятый, шестой. Наиболее крепкие пацаны приглашались на стрижку овец, а их в колхозе были многие тысячи. Маточные отары находились дома, то есть на колхозных угодьях, при кошарах вокруг села. А вот валушиные отары (валух - кастрированный в младенчестве баранчик) за сотни вёрст от села, в калмыцких степях, на так называемых Чёрных землях, где ставропольским колхозам были нарезаны участки под отгонные пастбища. Почему - Черных землях? Точного определения не знаю. Земля в тех краях вовсе не чёрная, а сплошной песчаник. Там случались ужасные песчаные бури и зимние бураны, и бывало многие чабаны гибли вместе с овцами, оттого, может, и прозвали те печальные земли - Чёрными.

Туда каждую весну формировалось звено водоносов из четырёх-пяти пацанов. И я там побывал водоносом дважды, а то и трижды. Коварная работа, но об этом позже.

Ехали на свой участок долго - целый день. И всё степью. Ехали на грузовом, а то и двух ГАЗ-51 - мужики-стригали, механики, прессовщики, электрики, женщины-руноносицы, и мы, пацаны-водоносы.

В каждом селе следовала остановка с перекуром. Мужики спешили в чайную попить пивка или в магазин за водкой. Женщины разбредались по магазинам, разминались и мы.

По всей степной трассе запомнились остановки в Летней Ставке, Владимировке, Арзгире и последняя, перед «гольной» степью с редкими кошарами, в Турксаде.

У нашего колхоза на отгонных пастбищах стояли свои глинобитные кошары, крытые камышом, было и своё Центральное - несколько мазанок под склады и жильё представителю колхоза и его помощникам.

На отгонных пастбищах постоянно рос и креп колхозный табун молодых лошадей для пополнения и ремонта тягловой силы колхоза. Лошадями и волами тогда ещё делалось много работы. Считай, у каждого чабана было по три-четыре лошади да пара-две волов. Нередко вместо волов трудились верблюды. Особо сильные животные чабанам нужны были при переездах с точки на точку, волы таскали огромные водопойные деревянные бочки, арбу - чабанский домик на колёсах.

Калмыцкая степь заметно отличалась от ставропольской. Ковыля здесь колыхалось безбрежное море, а вот земли были скудны. Наши машины тонули в песке. Со стороны казалось, что по глубоко просевшей дороге движутся одни кузова без колёс, словом, не разгонишься.

Кое-как доползали до своего Центрального. Здесь нас ждали. Понаехало народу с чабанских точек, верхами прискакали табунщики. Как водится, началась гульба, трясли кладовщика, копались в собственных сидорах, доставая сало и водку.

***

Лишь однажды мне повезло на летних каникулах. Помнится, окончил тогда седьмой класс. Отца направили табунщиком на Чёрные земли. В своей корявой писульке к матери он сообщил, что есть место у табуна. И с очередной машиной на Черные земли я прибыл на наш колхозный участок.

Пожить рядом с лошадьми - моя давняя мечта! У табуна два человека - мой батька и его помощник - Слюнявый Петя, фамилии не помню, а прозвище - Слюнявый - он получил за толстогубый, вечно мокрый рот. Пете за тридцать, но для всех, в том числе и для меня, он просто Петя. Петя никогда не женился и к девкам был равнодушен. Когда-то он работал на молочной ферме пастухом, так девки-доярки, повалив дюжего пастуха наземь, из любопытства проверили, на месте ли у него в штанах мужские причиндалы. Оказалось, на месте, и другой бы им позавидовал, а вот ходу своему достоинству Петя не давал, чем вводил девок в заблуждение. Больной или как? Также в армии, в самой ГДР, три года отслужил! А тогда отслуживший в армии - потенциальный жених.

Ещё у Пети была видавшая виды гармонь и он любил по вечерам, сидя на завалинке хаты, во всю глотку распевать озорные частушки, вроде:

Пригласила тракториста,
Налила ему грамм триста.
Зря поставила вино -
Не завёлся всё равно!

Было у него и одно непривлекательное достоинство - он мог на спор перепить любого, даже моего батьку. В основном, Петя был добродушен, покладист и до самозабвения влюблён в лошадей. Боже упаси при нём ударить лошадь по морде. Он срывался на такую брань!.. Мог подступиться и с увесистыми кулаками:

- Не любишь лошадей - уходи к чёртовой матери в чабаны к верблюдам, тому до морды не достанешь!

Мы с Петей ладили с первого дня моего пребывания возле табуна. Ему нравилось, что я, как и он, любил лошадей и мог днями не сходить с седла. В табуне вместе с жеребятами находилось около сотни голов. Весь табун самопроизвольно разбивался на несколько косяков. Жеребцы не могли ладить друг с другом. В летнее время лошади находились в степи круглосуточно, за исключением ветеринарных обработок.

Постоянно на стане находились три лошади - старая низкорослая, мышастой масти кобыла Вера, с «мягким» аллюром скорой рыси. Ещё недав-

но обученный Петей ходить под седлом молодой гнедой конёк Буян. Его вылегчили, но он всё еще иногда проявлял свой жеребячий норов. И вороной пятилеток Гарус, что называется, «Вася, не зевай», держи коня всё время в поводу, а ухо востро. Гарус мог в любой момент взбрыкнуть и сбросить наземь зазевавшегося седока, зато в ходу ему не было равных. Гарус уже дважды участвовал в праздничных первомайских скачках, которые в колхозе проводились ежегодно.

Работа табунщика заключалась в нахождении косячков - жеребца с кобылами и жеребятами, пересчете, выявлении больных и ослабевших, при надобности тот или иной косячок подгонялся к стану.

На первых порах моя деятельность табунщика претерпела несколько трагикомических случаев.

На всей обширной территории тут и там попадались обширные, так называемые, саги, то есть озерные ложа, сплошь покрытые белым или серым налётом соли. Поверхность некоторых, что твой асфальт, промчишься верхом - не запылишься. А некоторые саги - истинные ловушки для лохов, вроде меня. В сезон дождей или таяния снега такое ложе может временно заполняться водой, а потом вновь пересыхать до корки над топью. В одну из таких саг я и влетел, пытаясь пересечь путь жеребцу-вожаку Хаму, уводившему косяк. Перелетел через голову Буяна и тут же окунулся головой в грязь. Буян, ошалевший не меньше меня, у самого моего носа бил копытами. Один удар и он бы мне размозжил голову или снёс лицо. Благо, грязь оказалась жидкой и мы с конём у самого берега. Но Буян продолжал преследовать меня и бить передними копытами в опасной близости - нас разделяло расстояние вытянутой руки. Наверное, я, подгоняемый конём, проявил тогда необыкновенную прыть и выбрался первым на сухой берег.

На счастье, рядом оказался артезианский колодец и мы с Буяном быстро отмылись. В противном случае, высохшая на наших телах грязь под палящим солнцем доставила бы дополнительные мучения к пережитому стрессу.

Другой раз уже на Гарусе заехал чёрт знает куда в поисках жеребца Фрица с его кобылами. Завидев чабанскую кошару, решил напиться воды. Ещё на подъезде понял, что дал маху. Меня встретили три свирепых чабанских волкодава, а Гарус в таких случаях - конёк ненадёжный. Удирать было уже поздно. Пожалел, что я не на Вере. Волкодавы со всех сторон нападали на Гаруса, тот, вертясь подо мной, отбивался задними копытами. Я уцепившись коню в гриву, лежал на нем, боясь в любой миг свалиться наземь. Разозлённые волкодавы тут же набросились бы на меня. Результат известен - это далеко не дворовые шавки. Благо, что у чабана стояла лошадь под седлом. У меня уже не было сил держаться. Подскочил по виду карачаевец, а может чеченец, разогнал собак, попенял мне на неосторожность. Я ему, мол, мог бы днём собак держать на привязи.

- Муха, понимаешь, злой, как шайтан, покой собакам не даёт…

Напоил меня и коня, предложил отдохнуть, попить чаю. Горцы - народ гостеприимный.

Как-то узнал от Пети, что у артезианской трубы можно поджечь выходящий вместе с водой газ.

- Хрен, Вовка, ты за всю свою жизнь такое слышал, - сказал мне Петя. - Как-нибудь покажу…

Чего мне показывать - сами с усами. Подъехал как-то к артезианскому колодцу напоить Веру. В озерке нагретая вода сильно солёная, но холодная в непрерывном водостоке на вкус приемлемая.

Пока Вера разнузданная и с ослабленными подпругами неспешно пила, я чиркнул спичкой и бросил её к самой трубе. Мгновение спустя у меня под ногами, кажется, задрожала земля и раздался подспудный, ни с чем не сравнимый гул.

Веру словно ветром сдуло. Она бешеным галопом понеслась в сторону конефермы и мне ничего другого не оставалось как пешком последовать за кобылой, кляня себя за глупое, может быть, опасное любопытство.

Навстречу мне во весь опор мчался Петя всё на той же Вере.

- Ты чего же, салажонок, небось подпруги не подтянул и кувырнулся с Веры!? - заорал, увидев меня живым и невредимым.

- Подпруги я сам отпустил, - нехотя ответил Пете. - Поил…

- И что же? - тот с недоумением уставился на меня. - Кобыла галопом примчалась на стан, седло под брюхом…

- Газ на артезиане поджёг…

- Ах, вот в чём дело! - расхохотался Петя. - Испугал кобылу, а сам в штаны не наложил?

- Да пошёл бы ты…

Больше я не жёг газ на артезианских колодцах, да и горел он не на каждом из них.

***

Были на конеферме и развлечения. Одно из них - охота на сайгаков. Тогда не было строжайшего запрета охоты на этих животных. У ближнего артезиана кем-то и когда-то был отрыт окоп на берегу озерка, в которое сбегала вода из водостока. К самой трубе осторожные животные не подходили. Убивать на водопое животину, конечно, последнее дело, но я тогда о том не задумывался. Батька и Петя и вовсе, когда захотелось свежего мяса, кто-нибудь из них шёл в «засидку», так называли тот окоп. Лишнего не брали - холодильника не было, электричества тоже.

Работая у чабанов, приходилось не раз дорезать больных овец прямо на пасу, свежевать, а то и тащить на себе тушу на стан, чтобы собаки по степи не растащили. Туши, на предмет болезни, обследовались ветеринаром, то есть крови я не боялся. К охоте был равнодушен, но любопытство пересилило.

Наиболее удачливым охотником на конеферме славился Слюнявый Петя. Редкий раз он возвращался без добычи.

Сайгаков было много. И когда бы не поехал к табуну, всегда увидишь в степном мареве их бегучие косячки, иногда попадались и целые стада.

Старожилы рассказывали, что ещё после войны тысячные стада сайгаков доходили до самого нашего села Казгулака. Только бить их было некому.

Иногда в ночи на отдалении от конефермы можно было слышать частые выстрелы, видеть мечущиеся далеко в степи лучи света. То распоясавшиеся браконьеры нападали на косяк и гнали его, расстреливая в свете фар. И поделом, что некоторые из этих горе-охотников в азарте нередко влетали на бешеной скорости в траншейные дороги - примечательность этой местности.

В спешке всех убитых сайгаков бракоши не подбирали. Не раз приходилось и мне натыкаться на падаль, над которой кружили пернатые хищники.

Сходив пару раз на стажировку с Петей на «засидку», я решил, что достаточно для самостоятельной охоты. И Петя был рад избавиться от ученика. Дело в том, что со мной охота у него не ладилась. Сайгаки маячили в далёкомдалеке, но к воде не подходили. В окопчике двоим было тесно и постоянно затекали то руки, то ноги. Не обходилось и без разговоров, курения…

Повезло мне лишь с третьего захода. Небольшое сайгачье стадо долго кружило в отдалении, то показываясь, то вновь скрываясь в призрачном мареве под раскалённым солнцем. Ужасное пекло наводило на мысль - бросить к чёрту всякую охоту, окунуть голову в холодную проточную воду и несолоно хлебавши идти на стан. Но и азарт удерживал - как-никак, а добыча-то на виду маячила.

Стадо то выплывало из марева, то вновь скрывалось, словно призрачное. И совсем неожиданно я увидел сайгаков у самой воды. Метрах в тридцати от меня стоял молодой самец-подросток. Он пил, раз от разу сторожко вскидывая свою горбоносую красивую голову.

Моя одностволка шестнадцатого калибра была заряжена картечью. Петя бил зверя жаканом, этаким самодельным свинцовым шариком. Я же не надеялся на свои стрелковые способности. Целился, помню, сайгаку в левый бок. Грохнул выстрел и стадо словно испарилось. Но моя жертва, сделав от воды прыжок, тут же и пала. Скажу, радости не было, а напротив - раскаяние после уже сделанного.

Так уже было. Лет восьми я смастерил свою первую рогатку. Получил сполна за это грозное оружие подавляющего большинства деревенских пацанов того времени.

Во-первых, я отрезал язык у одного из батькиных единственных выходных ботинок. Он нужен был, собственно, для закладки снаряда. Во-вторых, размолотил в прах молотком бабкин старый чугунок, в котором она запаривала травы для лечения своего ревматизма. Чугунок мне понадобился для увесистых снарядов. Резиной обошёлся от старой велосипедной камеры. Рогатульку вырезал из молодой акации.

Надо сказать, пристрелялся я быстро - кот Братка обожрался воробьями и больше их не ел - воротил морду. Воробьёв было не жалко. Они налетали стаями, отнимали у кур корм, всюду шныряли, в общем, надоедливая птица.

В сарае давно жили ласточки в своих лепных гнёздышках. Стрельнул разок по вёрткой птичке - не попал и меня забрало. Попал! Свалилась птичка к ногам. На клювике капля крови. И тут я до слёз раскаялся в содеянном. Ласточек не принято обижать, хотя они и лепят свои гнёзда где попало, а то и над головой хозяина, и нередко благословляют его, капая на макушку.

Ласточку я похоронил в огороде, оплакал свой грех и больше никогда не обижал эту безобидную, хлопотливую пташку.

Опять отвлёкся. Несколько картечин пробили сайгаку шею у самого уха, хотя целил я зверю в бок. Освежевал, всё ненужное оставил степным мясоедам, тушу и шкуру сложил в мешок и отправился на стан. С тех пор охотой никогда не занимался.

СПЛЕТЕНИЯ

Взойду на косогор, окину взором
Речушку под обрывом и простор,
Сплетённый из бесхитростных узоров
В огромный потрясающий ковёр.

Я часть его, мне повезло с рожденьем,
Я рос и вырос в сказочном краю.
В ромашко-васильковом облаченье
Сейчас я вижу Родину мою.

Вдоль речки луг с истоптанной тропинкой,
Ракиты куст и заросли ольхи…
Здесь так легко вплетаются травинки
В ковры полей, и в судьбы, и в стихи…

По балке вниз, в кустарниковых гущах,
Разноголосый щебет птиц весь день.
Спускаясь по тропе к реке бегущей,
Спешат мальцы из ближних деревень.

И щебет птиц вплетается в ребячий
Разноголосый гомон над рекой…
Переплетаясь, так или иначе,
Всё связано здесь кровным узелком.

***
Восход в берёзовом убранстве,
Погост в некрашеных крестах,
Тропа, бегущая из странствий
К обломкам старого моста.

Речушка тёмная змеится,
Сверкая в утренних лучах.
Не видно ни единой птицы,
Камыш - и тот с тоски зачах.

Избушке на куриных ножках,
Наверно, триста с лишним лет,
На покосившихся порожках
Приткнулся сиротой рассвет.

Чуть дальше, посреди развалин,
Быть может, бывший сельсовет,
Но ни табличек, ни названий,
И остановки тоже нет.

И поезд пролетает мимо
Деревни умершей, а я
Всё слышу шёпот: «Глянь, любимый,
Какие чудные края!»

Края и вправду здесь на диво:
Берёзок милых хоровод,
К ручью склонившаяся ива
Глядится в отраженье вод…

Домишки, что не посносили,
Стыдливо жмутся к лесу, в тень…
А сколько ж их по всей России,
Таких вот сёл и деревень?..

***

Здесь, на окраине страны,
В жаре, в пылище
Остатков древней старины
Теперь не сыщешь.

Всё то, что было здесь до нас,
Нам было чуждо,
А то, что строим мы сейчас,
И нам не нужно.

Здесь были в пояс ковыли
И люди - кремни…
Мы ничего не сберегли
На этих землях.

Какие были здесь леса,
Какие дали…
Теперь лишь лесополоса,
И ту вспахали.

Мне говорят таков прогресс,
Мол, пашем, сеем…
Простите праздный интерес:
А что имеем?..

Но не об этом разговор
И суть не в этом,
Что в перепаханный простор
Не манит лето,

А в том, что хоть и говорят,
О Кавминводах,
Мы едем в горы и к морям
На летний отдых.

Бездумно, как в последний раз,
Живём как гости.
Останутся ли после нас
В степях погосты?..

ПОЧТИ ЗИМА

Лес не уснул ещё совсем,
И стынь его едва коснулась.
В его увянувшей красе
Не всё пожухло и свернулось.

Забытый осенью листок
Ещё на ветке зеленеет,
И припозднившийся цветок
Надежду доцвести лелеет.

На лужах лёд уже лежит,
И всё же весело лепечет
Ручей продрогший, а в тиши
Пичуга поздняя щебечет.

И тут же, спрятавшись в кусты,
Под взглядом ёжится пугливо,
Как бы стесняясь наготы,
К ручью склонившаяся ива.

В полупрозрачности ветвей
Ни тени сумрачной, ни тайны…
Вершина рядом, и на ней
Снег кажется сейчас случайным.

А, может, это и не снег,
А просто белый клок тумана?..
Ушёл декабрь, уходит век.
Куда же вы?.. Ещё так рано…

***

Вот и закончилась зима,
Едва начавшись.
Тоска, сводящая с ума,
Теперь всё чаще.

Сугробы серые снегов,
Как грёзы тают…
Чего-то хочется… Чего?
И сам не знаю…

А по садам уже весна
Вовсю колдует,
Но ветер, дувший в спину нам,
Уже не дует.

Он всё навстречу норовит,
Когда хочу я,
Чтоб нёс он запахи любви…
А нос не чует.

Всё невпопад теперь, не так -
Такая жалость!
Житья на ломаный пятак
Всего осталось.

«Стареем мы» - мне друг сказал,
В окно кивая.
Всё расцветает на глазах,
Всё оживает.

И так не хочется стареть,
В такую пору!
Вторая пачка сигарет
За разговором.

Два слова сказаны всего
За всю беседу.
Эх, жизнь, полным-полно грехов,
А жизни нету.

***

Фонарик что-то говорил
Своим неслышным голосом
И светом луч его сорил
И резал тьму на полосы.

«Сошёл, наверное, с ума, -
Устало ночь подумала, -
Кому ты светишь? Всюду тьма», -
И на фонарик дунула.

Фонарик нехотя угас
И грозно тьма надвинулась,
Но ночь сказала: «Не сейчас!» -
И между ними кинулась.

«Что им неймётся?.. Спать пора», -
Подумал я, ворочаясь,
И думал, думал до утра
Про ночь, про жизнь и прочее…

***

Ещё вчера сентябрьскою негою
Баюкал вечер сонное село,
А утром побелело всё от снега,
А утром запуржило, замело…

А хризантемы только распустились…
Их терпкий запах с вечера манил
Влюблённых, но сорвать их не решились -
И вот теперь всё снег похоронил.

С утра кружится снег и засыпает
По-летнему зелёный огород.
На улице машина, как слепая,
Через сугроб нетоптаный ползёт.

По веткам скачет сойка торопливо,
Присматривая, где ей зимовать.
Из сада на неё косится слива,
Что поленился кто-то оборвать.

Зиме ещё не время, снег растает.
По-бабьи лето приласкает вновь
Озябшее село, хотя, кто знает,
Какая она, поздняя любовь?..

УШЁЛ ЯНВАРЬ

По свежебеленой равнине
Ложбинка сизая змеится,
В голубоватой пелерине
Стоит замёрзшая сосна.
Сугроба мягкая перина
Под солнцем утренним искрится,
И россыпями бисеринок
Вокруг сверкает белизна.

Ещё чуть-чуть, и сказкой древней,
И волшебством повеет с неба.
Заиндевевшие деревья
Как бы предвестники чудес,
И в запорошенной деревне,
Ещё чуть-чуть, и разглядел бы
Светлицу сказочной царевны
В прекрасном замке до небес.

Но солнце спряталось за тучи,
А без его благословенья
Алмазов груды в снег сыпучий
Вдруг превратились под ногой.
Лесок не кажется дремучим,
Погасли краски на деревьях,
И снег с обледенелых сучьев
Смело начавшейся пургой.

И я спешу в тепло, под крышу,
Через сугробы и заносы.
Смурные тучи стали ниже.
Позёмка мой по полю след
Забьёт снежинками, залижет,
И к ночи снег скуёт морозом…
А дома печка жаром пышет...
День был, и вот его уж нет.

Деревня с каждым шагом ближе.
Ушёл январь, а я не слышал…

***

Течёт речушка, жёлтая от ила,
Течёт издалека и далеко,
И в ней вода, такая же, как в Ниле,
Вот только не зовут её рекой.

А где-то реки - даже страшно глянуть,
Но это где-то, а Суркуль-река
На речку, да и то не очень тянет,
Так, вроде небольшого ручейка.

Суркуль-река - три шага шириною
И не понять, течёт ли, не течёт?..
Сравнить её с какой рекой иною,
Так можно б и не брать её в расчёт.

Она прибрежных деревень не сносит,
Она не затопляет города.
Куда ни глянешь, вдоль речных покосов
Пестреют деревенские стада.

Речушка, речка… даже стыдно как-то
Её средь многоводных рек искать.
Она течёт лишь на районных картах,
Вдоль берегов из глины и песка.

Она течёт, как время, незаметно,
Течёт из года в год, из века в век,
В ней столько мыслей утекло заветных,
Как и в любой из самых крупных рек.

Я тоже по привычке называю
Её речушкой, но всегда в душе
Я сознаю, что я её не знаю
И не узнаю, видимо, уже.

Течёт Суркуль без шумных водопадов,
В ней всё сродни течению веков…
А может быть, так только течь и надо,
Чтоб быть по-настоящему рекой?..

***

Домишко дачный, груши, сливы,
Веранда, столик, в кружках чай,
Короткий, тёплый летний ливень,
Прошедший, будто невзначай.

В полнеба радуга стояла,
Срывался дождик, уходя.
Цветами радуги играла
На ветке капелька дождя.

Теснясь, заветные желанья
Неслись в заоблачную даль,
Что, глядя в небо, по незнанью,
Наивно кто-то загадал.

Светило солнце, дождик капал
Из тучки, что уже ушла.
Лежала тень, свалившись на пол,
От ножки дачного стола.

Мы пили чай, кукушка где-то
Считала нам остаток лет.
Мелькал в сплетении из веток
Наш любознательный сосед.

Мы пили чай, несло прохладой,
И с крыши капала вода…
Нам было ничего не надо,
Мы были счастливы тогда.

***

На берегу крутом сижу.
В затылок ветер жарко дышит.
В раздумья озера гляжу:
Быть может, что-нибудь увижу?..

Вода, наморщив лоб, молчит,
Привычно к берегу ласкаясь,
Лишь где-то глухо гром ворчит,
По небу молнии таская.

Сегодня рыба не клюёт,
Как поплавок хвостом не вертит.
Стрижей стремительный полёт
По-над водою что-то чертит.

Смотрю на эти письмена,
В них ничего не понимая…
Сижу с утра - и тишина,
Но, может, всё-таки поймаю…

Моя надежда на улов,
С опаской вглядываясь в воду,
Ворчит: «Какой тут к чёрту клёв,
Смотри, как портится погода…»

Дождь наползает на село,
Стал ветер злей и холоднее…
Ушла надежда на улов,
Ну что ж, пора и мне за нею…

А дома у порога ждёт
Ленивый кот, урча набатно…
Вот я войду, он так взглянёт,
Что хоть тотчас иди обратно.

Гроза, быть может, стороной
Пройдёт, недолго громыхая?..
Сижу промокший. Дождь - стеной.
Чего-то жду. Чего? Не знаю…

РЫБАЦКИЙ АЛЬБОМ

(главы из повести)

ПРИОБЩЕНИЕ

Дом, в котором прошло моё детство, двумя окнами глядел на ручей, единожды в год весной набиравший силу и превращавшийся в довольно широкую и глубокую по руслу речку, тремя - через наш и соседский огороды - на Западную Двину. До второй мировой войны недалеко от улицы, на которой стоял наш дом, был мост, на противоположном высоком берегу - церковь. Но ни того, ни другого я не видел: на месте моста в моём детстве были «быки» - бетонные клетки опор, торчащие из воды, и остов изуродованного снарядами краснокаменного здания. Однажды мирным летним утром прогремел взрыв, от которого задребезжали стёкла в окнах, и этот остов превратился в гору рваного, но на удивление прочного кирпича, который скоро разобрали те, у кого в нём была нужда. От невеликости городка у подавляющего большинства мужского населения местом трудов или же отдохновения от них была река. И приобщение к ней начиналось с детства, с первых путешествий по тому же ручью... В весенние, после ледохода, разливы в устье ручья можно было поймать плотву, подуста и даже подлещика. После половодья он вновь становился мелким и узким, местами - на один прыжок, а в самых глубоких ямках нам, пацанам, вода едва доходила по грудь или уж самым маленьким - по горлышко... Перед ямками и за ними были галечные отмели. Здесь под камнями прятались широколобики, или, как мы их называли, ширики - мелкие рыбёшки, напоминавшие формой морских бычков. Они были величиной с мизинец взрослого мужчины, их добывали исключительно из спортивного интереса, отдавая потом либо котам, либо уткам. Орудием лова являлась столовая вилка. У меня - трофейная немецкая, с острыми и прочными зубьями и удобной деревянной ручкой, которую я брал без разрешения. Её главным достоинством была именно прочность, потому что тыкать приходилось довольно сильно в песчаное или галечное дно...

Завернув штаны или шаровары выше колен, мы брели по холодной из-за бьющих ключей воде, осторожно переворачивая левой рукой камни, а правой стремительно накалывая на вилку настроившегося сорваться под другой камень ширика.

...Лето моего дошкольного и раннего школьного детства проходило на реке. Это был конец пятидесятых-начало шестидесятых,- хрущёвская эпоха. В памяти остались окружающая бедность, безденежье, загулы привыкших к сталинским ста граммам, но предпочитавших дозу существенно больше, фронтовиков, драки как между собутыльниками, так и между мужьями и жёнами, которые, как я понимаю теперь, были проверенным способом выбросить излишний адреналин, накапливающийся в течение ежедневных нелёгких забот. Как правило, семейные ссоры выносились на улицу с апелляцией к наблюдавшим соседям: « Гляньте, люди добрые!..» и с делением этих соседей кто «за Машку - труженицу», а кто «против Машки - распутницы»...

Массовые застолья бывали по праздникам. По будням же случались немассовые по поводу: свадьба, крестины, приход желанного гостя или же по-соседски - «по настроению».

Большинство мужиков работали либо в леспромхозе, который в те годы бурно развивался, либо в сплавной конторе; лес с дальних делянок сплавляли по реке в белорусский Витебск и дальше до Риги. Зарплат даже если в семье работали оба, а иждивенцем был один, как в нашей, хватало только на самое необходимое. Да, собственно, и в магазинах мало что было. А в пору хрущёвского увлечения кукурузой даже хлеб продавали по четыреста граммов в одни руки, отчего нам, детворе, приходилось стоять в длинных очередях вместе со взрослыми... Выживать помогало то, что в каждом подворье держали живность и обязательно был огородик, засаживаемый преимущественно картошкой. Именно «бульба» да взращённый на травяной болтушке и забиваемый осенью поросёнок спасали от голода даже самую неработящую загульную семью. Ну, а работящим позволяли выкроить средства из мизерного заработка на то, чтобы приодеться и хотя бы в праздники менять привычные спецовки и фуфайку на какой-никакой костюм и пальто.

Рыбалка существенно разнообразила стол, считалась стоящим, добычливым занятием и поощрялась жёнами. Оттого почти у всех прибрежных были свои лодки.

Река ещё выпирала из берегов, была коричневой от переносимого песка, береговой глины, ещё катера в сплавной конторе только настраивались к лесосплавному сезону, а самые нетерпеливые уже выходили на промысел. Но прежде чем рыбачить - добывать топляк, набравшее воды дерево, смытое паводком с леспромхозовских делянок.

Это было небезопасным занятием. Поездка на моторке в это время была опасна тем, что топляк плыл по реке, скрытый водой, наподобие большого утопленного поплавка. Встреча с таким «поплавком» для моторки на ско-

рости была катастрофой: от удара она переворачивалась и находящиеся в ней оказывались в холодной и бурной реке, а в телогрейке, сапогах и ватных штанах, в которых, как правило, мужики промышляли, доплыть до берега или догнать перевернутую лодку, уносимую быстрым течением, мало кому удавалось. Тогда дрожащего счастливца снимали с днища его лодки где-нибудь в конце города, возле сплавной конторы, где всегда на изготовке была конторская, большая, со стационарным мотором, лодка...

Каждую весну несколько мужиков находили успокоение от суетной жизни в реке, давая повод для ссор семейных, когда очередной выезд какого-нибудь молодого и ещё ненадоевшего мужа отменялся упорством ещё истерично любящей жены: «Не пущу!..»

Топляк был даровым строительным лесом или же на худой конец дровами. Более-менее ровный и хорошо просохший на берегу за лето, он шёл на бытовые постройки. В любом случае это была выгода для семьи.

Река во многом определяла образ жизни горожан. Лодки гирляндами покрывали оба берега. На них сообщались между собой две стороны: большая, где находились городские учреждения, власть, мебельная фабрика и школа-десятилетка, и малая, с леспромхозом как главным предпрятием и его подразделениями, подворьями с огородами и восьмилетней школой. На лодках летними вечерами и ночами по тихой и тёплой Западной Двине катались влюблённые.

Раз в году, в несколько августовских ночей, река становилась огненной - город выезжал «лучить метулицу» (я думаю, это словцо производное от «метелицы», вылет бабочек-подёнок действительно похож на настоящую метель) - жарко треща факелами, заманивать белокрылых мотыльков, только что вылупившихся из глиняных отложений на дне реки и тут же сгорающих в пламени, устилая движущимся потрескивающим ковром дно лодки...

Метулица использовалась при приготовлении подкормки во время ловли на ходовую (проводку). Такая рыбалка считалась самой добычливой. Заключалась она в следующем: лодка якорилась в месте, где проходил рыбий путь, на лопаточке с длинным черенком подкормка - излучённая масса, замешанная глиной - опускалась на дно, где постепенно размывалась течением, вытягивая мутный запашистый след. Снасть представляет из себя не очень длинное удилище с леской, чуть большей по длине, устойчивым поплавком под тяжёлое, чтобы быстро уходило на глубину, грузило. Сидя на скамейке или корме, забрасываешь её вверх по течению и провожаешь поплавок вдоль борта, пока хватает длины. Это пять-шесть метров, и за эти секунды происходит поклёвка... Самая желанная добыча - лещ, хотя чаще берёт плотва, подлещик, голавль... Большим специалистом этой ловли был самый младший брат матери дядя Яша, Яков Иванович Савицкий, единственный из пятерых детей, проживший всю свою жизнь в родном городе и в отцовском доме. Последние годы, будучи инвалидом, он занимался исключительно рыбным промыслом и достиг в этом профессионального мастерства...

Зимой закрытая льдом река не так интересна. Но, тем не менее, помимо катания по обдутому ветром или специально расчищенному льду на коньках (снегурочках или дутышах), прикрученных к валенкам, я одно время пристрастился ставить перемёты на налима, который водился в реке в изобилии и считался рыбой сорной. Пробивал пешнёй лунки, опускал в них шнуры с насаженными на крючки куриными кишками, а на следующее утро шёл проверять. Скользя на валенках по не очень крепкому льду, а лучше всего налим брал перед ледоходом, и надеясь не попасть в припорошенные снегом свежие полыньи, в которых бабы полоскали бельё, я находил лунки, помеченные веточками, разбивал ночной ледок и опускал вниз «кошку»- четырёхлапый крюк, сваренный из согнутых больших гвоздей. Вылавливал «кошкой» шнур, вытаскивал вяло сопротивляющихся чёрных, под стать зимней воде, рыбин...

Но самой азартной была добыча голавля. Правда, она не считалась солидной из-за величины рыбин и отпугивала мужиков необходимостью всё время ходить по берегу. Иное дело - в лодке, на ходовую, либо над донками посидеть, где можно и язя или сома зацепить и ноги не устанут. За голавлём же - топать и топать, поэтому занимались этим в основном подростки.

Начиналась по-настоящему эта рыбалка в июле, когда кузнечики становились большими и соблазнительными. Удочка должна быть длинная и лёгкая, для этого приходилось обходить немало орешника за подходящим удилищем. Леска - чуть длиннее удилища - так, чтобы подняв одной рукой, второй доставать крючок. Поплавок - из гусиного пера, грузила никакого... Каждый заброс - в новое место... Лучшие голавлиные места, где можно было поймать и килограммового, были на порожистой Ястребской головке в трёх километрах от города выше по течению. Голавль и язь там держались.

Сомы - чуть ниже, в Пестуновом омуте и мызе ... Но чтобы ловить их, нужно было терпение взрослых.

ЖЕЛАННОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Четырнадцатилетним отроком я от берегов Западной Двины переехал на берега Хантайки, притока Енисея. Путешествие было хотя и долгим, две недели, но замечательным, включающим и многодневный путь на поезде, и первый полёт на самолёте, и медленное плавание на пароходе.

Туманным прохладным днём 15 августа 1965 года однопалубный пароход «Омик» приткнулся к деревянному причалу пионерного посёлка гидростроителей самой северной заполярной Хантайской гидроэлектростанции. Из густого тумана, сузившего мир до толпящихся на скалистом берегу встречающих, обряженных в большие брезентовые плащи, среди которых был и младший брат матери дядя Вася, Василий Иванович Савицкий, прилетевший сюда с первым десантом строителей, доносился неведомый гул, который, как потом оказалось, был шумом близкого порога, на котором позже и встала гидростанция. ...В середине семидесятых годов

двадцатого века нищета на смоленской земле стала устойчивым состоянием. В благостное будущее мало кто верил. Леспромхоз уже пережил свой расцвет, новых предприятий не появилось. Многие, в том числе старший брат матери Алексей Иванович, работавший в леспромхозе, от нищеты и безысходности, дабы не спиться окончательно, завербовался с семьёй на целину. Тот весенний день проводов остался в моей памяти обжигающе ветреным. Только сошёл лёд, паром ещё не наладили и перевозили желающих на большую сторону, откуда можно было уехать в Смоленск, на лодках. Рядом с низкорослым и широким дядей Алексеем стояла старшая дочь Валька, моя ровесница, замотанная в шерстяной платок, концы которого были завязаны узлом за её спиной. А жена дяди Лёши тётя Женя держала за руку младшего Вовку, которого за несоразмерно большую голову, бритую наголо, на улице звали Хрущёвым. Никто из нас, отъезжающих и провожающих, тогда не знал, что это было последнее наше свидание: после целины дядя Алексей с семьёй переехал в Подмосковье, где в конце восьмидесятых и обрёл вечный покой. На родной Западной Двине никто из его семьи больше никогда не был. И мы, их дети, связь между собой утратили...

Самым популярным и доступным продуктом и лекарством от безпросветности такого существования было плодово-ягодное вино, «бормотуха». Небольшой заводик по его производству размещался недалеко от нашего дома, на высоком берегу ручья и запах превших яблок осенью, в страдную пору, насыщал и атмосферу, и воду в ручье.

Заводик преуспевал, плодово-ягодное было доступно и по цене, и по постоянному наличию, и к четырнадцати годам каждый из моих сверстников уже понимал в нём толк. Это понимание многих привело к ранней смерти ... Гораздо хуже было со вкусом сливочного масла, колбас, сыра... В далёкой Сибири, где жил дядя Вася, оставшийся там после службы в армии и строивший вторую после Мамаканской гидростанцию, ничего не знали о плодово-ягодном, предпочитая употреблять армянский коньяк из специализированного московского магазина в Столешниковом переулке, но зато не понаслышке судили о шоколаде, колбасе и прочих деликатесах.

В Снежногорске, так назвали посёлок строителей Хантайской ГЭС, в год нашего приезда изобилия не было, в короткую навигацию успели завезти только самое необходимое для немногочисленного отряда первых строителей посёлка: мясные и овощные консервы, сухую картошку, макароны, крупы, сухое молоко... Спиртное не завозилось; был сухой закон. Но охотться и рыбачь, сколько хочешь, где хочешь и когда хочешь, ни рыбинспекции ни охотинспекции не было. Правда, встречались медведи... Иногда шатуны... В сентябре, спустя месяц по прибытии, меня запоздало поздравили с четырнадцатилетием и подарили одноствольное ружье двадцать восьмого калибра и патронташ с патронами.

Посёлка как такового ещё не было, стояла лишь пара деревянных свежесложенных двухэтажных, на два подъезда, домов и небольшая деревянная школа. Самой востребованной была профессия плотника. Жилья не

хватало уже приехавшим и за чертой будущих стандартных домов кучковались на склонах каменного кряжа «балки» - одно-двухкомнатные времянки-избушки, обшитые и утеплённые, отсыпанные до окон опилками, с сооружённой посерёдке печкой. Пару лет мы жили в таком «балке», от которого до ближайших болот с утиными и гусиными стаями и прочей летающей живностью было рукой подать... Эти годы, с тысяча девятьсот шестьдесят пятого по шестьдесят восьмой, на мой взгляд, были самыми сытными в СССР. Во всяком случае таковыми они без сомнения являлись для близкого к Снежногорску заполярного Норильска, для энергоснабжения которого, собственно, и строилась Хантайская гидростанция. Здесь магазинные прилавки ничуть не уступали столичным. Зимой, в разгар полярной ночи, на них переливались летними цветами апельсины, мандарины, ананасы, бананы, яблоки... Мясо в ассортименте, включая оленину (на любителя), десятка два наименований колбас отменного качества... Свежие овощи... Всевозможные консервы, но больше всего овощных болгарских и венгерских. И вина из этих же стран. Из-за оригинальной тары, пузатой бутылки в плетёнке, особенно запомнилось красное вино «Гымза», а по вкусу - белое «Старый замок»... О рыбе не говорю, вкуснее северной рыбы - нельмы, тайменя, хариуса, сига - ничего не бывает...

Хантайка - неширокая с кристально чистой водой, прозрачнее разве что байкальская, - река в месте строительства будущей гидростанции разрезала горный кряж, на одном плече которого и строился посёлок, прорываясь здесь через узкую горловину, собираясь большим зеркалом перед ней, и разливаясь более чем километровым омутом ниже.

До плотины, которая перекрыла реку и создала вверху водохранилище с затопленной лесотундрой, было ещё далеко, и можно было спуститься к громкому порогу. Выше ловили хариуса. Ниже - сига. В самом пороге - тайменя. Мужики предпочитали охотиться на тайменя, мы, пацаны, на хариуса.

Сентябрь за Полярным кругом - преддверие долгой зимы. Рыбалка - поход на короткий день на пронизывающем, налетающем из Арктики ветру, поэтому экипировка серьёзная: телогрейка или тёплая куртка, утеплённые сапоги с мехом внутри или обычные кирзовые, но с тёплыми носками или портянками, под штанами - кальсоны или трико. За плечами - рюкзак, в котором холщовый мешок под рыбу и обед: буханка хлеба и банка сгущёнки, с хантайской водой это вкусно и сытно. На поясе - обязательно охотничий нож...

Снасть на особицу от всех, что приходилось видеть и до и после: конструкция из лёгких планок (хорошо подходили перегородки от ящика из-под водки), похожая на игрушечные санки: два полоза и две перекладины. Наживка: мушки - крючки, обмотанные цветными нитками мулине - тельце, имитация крылышек - волосинки. Чаще всего из собственного чуба. Толстая леска, миллиметровка, пропущенная в два отверстия в одном полозе, завязана неравнобедренным треугольником так, чтобы под натяже-

нием «саночки» стремились убежать на середину реки, а леска их удерживала. Недалеко от «саночек» на этой леске привязываются с интервалом в полметра поводки с мушками, три-четыре. Но можно и до десятка, если рыбы не так много и нужен широкий захват. «Саночки» стремятся убежать к середине реки, но, ведомые рыбаком, скользят против течения, мушки подпрыгивают и заманивают...

Сильная рыба - хариус. Удар, рывок, леска со звоном идёт вниз, и тут главное - наклонившись, быстренько подтаскивать «саночки», одновременно приближаясь к ним по берегу. Обязательно наклонившись, чтобы не дать возможности хариусу делать «свечи»: выпрыгивать вертикально. На «свечах» он избавляется от крючка...

Так неторопливо, против течения, поворот за поворотом, идёшь один по каменистому берегу...

Вдвоём рыбачить неинтересно, идти за первыми «санями» невыгодно. Если рыбачим вдвоём, то один обязательно уходит за полкилометра, а то и больше, вперёд, и второй его нагоняет. Река извилиста и, как правило, рыбаки друг друга не видят до обеденной встречи. Дневной неспешный маршрут в среднем километров пять-семь... Но этого вполне хватает, чтобы наловить полрюкзака.

Хариус не мелкий, в среднем с полкилограмма, и пара десятков весомо давит плечи...

Иногда затевались длинные маршруты, до устья впадающего притока Хантайки Кулюмбэ и дальше. Тогда и шли быстрее, меньше задерживались на перекатах, ловили самых прытких, а к привычному рюкзаку добавлялись ружьё и патронташ...

Ружьё при подтаскивании «санок» приходилось скидывать с плеча на камни, и это отвлечение порой стоило сорвавшейся, и как водится, самой крупной рыбины.

Перекинутое же за спину, оно сковывало движение. Но оно же придавало уверенности... Хотя за все рыбные походы мне ни разу не понадобилось.

Такая рыбалка - это одиночество. Даже твоё единоборство с рыбой никто не видит. Только шумящая вода и береговые камни...

И чувство языческого восторга от всего, что тебя окружает.

От серого неба.

От режущего ветра.

От голых камней.

От упругой рыбины.

От сладкой сгущёнки и студёной воды...

Хочешь поговорить - говори с ними или сам с собой...

Хочешь выплеснуть эмоции - не стесняйся, делись со всем окружающим...

...Ловили хариуса и на обычную удочку: длинное удилище, леска и мушка на конце, бросил - потянул, бросил - потянул... Но такой способ был менее эффективен и устраивал только рыбаков, не желающих наби-

вать ноги на береговых уступах. На удочку мужики ловили не отходя далеко от порога.

Была ещё одна рыбалка на Хантайке, абсолютно спокойная, а потому не очень интересная. Это привычное и знакомое большинству рыбаков сидение над донными удочками. На них ловился сиг. И ловить его нужно было ниже порога, в заводях или на не очень быстром течении. Брал он уверенно. А размером несколько уступал хариусу, хотя попадались и отменные экземпляры.

Хариус шёл на засолку. Но он, как и сиг, не считался серьёзным трофеем, и настоящие рыбаки предпочитали промышлять либо тайменя, либо нельму - рыб больших и сильных, которые могли и снасти порвать, и руки побить вырвавшейся катушкой... Единственного в своей жизни тайменя я поймал на том же Хантайском пороге на «мышку» - деревяшку, обтянутую шкуркой с огромным тройником на конце. Он был небольшим, около семи килограммов, но боролся я с ним минут сорок, то подтягивая к берегу, то отпуская, не в силах преодолеть сопротивление... Крупных тайменей в таких случаях обычно добивали из мелкашки..

Снежногорск в те годы - это вольница. Это заповедник свободы. Той самой, что «осознанная необходимость». Пример устройства общества без власти. Нет, власть была и, прежде всего, в лице всемогущего начальника строительства, но ни он, ни партком на каждодневную, за пределами рабочего времени жизнь не влиял. Отношения с окружающими, как и с природой, саморегулировались. Понятие «браконьер» появилось позже, когда посёлок насчитывал несколько тысяч населения и рыбы и дичи вокруг поубавилось.

Для меня эти годы стали школой взаимоотношения с природой и остались в памяти как самые свободные от чужого насилия и самые гармоничные... Позже, когда власть в виде всяческих инспекций пришла и сюда, привыкшие к вольнице мужики косяком потянулись в суды за привычку охотиться и рыбачить по необходимости и желанию, а не по разрешению...

Лодка в посёлке была гораздо важнее и престижнее иного вида транспорта. В личных автомашинах, которые позволял приобрести северный заработок и выделяемые квоты, при наличии трёх коротких улиц в посёлке и дороги на взлётную полосу в семи километрах от него, нужды не было. Ради «проехать с ветерком» дядька, одним из первых в посёлке, купил мотоцикл «Урал» с коляской, который требовался лишь тогда, когда весёлая компания нуждалась в скоростных ощущениях... Тогда мотоцикл добавлял своё тарахтенье в мощное рычание «БелАЗов» и рокот «КрАЗов»...

Лодка и мотор «Вихрь», а то и два (спаренка) - вот что было и необходимо, и престижно. И в короткое заполярное лето самые азартные и жаждущие приключений скоро перестали считать ближний порог удачливым и стали уезжать за тайменем, как самой интересной добычей, за второй, третий и даже четвертый пороги, которые находились за десятки километров вверх по течению. И нередко, бахвалясь и силой мотора, и лодкой, и соб-

ственным фартом, пытались пройти их, и особенно самый сложный, четвёртый. Кое-кому, как дяде Васе, это удавалось, а кое-кого с трудом вылавливали из холодной реки... Или не вылавливали, случалось и такое...

КАБОТАЖНОЕ ПЛАВАНИЕ

По окончании девятого класса родители решили подарить нам недалёкое, но весьма экзотическое путешествие. Зимой управление строительства приобрело для собственных нужд катер. Нужды заключались в том, чтобы делать замеры глубины Хантайки по судоходному фарватеру и иногда перетаскивать баржи, доставляемые енисейскими буксирами из Игарки. Без замеров вполне можно было обойтись некоторое время, и вместо пионерского и прочих лагерей, в связи с отсутствием таковых в доступной окрестности, было решено организовать для бесящихся от избытка энергии чад экскурсию по памятным местам, среди которых на первом месте было посещение Игарки, на втором - посёлка Курейки с останками мемориала ссылки Сталина, а также соседних Туруханска и Дудинки. Наш класс был немногочисленным, и мы разместились на катере, не стесняя особо команду, к тому же ночёвки у нас были на берегу, где места хватало всем. Мы побывали в Игарке, пропахшей деревом и покрытой опилками, познакомились с портовыми кранами и большими океанскими сухогрузами. Потоптались в мемориале бывшего вождя народов, загаженном, без окон и дверей, погуляли по улицам таёжного посёлка, давно пережившего свою короткую славу, посбивали ещё не созревшие шишки с самых северных кедров, растущих на берегах Курейки. В Туруханске побегали светлыми ночами от самых злых и крупных комаров, от которых даже «дэта» (по тем временам самое эффективное средство) не спасала. Нагляделись и наслушались в Дудинке иностранцев-матросов возле валютного, недоступного местным морского клуба-ресторана. Была вторая половина июля - вершина северного лета, когда температура поднимается до тридцати, а то и выше, градусов. Северное тепло - не южная расслабляющая истома, солнечные лучи здесь злы и горячи, не побережёшься - немудрено и солнечный удар получить. Но лета хочется, хоть короткого, но, как положено, с загаром, купанием...

В Снежногорске мы купались в озерце, образовавшемся на дне карьера. В жаркие дни вода в нём прогревалась неплохо и две недели лета мы проводили на его берегах без перерыва на обед. В Хантайке плавали только самые отважные или толстокожие. В мелководных протоках Енисея возле Игарки купаться было можно. Во всяком случае зайти в реку и несколько метров проплыть удавалось даже мне, имеющему далеко не мощную жировую прослойку. Особым шиком было понырять с катера, и, не обращая внимания на ворчание капитана, мы взбегали по деревянному трапу на катер, шлепали по горячей палубе на корму и с ходу бросались в чуть прогревшуюся реку...

Но это в жаркий полдень. А ближе к вечеру и светлыми ночами, помимо гуляний с местными девчонками и с одноклассницами, мы пытались ловить рыбу в Енисее.

Енисей здесь, в нижнем течении, был широким, на противоположном берегу человека без бинокля не разглядишь. По нему ходили морские огромные суда, вывозившие из Игарки лес, из Дудинки - продукцию Норильского горнометаллургического комбината и завозившие грузы для многотысячного заполярного города и его спутников, и весёлые пароходы с туристами. Сновали и мелкие речные судёнышки. И рыбацкие катера. Но этих было не так много, рыба не являлась столь важным товаром, как лес или металл. Енисей здесь, у Полярного круга, уже считался началом «большой земли», «материка». «Материк» - это долгое лето, фрукты и ласковое море... Это домик в родительской деревне или квартира в мегаполисе. Или же пока ничего, но придёт время уезжать или наступит пенсионный возраст - обязательно будет какая-нибудь крыша над головой там, где всегда тепло...

На «материке» - другой жизненный ритм. Другие, для давно живущих на севере, непривычные и порой неприемлемые правила игры. И отторженность от вот такой, практически нетронутой, заповедной природы... Енисей с его снующими судами, деловыми и праздными, с точки зрения северянина - из той, «материковой», жизни... Особенно это ощущается, когда проплывает вдоль покрытых тайгой берегов туристический многопалубный теплоход. Его белый парадный вид и обязательная музыка, далеко разносящаяся над водой, вносят в рутинную обыденность редких населённых пунктов незапланированную и радостно принимаемую праздничность. Есть и прагматическая сторона этого события: к пароходу устремляются от берегов лодки для традиционного бартера: солёная или свежая рыба меняется на водку. Водка - это то, что на севере никогда лишним не бывает. В Снежногорске в тот год в ходу был спирт. Особой доблестью считалось пить его неразбавленным. От него «горели». По возвращении из этого путешествия я попал на поминки: «сгорел» отец одноклассника.

Работа, рыбалка, охота, застолье - четыре грани мужской жизни в Заполярье. Некоторым, правда, хватало двух: работы и застолья... У пацанов, живущих на Енисее, на первом месте была рыбалка. Самую примитивную снасть, которая была распространена среди местных, я освоил и даже выловил на неё несколько сигов и приличных окуней. Этой снастью была закидушка. Простейшая, представляющая собой чаще всего прочный шнур, не очень большую гайку, которая великолепно закидывается, не сносится течением и довольно легко вытаскивается, и несколько поводков с крючками. Лучше - три-четыре, чтобы при забросе не могли перепутаться.

Местные мужики и в Игарке, и на Курейке, и в Туруханске промышляли с лодок рыбу крупную, способную прокормить и зимой: нельму, хариуса, тайменя и налима, который ценится из-за вкуснейшей, лучше тресковой, печени... Большой популярностью пользовались перемёты: многометровые шнуры с несколькими десятками крючков и солидным грузом. Они завозились в уловистые места, там, где были рыбьи тропы, растягивались, перекрывая эту самую тропу и подставляя рыбе заманчивую наживку. Переметы ставились на большую рыбу, хищную, на того же осетра. Проверя-

лись они раз или два в сутки, отыскиваемые по приметам и вылавливаемые «кошками». Когда крупная рыба оттаскивала перемёт в сторону, поиски становились длительными, но в конечном итоге перемёт вместе с обессилевшей рыбиной находился...

И всё же сознаюсь, это плавание больше запомнилось не рыбалкой. Запомнилось оно пьянящей свободой, в которой было и азартное и рискованное купание, и первые симпатии и переживания, и долгие ночные гуляния по берегам Енисея, и быстрые неумелые поцелуи. Запомнилось жаркими не по северному днями, песчаными енисейскими косами, ядрёным запахом прогретой тайги и даже надоедливыми крупными комарами, не дающими уснуть, когда, казалось, не осталось никаких сил бодрствовать...

Эти дни мы были отрезаны от посёлка, родителей, на катере рации не было, и капитан лишь сообщал из населённых пунктов, где мы находились, что всё в порядке. Никто не вмешивался в наше бытие. Кроме самого естественного и неоспоримого - среды, в который мы находились...

КУБАНСКИЕ ПЛЁСЫ

Хотя после Енисея и Ангары Кубань - река похилее, на Северном Кавказе она числится в списке больших, и возле Краснодара так оно и есть, даже без учёта водохранилища, по которому яхты ходят. Но там мне порыбачить не довелось. А вот верхний её отрезок, километров этак в двести, оттоптал за многие годы жизни в этих местах. И всяческую рыбу приходилось ловить. И весеннего подуста, не крупного, но очень осторожного. И усача разных размеров, от мизерного до вполне приличного, килограммового. И осеннего жадного голавля. И даже, бывало, по весеннему многоводью форель попадалась там, где её вроде и не должно быть.

Главная особенность верхней части Кубани - это её ежегодное изменение русла. В зависимости от паводка, который никогда не бывает одинаков. Осенью ходишь по одним ямкам и перекатам, только поймёшь, что где есть, а на следующее лето на месте былой протоки - сухое углубление, а там, где берег был, речка бежит. Поэтому рыбалка здесь не терпит консерватизма.

В этих местах массовый рыбак отдаёт предпочтение прудовой рыбе: карпу, сазану, карасю... Я же предпочитал ловлю голавля. Причём не только на Кубани, но и на Малом и Большом Зеленчуках. Начинал с весны, когда снасть с тестом или сыром плавленым на крючке пропускаешь по-над самым бережком - голавль в это время берёт в омытинках, неторопливо топя поплавок, и заканчивал поздней осенью, когда плывёт жёлтый лист, вода становится прозрачной, рыба скапливается в ямках и к этим ямкам приходится подбираться осторожно, чтобы раньше времени не спугнуть греющуюся у поверхности стайку, куда и метишь поздним, уже квелым, кузнечиком...

Об этой рыбалке можно было бы много рассказать, но дело в том, что она слишком традиционна, а значит, трудно чем-либо удивить или удивиться... Но был всё-таки один случай, которому я удивился...

...После застойных, а затем перестроечных лет наступила пора переходная. Я бросил госслужбу в газете «Ставропольская правда» и открыл с сотоварищами в Черкесске Северо-Кавказское информационно-рекламное агентство. Оно начало развиваться, обрастать идеями и людьми, страдая, как мы все в те годы, всеядностью изголодавшихся в жёстких рамках ведомого партией советского общества по живому делу...

Это была прекрасная пора. Наконец-то можно было реализовать накопившиеся идеи без оглядки на контролирующие инстанции... За пару лет наше агентство разрослось до размеров хорошего многопрофильного управления, в котором с учётом филиалов и совместных предприятий трудилось около двухсот человек. У нас была собственная независимая газета, тираж которой дошёл до двухсот тысяч экземпляров, а распространялась она от Абакана до Варшавы; книжное издательство, первое в стране собравшее в четырёхтомник «Антологии ужасов» мировую классику этого жанра, в трёхтомник «Проделки Амура», в двухтомник «Романтические фантазии»; цех по фасовке лекарственных трав, собираемых на горных склонах Кавказа; отдел оптовой торговли всем чем придётся; транспортный цех; первый в республике и один из первых в стране риэлтерский отдел ... А также дочерние фирмы в городах и весях. Одна - в Москве, с местом на товарной бирже...

Похоже, каждому поколению в истории отпущен свой звёздный час, своё, присущее только ему, деяние. Моему, во всяком случае, той его части, которой тесно было жить в прокрустовом ложе соцравной безликости, выпало торить пути к будущему обществу... И пережить трагедию понимания того, что новое общественное устройство более жёстко, более низко по идеям, более животно по отношению к себе подобным, более низменно по желаниям... ...Но и оно неизбежно уступит место иному будущему...

Да, в итоге в конце двадцатого века в России выиграли не энтузиасты-романтики, одержимые реализацией выношенных идей, хотя именно они были первыми в освоении новых отношений, а циничные прагматики, пришедшие следом и лишённые альтруистской близорукости первых... Мы трудились ради дела - они «делали» деньги. Это были те, кого позже окрестили «новыми русскими». И как результат их пирровой победы - деградация ещё совсем недавно интеллектуально-интеллигентного советского сообщества ... Но формации меняются, а увлечения остаются...

В этот переходный период приехал из Харькова кузен, тоже периодически становящийся заядлым рыбаком, и мы с ним на пару завели правило на выходные выезжать на Кубань. Ловили голавля, предпочитая путешествие по берегу скучному сидению с закидушками на ямах.

Вот и в тот августовский пасмурный день проехали от Черкесска километров пятнадцать вниз по течению на облюбованные раньше перекаты, где держался приличный голавль. И разошлись, ибо такая уж это рыбалка, можно, конечно, и вдвоём на одном перекате стоять, но лучше на разных - шансов больше. К закату встретились в том месте, где оставили

машину. И как бывает, пока ещё не стемнело и виден поплавок, всё кажется, что самая большая рыба ещё не поймана, вот и решили пройтись по бережку между двумя перекатами, - по приезде это место проигнорировали из-за спокойного течения. Особо расходиться не стали, пошли друг за другом вниз по реке,- впереди кузен, следом я, если он пропустит, глядишь, на моего кузнечика соблазнятся... Вдруг вижу; подсёк он и замер, а удилище выгнулось, словно зацепилось за что-то. Так я и решил, да слышу, кричит, мол, крупный попался... И точно, гляжу, удилище в дугу, а он топчется на месте, подвести к берегу никак не может... Ничего себе, какой голавль должен быть невиданный, чтобы так сопротивляться... Я свою удочку бросил, поспешил на помощь. От усердия в воду залез, руками-ногами вытолкал рыбину на берег, прижал. Тут и сам рыбак подскочил, руками под жабры подхватил... Сазан... Килограмма на два...

То, что сазан, не удивительно, в Кубани они водятся, с размытых прудов попадают. И держатся как раз вот в таких ямах, с водоворотиками... Но чтобы на кузнечика попадался... Не увидел бы своими глазами, не поверил... Пообсуждали это событие и нежданную удачу, порадовались, в азарте ещё несколько раз вдоль омытинки прошлись, но не только сазана - голавля больше не поймали. Уже стемнело, пора было собираться.

Сложили удочки, ещё раз полюбовались сазаном, положив его рядом с такими мелкими в сравнении с ним голавлями, и поехали домой.

Ни до, ни после ловить сазана на кузнечика мне не приходилось.

И видеть, кстати, чтобы кто-то ловил, - тоже...

Хотя говорят, в Средней Азии это вполне привычное дело...

ЯНКУЛЬСКАЯ ЛОВУШКА

Этот водоём в Ставропольском крае случайно попал в поле зрения и довольно-таки быстро, за пару сезонов, исчез с горизонта интересов. Ничем он не примечателен, кроме лишь истории, которая произошла с нами. Да ещё тем, что ездили мы туда с необычным рыбаком...

Горцы, как правило, рыбу не ловят. Но этот черкес оказался не только заядлым, но и настоящим рыбаком, имеющим свой секрет приготовления наживки и приманки. В том, что его наживка эффективнее наших, я как раз и убедился на Янкуле. Правда, так и не узнав её состава. А выглядела она как чёрный-чёрный хлеб. В воде от неё расходилась цветная жирная кайма похожая на бензиновое пятно. А в основе было тесто, перекрученный на мясорубке грецкий орех и какие-то травы... ...Познакомились мы весьма необычно. Шёл тысяча девятьсот девяносто второй год, страна вибрировала от страстей, в ходу было высказывание о лодке, в которой находимся все мы («и не надо ее раскачивать»), а плыть она может только в одну сторону. А так как, куда именно плыть, никто не знал, в чести были всяческие предсказатели...

Он представился Посредником, не расшифровывая этого слова (и так всё ясно: взгляд вверх), сказал, что заинтересовался нашей газетой («у неё высокий уровень свободы») и предложил совместное дело.

Комплименты - вещь приятная. Да и совместное дело, если прибыльное... Попытались мы увязать наши интересы. Заработать вместе в информационной сфере, подолгу просиживая в Москве. Но, в конечном итоге, я приобрёл опыт общения с авантюристами мирового масштаба, а он заработал на подержанные «Жигули»...

Более успешными были совместные поездки на рыбалку. И одна из них - на Янкуль.

Янкуль - населённый пункт рядом с трассой Ростов - Баку, между Невинномысском и Минеральными Водами. Несколько километров в сторону - и деревня, за которой открывается довольно большой водоём с холмистым противоположным берегом. Вот на этот высокий берег мы и проехали по узкой, с крутым подъёмом дамбе и по склону по-над водой ближе к середине, где и остановились.

Было начало осени и неустойчивая погода. Приехали мы под сумрачные низкие облака. Закинули удочки, завезли «резинки». Посредник уединился на выступающем мысочке и закинул удочку как смог дальше от берега. Он ловил только на одну снасть и забрасывал её далеко. Мы же раскинули весь свой арсенал, включая две «резинки»...

Теперь несколько подробнее о «резинке». Впервые я увидел эту снасть на юге России, хотя вполне возможно, что ловят на неё везде, где спокойная вода. Это десяти-пятнадцати метровый кусок специальной, прочной резины, когда её не было в продаже, использовали резину, входящую в комплект авиаконструктора «Сделай сам», привязанный одним концом к не сдвигаемому без усилия грузу, другим - к толстой несущей леске, на которой, на расстоянии в среднем в полметра-метр, привязаны поводки. До десятка. Груз завозится или забрасывается как можно дальше от берега, так, чтобы поводки лежали на рыбном пути. Рыбак усаживается у настроенной как закидушка снасти и по движению лески или колокольчику определяет поклёвку. Леской же подсекает и выводит рыбу и затем, обновив наживку, отпускает снасть обратно, вслед за сжимающейся резинкой, возвращающей поводки на старое место.

Удобная и ленивая снасть. К тому же уловистая.

...Несколько карасиков до ночи поймали. Посредник оказался удачливее и на закате принёс двух приличных сазанчиков, так что в этот моросящий вечер мы были с ухой.

Ночевать пришлось всем в машине, ибо палатку мы с собой не брали, рассчитывая переспать у костра, но моросящий дождь сломал все планы. Вчетвером спать в машине можно только сидя, поэтому, как только рассвело, полусонные начали ловить. Но клёв был вялый, да и брал в основном некрупный карась. Лишь Посредник на свою наживку поймал трёх сазанов, около килограмма каждый.

К полудню мы решили возвращаться. Собрались, уложили вещи и снасти в машину, я сел за руль, повернул ключ, отпустил сцепление и... ма-

шина начала медленно разворачиваться, одновременно скользя по склону вниз...

Не помогла и тройная человеческая тяга, машину всё больше стаскивало по обрывистому берегу к воде..

Наконец мы поняли, что своими силами не обойтись, и двое остались в машине, а двое отправились в деревню на другой берег за помощью. По дороге они встретили мужика на подводе, который заверил, что его конь с задачей справится, и, обнадёженные, они вернулись к машине. Но и добавок лошадиной силы к нашим результата не дал, хотя чуть-чуть по склону протащить её и удалось. Но дальше тот стал круче и тут уже сложенных силёнок не хватило.

Опять гонцы затопали в деревню.

Была суббота, послеобеденное время, и оказалось, что единственный тракторист, который мог нас выручить, уехал на свадьбу в соседнюю деревню...

Почти до темноты мы ходили по дворам, пытаясь найти сколь-нибудь пригодный для нашей выручки механизм, но в конце концов вынуждены были смириться и, заглянув напоследок к председателю колхоза, заручившись его словом обязательно отправить нам на помощь тракториста, как только тот появится, мокрые и грязные от хождения по глинистым берегам, вернулись обратно.

Снасти забрасывать не было ни смысла, уже близился вечер, ни желания. Все свои запасы мы доели, чай допили... Сообразить что-нибудь из пойманной рыбы не могли из-за всё так же моросящего дождя и отсутствия дров, за которыми нужно было идти в деревню (кругом голые склоны), поэтому устроились в машине, дымили ещё оставшимися сигаретами и ждали...

Наконец решили, что целесообразнее всё же двоим отправиться пешком в деревню, добраться до трассы, а там на попутке уехать домой. Мы же с Посредником оставались до вызволения машины...

Но нам повезло, тракторист оказался не из загульных, прошло не так много времени после ухода наших товарищей, как мы услышали рокот трактора, а скоро и увидели «Беларусь», переваливающийся по холмам. Заметили его с другого берега и ушедшие, и вернулись обратно...

Не буду вдаваться в подробности этой непростой дороги в несколько километров, по которой болтались мы за не совсем трезвым лихачом-трактористом, ухая на колдобинах и трясясь по бровке разбитого просёлка, но в конце концов выехали на деревенскую улицу, отблагодарили нашего спасителя, а вкупе с ним заочно и председателя, и поехали домой...

С Посредником, так и не раскрывшим секрета наживки, мы постепенно разошлись, утратив взаимный интерес.

Не сложились у нас отношения и с Янкулем.

В жизни бывают события и встречи, которые, словно случайное пересечение орбит, существуют недолго. Но, как правило, запоминаются...

ПОЛЫННЫЙ ДУХ

Первый раз мы поехали на Маныч под впечатлением рассказов о самой небывалой рыбалке на Северном Кавказе. Собрались вчетвером, под выходные, с обеда в пятницу и, загрузив в «копейку» помимо себя огромное множество припасов и снастей, отправились.

Как ни старались, по свету доехать не успели, по пути подкапывали червей; в исходной информации достаток червей был одним из главных факторов успешной рыбалки и даже бартера, в случае, если сами мало поймаем. В Дивное, райцентр на границе Ставропольского края и Калмыкии, въехали уже в темноте, а миновав село, вынуждены были ещё с полчаса простоять в душной ночи перед перевернувшимся грузовиком, пока гаишники делали необходимые замеры.

Наконец все огни остались позади, справа и слева, по нашим расчётам, была вода - тот самый Маныч, куда мы так стремились. Мы решили дальше не ехать, а спуститься по одному из накатанных съездов. Нырнули в тут же поднявшееся пыльное облако и неожиданно быстро упёрлись в водную гладь...

Рыбаки знают и поймут то самое первое нетерпение, которое утоляется только немедленным забросом... Мы собрали в свете фар снасти, торопясь и соревнуясь друг с другом, и тут же, в световом клинышке, позабрасывали их так плотно, что при поклёвке они неминуемо должны были перепутаться, и лишь выждав ещё несколько минут и убедившись, что никакая рыба нас не поджидала, продолжая поглядывать на провисающую леску, стали собирать на стол, раскинутый перед фарами брезент, ужин.

Еда, принятый «Зверобой», позднее время да знойная ночь разморили, и потихоньку по одному мы разбрелись по спальникам...

...Наутро нас ждало разочарование. Перед нашим бивуаком, довольно далеко от берега, изредка поглядывая в нашу сторону, чинно вышагивала цапля... А дальше стояли камыши и лишь за ними виднелась широкая полоса воды...

Это был один из мелководных заливчиков, естественно, более богатый илом, нежели рыбой...

Мы разделились на пары. Двое уехали в Дивное на разведку и за дровами, которых мы, как стало очевидно, привезли недостаточно, двое остались ждать на теперь уже очевидно безнадёжном берегу.

Наконец «копейка» вернулась, и «разведчики» сообщили, что до Маныча нам ещё надо проехать по трассе почти до калмыцкого берега, затем по-над Манычем в сторону железнодорожного моста, ибо самые уловистые места именно там...

Даже завтракать не стали, мигом собрались и попылили опять к трассе, а потом уже с неё ушли теперь уже точно к видимому широкому Манычу...

До железнодорожного моста, соединяющего берега недалеко от истока, оказалось не близко, без малого полста километров. Набитая полевая дорога извивалась вдоль самой воды, и от этого нетерпение наше всё возрастало и возрастало...

Наконец доехали до железной дороги, связывающей Ставрополь с Элистой.

Здесь, возле моста, как мы потом узнали, было самое охотничье место, ибо утки и гуси беспардонно нарушали границу Калмыкии и Ставрополья и залетали с той, заповедной и практически безохотничьей стороны, радуя охотников с нашей, явно убеждённых, что именно там, в Калмыкии, и гусь, и утка и больше, и гуще...

Под мостом среди зарослей камыша виднелись блюдца, в которых по всем приметам сидели крутые сазаны и ядрёный карась и мы опять принялись распутывать снасти и, торопясь, закидывать их...

Стоял уже полдень.

Жаркий, за тридцать градусов...

Именно на жару можно было списать олимпийское спокойствие поплавков, но мы физически ощущали, как стремительно уходит время: вот он близится, второй наш манычский вечер и последний, потому что самое позднее завтра после обеда надо будет возвращаться... Вот он приближается с каждым мгновением. А мы даже не видели поклёвки...Только высохшую степь, множество цапель, чаек и бакланов по пути и пыль, покрывшую всё в машине, включая нас... А ещё больше всего хотелось спрятаться в тень и пить пиво, которого у нас не было...

Через пару часов мы приняли решение ехать, будь что будет, туда, где большой Маныч сужался, бился на протоки и, в конечном итоге, превращался в одну речку...

Проехали ещё с десяток километров...

И спросить-то не у кого. На калмыцком берегу виднеется кошара, но не ехать же вокруг озера...

Наконец решили, что в любом случае там, где нас нет, всегда будет лучше, как бы ни старались это место найти - всё равно не найдём, и остановились подле узкой, метра в три-четыре, протоки, за которой стоял густой камыш.

Уже не особо веря в манычскую рыбу, первым делом залезли в эту самую, не очень глубокую и неприятно парную реку, поднимая муть, повалялись в ней, словно носороги в далёкой Сахаре, остывая. Попутно изобрели афоризм: «клёв, он и в Африке клёв». И лишь затем закинули удочки...

То, что было потом, можно назвать промыслом... Нет, сазанов и карасей мы не наловили в ту поездку, но краснопёрка, плотва и приличный окунь, похоже, нас заждались...

Скоро мы отбросили все удочки, оставив по одной, и лишь успевали вытаскивать...

Насыпали в вёдра соль, сделали тузлук и бросали прямо с крючка туда рыбу...

Когда рука устала от этого неспортивного однообразия, я решил поискать добычу покрупнее и довольно скоро в прибрежной ряске на отмели увидел круги, расходящиеся с одного места. А потом и разглядел спину чмокающего сазана.

Сдерживая дыхание, бросил удочку под самый-самый... И угадал... Заворочался, заходил сазан, засосав крючок, но на мелководье я его мигом вытащил: золотистого, трёхкилограммового...

Ужинали окунями, поджаренными на вертеле, и в темноте долго ещё нанизывали на толстую леску (дабы развесить вялить) просолившуюся к этому времени мелочь...

Мой сазан стоял в воде на привязи.

...В тот первый раз домой мы привезли только вяленую, к пивку, рыбку. И единственного сазана.

...После этой поездки практически не было лета, чтобы то малой, то большой бригадой мы не выезжали бы на Маныч.

Потом были найдены иные места, короткий путь в охотничье хозяйство Типки и на Лысый лиман, который в один год был необычайно урожайным на сазана и судака...

Были обловлены сброс и ямки по реке, на которых тоже единожды повезло несказанно: за день практически каждый из почти десятка рыбаков наловил по мешку товарных сазанов...

Были ночные блуждания по степи и нашествие змей.

Были запомнившиеся встречи с такими же, как мы, одержимыми...

Но самое главное, что там есть и зачем я туда езжу, - это полынный дух знойной степи и многозвёздное и такое близкое небо...

«УТЁС ПОХОЖ НА МОЕГО ОТЦА...»

СОНЕТЫ

(Раздумья скалолаза среди чудес альпийского луга)

1
Я с рюкзаком иду наверх по склону
И кланяюсь цветному небосклону,
И лёгкий кашель скалы слышат,
И духи горные в затылок дышат.

Неугомонный рядом водопадик
Среди камней искристый вяжет бантик,
А иногда, швырнув куски гранита,
Их перепрыгивает деловито.

Он с выступа с такою хваткой резвой
Срывается сияющий над бездной,
И брызгами лицо мне омывает,

Наверно, сил небесных прибавляет.
В нём дух рассвета и заката, -
Звучит, как фортепьянная соната.

2
Когда включил я маленькое чудо
Вблизи утёса зазвучал Шопен,
Гранитный лик прислушался как будто
И погружался в музыкальный плен.

Над головой чуть-чуть синела дымка
И становилась аурной пыльцой.
По выраженью глаз и по морщинкам
Я узнавал отцовское лицо.

Вот так мы вместе слушали Шопена,
От счастья, кажется, едва дыша,
И крепла и цвела самозабвенно
Моя сентиментальная душа.
Мы наполнялись каждым звуком чудным
И годы проплывали за секунды.

3
Утёс похож на моего отца,
Родные светятся черты лица,
И под сияньем солнечного блика
Такая ж добродушная улыбка.

Я восхищён творением Творца,
Могу им любоваться без конца,
Хотя виденье, может быть, и зыбко,
Но есть в нём что-то от святого лика.

Благодаренье возношу Творцу
За этот вечный памятник отцу,
Наверно, Господи, он заслужил

За трудолюбие и свет души,
За всё, за всё - чем жил и дорожил,
И как отцовский подвиг свой вершил.

4
Сквозь фронт, гремящий днями и во мраке,
Сквозь град, осколочный, всегда шальной
Отец с двумя детьми шёл, как святой,

Не подкосили вражьи нас атаки,
Шли сквозь войну, как сквозь кошмарный сон,
Нам стал родным солдатский батальон.

Мне надо бы кристальными словами
Поведать об отце и батальоне,
Когда Россией взгляд до слёз наполнен, -
Заря степная, как святое знамя.

И если голос мой Господь услышит, -
Как зов мальчонки из тяжёлой битвы,
То и средь вечных схваток и затиший -
ВСЁ ЗА ОТЦА И БАТАЛЬОН МОИ МОЛИТВЫ!!!

5
Я вижу музей неизвестный:
Гранит, как разбитые рельсы
Меж скал так лежит опалённо,
Как между пробитых вагонов.

А рядом гремят камнепады,
Взрываются, точно снаряды,
Средь гулкого эха от взрывов
Слышны голоса командиров.

Сквозь заросли скрытые тропы
Ведут в блиндажи и окопы,
И движутся тучи полками,

Сверкая на солнце штыками.
Вот так здесь утёс мой рассветный
Открыл мне музей неизвестный.

6
Однажды отцу произнёс я спросонок,
Что ангелы пели над нашим вагоном.
И набожный рядом солдат Агафонов
Отцу подтвердил: - Очень прав твой ребёнок,

Щадят нас и выстрел шальной и осколок,
Я знаю, что ангелы нам помогают,
Ведь их песнопения к нам долетают,
Солдаты во сне им душою внимают.

Россия спасалась в огне разных битв
И крепостью духа и силой молитв,
А слышащий ангелов чуткий малец

Почувствует как в нём взрослеет боец, -
Да будет храним он и Русью и Богом,
И станет отцу и Отчизне подмогой.

7
Я вспомнил как в гуще тумана
Убитых скрывали воронки, -
Предали земле под курганом
Лишь к ночи с раздумьем нелёгким.

Спросил я у дяди Степана:
- Ночами здесь воют ли волки?
Ответил солдат: - Очень рано
Узнал ты, малыш, опыт горький...

Поверь, что стаей седых голубей
Погибшие станут в небе степей...
А ночью отцу шепчу перед сном,

Что видел и я в заснежье степном
Как голуби в тихой метели
Уже в небеса полетели...

8
Отец, ты выдержал неравный бой
Всегда с непредсказуемой судьбой.
Взгляни на свод лазурно-голубой
Как ласточки резвятся над тобой,

Приветствуют, наверно, с высоты
Твой памятник и горные кресты,
И сплав вершин могучей красоты,
И солнцем освещен так ясно ты.

И вновь шепчу тихонько в небеса:
- Спасибо, Господи, за чудеса,
И за дороги, что я превозмог,

За то, что главную увидеть смог,
И до земли я кланяюсь отцу
С молитвой благодарности Творцу.

9
Средь цветников альпийских луговых
Со мной случилось чудодейство:
Чреда галлюцинаций слуховых -
Знакомых песен мне из детства.

А, может, тихо пел мне мой утёс,
Стоявший тут неподалёку,
Душа внимала и почти до слёз, -
Благодарю!.. - шептала Богу.

Казалось, птицам поручил Творец,
Чтоб с ними подпевали и цветы.
И, словно в битвах крепнущий малец,

Я видел как у огненной черты,
В разгар войны мне тихо пел отец, -
Пел сердцем и с комочком хрипоты.

10
Пока общался я с моим утёсом,
Звучала тихо и светлоголосо
Любимая отцом простая песня,
Что слышалась почти из поднебесья.

Казалось мне, что вместе с облаками
Ей подпевали и цветы и камни,
И на лугу валун такой античный,
И тоненько вплетались струны птичьи.

И это всё меня так изумляло,
И как во сне душа моя летала,
И с песней безупречно совпадала.

И понял я, и убедился зримо:
Как наша жизнь разлукой ни ранима,
Но связь живая в нас неистребима.

ПОГОЖИЕ ДНИ В ГОРАХ

Встал хребет надо мной, за титаном титан,
Весь Кавказ - как вулкан непотухший.
Тициан Табидзе

I.

- Иди, Бадри, - сказал худой моложавый человек в белом халате. - Подожди отца в коридоре.

- До свидания, - попрощался шестнадцатилетний паренёк в больших тёмных очках и вышел из кабинета.

Кабинет - чистый, просторный; тяжёлые шторы слегка задёрнуты, и здесь всегда царит мягкий полумрак.

- Всё в порядке. - Профессор положил на стол офтальмоскоп, похожий на блестящее блюдечко, устало хрустнул гибкими пальцами. - Теперь он опять будет видеть.

Правда, о том, чтобы сейчас вернуться в школу, не может быть и речи. Зрение должно окрепнуть. Режим и питание. Это всё.

- Поверьте, я никогда не забуду, что вы сделали для нашей семьи. Я ваш должник, профессор, - настойчиво повторял собеседник.

Профессор поморщился. Он был немолод, хотя выглядел хорошо, и не любил, когда люди начинали благодарить за удачно проведённую операцию. Когда-то ему нравилось это, но сейчас он воспринимал свою работу как должное. Каждый человек на земле обязан что-то делать, и долг каждого - делать свою работу хорошо. Вот и он старался.

А когда что-то не выходило, он мучился, был раздражён и необщителен, терзая себя сомнениями, хотя прекрасно сознавал, что делает всё возможное.

Профессор резко встал из удобного чёрного кресла. Его собеседник тоже поднялся.

Они вышли в коридор.

Коридор был тёмный, прохладный, в конце его, у большого квадратного окна, стояла карликовая пальма в деревянной кадке.

- Если когда-нибудь понадоблюсь вам или вашим знакомым, вот моя визитная карточка. - Отец парень-

ка быстро сунул небольшой лощённый прямоугольник в карман халата профессора.

«Так вот всегда, - подумал профессор. - Эти самые прекрасные и для меня, и для них минуты чертовски тоскливы и полны суеты».

Он обречённо вздохнул, пожал руку отцу, потом сыну.

- Желаю счастья, Бадри, - сказал профессор.

Потом он стоял у окна рядом с пальмой и смотрел, как Бадри с отцом идут по длинной и прямой, как проспект Плеханова, аллее, мимо крепких, зелёных, едва тронутых желтизной деревьев.

Высоко в небе, голубом и безоблачным, тянулся клин журавлей.

Бадри проводил его взглядом.

Профессор вытащил из кармана визитную карточку. «Давид Авксентьевич Сехниашвили, художник», - отпечатано на ней грузинской вязью, в левом углу - телефон и адрес. Профессор с хрустом смял карточку, ловко бросил в кадку и оглянулся, как нашкодивший ученик. В коридоре никого не было.

II.

Они жили в новом районе. Долгое время здесь была городская свалка, и теперь окно комнаты Бадри выходило на пустырь, где днём напряжённо работали бульдозеры, разгребая горы мусора.

На ночь бульдозеры становились в ряд, и их длинный безжизненный строй освещал единственный прожектор на кривом высоком столбе. В эту ночь прожектор не горел, и когда Бадри проснулся, ему показалось, что он опять ослеп.

Стало как-то дико. Он помнил, что прошла операция и что он опять может видеть, но всё равно было страшно.

Когда Бадри лежал в больнице, он научился различать весь обслуживающий персонал и больных по движениям. Если движения были замедленные и осторожные, значит, тётя Марго несёт железный поднос с тарелками, полными куриного бульона. Чуть волоча ногу, ходил обгоревший на пожаре Сандро. А профессор Голикидзе пахнул кофе.

И ещё сотни мелочей, на которые прежде не обращал внимания. Они не заменяли зрения, но всё же помогали.

Теперь бы он не смог очутиться снова в таком положении. Бадри с ужасом вспомнил вычитанный в книге исторических хроник случай, когда нескольким тысячам взятых в плен воинам выкололи глаза. Не тронули одного-единственного, чтобы было кому привести на родину несметную армию слепцов...

Сегодня отец разговаривал со своим другом Гурамом Килауридзе, писателем. Тот позвонил в Ставрополь и предложил отцу Карачаево-Черкесский заповедник, где сам он отдыхал этим летом два месяца и где у него открылось «второе дыхание», настолько мощное, что он написал за это время небольшую повесть.

В тех местах шли упорные гибельные бои со специально обученной немецкой дивизией горнолыжников «Эдельвейс». Там погибло немало грузин, и дядя Гурам написал об этом.

«Жаль, что мама не едет с нами», - подумал Бадри и тут же заснул, подхваченный убыстряющимся течением реки, которая несла и несла его куда-то, скатываясь круче и круче, пока не превратилась в бесконечный низвергающийся водопад. Фейерверки брызг повисали вокруг разноцветными звёздочками, полными значительности и смысла, как это бывает иногда во сне.

III.

Добирались туда долго. Такси, самолёт, автобус, а последние сорок восемь километров ехали в кузове попутного грузовика.

Дорога шла между высоких лесистых гор, следуя за изгибами Лабы - шумной норовистой речки, что угрожающе-напевно гудела в неглубоком ущелье. Сверкающий солнечный свет отражался от яркой хвои и потемневших стволов. От тяжёлых, неуклюже обкатанных валунов и от узкой, своевольно подвижной водной глади. Этот свет дрожал над землёй. Выше шла лёгкая, едва приметная радужная дымка.

Но стоило хотя бы на миг вскинуть голову - и в чистом, незримом, как вакуум, горном воздухе все предметы (будь то далёкая ель на отшибе или тропа, петляющая сквозь лесной массив) виделись так ярко, так близко и так пронзительно, словно внезапно возникал пейзаж иной, более прекрасной планеты. Это был какой-то странный обман зрения, которому и довериться-то было трудно - так удивительны и приятны казались глазу места, что лежали окрест.

На ухабах и колдобинах грузовик подскакивал так, что ноги пассажиров отрывались от днища кузова, и в этот миг невесомости сердце ухало вниз, но Бадри испытывал удовольствие даже от неудобств дороги. Полмесяца назад он мечтать не смел о подобном путешествии, а лишь горько и неумело скрывая страдание, тосковал о зрении.

Теперь даже эта дорога, от которой замирает дыхание, была утверждением его полноценности. Он видел каждый камешек, ямку, траву на обочине. Ни разу в жизни не имел он лучшего подарка!

Отец, перебирая вспотевшими ладонями напряжённо-дрожащий борт кузова, поворачивал голову к сыну, что-то неслышно говорил, морщился. Усталый, бледный, он вызывал у Бадри сострадание, смущение и стыд. Почему стыд? Этого Бадри не смог бы объяснить. Неужели из-за орла, величаво распростёршего в вышине крылья? Бадри давно заметил огромную птицу, но Давид Авксентьевич был так жалок и измучен, что сын не решился отвлечь отцовское внимание от его собственных переживаний.

Но зато как радостно было въехать в Загедан и убедиться, что разговоры о его красоте вовсе не приукрашены. Казалось, природа создала его

в самом приятном расположении духа, и это немедленно сказывалось на вновь прибывших.

Шофёр высунулся из кабины, кивнул на широко разбросанные домики:

- Вот он, ваш Загедан. Счастливо оставаться.

Отец и сын спрыгнули на землю, разминая затёкшие ноги.

- Сколько я должен? - спросил Давид Авксентьевич..

- Что ж я, бессовестный совсем?! - удивлённо возразил водитель, - хватит того, что вы в кузове намучились.

И тронул машину, не прощаясь. Обиделся.

- Спасибо! - крикнул Бадри, хотя знал, что шофёр не услышит. «Посёлок пустынен, - рассказывал им Гурам. - В нём живёт несколько семей. А раньше жили лесорубы. Но потом это место объявили территорией заповедника, и люди разъехались.

Осиротевшие дома стоят печальные, пустые, заброшенные. Один дом куплен Ставропольской писательской организацией и переоборудован в «Дом творчества».

Здесь они поселились.

IV.

В доме стояли два стула, четыре кровати, несколько табуреток, громоздкая пишущая машинка девятисотых годов.

«Соседями у вас будут дед с бабкой. Старик когда-то кулачил, был сослан обживать эти места и теперь печёт хлеб в маленькой пекарне, рядом с незатейливым магазином.

Бабка за небольшую мзду будет вам прилично готовить».

Так всё и вышло.

Старик-пекарь навестил их в тот же день.

- Дай бог благополучия и здоровья! - пожелал он, исподлобья оглядывая новых жильцов. - Вы, часом, не иностранцы?

- Нет, - ответил Давид Авксентьевич. - Мы совершенно свои, советские грузины.

Пекарь оживился:

- Был тут до вас один грузин из самого, что ни на есть, Тибилиси. Гурамкой звался. По всей округе как заведённый мотался. Ну дня на месте не посидит. Будто шило у него в заднице! Старожилов и егерей насчёт войны расспрашивал. А ночами из этой штуки, - старик кивнул на допотопную пишущую машинку, - такие пулемётные очереди извлекал, что не иначе, как ваши соплеменники на той стороне гор уши зажимали.

- Это наш друг, - похвастался Бадри. - Писатель.

- Вот-вот, - согласился пекарь. - Его мёдом, бывало, не корми, а дай на этой машинке пострекотать. Опосля профессор из Пятигорска приезжал, а с ним эфиоп, студент из недавно испечённого государства. Солидные люди,

ничего не скажешь. Всё больше на речке с удочками промышляли, А разговор у них в основном иностранный, эфиоп слабо по-нашему балакал. Моя старуха им борщи да супы всякие варганила. А вы как - самостоятельно питаться будете?

- Избави господь! - испуганно заявил Давид Авксентьевич и достал из внутреннего кармана пиджака бумажник. - На кухонные заботы у нас просто не будет времени. Чай вскипятить или что-то поджарить мы ещё сможем, а что-либо более серьёзное...

Отец с улыбкой посмотрел на сына и развёл руками.

- Понятно, - весело сказал старик, поплёвывая на пальцы, чтобы легче было считать деньги.

Позже они убедились, что пекарь не был скупым человеком и деньги не имели здесь такого значения, как в других местах. Старик ценил их лишь в силу давней, цепкой привязанности.

Дни стояли погожие, не по-осеннему тёплые. Ночи холодные. По вечерам склоны гор затягивались белесым туманом, который на глазах густел, уплотнялся и медленно сползал к посёлку.

Утром, когда Бадри с отцом, постукивая зубами, выскакивал из низкого деревянного домика с острой высокой крышей, чтобы сделать зарядку, везде лежала льдистая изморозь. Мир был нежен и прекрасен, как сказка; похож на красивый сон.

- Ну как, Бадри? - кричал отец.

- Замечательно, - улыбался Бадри.

Мелкими глотками пили холодное молоко, завтракали и шли по пояс в тумане через узкий подвесной мост в осенний, богатый оттенками лес, круто поднимающийся в гору.

Бадри казалось, что он только что родился. Красота природы, обилие света, воздуха, красок кружили голову, и было так хорошо оттого, что он вновь может видеть всё это, и он видел это как бы впервые и не мог насытиться.

Ему нравилось есть, спать, дышать, смотреть, колоть дрова, носить воду из стремительной горной речки, где водилась крупная форель. То есть он делал работу, необходимую, чтобы жить. Это казалось ему самым чудесным: жить на свете!

Иногда он один гулял по лесу, а отец работал.

Полотна отца не раз экспонировались на Всесоюзных художественных выставках, но последнее время он сотрудничал в двух издательствах как график-иллюстратор. В Ставрополе Давиду Авксентьевичу предложили оформить к предстоящему юбилею Георгиевского трактата документальную книгу, и теперь он много трудился.

- Вот ведь чудесное место. Правда, Бадри? - говорил отец - Получше, чем в какой-нибудь Швейцарии. Горы, лес, воздух, вода... Свежесть-то какая, господи! А красота, красота какая вокруг! Никогда ещё не рисовал с таким подъёмом, как здесь.

- Красиво, - коротко соглашался Бадри. Ему не хотелось говорить об этом.

Ему казалось, что он чувствует эту красоту гораздо больше, чем можно высказать, и больше, чем чувствует её отец. Ведь Бадри мог всего этого не видеть, и то, что он, благодаря профессору Голикидзе, имеет такую возможность, наполняло большим, неясным ещё ему смыслом всё окружающее.

Однажды на рассвете Бадри пошёл в горы вместе с егерем Одинцовым. Егерь - мускулистый и загорелый, ещё не старый, но заметно седой - напоминал Соколиного Глаза, героя книги, которую не так давно взволнованно читала вслух в их палате тётя Марго. Полный достоинства и самообладания, с верным карабином за плечом, егерь двигался меж деревьев легко и неслышно, как барс. Восхищённый Бадри едва поспевал за ним. Казалось, они пробираются сквозь девственные чащобы Северной Америки по едва заметным следам кровожадных гуронов.

Во второй половине дня достигли вершины горы. Хвойный лес сменился обширным альпийским лугом, покрытым травой, злаками и цветами. Белые зонтики борщевиков, жёлтые цветки лилий, розовые ветки рододендрона, высокотравные колосья ржи.

Одинцов устроил привал.

Развёл костёр, достал из охотничьего рюкзака мясо дикого кабана, замоченное в уксусе. Нарезал кусками, насадил на обструганные веточки и приготовил шашлык.

Запах жареного мяса щекотал ноздри.

Бадри случалось два или три раза бывать с отцом в ресторанах, но сейчас он навсегда уверился, что изысканные блюда дипломированных поваров не могут соперничать с шашлыком из кабаньего мяса.

Шашлык был вне конкуренции уже потому, что приготовлен на вершине горы.

- Вкусно? - спросил Одинцов.

- Очень.

- Это горы аппетит нагоняют. Тут сухая корка пирогом кажется.

Немногочисленные домики Загедана едва просматривались. Зато позади, совсем рядом, на первый взгляд, вырастали закованные в ледяной панцирь хребты. Холодное дыхание ледников ощущалось на лицах. Тем приятнее посидеть у костра рядом с сильным и мужественным человеком, так похожим на героя Фенимора Купера.

- А там вы бывали? - Бадри показал на ледники, которые гипнотизировали его жадный взгляд белизной и блеском. Пламя костра опалило шерсть на свитере, и Бадри отдёрнул руку.

- Бывал, - нехотя ответил егерь. - Там, в толще льда, альпинисты до сих пор тела солдат находят. Бои тут шли страшные.

Немец в Закавказье со всех сторон рвался. Но бесполезно - наши стояли насмерть. Тогда, наверное, везде так было.

- Вы тоже воевали?

- Молод был, не довелось. А вот пекарь - тот возил бойцам продовольствие на осликах.

- Пекарь? - удивился Бадри. - Его же раскулачили, забрали имущество, сослали сюда. Или нет?

- Да уж конечно, не сам приехал, - усмехнулся Одинцов. - Но ведь он русский человек! Мужчина, брат, должность ответственная.

Вопрос стоял жёстко: кому жить на этой земле? И нам не время было сводить между собой счёты.

Бадри растерянно кивнул. Он впервые сталкивался с подобным случаем и смутно догадывался, что поступки людей определяет их нравственная сила, именно она помогает человеку выстоять. Представил кряжистого старика, который смотрел на мир исподлобья, но сумел пересилить обиду, когда жизнь потребовала от него решения.

- А ведь он мог отыскать в душе оправдание, если бы поступил иначе? - проговорил Бадри, с напряжением глядя на егеря.

- Никогда! - яростный тон Одинцова отметал всякие сомнения.

- Никогда, даже в душе своей, человек не отыщет оправдания предательству.

В одиночестве странствуя по горам, можно успеть передумать о многом. Мировоззрение Одинцова было на редкость цельным.

Но Бадри, как типичный молодой человек, обладал повышенным оппозиционным чувством и не мог сразу согласиться с мнением собеседника. Внутренне Бадри соглашался с ним, признавал правоту, но ему требовались дополнительные доводы, чтобы уметь потом отстаивать то, что становилось его собственным убеждением.

- А чувство самосохранения? - возразил Бадри. - Оно-то есть у всех.

- У всех, - согласился егерь. - Природа распорядилась мудро.

Но даже перепёлка, рискуя жизнью, уводит хищника от гнезда, от потомства. Человек же сознательно отбрасывает чувство самосохранения и ставит на карту свою жизнь, если от этого зависит жизнь других людей.

Одинцов поворошил прутиком притухший костёр. Синеватые огоньки заплясали на подёрнутых пеплом угольях.

- Как-то сбросили десант в помощь защитникам перевала. Дело было на рассвете, дул ветер с гор, и весь десант снесло сюда, в наше ущелье. А вон оттуда, - егерь показал на одинокую ленту дороги рядом с Лабой, - на транспортёрах и мотоциклах на перехват шли немцы. Техника у них сильная, что там говорить. Они даже канатную дорогу умудрились провести в здешних местах.

Но война, брат, не прогулка. Уходить нашим надо было немедля.

Пекарь вызвался довести десантников до перевала. Требовалось прикрыть отход. Осталось трое добровольцев.

- И что?

- Вон там памятник им. - Одинцов показал вниз, вправо от Загедана. - Он очень маленький, отсюда не видно.

И Бадри с заколотившимся сердцем представил группу десантников.

Они чутко прислушивались к отдалённому гулу немецкой колонны. Шум Лабы на перекатах приглушал доносившиеся звуки и мешал определить точную скорость продвижения врага, но всем казалось, что они приближаются слишком быстро. «Добровольцы есть?» - спросил командир. Трудно оторвать от земли потяжелевшие ноги, шагнуть вперёд, отделить себя от сплочённой группы. Но кто-то должен принять непосильную ношу, остаться здесь и жить как можно дольше. С каждым мгновением их обречённого бытия возрастают шансы товарищей уйти от преследования..

Они шагнули вперёд, заведомо зная, что коротким «Я!» подписывают себе смертный приговор. Командир торопливо взглянул на циферблат; следовало что-то сказать, но все слова разом утратили ценность, и командир просто поблагодарил их: «Спасибо, бойцы. Задача ясна?» - «Продержимся, товарищ лейтенант, - ответил один из них, провожая взглядом немецкую сигнальную ракету. - Нескоро они тут прорвутся». - И стал беспокойно-живо оглядываться вокруг, выискивая наиболее выгодную позицию для отражения предстоящей атаки.

Группа ушла.

Успели ли они пожать руки, обняться? Вряд ли.

Трое десантников выбрали места вдоль тропы, поудобнее разложили ручные гранаты и запасные магазины. Плотно прижались к влажной утренней земле. Они могли не опасаться простуды.

Болезнь попросту не успела бы их настигнуть. Голоса рослых спортивных парней из дивизии «Эдельвейс» приближались.

Бадри огляделся. Со стыдом вспомнил он, как несколько дней назад окружающий пейзаж представлялся совершенно иной, далекой планетой, а не уголком родной страны.

Он повернулся к егерю.

Неподвижный егерь зорким прищуром вглядывался куда-то.

- Что? Что? - встревоженно спросил Бадри. - Что там? Одинцов протянул бинокль.

На соседней горе, на кромке ледника, нервно пробуя блистающую твердь копытцем, стоял гордый красавец тур, откинув голову, украшенную саблевидно изогнутыми рогами. Ниже, среди низкорослого горного кустарника, замшелых первобытных валунов и островков изумрудно-праздничных пихт, резво двигалось небольшое стадо.

- Ух ты! - невольно и радостно вырвалось у Бадри. - Это тур им сигнал проблеял.

- Туры не блеют и не мекают, - возразил егерь.

- А как же тогда?

- Они свистят, хриплым простуженным свистом, или рогами перестукиваются.

- Ни фига себе! - сказал Бадри.

Не зря учился он в средней русскоязычной школе имени Менделеева, расположенной в районе 31-го завода. Умел чертёнок весьма кстати ввернуть что-нибудь этакое по-русски!

V.

Отец работал с таким напором и удовольствием, что через две недели сделал десять хороших рисунков и попросил Бадри снести их на почту. Бадри завернул рисунки в газету и спокойным неутомительным шагом пошёл по обочине дороги.

За ним увязался исхудавший беспризорный пёс Тарзан. Но вскоре Тарзан отстал и побежал к реке, где егерь Одинцов ловил форель со своим сыном Мишуткой.

Идти надо было в Пхию - крупный оживлённый посёлок в девяти километрах от Загедана. Машины ходили редко, но Бадри это не огорчало. Кому охота в погожий осенний день трястись на зыбких досках кузова и больно биться о его борта?!

Он благополучно дошёл до Пхии, сдал рисунки на попечение почтовых работников и пустился в обратный путь, ощущая безмятежное спокойствие в связи с выполненным поручением.

И снова его сопровождал звучный монотонный шум Лабы.

Внезапно по вершинам деревьев скользнул, нарастая, резкий порыв ветра, и Бадри услышал, как медленно и протяжно скрипнули рассохшиеся стволы-великаны, будто несколько стариков, кряхтя присаживались на камни у ворот, чтобы поговорить о прошлом.

Но небо было чистое, голубое, сверкающее, и, быть может, поэтому порывы стихли так же неожиданно, как и возникли.

И тогда Бадри замедлил шаг. Ему вдруг показалось, что он понял, в чём заключено бессмертие. Он как-то особенно остро чувствовал величие осеннего леса, окружающих гор... Он подумал, что вчера этой дорогой шёл кто-то другой, и этот незнакомый ему «кто-то» видел и чувствовал точно так же, как он, Бадри.

А тысячу лет назад здесь стоял совсем другой человек, и с ним было то же самое. И он понял, что смерти нет, раз он видит и чувствует то, что чувствовали до него и что будут видеть и чувствовать после...

Это открытие наполнило его незнакомой до сих пор радостью.

Ему хотелось на всю жизнь запомнить и сохранить в себе это чувство, потому что когда-нибудь оно обязательно повторится в ком-то другом, и это будет он, Бадри. Ему хотелось улыбаться, но глазам было горячо от слёз.

- Как это хорошо, - тихо произнёс он.

И благодарил кого-то за это. Вернее, он бережно нёс в себе это незаметно зародившееся чувство благодарности за озарение, за полное слияние с природой. И как бы краток ни был этот миг, но Бадри сумел полностью проникнуться им.

А слева, у дороги, стоял памятник десантникам - маленький жестяной голубой конус с красной звездой. Они погибли давно, но сейчас Бадри ощущал волнующую связь между собой и погибшими десантниками. Его окружала та же природа, которую видели они в последний миг своей жизни. Но его-то жизнь продолжалась.

Продолжалась вместе с этим лесом, с горами, небом и ветром. Он жил сейчас вместе с ними, тремя советскими парнями, давшими здесь последний бой, и разница между ними была только та, что его бои - впереди.

Он словно брал сейчас на себя сокровенные обязательства и мог потом забыть их, и никто бы не обиделся, потому что тут не было свидетелей, кроме солнца, гор и маленького жестяного конуса у обочины узкой дороги, но как бы он чувствовал себя после этого?

Как?!

VI.

А потом погожие дни кончились. Солнце спряталось в облаках.

Осень - до сих пор робкая, задушевная - обнаружила нрав и силу. Зарядили холодные дожди.

Отец и сын быстро собрались и уехали в дощатом фургоне почтовой машины.

Их провожал пекарь. Он стоял в стороне от дороги под старым орехом, наброшенная на плечи плащ-палатка делала фигуру квадратной. Влажная пелена скрыла горы и лес.

- Быть добру! - последние слова пекаря.

В углу фургона сидели две женщины из Пхии, придерживая большие плетёные корзины, повязанные чистенькой белой материей.

Женщины всмотрелись в лица новых попутчиков. Моментально отнесли их к разряду бедолаг-туристов. Всполошились:

- Озябли-то как, жалкие!

- Непривычны к нашей осени.

- С непривычки и приболеть недолго.

- Ох, не говори, кума! Скверное дело.

С радушием раскрыли корзины, извлекли малину, яблоки, мелкие орехи. Наперебой, отгоняя одобрительными улыбками общее смущение, принялись угощать отца и сына.

Возбуждённо шумел дождь, перекрывая однообразный говор Лабы. Муторно, с надрывом работал старенький мотор. В особо размытых местах машина долго буксовала. На дороге стояли глубокие лужи, по которым с упоением били крупные капли дождя.

Бадри уезжал без сожаления, потому что ехал в большую жизнь, полную счастья, работы, учёбы и огорчений.

ЭКСПРЕСС «ВЕСНА - ОСЕНЬ»

***

Ясность, синь, простор, снежок
на отрогах гор.
Ключевой февральский день
выдался, дружок...

Помню ранний свежий мир,
встречи на бегу,
в мышеловках черствый сыр,
юную пургу,
достижимые призы,
гибельный азарт,
оборзение тоски,
свет - глаза в глаза...
Помню Тихий океан,
бурную тайгу,
рынка алчность, бред и гвалт,
лед и Колыму...

Все ушло в небытиё,
схлынул шум-торжок.
С нами - ясный зимний день,
синь, простор, снежок...

ЗИМНИЙ ПУТЬ

Какая красота!
Весь мир лежит, заснежен,
укутан ласковой
прозрачной белизной.
Лишь рощи черные
штриховкой свежей
расчерчивают
горы за рекой.

Просторные снега...
Не так уж это часто -
безбытно вырваться

в безмолвье и покой,
в вагоне пригородном
безучастно мчаться
и строки выводить
дрожащею рукой,

о том что всё ушло -
восторги и унынье,
любовной горечи
ожог и пьяный жар...
Остался лишь полёт
в сверкающей пустыне
и солнца дикого
закатный рыжий шар.

***
Пустынная весна...
Вдоль вьющихся просёлков
деревья тощие торчат.
Всклокоченные травы прошлогодние
свисают с горных склонов
шерстью ломкой
и пахнут дичью жёлтой,
и горчат...

А на пригреве, глядь,
уж зеленца пробилась.
И распустили женщины причёски.
И окна блещут как-то больно влажно.
В садах грачи разгуливают важно.
И синь густая веет надо всем...

Кой-где копают огороды.
С полей ползёт пожогов чад.
И комья чёрные земли моей кричат
о пробуждении народа...

АПРЕЛЬСКИЕ БЕЙТЫ

Весна шагнула ветрено в мой дом,
повымела бумажки, мусор, лом,

из подземелья вызвала траву,
отмылила густую синеву

небесную, в разводах облаков...
Всё стало так распахнуто-легко.

Мир обернулся юностью для глаз -
прозрачный и цветной -
алмаз, топаз!

И снова захотелось петь и жить,
и Богу жизни ветреной служить,
и улыбаться простоте до слёз...

Мне радостно - я до весны дорос!

ПОЕЗДКА 2011

Мчатся тучи, вьются тучи...
А.С. Пушкин, «Бесы».

Чёрный контур гор недальних.
Трассы огненной змея.
Ровный рокот вспоминальный.
Дымной горечи струя.

Мчит машина в даль тугую,
вьются встречные огни...
Где они, кого люблю я,
кто мне дорог, кто мне мил?
Есть ли, нет ли?
Ждут далече
в это утро,
в дождь, туман
на земле печальной, вечной,
всей - в заплатах странных стран?

Мчимся, мчимся в чистом поле
/как сказалось до меня/.
Только небо.
Только воля
в ожерелье из огня...

ПАМЯТИ ЖИЗНИ

Подражаю Тао-Юань-Мину
в переводе на русский
Александра Гитовича

Я юность припомнил -
не так это было давно.
Был полон я сил и надежд,
по стране колесил...
Тревожу я память -
как будто немое кино...
Вдруг ветер ворвётся,
о чём я совсем не просил.
И запах морской,
и душистое веянье рощ
нагорных, таинственных.
И поцелуев сандал...
Я счастлив, и в горе,
и греюсь в пылании звёзд...

А что бы я вспомнил,
когда б не рыдал, не блуждал?!

В ПУТИ...

Возвратился,
пространством и временем полный.
О. Мандельштам,
«Золотистого мёда струя...»

Страна простёртых
сломленных полей,
лесополос, заросших
муторным бурьяном,
где вместо
розоватых снегирей -
огни кровавые -
сквозь снежные туманы.

Наш поезд мчится
мимо городов,
хибарки
ярой грудью раздвигая,
сквозь склады, кладбища,
угрюмую окалину веков,

сквозь октябри,
и феврали, и маи.

Куда вернёмся мы,
в какие тупики
воспоминаний
и надежд избытых?
По мне бы - в сад,
где домик у живой реки,
где речь струится
вечностью безбытной,

откуда вышел я,
безумный, озорной,
сознать стремясь
таинственные века веды,
куда вернусь,
разбитый и седой,
исполненный простором
всепобедным...

МЕМОРИАЛ ЮНОСТИ

Юг черно-алый,
синего неба провал.
Здесь моё детство скрывалось,
здесь горевал...

Брат и старухи.
Мертвое время. Мечта.
Страхи и слухи.
Скуки ночной чернота.
Запах несчастья.
Эвакуации крест.
Нищий возврат из горластых,
из раскулаченных мест...

Где вы, сестрицы?
Брат накануне конца.
Эй, отзовитесь
зовом родного лица!..
Где это было?
Чёрным быльем поросло.
Там где могила
и воскресенье моё.

В СТОРОНУ ИОСИФА БРОДСКОГО

В густосинем небе -
млечные облака,
Люди склонны к радости
более, чем к печали.
Встречаешь внезапно тех,
кого не видел века -
они улыбаются так,
будто намедни с тобой чаевали.

Весёлые школьницы намекают тебе,
что ты почтенный старик,
почти ископаемое,
и достоин всяческого уважения.
Свалка мусора у дороги
напоминает дневник
хулигана-двоечника,
не способного к обучению...

О как солнце хлещет
сквозь кроны легко!
Как весна бьёт в груди
студёными родниками!
Груди юных женщин
переполнены молоком!
Но повсюду таблички вопят:
«Не трогать руками!»

Может, выживу всё же
в этот яростный май?
Может, сотворю ещё
нечто радостное, родное?..
Где-то маются, воют...
Кто-то ласково вскрикнул - ай!
Так любовь кричит,
сдаваясь без боя.

Вот и я, пожалуй,
сдамся Маю-отцу:
в этом месяце, сказывают,
впервые я свет увидел.

Синева сквозит прямо в душу,
а по лицу
облака скользят,
как отстиранные обиды...

* * *

От жары сводило губы.
От воды ломило зубы.
От тоски виски давило.
От любви щемило сердце...

Сколько б не пил - не напиться,
И любить - не налюбиться,
И смотреть - не насмотреться...

ПРИЗНАНИЕ

Прекрасная великая страна,
распятая от края и до края,
Твоих снегов я поцелуи знаю
и городов двуликих смрад и страх.
Я видел ярость, вероломство, крах
Твоих властителей.
И нищету сограждан.
Твоих торжеств угрюмую неправду
и ласковость еловую в глазах.
Твои красавицы сдавались алкашам,
мне в сердце упираясь каблучками.
Но я не сетую: и эту тайну знаю -
отчаянья. Я сам почти кончал
от черной и чернобыльской печали.
От азиатско-европейских сих
до анашистской Азии в халате
всю жизнь бы оголтело колесил,
да жизни нет и сил едва ли хватит.
С того Твоей обочиной рулю,
с того колымским слогом негодую,
за то и проклинаю и люблю
ненастную, несчастную, родную...

ЗА ДАВНОСТЬЮ ЛЕТ

В конце сентября, когда листва уже изрядно поредеет и промокнет земля, дни, скоротечные, тусклые, не отличимые один от другого, смутной тревогой наполняют душу. Словно с цепи сорвавшись, ветер остервенело треплет жидкие кроны, швыряет охапки листьев в зябкой рябью подёрнутые лужи. Хмур и неприветлив в это время года лес. С пронзительными криками летят по ветру растрёпанные галки, и сизые лохмотья туч едва не цепляются за верхушки деревьев.

В низкой избе, где вот уже четвёртый месяц живёт Левашов, царствуют полумрак и безмолвие, лишь негромко тикают на стенах ходики да иногда начинает робко скрестись в дальнем углу мышь. Чёткие кресты рам решительно перечёркивают заоконный пейзаж - потемневшие от дождя стволы деревьев, жёлтые лужи, в которые беспрестанно падают мокрые листья и, гонимые ветром, плывут и плывут бесконечной нестройной армадой, обречённой на неминуемую гибель.

Утром, едва только станут сереть квадраты окон, с какой-то злобной решительностью начинает греметь на подоконнике ржавый допотопный будильник, возвещая конец ещё одной одинокой ночи и начало нового невзрачного дня, и дочего же не хочется, поспешно умывшись ледяной водой и нахлобучив на голову старую шляпу, окунуться в неистовый разгул стихии за стенами дома. Но конь в сарае уже нетерпеливо стучит копытом в ожидании утренней охапки сена, так что хочешь - не хочешь, а выходить надо. С тех пор как лесник Денис лёг в городскую больницу на операцию, Левашову волей-неволей пришлось на время стать хозяином этой затерянной в лесу сторожки и гнедого мерина по кличке Булат.

Особенно неспокойно и одиноко в непогожие ночи. На десятки вёрст вокруг нет ни одной живой души. Конечно, крепкие бревенчатые стены - надёжная защита от опасного зверья, а на стене висит заряженная картечью двустволка, в ящике письменного стола, привезённого Левашовым из городской квартиры, лежит на-

градной «вальтер» с запасной обоймой, так что бояться вроде бы некого. И тем не менее, так неспокойно и тоскливо в осеннее ненастье, и сны стали сниться странные, путаные, полные многозначительных пугающих намёков. В снах этих беспрестанно скитается он по тёмным лабиринтам каких-то нескончаемых коридоров в безуспешных поисках друзей своей юности Максима и Юли, в бесплодных попытках исправить непоправимое.

Вот и сегодня, с трудом выбравшись из подобного сна в серую явь дождливого утра, он встал с постели с ощущением сосущей пустоты в сердце, а потом до самого вечера не мог избавиться от чувства невосполнимой утраты и мучительного сознания собственной вины. И чувство это не проходило даже тогда, когда он за рукописью забывал на какое-то время обо всём, кроме работы.

Поужинав, он положил сена коню, зажёг керосиновую лампу, задёрнул ситцевые занавески на окнах и опять сел за письменный стол. Эта ночь была такая же сумасшедшая, как и предыдущие, но в избе, как всегда по вечерам, отрадным теплом веяло от недавно протопленной печи, и лампа с бумажным абажуром бросала неяркий свет на разбросанные листы рукописи, а на краю стола прислонён был к стене довоенный любительский фотоснимок: трое на фоне цветущих яблонь - сам Левашов, в ту пору почти ещё мальчик, его друг Максим Круглов и их одноклассница Юля, тоненькая, светлая, в лёгком платьице из пёстрого ситца.

Как отчаянно были оба они влюблены в неё тогда и как ревновали её друг к другу! Кому из них отдавала она предпочтение - этого Левашову так и не суждено было узнать никогда. Давно уже нет на свете ни её, ни Максима, а он по сей день не может думать о них без боли. Долгие годы прятал он от себя эту выцветшую фотографию, и порой казалось ему, будто мучительные воспоминания подёрнулись наконец слоем холодного пепла, но недавно, начав работу над новой книгой, извлёк он этот снимок на свет и обнаружил вдруг, что, оказывается, не так просто забыть всё то, что случилось с ними тогда, в сорок втором, на исходе осени.

А за бревенчатыми стенами избы правил бал дождь. Он то чуть слышно, словно прислушиваясь к собственным шагам, крался на мягких кошачьих лапах по двору, то бесцеремонно ерошил листву и травы, то бодро вызванивал по жести забытого под окном прохудившегося ведра обрывки каких-то диких мелодий. Звериными голосами кричал в печной трубе ветер, и от воплей его сумрачно и зябко становилось сердцу и так хотелось привычного уюта городской квартиры, встреч с друзьями, праздничной толчеи театрального фойе. Однако Левашов знал, что не уедет отсюда, пока не допишет задуманный роман о молодости своего поколения, о дружбе и любви в оккупированном городе, в ежеминутном ожидании ареста.

Ему удалось вырваться из мышеловки, в которую все они угодили тогда, и остаться в живых, но какую дорогую цену пришлось за это заплатить! При воспоминании об этом холодеет кровь. Того, что случилось тогда, уже не исправить вовеки. Но раз Левашову суждено было уцелеть, святой его

долг - рассказать людям правду о своих ровесниках, так рано и так страшно ушедших из жизни. И он сделает это. Конечно, далеко не всю правду можно открыть читателям: война есть война, в ней так много грязи и так мало книжного героизма и пафоса. А читатель, особенно молодой, нуждается в героических примерах, в романтических образах.

Мысли Левашова прервал остервенелый порыв ветра, с разбегу налетевший на стену. От этого удара изба содрогнулась сверху донизу. Жутко взвыло в дымоходе, и волна холодного воздуха прокатилась по комнате отчего язычок пламени в лампе вытянулся и побагровел. На несколько мгновений ветер притих, лишь слышно было, как тугие струи дождя вонзаются в землю, а потом набежал новый шквал, еще более мощный, чем первый. Кроны деревьев зашумели однообразным недобрым гулом, и брызги воды стегнули по содрогнувшимся стеклам.

И вдруг в этот слитный шум, в эту какофонию первобытных голосов взбесившейся природы вплелись какие-то новые, более организованные звуки. Вначале Левашов не понял, что это такое, но потом догадался, что слышит чавканье грязи под чьими-то ногами, и у него беспокойно дрогнуло сердце. Затаив дыханье, он весь обратился в слух, но шагов больше не было слышно, лишь разгулявшаяся непогода кричала, выла, визжала и бичами дождя хлестала по крыше, по стенам и окнам избы. Мало ли что может почудиться в такую погоду! Ему ли, бывшему партизану, поддаваться страху? Всё это не более чем обычные звуки осеннего ненастья.

Так убеждал он себя и в то же время настороженно вслушивался в исступлённый рёв ветра, в могучую и мрачную музыку леса. И вот, когда он, как ему казалось, уже совсем было успокоился и рука опять потянулась к перу, резкий стук в окно прогремел с беспощадностью пулемётной очереди. Левашова всего обдало жаром, он вскочил со стула, наклонился над лампой, дунул на пламя, и тотчас непроглядная тьма упала на глаза. Открыв ящик стола, он сдвинул в сторону лежавшие в нём бумаги, и пальцы его нащупали рукоятку пистолета.

Некоторое время он слышал только частые и гулкие удары сердца.

Странно, кто бы это мог быть? Какому безумцу могла прийти в голову мысль в такую жуткую ночь отправиться через лес, ежесекундно рискуя угодить в залитый водой овраг или гибельную трясину? А вдруг это какой-нибудь бандит, из тех, что скрывались здесь после войны? Конечно, трудно поверить в то, что кому-то удалось прожить в лесу более полутора десятков лет, однако жизнь научила Левашова всегда быть готовым к худшему. В лесу всё иначе, неожиданней, нежели в городе, и никогда не знаешь, чем может закончиться здесь случайная встреча с чужим человеком.

Ощупью он нашёл старый кожаный плащ, оделся. Шляпу, чтобы её не сорвало ветром, туго натянул по самые брови, затем, подождав еще немного, пока глаза привыкнут к темноте, вышел в сени. Ветер тугими волнами толкался в дверь, и, подобно морскому прибою, то громче, то тише бушевала за нею непогода.

Неслышно отодвинув дубовый засов, Левашов шагнул наружу. Ничего не было видно, да и что можно увидеть в этой кромешной тьме?

Неожиданно в конюшне забился, застучал копытами чем-то встревоженный конь. Вот когда пригодилась бы лесникова собака, бесследно пропавшая летом: кто бы ни был этот таинственный ночной гость, при ней ему наверняка не удалось бы остаться незамеченным.

Темень казалась почти осязаемой, невозможно было определить, где кончаются верхушки деревьев и начинается небо. Капли дождя выбивали барабанную дробь по фетру шляпы, брюки на коленях намокли и прилипли к телу.

Левашов осторожно двинулся в сторону конюшни.

В тот момент, когда он ощутил под подошвами сапог мягкую подушку листвы, чьи-то холодные костлявые пальцы, протянувшись вдруг из тьмы, цепко схватили его за горло. Сдавленно вскрикнув, Левашов отпрянул назад и вскинул «вальтер». Три вспышки озарили тьму, три удара грома сотрясли сырой воздух, пули веером ушли в ночь. И лишь несколько мгновений спустя он сообразил, что это были не пальцы, а мокрая ветка, на которую он наткнулся в темноте.

Несколько минут он стоял, прижавшись спиной к стволу дерева, пока не стёрлись с сетчатки глаз застывшие на ней зелёные огни выстрелов, затем, настороженно озираясь и прислушиваясь, обошёл вокруг избы. Ничего подозрительного не было, и тогда он вошёл в сени и задвинул засов. Дверь в комнату оказалась распахнутой настежь: то ли он забыл запереть её на щеколду, то ли ветер, ворвавшись в сени, открыл её. Изба изрядно выстудилась, а это значит, что придётся вновь растапливать печь.

Положив пистолет на край стола, нашарил коробок и чиркнул спичкой. Она вспыхнула с громким шипеньем, и звук этот заставил его вздрогнуть. «Ну и нервы у меня!» - раздражённо подумал он.

И пока разгорался фитиль, почудилось ему в комнате чьё-то постороннее присутствие. Он и сам не мог бы сказать, отчего ему вдруг стало не по себе: то ли чьё-то дыхание услышал он, то ли боковым зрением заметил какое-то движение, но ему захотелось, совсем как в детстве, когда что-нибудь пугало его, крепко-крепко закрыть глаза и притаиться, словно его и нет в комнате.

Он поднял глаза и обмер: в углу, на лавке, прислонясь спиной к стене, сидел тот, кто никак не мог, не должен был здесь сидеть, потому что много лет уже покоился в братской могиле.

Его расстреляли в сорок втором, в одну из холодных осенних ночей, но вопреки этому он сидел у стола, молчаливый и суровый, - в мокром, заляпанном грязью брезентовом плаще с откинутым за спину капюшоном, в рыжей кепке с потемневшим от дождя козырьком. Жёлтое лицо с ввалившимися щеками казалось восковым, и лишь два оранжевых блика в глазах - отражение пламени лампы - немного оживляли его.

- Максим? - упавшим голосом спросил Левашов, тяжело опускаясь на стул: силы оставили его. - Ты?

- Как видишь, - услышал он в ответ знакомый хрипловатый голос. - Что, не рад? Небось думаешь: не призрак ли?

Левашов сидел несколько минут молча, ошеломлённо глядя на него, потом с трудом выговорил:

- Но как же… Тебя же расстреляли…

- Выходит, не совсем, - сказал Максим.

- Как же ты выжил? Удалось бежать?

Максим молчал.

- А остальные? - с тайной надеждой спросил Левашов. Так захотелось вдруг услышать от Максима, что все его мучительно-горькие воспоминания послевоенных лет - всего-навсего лишь кошмарный сон, и Юля и другие его товарищи не были расстреляны.

- Все наши там, в овраге, остались, - сказал Максим. - Меня в первой тройке расстреляли.

- Но ведь ты жив…

- Невероятно, но это так. Утром женщины из соседнего села стоны мои услыхали и вытащили меня из-под трупов. Долго выхаживали, живучий оказался.

- А потом?

- Потом в партизаны ушел. Наши пришли - добровольцем на фронт пошёл. Да самого Кенигсберга дошагал…

- Неужели больше никто не спасся? А Юля? Что с ней?

- Сам я, как ты понимаешь, видеть ничего не мог, меня же первым расстреливали. Но женщины сказали, что все были просто истерзаны пулями. А мне только две пули досталось: ребята меня своими телами закрыли. Говорят, там две девушки были. Одна из них по описаниям - Юля.

Левашов сидел совершенно оглушённый рассказом Максима. Он и сам не знал, сколько времени продолжалось это состояние оцепенения. Потом заметил, что с полей его шляпы с щёлкающим звуком падают на листы рукописи тяжёлые капли. Сняв шляпу, он положил её на край стола, подальше от бумаг…

«А, черт, чернила расплылись, восстанавливать написанное придётся, - подумал он и тут же опомнился: - Господи, да о чем это я? До рукописи ли мне теперь? Вот он, Максим, с того света пришел - за ребят, за Юлю спросить с меня! Это же всему конец - славе, доброму имени, а может, и свободе…»

- Слышал: ты теперь знаменитость, - сказал Максим, и в его словах послышалась Левашову насмешка. - По книгам твоим деток в школах воспитывают! Газеты наперебой о тебе трубят: крупный прозаик, глава областной писательской организации, депутат Верховного Совета, человек героического прошлого - мужественный подпольщик, чудом из лап гестапо вырвался. Молодец! Всесоюзной славы добиться - это тебе не фунт изюма!

Левашов молчал. Всё в нем словно окаменело, ледяная корка сковала помертвевшее сердце.

- И что же? - продолжал ночной гость. - Является вдруг какой-то нечистый из пекла - и сразу всё на волоске повисает. И тайное становится явным, даже то, что ты сам от себя скрывал. Верно говорю?

Правая рука Максима теребила изуродованными пальцами рукопись, и Левашов глаз не мог оторвать от этой руки. Перехватив его взгляд, Максим усмехнулся:

- Гадаешь, не штурмфюрера ли Зайделя это работа? Нет-нет, это уже наш, родной, советский, следователь руку приложил. Ряднов его фамилия. Старательный гад был, молодой, да ранний. Очень уж ему хотелось, чтобы я признался, будто организатор антисоветского заговора. Но если уж такой мясник, как Зайдель, зря со мной время потратил, то с какой стати стал бы я этому сопляку угождать - на себя да на других напраслину возводить! Очень я его разочаровал. А десять лет на Севере всё равно оттрубить пришлось - от звонка до звонка.

Он кивнул в сторону рукописи:

- Новую книгу пишешь? Опять о подпольщиках?

Левашов кивнул.

- А как насчет предательства твоего? - насмешливо спросил Максим. - Расскажешь или скромно умолчишь?

Левашова опять словно холодной водой окатили.

- Ну зачем ты так? - Он укоризненно посмотрел на Максима. - Не надо меня судить так строго! Ты же знаешь, этот палач Зайдель хоть кого мог заставить говорить!

- Не всех. Меня же не заставил! И Юлю тоже, - возразил Максим.

- Не знаю, как тебя убедить… Не предавал я вас. Слаб оказался, это верно, но всё равно от моих показаний ничего не зависело. Вас же одновременно со мною взяли. Моей вины в этом нет. А то, что я Зайделю сказал, ему и без меня уже известно было.

- Но откровенность твою он сумел оценить - в живых тебя оставил.

- Да при чем тут моя откровенность? Расстрелял бы и меня, да не успел: ночью партизаны на комендатуру напали.

- И протоколы допросов вместе с комендатурой сожгли, верно? Вот что тебя спасло! И героем ты стал благодаря этому!

- Но я же искупил свою вину! - горячо возразил Левашов: в этот миг ему и в самом деле казалось, что вся его последующая жизнь была искуплением того, что он сделал по слабости духа тогда в немецкой контрразведке. - Я в партизанах воевал потом, и воевал храбро. Был ранен серьёзно, до сих пор хромаю, на всю жизнь инвалидом остался. Институт после войны окончил. Работал. Две книги издал. Разве этого мало?

- Немало, конечно. Для тебя. Но скажи: а что это дало мне? Юле? Другим ребятам?

Левашов и сам не раз задумывался об этом. Максим прав: разве все эти его заслуги могут исправить то зло, которое он причинил друзьям, вернуть десять погубленных в лагере лет Максиму, жизнь - Юле? Так что же, выхо-

дит - никогда ничем вины этой ему уже не загладить? Жил ведь столько лет, как люди живут, и цель в жизни была. И вот в один миг всё разом рухнуло: семейное благополучие, покой душевный, и сама жизнь всякий смысл потеряла. Позор, бесчестье - разве этого ждал он от неё, разве мог он предполагать, что однажды из-под холодного пепла вырвется вдруг почти погасший огонь и сожжёт все?

Рука его потянулась к лежащему на столе пистолету, пальцы сжали его холодную рукоятку. Максим усмехнулся:

- Ну что ж, у тебя есть возможность избавиться от меня. Застрелил - и концы в воду. Никто ведь не знает, что я здесь. А ты так и останешься героем-подпольщиком, храбрым партизаном. Мне же всё равно недолго жить осталось. Думаю, ты это по виду моему уже понял. Я ведь не на курорте десять лет прохлаждался. Так что стреляй, не стесняйся!

- Да ты что? - изумлённо воскликнул Левашов. - Ты меня… подозреваешь в таком? Это совсем не то… Да, я слаб оказался, пыток испугался… Но убить тебя… Разве я могу такое?..

Он долго молчал, потом, подняв глаза на Максима, спросил:

- Скажи: Юлю… можно было как-то спасти?

Максим покачал головой.

- Нет. Но даже если б и была такая возможность, она всё равно не смогла бы жить после того, что они с нею сделали. Ты же её знаешь… - он запнулся на мгновение, потом поправился: - Знал… не хуже меня.

Левашов, словно ещё надеясь как-то оправдаться, сказал:

- Я же её любил! Больше жизни!

Максим невольно усмехнулся:

- Теперь это уже не имеет значения. Выбрал-то всё-таки жизнь!

То, что раньше Левашов называл отчаянием, было ничто в сравнении с чувством, владевшим им сейчас. Всё рухнуло, и не осталось никакой соломинки, за которую можно было бы ухватиться. Всё, чем он жил, теперь потеряло всякий смысл, и сама жизнь показалась вдруг нелепым, чудовищным сном, от которого хотелось избавиться как можно скорее. И тогда он резким движением поднял пистолет и приставил дуло к левой стороне груди. Указательный палец ощутил металлический холод и пугающую податливость спускового крючка.

Максим не сделал ни малейшей попытки остановить его, с минуту он молча, даже как будто с любопытством наблюдал за ним, потом сказал язвительно:

- Ладно, к чему эти трагические жесты? Я не за жизнью твоею пришел. Просто захотелось в глаза тебе посмотреть. Я уже год почти, с самого возвращения из лагеря, слежу за тобой. Раньше мне казалось, что ты очень благополучный человек. Теперь вижу: несладко тебе с таким пятном на совести жить. Но застрелиться… Нет, это не для тебя. Слишком уж ты себя любишь!

Он встал, поправил кепку, накинул на голову тяжёлый, пропитанный влагой капюшон.

- Прощай. Больше мы не встретимся. Не бойся: о твоем прошлом будем знать правду только мы с тобой. Живи спокойно, пиши свои книги, воспитывай собственным героическим примером молодежь. А там, гляди, и сам забудешь, что произошло тогда, в сорок втором. Забудешь за давностью лет!

Левашов не успел еще осмыслить его слова, а уже хлопнула входная дверь, распахнутая ветром, и послышалось чавканье грязи под сапогами Максима. И только тогда он услышал, что за стенами избы по-прежнему бушует буря, и ощутил сквозь кожу плаща и ткань куртки дуло пистолета, приставленного к рёбрам.

Палец ещё лежал на спусковом крючке, но Левашов уже твёрдо знал, что не выстрелит.

ПОЛЫННЫЙ ВЕТЕР

***

Как всегда, юродивый с крестом,
Да с иконой древняя старуха.
Нанятый оркестр играет глухо…
Так меня уносят в вечный дом.

В каждом переулке табурет,
Отдохнуть, под голову подложат.
Хуторяне, кто идти не может,
Постоят, поплачут мне вослед.

Господи Всесильный, пронеси
Над страной моей лихую участь.
Дети пусть живут мои, не мучась,
Да не пьют так горько на Руси.

Пусть в российском небе голубом
Весело касаточки порхают…
По земле юродивый, вздыхая,
Не бредет, согнувшись под крестом…

МИТРОХА

Церковь должна на виду была встать,
Чтоб алтарем на красивый восход…
Рядом майдан, в час урочный созвать
Всех казаков на беседу, на сход…
Церковь стоит алтарем не туда.
Вместо майдана - кичливый базар.
От казаков не осталось следа……
Только Митроха, и тот уже стар…

Думает думку о жизни другой
И теребит свой прокуренный ус,
Бьет по земле деревянной ногой,
Тихо грозится:
- Ужо, краснопуз!
Словно очнется:

- Ведите коня
Бисовы дети, туды вашу мать!
И подсадите скорее меня,
Дайте оружье - иду воевать!

Жалко мне деда:
- Митроха, куда?!
- Пес шелудивый, отстань, - говорит,-
Церковь стоит алтарем не туда…
Или восход не оттуда горит?!
- Спятил ты, старый, - ему я в ответ,-
Это не церковь - общественный клуб,
Ты не Господь - повернуть белый свет…
И затрясет он морщинками губ…

***
Я живу на душевном надрыве,
Как стою на сыпучем обрыве…
Шаг ступи - и окутает тьмой…

Прокричу во все стороны света -
Ниоткуда не слышу привета,
Только эхо гудит надо мной!..

Ветер рвет мои русые космы,
Как пылинку, несет меня Космос,
Как мгновенья, эпохи летят…

И ничтожны в судьбе мирозданья
Все обиды мои и страданья,
Но… ищу я Всевышнего взгляд!..

***
Я на лошади еду по родине…
Вот проеду Калинов я мост
И тревожную речку Смородину,
И костями сверкнувший погост.

Вдоль дороги деревья корявые
Тянут ветки, пытаясь настичь,
И на каждой заухает сыч,
Посылая мне взгляды кровавые.

И обступят зловещие шорохи,
Только я ничего не боюсь:
У меня, растреклятые вороги,
За спиной Православная Русь!

Ну а если душа опечалится -
Поверну я на хутор степной,
Там казачка веселая сжалится
И смахнет все печали рукой!

ПАСХА

На погосте оградные плиты,
Чтоб скотина сюда не зашла.
На погосте ворота открыты,
И обитель чиста и светла.
Понаехало разного люду,
Прилетели из дальних сторон.
Снова Пасха детей отовсюду
Соберет под малиновый звон.

И, быть может, последняя радость
И осталась у русских людей:
Повстречать за печальной оградой
В этот день самых близких гостей.
И наплачутся вместе сторицею,
Проходя от креста до креста.
А потом просветляются лица
От сошедшего в души Христа.

***

Туман низину заливал
Воздушным молоком
И яром узким уплывал
Вслед за Егорлыком.

И я в рассветный тот поток
Нырял стремглав, и там
Я представлял себе потом -
Бегу по облакам!

Я ликовал!
И, кстати, вон,
За частоколом хат,
Плыл чудный, дивный перезвон
Церковных канонад.

Туман редел.
Плыл солнца нимб.
Поля за клетью клеть…
И я бродил, бродил по ним…
А что хотел узреть?!

Подросток, что хотел понять,
Когда передо мной
Лежала степь, дразня, маня,
Распахнутая вновь?!

Зря напрягался разум мой.
Я понял сквозь года:
Любовь овладевала мной
К России навсегда…

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО РОЖДЕСТВО

Ночь прозрачна, улицы белы,
Снега переметные валы…
И несется стайкой детвора
Шумно от двора и до двора.
- Можно христославить? -
Тут и там
Возгласы ребячьи по дворам.

Я растер все ноги, хоть кричи -
Велики отцовы кирзачи,
Но боюсь отстать - то тут, то там
Шорохи крадутся по пятам.
- Боженька, дай миленький мне, чтоб
Одолел Сазонов я сугроб!

Вот калитка… Хата впереди…
- Можно христославить?
- Заходи!..

В горнице толчемся всей гурьбой,
Видим образа перед собой,
Крестимся… А дедко - инвалид:
- Ражыствуйтя! - с печки нам велит.

Открываем сладкие уста,
Славим хором отрока Христа,
Бабка Фекла, дедова жена,
Одаряет каждого сполна:
- На, касатик, сахарочек, на…
Шепчет вслед нам:
- Боже их спаси,
Нынче снова смутно на Руси!

…Я устал.
И с полною сумой
Я тащусь к утру уже домой,
Слышу: тронул колокол звонарь -
Время петь рождественский тропарь.
Радуюсь: Христово Рождество!
В небе звезд - лампадок торжество!

***
Нам дано возвращаться всегда
В эти степи и в эти станицы,
Где в ярах ключевая вода
Нам остудит горячие лица.

Вновь пойдешь по знакомым местам,
По земле, что досталась в наследство,
Поклониться отцовским крестам,
Отыскать след далекого детства.

Как на крыльях взлетишь на курган
Огнеликому солнцу навстречу,
И расстелется сразу к ногам
Снизу луг, что цветами расцвечен.

Здесь течет голубая река,
И, как будто от быстрой погони,
Мчат на выгон от Егорлыка
Сквозь столетья казацкие кони.

Дух полынный плывет по холмам,
Запах родины душу тревожит.
Помолитесь святым образам:
- Дай земле нашей радости, Боже!..

ТЁПЛЫЙ СЕНТЯБРЬ

У меня в кармане лежит билет и командировочное удостоверение. Я улетаю в Воронеж, а оттуда в городок, где заканчивал школу, стал взрослым, откуда уехал много лет назад.

Сентябрь был жарким. В самолете, пока он не взлетел, стояла духота. Пассажиры обмахивались кто чем мог, но это помогало мало.

Самолет набрал высоту и все вздохнули облегченно - по салону заструился прохладный воздух.

В Воронеже пришлось дожидаться утра. Самолет, на который я должен пересесть, давно улетел.

Утром темно-зеленая «Аннушка», переваливаясь с боку на бок, как утка, не спеша взлетела и, набрав высоту, словно повисла в чистом, умытом первыми лучами еще нежаркого утреннего солнца, небе.

Через час с небольшим она подлетала к моему городку. Накренившись, сделала большой круг, примеряясь и присматриваясь, как бы получше сесть. Наконец она бежит по заросшему чахлой травой полю, недовольно вздрагивая на неровностях.

Поле на окраине города, приспособленное под аэродром, совсем не изменилось. На краю его, возле лесополосы, расхаживали коровы. В большой луже возле дряхлых сараев, видимо являющихся какими-то складами, плавали гуси. Касса и зал ожидания все так же находились в старом, но еще довольно крепком деревянном доме с шиферной крышей, покрытой оспинами блекложелтого лишайника. На мачте, как живая, шевелилась матерчатая «колбаса» с выцветшими, некогда черными поперечными полосами.

Единственное, что бросалось сразу в глаза и чего не было раньше - маленький садик перед домом.

Здесь, на этой площадке перед домом, занятой теперь садиком, мы когда-то укладывали парашюты.

Прошло много лет, а я хорошо помню, как в наш небольшой городок прилетел самолет с большой краевой звездой на хвосте. По городку быстро разнеслась

весть: организовывается парашютный кружок. Желающие могут записаться здесь, на аэродроме.

В городе было две средние школы, и буквально все десятиклассники ринулись на аэродром к палатке с намалеванными белыми буквами «ДОСААФ» записываться в парашютисты. Но после медкомиссии довольно многих не допустили к прыжкам. Некоторым запретили родители, мотивируя тем, что до выпускных экзаменов осталось полтора месяца и нечего заниматься баловством.

Комиссию и родителей я прошел благополучно и начал заниматься в кружке.

Первые прыжки были намечены на четыре утра.

Ночь перед ними прошла в волнующем ожидании. Сна, конечно же, не было. Лишь наплывала дремота, туманившая сознание.

За мной зашел мой друг Валера Попов и мы напрямик, через огороды, направились на аэродром. Роса была густая. Пришлось закатать штанины и снять башмаки. Воздух, чистый, бодрящий, быстро растворил в голове остатки дремоты.

Перешли вброд на перекате речку, парившую прохладным прозрачным туманом. Восток только начинал алеть. Утренний легкий ветерок еще не коснулся листьев плакучих ив, стогами темневших на берегу. Деревья еще спали. Спал и весь городок, лишь горластые петухи уже приветствовали наступление нового дня.

Прыгать мне выпало в первой восьмерке и я растерялся. Когда инструктор, спрашивая у каждого фамилию перед посадкой в самолет, дошел до меня, я растерялся окончательно и забыл свою фамилию. Хлопал глазами и молча смотрел на него. Инструктор, сосредоточенный, со строгим выражением липа, понял мое состояние и неожиданно громко и заразительно рассмеялся, хватаясь за запасной парашют на животе. И вся наша группа с напружинившимися мышцами, волновавшаяся не меньше моего, рассмеялась за ним вслед. Я тоже изобразил нечто вроде улыбки, но чувствовал, что губы скривились в какой-то жалкой гримасе, мало напоминавшей улыбку. «Все, - подумал я, - теперь за мою трусость он отстранит меня от прыжков. И не видать мне их как своих ушей... Стыдоба!»

Но инструктор и не думал отстранять меня, хлопнул по плечу и подтолкнул к самолету:

- Не трусь, бродяга! Держи хвост пистолетом!

Прыгнув, я оглянулся и увидел над собой ободранное брюхо с глухим урчанием удалявшегося самолета. В ту же секунду за спиной зашуршало, раздался хлопок и я повис под белым четырехугольным куполом. Взглянув на него еще через мгновение, я разинул рот от удивления и ахнул... Купол заструился непонятным бледно-розовым светом. Только увидев раскаленный кусочек выныривающего из-за горизонта солнца, понял причину странного поведения моего купола, изменившего цвет.

Земля внизу еще не ощутила солнечного тепла и купалась в прохладе, подаренной ей ночью. Я раскачивался на стропах, но казалось, качается земля на волнах, а я неподвижно завис между нею и небом.

Чуть внизу, справа, опускалась Галя Трофименко и пела. Слышимость в небе была как в хорошем концертном зале. Галя была из другой школы и до парашютного кружка мы с ней не были знакомы. Она понравилась мне сразу...

Галя приземлилась раньше меня. Когда я, радостный, сияющий, подбегал к ней, собрав в охапку парашют, она сидела на земле. Глаза ее были полны слез. По подбородку текла алая струйка крови.

Ни о чем не спрашивая, отбросив парашют в сторону, я достал из кармана платок и, опустившись перед ней на колени, вытер слезы на щеках, осторожно промокнул кровь на разбитой губе. Она запрокинула назад голову и закрыла глаза.

Влажные ресницы вздрагивали, из-под них выкатывались слезинки. Рот был приоткрыт, на белых зубах виднелись розовые разводы крови. Как хорошо, что у меня оказался платок! Обычно я не имел привычки носить его с собой, но сегодня почему-то сунул его в карман.

Я вытирал кровь и слезы на ее лице, а она все также сидела, застывшая, с закрытыми глазами.

И от беспомощного ее вида, боли, переносимой ею, у меня защемило в груди и я готов был тоже расплакаться, но усилием воли сдержал себя.

Склонившись близко к ее лицу, и замирая от нахлынувшей нежности и сострадания к ней, я прикоснулся губами к мокрым глазам. Она не открыла их...

Оказывается, Галя, приземляясь, наклонила голову и смотрела под ноги, а не подняла ее вверх, как нас учили. Ударилась подбородком о колени и рассекла зубами нижнюю губу.

Я думал, она больше не будет прыгать, но ошибся - прыгали мы еще четыре раза и Галя тоже.

Потом, к большому нашему огорчению, - не помню сейчас по какой причине, - раньше, чем намечалось, инструкторы улетели в Воронеж.

После этого я больше не прыгал ни разу, но впечатления яркие и незабываемые о тех пяти прыжках живы во мне до сих пор.

Быстро пролетел май, подкатились выпускные экзамены.

С Галей мы встречались каждый день. Встречались днем, за речкой под раскидистыми плакучими ивами.

К ивам, захватив с собой учебники, я приходил первым и, положив их в дупло, садился на густую, мягкую, как ковер, траву. Прислонившись спиной к шершавому стволу дерева, ожидал Галю.

Определенного часа встреч мы не назначали. Обычно, сказав дома, что пошла к подругам готовиться к очередному экзамену, Галя приходила часам к десяти.

Шла она так же, как и я, не через мост, а напрямик, вброд через речку. Входя в воду, она легонько ойкала и, подняв подол легкого платья, высоко

обнажала ноги, тронутые на икрах и коленях загаром, плавно переходящим в естественную природную белизну тела. Галя нисколько не смущалась. Все было естественно и просто. И в голову ни мне, ни ей не приходила мысль о стыдности вида ее обнаженных ног.

Она садилась рядом со мной, я наклонялся и прикасался губами к ее ногам. Целовал мокрые милые колени, чувствовал ее ласковые руки, мягко перебиравшие мои волосы. Во мне все замирало от невыносимо огромной нежности к моей милой, хорошей, единственной и самой красивой во всей вселенной любимой...

Экзамены сдавались легко и без напряжения. Дни слились в одно прекрасное счастливое мгновение.

В августе Галя сдала экзамены в мединститут в Воронеже, а я уехал учиться в Саратов.

Я очень хорошо помню наш последний вечер и вряд ли когда забуду. Экзамены были позади и мы гуляли до поздней ночи. И было совсем не грустно от того, что мы расставались. В этом была необходимость, но мы твердо знали, давно решили - все равно будем вместе, и после учебы уже не будем расставаться никогда. Будущее представлялось нам ясным, мы сами решили каким ему быть.

Кого обвинять в том, что такое наше будущее не получилось? Трудно мне думать сейчас об этом, но, как ни горько, приходится признаваться: я не выдержал испытания разлукой.

У меня хранятся ее письма - единственное, что осталось от того, теперь уже невозвратного, времени. Читаю я их редко. Читаю в дату, когда мы совершали свой первый прыжок. В дату, которая положила начало счастливым и светлым дням нашего такого короткого знакомства. Читая, мыслями переношусь на многие годы назад, снова встречаю ее у реки под плакучими ивами, целую милые загорелые колени, чувствую губами влагу на них, ее ласковые нежные руки, поглаживающие мои волосы, все что потерял, и в этом только моя вина.

Как ты поживаешь сейчас, моя первая любовь?

От аэродрома до гостиницы я решил идти пешком, не надеясь на автобус, который сейчас, оказывается, ходил отсюда до рынка, судя по расписанию, намалеванному на заржавевшей жестянке, прибитой к столбу. Я решил правильно - протопав два километра, я так и не увидел его.

Вечером ко мне в гостиницу пришел Валера Попов. Он, окончив мединститут, вернулся в родной городок и работал здесь хирургом. Мы пили коньяк и вспоминали, вспоминали...

- Слушай, ты помнишь Галю Трофименко? - неожиданно спросил он. Валера, Валера, о чем ты спрашиваешь!..

- Она работает в нашей больнице терапевтом. Завтра, правда, она в военкомате, призывники будут комиссию проходить. Так что, давай, наведи полный парад и подходи туда часам к двум. К этому времени она должна закончить. Вот и увидитесь...

На следующий день я проснулся рано и, хотя спешить было некуда, сразу же встал.

Тщательно выгладив брюки, раздумывал долго, перебирая рубашки, какую из них надеть. Остановил свой выбор на рубашке с мелкими черточками и точками на серо-голубом фоне. Примерно такая была у меня в десятом классе и очень нравилась Гале.

До двух было порядочно, но сидеть в гостинице я уже больше не мог.

Медленно шел я по улицам, тихим, несуетливым, вглядываясь в лица немногочисленных прохожих. Ни одного знакомого лица...

В сквере я долго сидел у фонтана. Напротив - двухэтажное здание военкомата.

Без пяти два.

Я встаю со скамьи и, пройдя несколько шагов, останавливаюсь у густого куста сирени так, чтобы хорошо был виден вход в военкомат.

Сердце трепетно и тревожно застучало. Кольнуло. Это от волнения. Сейчас я увижу Галю

И я увидел ее и растерялся...

Галя...

Я увидел женщину - молодую, но с отпечатком степенности, наметившейся во всей ее фигуре, до боли знакомой, близкой и одновременно тревожно пугающей своей достаточно выраженной независимостью, присущей женщинам, кое-что имеющим за плечами. Осанка, особая, слегка горделивая посадка головы, походка, в которой улавливалась значительность - неожиданность, к которой я не был подготовлен.

И все-таки... Такая ли неожиданность? Я представлял себе встречу, не отмеченную властью времени, встречу с уже не девочкой, но еще не женщиной, встречу с моей Галей, у которой всего-то взрослости - аттестат зрелости? Нет... и да...

Умеренная полнота, безукоризненность одежды - модное с коротким рукавом платье, модные на высоком каблуке туфли, изящная сумочка с длинным, переброшенным через плечо, ремешком... Руки... Женственные, мягкие, плавными линиями покачивающиеся в такт шагов с тонкой элегантностью.

Галя... Ты ли это?

А где же та девчонка - десятиклассница с доверчивым взглядом чистых в своей неповторимости глаз, в дешевых туфельках со сбитыми побелевшими носами, в коротеньком платьице, обнажившем милые загорелые коленки, еще не набравшие женственной округлости, где ты, та девчонка, к которой можно запросто подойти и сказать: «Галка, здравствуй! Куда спешишь?»

Я оробел.

Казался себе сейчас несмышленым мальчишкой, издали, украдкой, любующимся идеальным Образом совершенства, созданным талантом некоего магического художника, и ближе подойти я не смел, не имел пра-

ва. Сознание толкало меня: «Иди!» - однако тело не повиновалось мне, и я стоял в оцепенении, только глаза принадлежали мне - широко открытые.

Я уже боялся.

Боялся чувств, мгновенно взорвавшихся во мне. Я словно разлетался осколками, успев подумать, что можно их больше и не собирать.

И хотя во мне опять все кричало: «Иди! Иди же» - пока она не скрылась в конце улицы, я так и не сдвинулся с места.

...Потом я долго бродил по улочкам, уйдя подальше от центра. Невольно оказался на берегу речки и вздрогнул, увидев старые плакучие ивы. Они узнали меня, шевельнули грустными ветвями: «Пришел...»

Погладил шершавый ствол: «Здравствуйте...»

Галя...

И все-таки, пусть будет так...

Пусть самое сокровенное дней далекой юности навсегда остается чистым и целомудренным. Не тронутое временем. Остается великой драгоценностью, подаренной лишь однажды, прикосновение к которой временем сегодняшним может оказаться непоправимо разрушительным.

РЕКА ДЕТСТВА

- Папа, куда впадает Кума?
- А никуда, сынок... Она в песках теряется...
(Из подслушанного разговора)

Не теряется! Нет! Не теряется речка.
Что течёт, извиваясь меж глинистых круч.
Да - мелеет. Да - тает от зноя, как свечка,
Но опять набирается силы из туч.

Из тугих родников набирается силы,
Из облизанных солнцем седых ледников.
Из притоков...Таких же кривых, некрасивых.
Плоть от плоти на маму похожих сынков.

Вот течет она, мутная, словно стесняясь
Неприглядности собственной... Речи немой..
Я всю жизнь для себя докопаться пытаюсь
Почему эта речка зовётся Кумой?

Кум... Кума... При крещеньи... (Догадки... зацепки...)
Если это и так (утверждать не берусь),
То в Куме окрещён я скорее, чем в церкви,
Коль в реке окрестилась Владимиром Русь.

Я с Кумою-рекой познакомился с детства.
Для меня она больше, чем просто - река.
Это - в долгих скитаньях вернейшее средство
От тоски-ностальгии... Как друга рука.

Потому что она постоянно со мною,
Лишь меняя названье и внешность свою,
Становилась то - Эльбой, то - Одером... Томью,
То - Норилкой - рекой в Заполярном краю...

Я бы сыну ответил: «Запомни навеки.
Кто-то с толку сбивает подобным враньем.
Не теряются! Нет! Не теряются реки,
Если с детства текут через сердце твоё!»

МАРТУ

Март - начало весны.
Как хорошего дела начало.
И, наверно, не зря,
ошалев и устав от зимы,
Телеграфом дождя
по окошкам моим отстучало
Сумасшедшее буйство
грядущей большой кутерьмы.

- Началось! - говорю и спешу
к незахлопнутой двери. -
Здравствуй, март!
Чем порадуешь нынче меня?
А в душе зацветают
ромашки и хочется верить -
Что-то очень большое
начнётся с ближайшего дня...

***

Давай с тобой побродим по Весне!
Нет, не «пройдём», а именно «побродим»
Там, где усталый парк, уснувший, вроде,
Ворчит, на что-то жалуясь во сне...

Там поднимается в лучах луны
Ночных фиалок мёд благоуханья,
И сосен волосатое дыханье
Ещё щекочет щеки тишины...

Найдём полянку в стороне от троп,
От глаз людских, от пересудов мелких,
Где даже с веток попрошайки-белки
Не будут нас оглядывать хитро...

При свете звёзд вгляжусь в твоё лицо...
Оно - без грима и помады липкой,
Счастливой озарённое улыбкой -
Как вытканное солнцем озерцо...

Оставим парк во власти сновидений
И побредём бесцельно, наугад...
Быть может, к свежевспаханным лугам
Слепая безотчётность наблюдений

Нас приведёт... А может, на поля,
Где спит по-женски чутко и мятежно
Обласканная за день солнцем нежным
Беременная всходами земля...

И будем ждать явления рассвета
Не по часам - по зябкой стыни трав,
По капелькам росы, что до утра
Повиснут на ветвях у первоцвета...

Пусть нежится природа в сладком сне,
Пока рассвет проснуться не поманит
Или призывный крик пичуги ранней...
Давай с тобой побродим по Весне!

***

Весна! Весна! Она опять явилась!
Легла на лист бумаги среди строк!
(А я как раз писал, что мне приснилась
Синь неба... Солнце... Лёгкий ветерок...)

А тут - она! Ну, здравствуй, непоседа!
Давай с тобой заварим майский чай.
Непринуждённо поведём беседу
О шалостях, забытых невзначай,

О грусти той, что длилась без предела
(Всего-то триста шестьдесят пять дней).
Я на год старше стал, а что поделать!
А ты - ещё прекрасней и милей.

А помнишь?.. Нет - не так... Не так всё было.
Ну да - вскружила голову капель...
А-а-а... это - в мае... точно... Ты забыла...
А впрочем - нет! Наверно, был Апрель!

Вот так - в воспоминаниях и спорах
Пройдут с Весной беседы до зари:
То я, горячий, вспыхну словно порох,
То ей придётся вспышку усмирить...

А жизнь продолжит по своим законам
Привычную чреду текущих дней.
И ей плевать, как было хорошо нам
И что так прочно нас связало с ней...

Ворвётся Лето... Ляжет на страницы
Моей рутинной летописи лет...
А мне Весна всё так же будет сниться,
Как женщина, которой смотрят вслед.

ПРЕДЗИМНИЙ СЕЗОН

Россия вернула Крым.

Бурцев обрадовался и решил навестить крымчан. «Сколько же лет они там без нас… под небом, можно сказать, чужим?» - сочувствовал Бурцев крымчанам.

В градусе этого сочувствия он написал заявление на путёвку. Попросился в Евпаторию и заявление отнёс, куда положено. Там где положено, посмотрели на Бурцева непонимающе:

- Сдалась вам эта Евпатория? Берите вот Ялту, к примеру.

- Зачем же мне в Ялту? В Ялте тоска! Там ещё Антон Павлович Чехов с тоски загибался, - возмутился Бурцев.

- И что вам от этого? - пожали плечами. - Не загнулся же ваш Антон Павлович?

- А вам чтоб непременно загнулся надо?! - обиделся за неуважительное отношение к классику Бурцев.

- Зачем же нам, чтоб непременно загнулся. Не надо нам, чтобы загнулся.

- А знаете, что про Евпаторию Маяковский сказал? - Бурцев рубанул ладонью воздух.

- Владимир Маяковский?

- Да, Владимир Маяковский!

- И что же он сказал про Евпаторию?

- А вот что сказал:

Пуд за лето с любого толстого соскребёт евпаторство.

Очень жаль мне тех, которые не бывали в Евпатории.

Посмотрели недоумённо:

- Считаете, что вы толстый?

- Нет, не считаю. Однако и Владимир Владимирович не сказать, чтобы толстый…

- Вы о Маяковском?

- Да, я о Владимире Маяковском.

- Езжайте в свою Евпаторию, - протянули Бурцеву путёвку.

Крым впечатлил Бурцева - огромная территория, с городами и весями. Весей было так много, что запомнить их не было никакой возможности.

«Ну и чёрт с ними, с весями! - подумал Бурцев, взирая из автобуса на горы и степи российского полуострова. - Главное, что всё это наше!.. Вернулось… Скорей бы уж мой санаторий. А там… там целый сезон впереди… предзимний сезон…» И Бурцев, откинувшись в кресле, уснул.

Пока герой наш спит, самое время его представить: Бурцев Сергей Олегович, военный пенсионер, майор запаса, разведён, весёлого нрава, не старый и в меру начитанный. Что же касается браков, у Бурцева их было два, и по общим о них впечатлениям, оба удачные. Разводы - отдельная тема, и мы этой темы касаться не будем.

Конечно, как у всякого свободного мужчины, у Бурцева время от времени появлялись женщины. Было их не так чтобы много, но и немало. Без женского общества Бурцев впадал в уныние, и если говорить совсем уж начистоту, то из приведённого выше стихотворения Владимира Маяковского о Евпатории ключевыми для него были следующие строки:

Скрип уключин, всплески и крики -

Развлекаются евпаторийки…

Эти крики развлекающихся евпаториек давно уже будоражили Бурцева.

«Наконец… наконец-то я их услышу!» - подумал наш герой и проснулся.

За окном протянулось унылое жёлтое море и сонные пригороды.

- Евпатория! - объявил водитель, но долго ещё блуждал по запутанным улицам, пока не уткнулся в вокзал.

На вокзале покрикивали ранние торговки, но Бурцева эти крики не впечатлили нисколько и даже, скорей, разочаровали.

Санаторий понравился Бурцеву. Кормили там отвратительно, но симпатичные официантки этот недостаток вполне компенсировали.

- Фотомодели чёртовы! - давился безвкусной котлетой Бурцев.

В свободное время он прогуливался по набережной.

Набережная была примечательной. И, прежде всего, возлежащим на ней Гераклом. Геракл был из бронзы и голый. Согласно курортному поверью, отдыхающие, прикоснувшиеся к причинному месту мифического героя, наделялись невероятной способностью вернуться в Евпаторию через год, ну, в крайнем случае, через два. Отполированное десятками тысяч рук, деликатное место героя искрилось в любую погоду, и даже ночью.

Второй примечательностью набережной были лебеди. Огромные птицы качались в волнах и бродили по берегу рядом с людьми. Бурцев кормил их столовским хлебом и тихо нашёптывал:

- Эх, лапчатые!.. Одиноко мне, лапчатые…

При слове «одиноко» всегда почему-то хотелось плакать. Но Бурцев не плакал. Он был военным пенсионером и сантиментов стыдился.

Особенно удручало Бурцева, что у моря он так и не встретил кричащих от счастья евпаториек.

- «Осень. Мёртвый простор…» - цитировал Бурцев из Константина Бальмонта. - Да и Маяковский хорош! Так этих аборигенок изобразил, что, кажется, они тут круглый год качаются на волнах, как ундины, да ещё и кричат, что ни попадя. Развлекаются, как же!.. Ага…

Но в целом евпаторийцы Бурцеву даже очень понравились. Особенно их любовью к животным. Нигде, ни в одном ещё городе Бурцев не видел на улицах такого обилия ухоженных, сытых и ласковых кошек. Распушив хвосты, они бежали Бурцеву навстречу, мурчали, мяучили и сколько угодно давали себя погладить.

А что же собаки?.. Вы думаете, евпаторийцы не любят собак? Ошибаетесь! Любят, ещё и как!.. Огромное количество «собаченций» прогуливают они утрами и вечерами на поводках, одев их в штанишки и напялив им тёплые капюшоны.

И всё же одиночество гложило Бурцева.

Засомневавшись в слове «гложило», Бурцев полез в Интернет-словарь и тот ему черным по белому выдал, что слова такого нет, а есть вариант «глодало». «Дурак этот Интернет-словарь! - возмутился Бурцев. - Как же оно глодало, если оно именно гложило!»

Гуляя, Бурцев вспоминал свою жизнь и кормил лебедей.

- Одиноко мне, лапчатые, - жаловался он птицам, и глаза его при этом слегка увлажнялись. Но только слегка, ведь он был майором запаса.

- Объявления! - вдруг осенило Бурцева. - Иногда там можно прочесть такое!..

Первое попавшееся ему объявление было следующее: «Трезвые грузчики! Звонить круглосуточно! Телефон и т.д.» «Ого! - оживился Бурцев. - В остальных заведениях грузчики, значит, обычные».

Следующее объявление скорей походило на лозунг: «Дорогие замужние женщины! Пожалуйста, отпускайте погулять своих мужей. Без них нам ужасно плохо! Подпись: одинокие женщины» Ни адреса, ни телефона под этим воззванием не было. «Жаль! - огорчился Бурцев. - Одинокий мужчина и одинокие женщины… это, скажу я вам, нерв!.. это сюжет!..»

А вот то, что нужно! «Исполним любое желание! Заплатил? Получи!». Ниже два телефонных номера. Бурцев достал «мобильник» и набрал первый.

- Что вы хотели? - сухо спросил женский голос.

- Я это… по поводу желаний… - смутился Бурцев.

- По поводу желаний вам к Господу Богу!

Повесили трубку. «Острячка!» - запоздало огрызнулся Бурцев.

- Слушаю вас внимательно, - по второму номеру ответил мужчина.

- По поводу объявления… Заплатил? Получи! Объявление ваше?

- Наше. А вы что уже заплатили?

- Нет. Но собираюсь.

- Хорошо. Диктуйте заказ.

- Женщина не старше сорока пяти… для общения без обязательств… с квартирой…

- Постойте, постойте! Вы ничего не перепутали?

- Нет, это вы постойте! «Исполним любой каприз» - вы же сами писали? - Бурцев устал от неясности и перешёл в наступление.

- Писали. А подпись внизу вы читали?

Бурцев скосил глаза и прочёл: «Стройжилкомплект».

«Опять я вляпался!» - огорчился Бурцев.

- Ладно… чего уж… поможем… из личной, так сказать, мужской солидарности… - голос представителя «Стройжилкомплекта» неожиданно потеплел. - Блондинок предпочитаете или рыжих? Записывайте адрес…

Бурцев предпочитал брюнеток, но адрес красивым каллиграфическим почерком лёг в записную книжку. Ходил он по этому адресу или нет? Герой наш по этому поводу не обмолвился ни единым словом. Однако похудевший в разы его кошелёк и статус майора запаса… И, в общем-то, вправе ли мы осуждать?

А что же санаторские женщины? А вот не понравились они нашему герою, и всё тут! Слабость была у героя: он женщин любил красивых и нежных. Таковых же среди санаторских, по его убеждению, не наблюдалось. Смазливых и стройных, как грязи!.. Красивых и нежных… ну хоть бы одна! Большой привереда был этот не старый и в меру начитанный Бурцев.

Но есть на земле справедливость!

У женщин на этих не старых, и даже на в меру начитанных, давно уж капканы расставлены. И Бурцев в такой вот капкан угодил с потрохами.

А началось всё с рассуждений его об искусстве.

Не где-нибудь, а в кабинете у доктора решил он поумничать: цитировал из Байрона и из Пушкина, и даже из философа Ницше.

- Вы знаете Фридриха Ницше? - у докторши глаза округлились и вспыхнули (да-да, это была именно докторша).

- Знаю ли я Фридриха Вильгельма Ницше?! - скромно потупился Бурцев («Вильгельма» он произнёс, как и положено в немецкой транскрипции, с ударением на «и»). - Впрочем, немного… совсем немного… Du gehst zu Frauen? Vergiß die Peitsche nicht! Вы идёте к женщине? Не забудьте кнут!

- Ах, вот вы как?! - стремительно похорошела докторша.

Бурцеву она прописала массаж простаты.

И кто бы, вы думали, делал этот, с позволения сказать, деликатный массаж этому знатоку Ницше… этому в меру начитанному герою? Ну, конечно… конечно, она сама, наша милая докторша - наша Елена Львовна.

Романтики в этой процедуре не предусматривалось, и Бурцева это тревожило. Позиция же, которую пришлось занимать ему во время массажа, была какой-то уж слишком… беззащитной, что ли…

- Расслабьтесь, - посмеиваясь, ворковала Елена Львовна. Но Бурцев от этих усмешек напрягался ещё сильнее.

Расслабиться получалось только на набережной. Бурцев отщипывал хлеб лебедям, и птицы тянулись к его ладоням. Бурцев любил лебедей.

- Эх, лапчатые, - ласково щёлкал их Бурцев по жёлтым клювам.

На третьем сеансе массажа герой наш устал напрягаться и сдался. Соответственно поднялось и настроение.

- Ого! - взяла в свои руки настроение Бурцева Елена Львовна.

Взяла и держит. А руки у неё, хотя и докторские, но ласковые. Тут-то капкан и захлопнулся!

«Эх! Что же вы, женщины, с нами творите!..» - задумался Бурцев.

Задуматься дальше ему не дали…

Вечером Бурцев с Еленой Львовной гулял по Евпатории. Прижавшись друг к другу, они умилились собаками в капюшонах, кормили и гладили сытых кошек, сбегавшихся к ним отовсюду. Где-то шумело море…

- Bitter ist auch noch das süßeste Weib. Даже в самых сладких женщинах присутствует горечь. - Вдохновенно цитировал Бурцев из Ницше.

- Какой вы, однако… - смущалась Елена Львовна.

И даже нисколько не странно, что, будучи женщиной строгих правил, но женщиной одинокой, она пригласила к себе интересного ей мужчину.

Бутылка массандровского портвейна, прекрасно сервированный стол - что нужно ещё, чтобы… Подняли бокалы и…

- Как вы относитесь к возвращению Крыма в Россию? - неожиданно выпалил Бурцев.

- Прек-р-р-асно отношусь… - приблизила к нему губы Елена Львовна.

Покрыв поцелуями её запрокинутое лицо, Бурцев задумался: «Ага… спроси я её сейчас, как она относится к экспансии НАТО на восток, ответ, наверняка, был бы тот же…» Задуматься дальше ему не дали…

- Жди меня, дерзкий, жди!.. - подтолкнула его в спальню Елена Львовна.

Когда она вошла к нему в кожаной мини-юбке с наручниками и плёткой, Бурцев заметно встревожился: «Вечно психички какие-то мне попадаются!..» Встревожиться дальше ему не дали… Пошла ролевая игра… Сценарий прописан не был, и приходилось импровизировать.

- За Крым! За Босфор! За Дарданеллы! - обрушивал плеть на докторшу Бурцев.

- За Херсонес! За Мазепу! За Карла Двенадцатого! - отзывалась Елена Львовна, не оставляя у Бурцева сомнений, что женщина ему досталась по-своему яркая.

Потом Елена Львовна кричала и взвизгивала. Кричала она так громко, что в стену барабанили соседи.

«Так вот вы какие… крики евпаториек?!» - в мозгах у Бурцева сладко щёлкнуло, в глазах потемнело… Он выронил плеть и рухнул.

- Милый, милый… наконец… наконец-то нашла тебя… - сладко шептала Елена Львовна. - О, Ницше! О, славный философ! Спасибо тебе…

Наутро она предложила Бурцеву перебраться к ней. С вещами - с санаторскими пожитками. Бурцев глотал запаренный Еленой Львовной кофе (а

кофе Елена Львовна исключительно запаривала) и размышлял: «Ролевые игры, конечно, минус. Бить даму… тем более в постели… и даже если ей это нравится?.. ага… а разводы?.. а жёны?.. эх!.. вот бы плетей кому!.. выходит, не так уж и не права эта женщина… к тому же она хороша…»

И Бурцев тайком, но придирчиво глянул на докторшу, пьющую кофе. Красива! И кофе красиво пьёт. Сомнения развеялись…

Красавицы, что же вы с нами творите?! Вы просто терзаете наши незрячие души! А тут ещё вспомнились крики… и Ницше в придачу… и нежный массаж простаты… Прервав размышления, Бурцев решил переехать.

Что дальше? А дальше массандоровский «кокур десертный сурож»… и страстные крики, и кожаная юбка, и наручники… и, конечно же, Фридрих Ницше.

- Ist es nicht besser, in die Hände eines Mörders zu geraten, als in die Träume eines brünstigen Weibes? Не лучше ли попасть в руки убийцы, чем в мечты возбужденной женщины? - вдохновенно цитировал Бурцев, расставляя плетью знаки препинания.

- За что?! За что ты меня так любишь?! - взрывалась Елена Львовна. - О, Ницше!.. О, гений, спасибо тебе! Спасибо!.. Предела нет!..

- Совести у вас нет! - стучали соседи в стену.

«А ведь правы соседи, - размышлял Бурцев, гуляя у моря и рассеянно гладя сбегавшихся отовсюду евпаторийских кошек. - С совестью как-то у нас не задалось… Вот депутаты, к примеру…»

Депутаты и совесть у Бурцева в мозгу как-то сразу не совместились, и он обречённо побрёл покормить лебедей. Лебеди благотворно влияли на Бурцева, поэтому кормил он их долго, до самого вечера.

- Эх, лапчатые… - делился он с птицами сокровенным. - Терпеть не могу эту плеть! Но крики мне нравятся. Куда же деваться? Эх, Львовна… Леночка Львовна!.. Хорошая вы… хотя и психичка, конечно.

- Вы опять!.. Опять за собой не помыли посуду, Сергей Олегович! - встретила Бурцева у порога Елена Львовна. - Вы!.. Вы не можете так со мной поступать.

Не зная, как реагировать, он привлёк её к себе, но от этого женщине сделалось только хуже, и она зарыдала в голос:

- Прикрываетесь Ницше! А сами совсем вы не тот, за кого себя выдаёте.

- Я выдаю?! - растерялся Бурцев.

- Да! Выдаёте! - вырвалась из его объятий Елена Львовна. - Для начала вы могли бы узнать, почему я рассталась с мужем. Да! Вы могли бы узнать, но не узнали! Вы равнодушный! А ведь вы!.. вы мне вначале другим показались. Незамутнённым!

- Незамутненным?.. - встревожился Бурцев. - Утрите, пожалуйста, слёзы, Елена Львовна! И объясните сию же минуту: кто был вашим мужем, и почему вы расстались?

- Какая вам разница кто? - примирительно всхлипнула докторша.

- Действительно, какая мне разница? - Бурцев отыскал глазами плеть.

- А расстались мы потому, что он никогда не мыл за собой посуду. Представьте себе, никогда! Я даже ревела по этому поводу! Но он всё равно не мыл. Нагло не мыл! И вы… и вы туда же, Сергей Олегович! Обидно мне, что вы… такой образованный и начитанный, а туда же!.. Так вот! Если вы ещё раз… ещё раз посмеете не помыть… и потребуете любви…

- Die Forderung, geliebt zu werden, ist die größte aller Anmaßungen. Требование любить, самая большая претензия из всех необоснованных, - процитировал Бурцев любимого Ницше и, наконец, дотянулся до плети…

Через день он уехал в Ялту. Даже в предзимний сезон Ялта была уютна - тихая, с множеством кипарисов…

Прохаживаясь по ялтинскому пляжу, Бурцев с упоением размышлял: «И сколько же выдающихся художников оставило здесь следы?! А сколько знаменитых писателей этим лечебным воздухом здесь просто переполнялось? И Чехов, и Толстой, и Короленко, и Сухово-Кобылин…» Про Сухово-Кобылина он был до конца не уверен и заменил его на Новикова-Прибоя.

В доме-музее Чехова Бурцев озвучил вопрос, который давно уже мучил его своей неотвязностью:

- А правда ли, что Антон Павлович приезжал на море потосковать? И в Ялте тоска его была какой-то особенно творческой?

- Хороший вопрос! - обрадовано сверкнула очками экскурсоводша. - Прекрасный вопрос, дорогие друзья! Дело в том, что Антон Павлович Чехов по праву считается самым тоскующим русским писателем конца девятнадцатого, начала двадцатого века. И именно здесь, в Ялте, у моря, тоска его сублимировалась в прекрасные и чарующие своей безнадёжностью пьесы. С приездом Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой…

Дослушать помешала звякнувшая в мобильнике «эсэмэска».

«Между нами всё кончено, - писала Елена Львовна. - Объяснений не будет. Когда заберёте вещи?»

«Посуда… Чёрт!.. Опять не помыл…» - Бурцев рассеянно взял со столешницы чеховское пенсне и нацепил его на переносицу. Из зеркала на него уставился затравленный русский интеллигент. «Боже, какая пошлость!..» - устало подумал Бурцев…

Объяснения всё-таки были.

В санатории перед кабинетом Елены Львовны толпилась очередь, и герой наш по-честному её выстоял.

- На что жалуетесь? - докторша взглянула поверх очков. - Что-то опять чешется?

- В мозгах у меня чешется! - вознегодовал Бурцев.

- Это к психиатру.

- А как же массаж простаты? Нельзя же прервать!..

- Назначен ошибочно, - уткнулась в бумаги Елена Львовна. - С простатой у вас порядок! И, кстати, спасибо за Ницше. А вещи ваши у порога,

Сергей Олегович. Заберите, сегодня же. Мешают проходу… Всего вам хорошего. Не болейте.

- Какая же вы бестактная… безмерная… беспросветная… дура! - последнее слово Бурцев каким-то образом проглотил, но на замену ему сразу же выкатилось другое: - И… и… извращенка!

В закрытую за Бурцевым дверь сначала полетела авторучка, следом стаканчик с карандашами и степлер.

Вернувшись в санаторский номер с вещами, Бурцев размышлял:

- Смешно… мы так и остались на вы… а ночью?.. а ночью, конечно, всё грубо и честно…

Размышляя, он цедил массандровское десертное:

- Конечно же, долбанутая… и плётка эта… и пунктик с посудой… а, может, и ещё чего не знаю… а, может, и на метле по ночам… чертовка!.. евпаторийская ведьма!.. но чем-то же она меня взяла?.. и тёпленький я перед ней… и покорный… как в смертной рубахе…

Покончив с вином, Бурцев решил прогуляться к причалу. Темнело. Евпаторийский залив вздымался валами.

- Эх, гуси-лебеди, где вы? - вслух размышлял Бурцев. - Ни лебедей, ни… И вообще, никого… а, впрочем…

Бурцев заметил Геракла. Сияющий деликатным местом греческий герой-полубог возлежал на мраморном ложе и сонно смотрел на залив.

Бурцеву захотелось общения. В качестве собеседника Геракл подходил идеально.

- Ты, конечно, мифический… и дела тебе до меня никакого… - начал издалека Бурцев, - да и сердце… нет его у тебя!.. А у меня, дружище, представь себе, есть! И в сердце этом она - извращенка несчастная! Фу! И что это, Геракл, от тебя авгиевыми конюшнями до сих пор несёт? - принюхался Бурцев к мифическому герою.

Авгиевы конюшни? Как бы не так! Всё оказалось значительно хуже. У статуи кто-то навалил безобразно огромную кучу, и Бурцев в неё вступил.

- О, мерзость! - отчаянно затопал ногами Бурцев. - О, гнусная грёбанная действительность! Как грязно приземляешь ты самые высокие человеческие порывы!

В надежде избавиться от нечистот, он устремился к морю. Волна ударила в колени… вторая - выше…

- И пусть! - От холода Бурцев завыл и на мгновение замер. - Да, что уж…

И прочь от Геракла побрёл по воде.

- Вот заболею и умру… и прямо в её санатории… и рядом записку оставлю… мол, помяните, Елена Львовна, усопшую душу.

По счастью, герой наш не заболел и уж тем более не умер.

С утра в санаторской столовой он давился овсянкой и пристально разглядывал официанток.

«Ха! Фотомодели! И чего только с мужской голодухи не привидится, - ворочались похмельные мысли. - Обычные тёлки…»

Сленговое «тёлки» показалось Бурцеву вульгарным, и он поправился: «Девицы… конечно, девицы…»

Пикнула «эсэмэска». «Ты забыл бритву!» - извещала Елена Львовна.

Бурцев раскланялся с официантками и пошёл размышлять над полученным сообщением к морю:

«Три слова и знак пунктуации. Не густо. Попробуем вытянуть из этого максимум информации. Так-так… Во-первых: обращение на ты. Это можно расценить, как намёк - на ты мы были только в постели. Во-вторых: восклицательный знак. Ведь можно и точку было… а тут восклицательный! А восклицательный - это воодушевление! По поводу чего? А вот чего: есть повод вернуться… и, стало быть… не удержимся мы!.. ясное дело!.. А в-третьих? В-третьих, ничего я не забывал! Вещички мои она собирала сама…»

От этого «в-третьих» всё распадалось. А тут ещё и похмелье… да ещё и запах! А запах такой, что сбивает с ног! Геракл? Ну, конечно же! Занятый мыслями, Бурцев уткнулся во вчерашнего своего собеседника. Растопленная утренним солнцем куча благоухала рядом.

- Нет, старик, ты уж не обижайся, но сегодня ты мне не друг, - отшатнулся Бурцев. - Друзья ведь так не поступают. Навалил и молчишь!

Размеры кучи не оставляли сомнений, что мифический герой сам это всё и проделал.

- Вот Алексей Максимович - человек другого плана… - и Бурцев поспешил по набережной в сторону памятника Горькому.

Горького Бурцев любил и ценил. Особенно за его непостижимого Клима Самгина. «Жизнь Клима…» он перечитывал несколько раз, и чем больше перечитывал, тем непонятней и загадочней становился для него главный герой.

У памятника пролетарскому классику Бурцев задался вопросом: «А вот интересно, поехал бы Алексей Максимович за бритвой к Елене Львовне? Нет! Гордым был Алексей Максимович. Сел бы писать своего «Буревестника» и никуда не поехал бы! А этот герой его… этот хлюпик Самгин? Русский интеллигент! Мутный и рефлексирующий! Этот поехал бы!.. Вот и имей после этого дело с интеллигентами!..»

Бурцев расстроился и решил за бритвой не ехать:

- Пусть подавится этой бритвой! Ноги пусть свои волосатые бреет!..

Вспомнив красивые гладкие ноги Елены Львовны, Бурцев смутился:

- Ну… пусть не ноги… Сама разберётся…

Решив покормить лебедей, Бурцев спустился к морю. Волны вздымались и завивались барашками, но лебедей на них не было.

«Эх, улетели залётные… - расстроился Бурцев. - Неласков осенний Крым. Ветер да волны…»

Звякнула «эсэмэска». «Вы бессовестно вторглись в мою жизнь! - писала Елена Львовна. - Теперь мне холодно… мне не хватает Вас, и не хватает Ницше… Но если вы решили и дальше не мыть посуду, забудьте ко мне дорогу…»

«Психичка!» - заволновался Бурцев и стал набирать ответ:

«Вы сердце моё и душу мою изорвали в клочья!»

«Удачная фраза! - усмехнулся Бурцев. - И сам Наполеон к Жозефине не обратился бы лучше!» Глаза его увлажнились, и он продолжил:

«Я полюбил Крым. Полюбил Евпаторию. Но этой своей посудой… немытой, заметьте!.. вы зачеркнули всё! Теперь уезжаю… Прощайте, и не пишите мне больше. Мужская железа, которую Вы так и не долечили, не раз ещё мне о Вас напомнит!»

Про железу получилось непоэтично, и Бурцев эту фразу удалил.

Ну, вот и всё… Осталось вернуться в санаторий и собрать вещи.

Собирая вещи, Бурцев размышлял. Размышлял он, как в меру начитанный человек.

«Вот Бунин, к примеру, и Горький… - сам себя озадачивал Бурцев. - Один - дворянин, другой - пролетарий. И разные, можно сказать, во всём. Но взгляд на семейную жизнь почему-то у них совпадал: Бунин жил и с женой и с юной начинающей поэтессой, и Горький жил с женой и, соответственно, с молодой актрисой. Вероятно, в такой обстановке подходили они к писательскому труду как-то ответственней, что ли… А Маяковский?.. Он тоже ответственно подходил… Он в это самое время жил с Бриками: Лилей и Осипом. Ну, с Лилей, понятно. Но с Осипом-то зачем?..» - вознегодовал на любимого поэта Бурцев.

Сам он ни с каким Осипом жить, конечно, не стал бы. Несчастного Осипа пришлось бы куда-то девать.

«Куда? Куда?.. Застрелил бы!» - отмахнулся от навязчивой мысли майор запаса.

Из Крыма убывают двумя проторенными маршрутами: самолётом из Симферополя и паромом из Керчи. Бурцев выбрал непроторенный - через Украину.

«Крымчан навестил, а братьев-украинцев - нет! Непорядок!» - подбадривал себя Бурцев, устраиваясь в маршрутке.

Маршрутка помчалась по улицам Евпатории, и Бурцев почувствовал кванты тепла, исходящие от этого города. Он смежил глаза и, сменяя друг друга, поплыли картины: собаки в штанишках с хозяевами на поводках… холёные кошки, в глазах у которых уверенность в завтрашнем дне… старинный квартал с синагогой, мечетью и храмом… и лебеди… чудные птицы в волнах… и следом оно… конечно, оно - массандровское вино… На этом магическом словосочетании Бурцев уткнулся в окно и уснул.

Приснилось Бурцеву, что он цитирует Елене Львовне… нет, в этот раз не из Ницше, а из Владимира Маяковского:

- Ведь для себя не важно и то, что бронзовый, и то, что сердце - холодной железкою. Ночью хочется звон свой спрятать в мягкое, в женское.

Цитирует, а Елена Львовна смеется:

- Только о звоне своём и думаете, Сергей Олегович. Поскорей бы вам его в мягкое, в женское спрятать. А вам бы о сердце своём подумать надо. Никчемное сердце у вас. Одинокое сердце. Расписывайтесь скорей!

- Где расписываться? За что? - покрывается Бурцев холодным потом.

- Не пугайтесь! - заливается смехом Елена Львовна. А смех у неё гипнотический, с эхом. - Расписывайтесь, что согласны на операцию. На сердце. Разбито оно у вас. А я подрихтую.

«Ага, подрихтую… неверное слово… никак оно с сердцем не вяжется! Не стану подписывать!» - стучит в голове у Бурцева.

А докторша в маске уже… и скальпель в руках… и вот уж глазами одними смеётся и Бурцеву грудь пластает…

- Что ж вы такое творите, Елена Львовна! - возмущается Бурцев. - Совесть-то где?

- В Караганде! - отмахивается Елена Львовна и черпает чернильницей прямо из раны. - Вот и чернила! А вот и перо! - Перо она выдёргивает у грозно шипящего под ногами лебедя. - Подписывайте скорее, Сергей Олегович, а то, не дай бог, помрёте.

- А лебедь-то здесь зачем? Не мучайте лебедя! Лебедя отпустите! - Бурцев сникает и ставит подпись.

- Отпустим! Отпустим! Ха-ха! - железно смеётся Елена Львовна, и смех её разносится эхом. - Читайте! - подносит под нос листок.

- Свидетельство о браке? - ужасается Бурцев. - Но это нечестно!

- Ещё один штрих, и всё будет честно! - в руках у Елены Львовны дротики от дартса.

Дротики с бирками. Первый же вонзается Бурцеву в пульсирующее и выпирающее из раны сердце. «Стрела амура» - читает он бирку.

- Это нечестно!.. Нечестно! - корчится Бурцев от боли.

- А где ты, чтоб честно, видел? - сосед по маршрутке бьёт Бурцева локтем под рёбра. - Ишь, разорался!

- Простите великодушно! - смутился Бурцев и, в надежде смягчить ситуацию, извлёк из дорожного саквояжа колбасу и бутылку водки.

- Добре! - крякнул сосед, приложившись из горлышка.

- Хорошо пошла! - приложился ответно Бурцев.

Пока жевали колбасу, Бурцев успел рассмотреть соседа - кряжистый, с чубом, со свисающими из-под крупного носа усами; дублёнка распахнута, под воротом вышитая рубаха.

«Чего у братьев украинцев не отнять, так это их колоритности!» - восхитился Бурцев.

Захмелели быстро, и глаза у обоих стали масляными и добрыми. Потянуло на откровенность.

- Ненавижу москалей! - сосед потянулся к бутылке и вылил в себя остатки.

- За что? Чего ж я тебе такого плохого сделал? - занервничал Бурцев.

- А за що тэбэ любыты, колы ты москаль? - пожал плечами сосед.

- А за что не любить? - решил допытаться Бурцев.

- Погодь! - сосед достал горилку, шмат сала, нож, хлеб и стаканы. Сало он нарезал аппетитными ломтиками и уложил на хлеб, горилку разлил в стаканы.

Чокнулись. Выпили.

- Чуешь! - хитро улыбнулся сосед. - Вот как надо! А ты из горла… И за що ж мне тебя любыты? Нема за що! У нас, у хохлов, порядку больше.

- Ну, а если серьёзно? - не унимался Бурцев.

- А если серьёзно, то вы, москали, нашу Киевску Русь упразднили и в Московию её заграбастали. А не заграбастали бы, так протянулась бы она, наша Киевска Русь, от Чукотки и до Полтавы! И порядку, как сам убедился ты, больше в ней было бы. И сало на хлебушек клали бы все, как положено.

По мере того, как пили, всё больше переходили на русский. Хмелея, Бурцев из принципа попытался возненавидеть соседа. Не получилось.

«Несправедливость! - задумался Бурцев. - Меня ненавидят, а я не могу…»

- Приехали! Перекоп. Не забывайте вещи, - объявил водитель.

Российскую часть границы миновали без проволочек. На украинской набились в отстойник.

- У нас тут тесты… - хохотнул хохол.

Он давно уже приосанился и, до пояса расстегнув дублёнку, демонстрировал всем и каждому вышитую рубаху.

- Тесты? На что? - озадачился Бурцев.

- На выявление шпионов!

- Шпионов?

- Оть тож!

- К порядку! - объявил над головами динамик. - Кто не скачет, тот москаль!

- Пока, москалюга! - запрыгал сосед в сторону украинской маршрутки.

За ним поскакали, как мячики, солидные с виду мужчины и женщины, и Бурцеву стало грустно.

«И это порядок?! - задумался Бурцев. - Уж лучше мы как-то на этот… на свой… на российский авось…»

- Шпион? - подошёл к Бурцеву человек с кокардой.

- Никак нет!

- А выправка офицерская. И отвечаешь по-военному.

- Но это же ещё ничего не значит… - стушевался Бурцев.

- Не значит ему… - заворчал человек с кокардой. - А «Ще не вмерла Украина…» - значит? Вот и спой нам!

- Слов не знаю… - признался Бурцев.

- Хлопцы! Геть его! - закричала «кокарда».

К Бурцеву подступили два дюжих парня и вытолкали его на российскую территорию.

- Проведал, называется, братьев! - расстроился Бурцев.

На российской территории паспорт его перекладывали с места на место и долго разглядывали.

- Диверсант? - наконец-то подняли глаза.

- Ну, какой же я диверсант?! - досадовал Бурцев. - Я ведь и гимн могу…

- Точно?

- Точней не бывает!

И Бурцев, подобравшись и вытянувшись в струну, затянул баритоном:

- Боже, царя храни! Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!..

- Убедили! - протянули документ.

- То-то! - заважничал Бурцев. - Учите текст.

И вновь потекли перед Бурцевым крымские города и веси. И в меру начитанный наш герой всё мчался и размышлял:

- Как скучно жить на свете, господа!

Но, вспомнив, что так уже размышлял великий писатель Гоголь, он стал размышлять про другое…

И в этом другом поместились огни Евпатории… и море… и Крым… и предзимний сезон… и сытые кошки… и лебеди… и старый караимский квартал… и, конечно, она - загадочная Елена Львовна.

- А посуду я всё-таки мыть не буду! - усмехнулся Бурцев.

***

Как ступили в белизну из дома,
В строгие деревья,
Как прошли по дворику седому,
Кружевной аллее.
Как сугробы занесли дорожку -
До неба и выше,
Как пошли - неслышно, осторожно,
Льдинок постук слыша.
Как, ведомы истиной простою,
К храму подходили,
Наполняли ледяной водою
Полые бутыли.
Как из храма в отклик на моленье
Над мирским и малым
Воспарило ангельское пенье -
И теплее стало.
Как обратный путь еще искристей
Был - совсем жемчужный,
На березках бряцали мониста
Изморози вьюжной.
Как, вернувшись, сбросили вещички,
И притихший мальчик
Окунул в священную водичку
Любопытный пальчик…

***

И есть ли музыка в чаду -
такая, чтобы все забылось,
чтоб сквозь тщету и суету,
разбросанность и нищету
живьем пробилась.

Чтоб захотелось распахнуть
постывший пуховик средь стыни,
и чувства распирали грудь,
и высь являла смысл и суть
в платочке синем.

Чтоб замереть от чистоты
представшего, как на причастье, -
от осознанья простоты,
что живы вместе я и ты,
и в этом - счастье.

***

Лучисты весенние листья.
Соцветий прозрачен раскрыл.
Обрадуйся, властвуй, возвысься -
Всевышний ладони раскрыл
И сыплет черемухи цветом,
И дарит такое тепло,
Что сердцем ликуешь согретым,
И все отошло, зажило…

***

Раннее утро в искринках.
Двор, как открытая кринка,
Полон парящим снежком.
Люди по синей тропинке
Грезы проносят в корзинках.
Чиркнет по льду полозком
Дня лучезарный попутчик
И заторопится жить -
Первый оттаявший лучик
Обмершей в зиму души.

***

Земных пророчеств
Шаги тихи.
С тобой мне хочется
Писать стихи.

Следить за облаком
Слегка сквозным.
С тобой мне дороги
Слова и сны,

Свеченье вечное
И образа,
Тепло сердечное
В людских глазах,

Случайный оклик и
Рука в руке,
И месяц тоненький
На волоске

Сердцебиения.
Всему - близка.
С тобой мгновения -
К строке строка.

С тобой - певучая:
Кипенье крыл!
Ты - луч, ты - лучшее,
Когда бы… был.

***
Утро с ледком.
Стылых простынок ломкость.
Свет невесом -
Ярок, оскользжен, строг.
Все, что потом -
Лишь Тишина и Голос,
Все, что сейчас -
Лишь Высота и Бог.

Так и живи -
Сердце собрав в дорогу.
Тем и дыши -
Горестно, сгоряча.
То, что потом,
Ближе всего к итогу,
И оттого
Хочется жить сейчас.

ТРАМВАЙЧИК

Время - вагоновожатый, не помнящий
Ни одного своего пассажира.
Мы ненадолго друг к другу прижаты
И, слава Богу, покуда живы.
За соучастие в выжимании
Себя самого из других таких же
Ты награждаешься переживанием
И учащенно на ладан дышишь.

Ты неопознан, не вызнан доподлинно,
Сам без себя живешь-куролесишь.

А над трамвайчиком - глянь-ка - в полнеба
Звездный офорт, как ты к Богу едешь…

ОТВЕТ

Скорее, так устроен ты,
и то ниспослано Всевышним,
что мысли главные просты,
и Вечность за душою дышит.

Но если в сердце непокой,
и в прожитом не разберешься -
в путь отправляясь за строкой,
не думай, что назад вернешься.

***
Ваше сиятельство, яркий денек,
Как вы сегодня прекрасны,
Кто вас припас для меня, приберег -
Помнить, пока не погасну.

Кто приготовил волнующий слух
Звон, возвещающий радость.
Это, как в детстве: считала до двух,
Дальше ж - не выдержав, мчалась

Прямо в хранящие руки отца -
Чувствуя силу спасенья…
Души едины, едины сердца,
День-то какой - Воскресение!

Новой весны благодатная весть.
Цвет, затаенный в бутонах.
В каждом из нас это было и есть -
Счастьем Пасхальным стозвонным!

Храм над обрывом, святая святых,
Пасхи и крашенки всюду.
Благословением всем за труды
Брызги святой чистоструйной воды -
Радужность, блеск, перламутр!

Жизнь - Божий дар. Полной грудью дыша
Истую суть Воскресения
Силой любви обретает душа.
И просветленно - назад, не спеша,
В день небывалый, весенний -

Тропкой от храма наверх подняться
К миру, в шум, гомон, кружение…
А оказаться в руках у Отца.
Чудо Преображения.

***
Звёзд нежно-шепотных свеченье
В объятьях тьмы.
И если мир - одно мгновенье,
То что есть мы?

Перебирая оправданья,
Бредём куда?
За отворотом мирозданья
Всё навсегда.

Всё навсегда, и всё дороже
От шага шаг.
Мы молимся: - Спаси нас, Боже,
За просто так.

И остается краткий выдох
На глас высот
И облегченное: - Спасибо!
(Спасет, спасет!..)

***
Потому ли, что свит
Этот мир из добра и печали,
Он сегодня молчит,
Как тогда, в безмятежном начале.

Состоя из травы,
Голосов луговых перепелок,
Он такой синевы,
Что немеешь, всходя на пригорок.

В нем не надо скрывать
Ни себя, ничегошеньки ровно.
В нем склоняется мать
Над ребенком - тихонько, любовно.

В нем огарок свечи
Не сгорает в ладони недвижной.
Он огромен: шепчи
В нем молитву - и будешь услышан!

Там отчаянный бег
Не окончат часы и минуты.
Из двадцатого век
Двадцать первым окажется круто.

И, идя по пятам,
Счастье вскинет упрямо ресницы.
И гроза по садам,
Оббивая соцветья, промчится.

Там откроешь окно
И вдохнешь полной грудью - до боли.
Там такое дано
И такое случилось с тобою…

Что попробуй вернуть,
Удержать впопыхах неумело
Все, что бухало в грудь,
Что сияло, смеялось, летело.

На тропинках кругом
Миллионы следов остывают.
Жизнь упряма в одном -
Уплыва-, убега-, убывает.

Но ты смеешь поспеть,
Забегаешь вперед, как мальчишка.
И фанфарная медь
За тобой громыхает вприпрыжку.

А что надо-то - миг, -
Неразменность, взаимность, сердечность.
Умножай на своих
И дели без остатка на вечность.

И живи не дыша,
Подгоняя кораблик бумажный.
Потому что душа -
Это парус, с которым не страшно.

Потому что мелки
Неурядицы, страхи, невстречи
Для судьбы и строки,
И улыбки - простой, человечьей!..

***

Тогда понимаешь, что глупо, неправильно жил,
Неправедно, страстно,
Бесплодно надеялся, непоправимо грешил
И грезил напрасно.

Пригретые, крепнут в ладонях весны лепестки,
Былинки и травы,
И сизое небо, очистясь от зимней тоски,
Растёт на октаву.

По дворикам детство смеётся, и дразнит капель
Пичуг на припёке,
И март отступает, и золото моет апрель,
И кроет им щёки.

И робкое чувство становится главным в душе,
Единственно важным.
А прошлое… горький рывок на крутом вираже -
Бесцельный и страшный.

***

И вот нахлынуло, поди ж ты, разбери
Оттаявшей земли дремотный запах.
Как черен кот, крадущийся вприсед
На тощих лапах.

Тебя собою оградит от бед
Корявость сучьев и припухлость почек,
Ты будешь в пепел мартовский одет
Брести средь ночи…

Обманывай себя по пустякам,
Но в главном не соври - одном едином
Держа подснежник в трепетных руках:
Исповедимы

Пути земные. Но небесный, тот -
Незнаемый, теперь тебе подвластен,
В нем всевозможно ширится, растет
Миг счастья!

Я ПРИЕДУ НА ЗАКАТЕ

1

Невысокий бородатый парень в черной майке, хмурясь, свел двери вагончика и - в замкнутом его пространстве, набитом пассажирами, духота стала еще сильней. Несколько повременив, смахнув со лба капли пота, он нажал контрольную кнопку. Где-то в глубине подгорной станции фуникулера раздался звонок. Подвешенная на толстом тросе «ладья» качнулась, поплыла в поднебесье, и разновозрастная публика, устремив взгляды на вершину Машука, напряглась в начавшемся полете. Окружающий пейзаж: потемневшее от жары шоссе, санаторные здания среди берез и елей, киоски-магазинчики, ресторан с верандой побежали назад и в разные стороны, а гора стала надвигаться, как бы падать навстречу. И с обеих сторон замелькали растрепанные макушки кленов и каких-то щетинистых деревьев, дебри обескровленных солнцем кустарников, - трасса, огибая по воздуху скалистые уступы и расщелины, вела к домику верхней станции и к телевышке, маячившей по ночам разноцветными огнями.

У Светланы, смотревшей в окошко на мимо летящий с ускорением склон, неожиданно стеснило в груди. «Угораздило Илону назначать рандеву! А ты скитайся, - с раздражением подумала она, крепче берясь за столбик-поручень и слыша над головой рокот катящегося по тросу колеса. - Вечером я хотя бы на скамье посидела…» Ее вдруг шатнуло, как если бы пол покосился. И тут же предательски обмякли ноги. Она очень испугалась, не понимая, что с ней, сжала веки, и точно с головой окунулась в мутную горячую воду… «Женщине плохо! Держите, чтоб не упала!» - это восклицание соседки было последним, что уловила, теряя сознание…

- Вдыхайте глубоко! Еще! - донесся мужской голос как будто с небес, и она, вырываясь из небытия, поспешно открыла глаза. И вскрикнула, обнаружив себя в руках огромного небритого верзилы. Его лицо двоилось, словно бы зрение утратило резкость.

- Пустите меня! Что вы позволяете… - еле шевеля губами, возмущенно вымолвила Светлана не в силах двинуться.

Но голос ее у стоящей рядом дамы, с подсиненными волосами, вызвал лишь укоризненную усмешку:

- Ну и напугали вы нас! Белая как стена - и падает… Спасибо, мужчина подхватил…

- Глубже вдох! - с вежливой настойчивостью твердил незнакомец. - Не волнуйтесь, я - врач. Вы слышите меня?

- Да, вроде бы…

- У кого есть вода? Или сок? - громко обратился он к пассажирам. Миловидная девушка протянула бутылочку «спрайта». Светлана выпила ее крупными глотками.

- Еще минута - и будем на месте. Что с вами? Перегрелись? Или не в ладах с высотой?

- Не знаю… Жарко очень! - Светлана, придя в себя, постаралась встать прямо. - У меня пониженное давление. А высота ни при чем. Мы с дочкой на колесе обозрения…

- Я подставлю ладонь, а вы упирайтесь в нее затылком, давите крепче!

Она напряглась, качнулась назад, перевела дыхание. Точно туман упал с глаз, и она вблизи рассмотрела доктора. Первым впечатлением было, что перед ней преогромный ежик. На вытянутом, заросшем недельной щетиной лице выпирал заостренный, как у зверька, нос, синие глаза под надбровными дугами казались колючими и насмешливыми, и, вдобавок ко всему, на голове щетинились, серебрясь, темные волосы. И вместе с тем, этот рослый господин, в широких фирменных шортах и «барселоновской» сорочке с красно-синими полосами, выглядел вполне располагающе.

- Мне лучше, - улыбнулась Светлана и поспешно взялась за поручень.

Между тем «ладья» сбавила ход. Близ «причала» притормозила, останавливаясь, и в открытую форточку хлынул ветерок. Светлана обратила к нему лицо, - стало легче. Пассажиры оживленно загомонили. Проводник двумя руками раздвинул двери (уже с другой стороны), и Светлана первой оказалась у бетонированного «пятачка». Преодолевая скованность, ступила ногами на твердь и поднялась по лестнице. От кафешек к новоприбывшим кинулись фотографы. Светлана, подставляя лицо ветру, свернула вправо, к смотровой площадке.

Силы возвращались, - и тревога в душе меркла. Захватило дух от поднебесной панорамы Кавказского хребта, от зубчатой линии уходящих вдаль гор, едва проступающих в знойной лиловато-синей дымке, - особняком на широкой опоре стоял окутанный облачной накидкой Эльбрус, похожий на громадную альпинистскую палатку, подпертую двумя палками. А в подгорье, словно на макетном столе, открылся вид размашистого города, пестрота домов-кубиков и высотных зданий, зеленовато-серый разлив садов и аллей, за ним - голубоватая туфелька озера, а внизу, у горной подошвы, - извилистая струна Подкумка, с серебряными застругами перекатов.

- Красотища?

Светлана, узнав голос, оглянулась. «Ёжик», в светозащитных очках, с лоснящимся от пота лицом, стоял сзади в напряженной позе, точно телохранитель из боевика. Она, улыбнувшись, тоже опустила на глаза свои воздетые поверх бейсболки фирменные «Версаче», кивнула:

- Да! Всё это было много веков до нас и останется после...

- Вы так думаете? - иронично переспросил он. - Конечно, не Рио-де-Жанейро, но… Занимательно! Всего тысяча метров над уровнем моря… Как самочувствие?

- Отлично. Спа-си-бо большое! - с подчеркнутой любезностью отозвалась Светлана, скорей, по привычке, как поступала, чтобы отвязаться от назойливых ухажеров.

«Ёжик» насмешливо фыркнул, заметив, что Светлана собирается уйти.

- Извините, но - долг. Клятва Гиппократа, так сказать, обязывает. Позвольте ручку, мадам. Мне нужно проверить ваш пульс!

Это напористое требование она восприняла настороженно, заподозрив, что никакой это не доктор, а искатель приключений, ловкий, находчивый, на ходу сочиняющий бабник.

- Ой, не надо! - довольно резко отказалась она. - Нет необходимости утруждать вас. Я чувствую себя, как космонавт.

- Ein Moment! - хмурясь, воскликнул «лжелекарь» и шагнул к ней. Движением плеча он подал вперед висевшую на ремешке сумку, запустил в нее свою длинную ладонь. - Возьмите. Это моя визитка.

- Мне неловко, честное слово! Не такая я хилая… - уже с отчуждением возразила Светлана, убирая в сумку, где были айфон и деньги, перламутровую картонку. - Всего доброго!

- И вот что! Я бы рекомендовал вам обследоваться. С аритмией не шутят.

Светлана, удерживая на лице прежнее недоверчивое выражение, - заметила его разочарование (губы угрюмо сжались) - и двинулась по косогору, заросшему разнотравьем, к столбам с дощечками-указателями, на которых значилось расстояние до городов. Над пожухлыми цветами пропархивали бабочки и шустрые горные пчелы. Светлана сняла очки и убрала их в сумку. С этого места открывался простор на восток. Распахивалась степь, исполосованная дорогами, лесополосами, в черных делянах пашен, с золотистыми полями подсолнечника; еще дальше, в знойном августовском мареве проступали очертания станицы. В небе висел единственный клочок облака. И почему-то возникло ощущение, что смотрит она в иллюминатор самолета…

- Нашли свой город? - грянул за спиной знакомый голос.

- Его здесь нет. Наш таежный поселок не велик, - ответила Светлана, не поворачивая головы.

- А мой есть!

Больше она не отозвалась и долго простояла, отгоняя навязчивые сомнения, - то ли он, действительно, врач и тревожится о ее здоровье, то ли «Кобелино» из анекдота. Когда же обернулась, - никого рядом уже не было.

2

Несмотря на высоту и здесь ощущался зной. Светлана, поправив желтенькую, под цвет майки, бейсболку и собранные на затылке волосы, внимательно огляделась. Две лавки под молодыми пихтами были заняты. Оставалось либо подняться на второй этаж домика, на котором красовалась вывеска кафе, чтобы природой любоваться под защитой кондиционера, либо спуститься по асфальту вглубь леса. Ей попросту захотелось побыть одной.

Сквозистые кроны ясеней вдоль обочин не укрывали от палящих лучей. Светлана ускорила шаг. За поворотом, у высоченных елей показалось здание. Площадка кафе ютилась под раскидистыми лапами. Лишь за одним из столиков, в отдалении, сидела парочка. Светлана выбрала место в противоположном конце. Здесь было уютно и не так жарко. Почти у ног, за каменным парапетом, уходил вниз склон, благодаря чему открывались степной горизонт, небо и величавый Бештау. Правда, видны были лишь три его вершины, - в участках леса, в луговых проплешинах и синеватом отблеске скал. Она сдернула бейсболку и повесила ее на спинку стула. Стащила резинку, скрепляющую волосы, и растрепала их, укладывая на плечах. Посмотрела вдаль. И вновь нашла схожесть с тем, как если бы смотрела на землю с высоты, в окно авиалайнера…

Послезавтра она покидала Пятигорск. И эта двухнедельная жизнь по расписанию, - с определенным временем приема пищи и хождениями к минеральному источнику на «водопой», посещениями врачей и процедурами, с дискотеками и автобусными экскурсиями по Кавказу, с постоянно обновляющимся составом отдыхающих и бесконечной женской болтовней о болезнях, способах похудания и омоложении, - вся эта добровольная кутерьма завершалась. И слава богу! Переносить жару не осталось терпения, которым, казалось, с преизбытком запаслась на своем Севере. Восемь часов лёта, с пересадками в Москве и Сургуте, и она - в своем поселке нефтяников, возведенном близ скважин в глухой тайге. «Светланка, у нас такое творится, - караул! - прислала вчера сообщение по интернету Ванда. - Снежный буран вторые сутки…» Но вместе с тем она уже привыкла к беззаботности, умиротворяющему курортному бытию, хотя ничем особенным пребывание здесь не отмечено. Разве знакомством с адвокатом из Казани, красавцем под пятьдесят? Ей нравились мужчины такого типа: черноволосые, смуглые, с мужественными чертами лица, - похожие на Антонио Бандераса. Однако, как в песне, «встреча была коротка…» Непривыкший церемониться с женщинами, этот щеголь, пригласив в ресторан, стал держаться повелителем. Прежде всего, потребовал сертификаты вин, обстоя-

тельно обсуждал с метрдотелем их достоинства. Наконец для «дамы» выбрал бутылку сравнительно дешевого белого «Токая». Венгерское вино, на самом деле, оказалось чудесным, с мускатным привкусом. Черногривый донжуан, то и дело повторявший: «Я, как уважаемый человек», - частил с тостами, выказывая не только страсть к болтовне, но и умение шутить с утонченным цинизмом. Полный невежда в искусстве, он быстро ей наскучил. К тому же обошелся только закусками. И надо было сразу уйти. Она же из деликатности тянула, да еще и согласилась посмотреть, как устроился «уважаемый человек». А в его одноместном номере, под стать водевилям, оказалась… внезапно приехавшая жена, особа весьма дородная. Римский профиль красавца и бронебойный кулак ревнивицы встретились на лету. С разбитым носом, матерясь, «изменник» кинулся под кран, а Светлана - к выходу, слыша вдогон ругань. В таких случаях объяснения, конечно, бессмысленны…

С улыбкой к столику припорхнула молодая блондинка, подала меню в толстой обложке, похожей на наградные папки. Еловая ветка, низко свисающая над ее головой, походила на шляпку.

- Мне двойной «эспрессо». Он у вас зерновой? - уточнила Светлана.

- Конечно! А еще есть интересные салатики, - кокетливо добавила официантка. - И шашлычок очень вкусный! Много чего…

Светлана перевела взгляд в солнечное подстепье, ощущая, как славно здесь, в затененной тишине. И настроение улучшилось, и мысли обретали ясность, и всем проблемам, верилось, найдется решение …

В музыкальной школе, где она была завучем и вела класс фортепиано, конечно, уже составляют расписание, и директор, Илья Моисеевич, бывший флейтист «Мариинки», нервничает, что рядом нет помощницы. Как всякий пожилой, хвативший лиха человек, он, где надо и не надо, суетится, брюзжит, горячится. За неделю до начала учебного года она, Светлана Леонидовна, займет место за своим столом и, выслушав педагогов, уже в четырнадцатый раз постарается учесть все просьбы и всех примирить. Хотя, разумеется, недовольные чем-то окажутся…

Кофе оказался скверным, сваренным в турке. И наверняка - из переваренной, много раз использованной бурды. Светлана сделала несколько глотков и отставила чашку. Во рту приторно горчило.

- Девушка!

Официантка подошла, вопросительно округлив глаза, хотя по интонации клиентки наверняка поняла ее недовольство.

- Вы принесли отраву. Сварите, пожалуйста, настоящий кофе!

- Что вы кричите? - обиделась плутовка, преображаясь и кривя напомаженные малиновые губы. - Другие хвалят, а вам, женщина, не угодишь.

Между тем, играя глазками, она цапнула чашку и быстро унесла. «Денечек! - с иронией подумала Светлана. - То в обморок бросило, то пойло подсунули. Остается, чтобы на обратном пути вагончик с орлом столкнулся!» Она вспомнила о визитке и с любопытством достала ее. На перламутровом

поле значилось: «Мефодий Андреевич Ладыгин. Кардиохирург. Доктор медицинских наук. Профессор. Член международной ассоциации…» Ниже мелким почерком указывался номер телефона и адрес кардиологического Центра в Санкт-Петербурге.

- Ого! - не сдержала Светлана удивления. - Круто.

И сожаление за свой неумеренный гонор ворохнулось в душе. И почему-то отозвалось чувство одиночества, - эта подкатывающая исподволь, неизъяснимая жалость к себе, что многое сложилось в жизни иначе, не так, как надеялась…

Она рано вышла замуж, еще учась в новосибирской консерватории. Была обоюдная любовь, как будто предопределенная музыкой и скрепленная ею навек. Но длилась эта идиллия всего три года, до рождения Аленки. Дмитрий, любимый и импозантный супруг, с букетом бордовых роз встретил в роддоме, а вечером объявил, что переселяется к матери, поскольку плач малышки будет вредить творчеству, разучиванию скрипичных партий. Полгода он навещал семью, сводившую концы с концами. А когда Светлана с дочуркой перебрались со съемной квартиры к родителям, подал на развод. И вскоре выгодно женился…

И это было только первым предательством, вступительным аккордом диссонансной жизненной симфонии. В год обвала рубля, в правление «царя-демократа Бориса», когда месяцами задерживались зарплаты и пенсии, а цены росли как на дрожжах, умерла бабушка Зина. Инсульт разбил отца, превратив его, тренера по лыжному спорту, в неподвижного калеку. Даже теперь было мучительно вспоминать об унижениях, которые познала в девяностые годы. Мама работала инженером в КБ, получая в месяц «деревянными рублями» - миллион. Такой суммы тогда хватало, чтобы купить в культмаге резиновую лодку. Светлана помнила это потому, что отцовскую «Омегу», уже не новую, сторговали соседу дешевле. И приходилось им на пару мыть по вечерам офисы и магазины, подъезды и туалеты, чтобы хватало «гайдаровских деньжат» на хлеб и продукты, коммунальные услуги и лекарства.

Каждый день с одиннадцати, кроме воскресенья, Светлана спешила на репетиции филармонического оркестра. Оттуда ехала на автобусе и метро, с тремя пересадками, на окраину Новосибирска, в музыкальную школу, куда устроилась на полставки. А после уроков - в детсад за дочкой, затем домой, чтобы поужинать перед вечерней «сменой». Сил и времени ей, двадцатипятилетней, тогда хватало на всё, за исключением личной жизни. И вот однажды в риэлторское агентство нагрянул, несмотря на поздний час, его владелец. Элегантный мужчина средних лет крайне удивился, что у него в офисе орудует шваброй «такая хорошенькая девушка», поскольку договор заключал с ее матерью. Он подробно расспросил Светлану о семейном и материальном положении, загорелся глазами и - предложил работу секретаря-референта, назначив оклад, превышающий ее общий месячный заработок.

Светлана с юности пользовалась у мужчин успехом и, как аксиому, затвердила, что красива и имеет, благодаря этому, преимущество перед другими женщинами. И предвидя, что рано или поздно станет любовницей шефа (это как бы общепринято и воспринимается в качестве дополнительной нагрузки), была вынуждена из-за тяжелой болезни отца и других семейных трудностей дать согласие. Пока осваивала документацию, знакомилась с партнерами агентства и надзорными органами, Владимир Геннадьевич вел себя корректно. Окончив курс секретарей, Светлана со свойственной ей сметкой легко «влилась в коллектив». День ото дня шеф становился доверчивей. Несколько раз в офис наведывалась его жена, юркая, молодящаяся, точно травести на сцене, коротко подстриженная дурнушка. Она внимательно рассмотрела Светлану, поговорила с ней и, очевидно, одобрила выбор благоверного. А он, между тем, целенаправленно приручал секретаршу, дарил подарки. И когда градус взаимоотношений поднялся до нужной близости, отправился с ней в соседний город. Разумеется, командировка была надуманной. И в первый же вечер, явившись в ее номер с шампанским, признался, что «влюблен по уши», стал сулить золотые горы и обещать развестись со своей «кикиморой»…

Поездки, впрочем, были редки. «Рандеву» обычно случались на даче или в кабинете шефа. При этом она сразу пресекла эротические фантазии Владимира Геннадьевича, посоветовав экспериментами заниматься с собственной супругой. Будни чередовались праздниками. И первоначальное чувство самоосуждения за связь с женатым мужчиной вспоминалось всё реже, сменилось привычкой, - разве мало женщин в ее положении? Более того, она начинала привязываться к «Володюшке», как называла его вне работы, скучать и как будто даже любить…

Цены на недвижимость росли, особенно в столице. И шеф надумал покорить Москву, хотя конъюнктура в городе была устойчива. Он - точно бес обуял! - без конца твердил о проектах, выгодах и рисках, о взятках московским муниципалам, о желательной поддержке криминальных «авторитетов», о баснословной прибыли. Но дела, по всему, в белокаменной застопорились. И на третий раз он настоял, чтобы с ним поехала Светлана. Поселились в элитной гостинице, вечер провели в ресторане. А когда вернулись в номер, то увидели в нем гостей, двух небрежно одетых мужчин. Вели они себя вызывающе. Были пьяны, и при появлении хозяев тотчас выставили бутылку водки, потребовали, чтобы «братан Вован», как окрестили подельника, «сбегал за закусью». И тот засуетился, на ходу бросил Светлане, что «только спустится в буфет». Когда за ним запер дверь один из «братков» и, войдя в комнату, показал Светлане ключ, она похолодела. «Слушай, а ты, в натуре, по кайфу. Командир твой смотался. Вся ночь - наша!» - по-блатному, с радостным запалом цедил этот с отвисшей губой зверь. А второй, разя перегаром, тут же принялся расстегивать ремень…

Точно слыша за спиной голос, подсказавший выход, Светлана попросила сигарету, хотя никогда не курила. Затем взяла со столика зажигалку и,

хмельно пошатываясь, направилась в ванную. Там, запершись, убедилась, что глазок противопожарной сигнализации помигивает, и с сухого конца подожгла полотенце. Огонь занялся, комнатенка быстро наполнилась дымом. Его не сразу учуяли «гости». Бросились выбивать дверь ванной, но за малым не успели, - сработал датчик. Взвыла сирена. Дежурная по этажу и какие-то люди появились в номере вовремя, когда Светлане уже стало трудно дышать…

Так свершилось второе предательство. С тех пор Светлана возненавидела гостиницы. И, вернувшись в свой город, не смогла быстро побороть депрессию. А суть ее была в том, что целых два года провела точно в плену. Понимала и прежде, что зависит от низкого человека, готового на любую подлость, но - всё ждала, ломала себя. И то, что случилось в Москве, - перст божий. Она как будто очнулась, ощутив себя забрызганной грязью. И захотелось вымыться, отринуть эти годы. Во многом изменили ее эти дни запоздалого прозрения, и - жизнь повернулась к Светлане неведомой прежде стороной, побудив действовать. И она решила уехать. Благо, двоюродная сестра Ванда, служившая в администрации таежного поселка, приглашала к себе, обещая хорошо оплачиваемую работу и казенную квартиру. И Светлана строила планы, что всё начнет с белого листа.

И вот поселилась она в тайге, сработалась с коллегами в школе и доме культуры, обрела подруг. Оставалось только познакомиться с достойным кандидатом в мужья. Но население поселка преимущественно составляли мужики из вахтовых смен, «женихи на час». Надежда рухнула - и в личной жизни повторилось то же самое, - стала любовницей тренера по каратэ, отца троих детей. И эта связь, порой радуя, порой неприятно раздражая, тянулась уже несколько лет...

- Ваш заказ, - сквозь зубы бросила официантка, ставя на столик чашку с блюдцем.

- О! Даже блюдечко. Благодарю, - с сарказмом похвалила Светлана, и только сейчас обнаружила, что держит в руке радужно поблескивающую визитку…

3

Мефодий неспроста досадовал на себя. Надо же, встретить у кассы такую привлекательную женщину, оказаться рядом с ней в вагончике, получить шанс познакомиться, представ в роли врача «неотложки», и - так бездарно расстаться! Что-то было в ней необъяснимое. «Ну да ладно! - смирял он свой пыл. - Видимо, у мадам завышенные требования». Однако при мысли о том, что о его визитке, - знаке внимания профессора, - мечтают десятки людей, а эта красотка сунула ее в сумку и ушла без единого слова, вновь разгоралось самолюбие…

Потягивая охлажденное пиво в кафе на втором этаже, Мефодий созерцал в окно взгорье и окрестные долины. Он фанатически любил лыжи, не жалея денег, при первой возможности отправлялся за границу. И сейчас

казнился, что теряет время в провинциальной глуши, никому, в сущности, здесь особенно не нужный. Вспомнились Альпы, Монтженевр, горнолыжный курорт на итальянско-французской границе. Лезвием полоснули по душе мысли о Терезе, о роковом февральском дне…

Убивая время, несколько раз спускался он к посадочной площадке, высматривал, нет ли поблизости его «пациентки». Но она как сквозь землю провалилась! После пива, - чего давно не случалось, - он заказал еще сто граммов виски со льдом. И, захмелев, подойдя к стойке, решил от скуки разыграть бармена.

- Вас как зовут?

- Гамлет.

- Великое имя! Слушайте, между нами… Вы случайно не видели? Минуту назад за окном пролетело существо, вроде пузатенького малыша.

Рослый здоровяк, в светлой сорочке с красной «бабочкой», носатый, длиннолицый, с недоумением вскинул брови:

- Вы о чем?

- Мальчишка с крылышками и луком… - понизил Мефодий голос. - Прямо за окном…

Собеседник напряженно шевельнул ушами, гадая: пьяный перед ним или сумасшедший? И ответил, на всякий случай, уклончиво:

- Мне некогда рассматривать, да. Я на рабочем месте!

- Жаль, что не заметили, - вздохнул Мефодий. - А этот амур выстрелил из лука и попал в меня.

Только теперь Гамлет догадался, что клиент «заливает». Он неприязненно поморщился:

- «Приколы нашего городка»?

- Что вы! Слушайте… Если появится красивая женщина в желтой майке, скажите, что ее разыскивает полиция. Пусть ожидает!

- Скажу! - рявкнул сбитый с толку бармен. - Скажу, да…

И всякий раз, когда ускользал вниз вагончик, Мефодий спускался, надеясь на встречу с красавицей. Становилось всё тягостней. Разочарование от приезда на курорт росло. Поддавшись на уговоры Игоря, главного врача санатория, он взял отпуск на неделю. Казалось, удалится от дел, отключит смартфон и планшет, укроется в городе, связанном с судьбой Лермонтова, любимого писателя, и ощутит блаженство в долгожданном уединении.

Но смартфон отключить было невозможно, хотя бы потому, что его пациенты проходили реабилитацию, и он контролировал назначения коллег. Несколько раз за день перезванивались они с Игорем, который умудрялся выкраивать часок-другой для встреч. За свежезаваренным зеленым чаем, который предпочитали оба, вспоминали учебу в аспирантуре и круг научных «светил», обсуждали проблемы здравоохранения, возмущаясь убийственным образованием интернов, коррупцией, очевидным ухудшением здоровья нации. С горестью констатировал Мефодий, насколько отстала наша кардиохирургия от германской, израильской, американской. Количе-

ство его коллег и профильных клиник в расчете на численность населения у нас ничтожно мало. А квотами в центральные институты пользуются, в основном, избранные, хотя и выделяются кое-какие крохи для простолюдинов. Умирают тысячи людей, которых можно было бы спасти. От этих продолжительных бесед оставался в душе осадок, - и сами они были не ангелами, принимали подношения, варились в котле отлаженной системы наживы, сломать которую им, разумеется, не под силу…

В сауне, где побывали однажды, стол накрывала хорошенькая медсестра. На поощрительный взгляд Игоря, желавшего удружить приятелю-холостяку, он отрицательно мотнул головой. Воспоминание о Терезе мгновенно встало преградой. Рубеж в сорок пять лет был преодолен, и прежнее молодечество, азарт, эпикурейство уступили место остылой иронии и сдержанности. Он уже начал уставать после многочасовых операций, не торопился к друзьям в бильярдную, паб или в тренажерный зал, реже встречался с сыном-студентом. Досаждала бессонница, и не раз он порывался бросить эту изматывающую кабалу и уйти из Центра. Устроиться кардиологом в обычную поликлинику. Даже прикидывал, когда на это решится. Но с каждым утром, захватывая и подчиняя, жизнь несла его вперед знакомой, за годы набитой колеей…

Вопреки заблуждениям пациентов, Мефодий не был чудотворцем. Да, весь мир для него клином сошелся на любимом деле, и по праву считался Ладыгин классным кардиохирургом. Не раз оперировал за рубежом. Однако круговерть планёрок, операций, обходов, консультаций, лекций, руководство диссертантами - этот спрессованный, расписанный по часам режим не давал даже подумать о себе отвлеченно. А еще общественная обуза, участие в симпозиумах и конференциях. Подобно своим сослуживцам, он не замечал текучести времени, перемен в мире, событий, узнавая о них от знакомых или натыкаясь на информацию в интернете. Поневоле читал не классику, а монографии и научные журналы. И недаром свидания с Терезой укорачивались раз от раза…

Мефодий явственно помнил день, когда впервые увидел жену пациента, пришедшую в палату предоперационной подготовки. Как пошутила Тереза при знакомстве, ее «падре» преподнес советскому народу «подарок» по окончании университета и вернулся на Кубу. Латиноамериканская броская красота, смугловатая кожа, точеная фигура разве могли оставить равнодушным? И Мефодий, оказавшись с ней рядом, задохнулся от изумления. Мелькнула в голове шальная мысль, что будет обладать этой синьорой…

План по шунтированию, который разработал до мелочей, в ходе операции усложнился. Пришлось двумя стентами усилить кровоток левого желудочка. Сверх того, выявилась почечная «хроника», и реаниматологи изрядно потрудились, пока стабилизировали артериальное давление. К счастью, муж Терезы довольно быстро пошел на поправку. А когда на третий день ему назначили в малой дозировке красное сухое вино, он уверовал в Мефодия Андреевича, как в бога! И, дождавшись выписки, пригласил к себе

домой, на «пикничок». Два этих противоречивых понятия совместились, когда служебный «БМВ» с «мигалкой» доставил профессора в загородное поместье. Выяснилось, что Эдуард Семенович начинал административный взлет еще с «собчаковской» мэрии, занимаясь проблемами ЖКХ, а теперь был «особой, приближенной к губернатору».

Пикник собрал бизнес-элиту. Центром внимания, разумеется, должен был стать «великий хирург и профессор», как представил его владелец усадьбы, сродни царской резиденции. Мефодий не терпел дифирамбов и неучтиво оборвал тамаду, воротилу автомобильного бизнеса, напомнив, что всё зависит от Бога, - он располагает, а мы лишь предполагаем. С таким утверждением валютные миллионеры, должно быть, не совсем согласились. Они ведь были люди отменной породы, преодолевшие все тернии девяностых и - что немаловажно - оставшиеся в живых. Поэтому «спасителя» хозяина, коль сам он того хотел, перестали замечать, привычно увлекшись игрой в преферанс и уйдя в витиеватость своего многозначительного общения.

А Мефодий, все больше волнуясь, кожей чувствовал присутствие хозяйки. Он следил за ней, замечая, как двигается, разговаривает, улыбается. Тереза была чертовки маняща: в облегающем платье цвета спелой вишни, с асимметричной прической, в ландышевом облачке «парфюма». Гостьи, женщины исключительно гламурные, уступали ей внешне, и это понимала она, и была весела и великодушна. Предлагала напитки, то и дело острила. И наконец «похитила» профессора, уведя на второй этаж. Подвыпившие женщины жаждали танцев. И вытащили Мефодия на середину гостиной, окружили, завихлялись, отдаваясь музыке, - ритмичной, страстной, как будто всё разрешающей. И он, ошалев от суматохи, огромный и неуклюжий слон, тоже «ломал» нечто рок-н-ролльное, двигал руками, как поршнями, вертелся туда-сюда, пыхтя и порыкивая. Когда зазвучал обволакивающий голос Тони Брекстон, решительно пригласил хозяйку на танец. Она, посмеиваясь, слушала его бред о своих нежных руках, о переполняющем его чувстве преклонения пред ее карибской красотой. И вдруг, прижавшись губами к его щеке, с озорным бесстыдством шепнула: «Извините, а я вас… просто хочу…»

Дома Мефодий обнаружил в подаренном альбоме репродукций белый конверт с банковской пластиковой картой на свое имя. На ней, как обнаружилось, числился ровно миллион рублей…

4

Через полгода он развелся с женой. Принял это решение - точно в бездну шагнул. Испытанием стало не только расставание с Майей, возненавидевшей его, с сыном-подростком, но и объяснение с престарелой тещей, профессором Шиловской. В обличительной речи она напомнила, как неотесанный деревенский парень, ни рожи, ни кожи, бедный студентик, стал ухлестывать за ее дочкой, однокурсницей, каким был стеснительным, как

приглашали они его на ужин, чтобы спасти от голода. Коварный карьерист принудил девушку выйти замуж, хотя она, как мать, была категорически против. Он, Ладыгин, не только добился прописки, но и благодаря ей, профессору, поступил в аспирантуру, устроился в Центр. А теперь, как законченный негодяй, бросает семью…

Мучила совесть, и проблескивало в сознании, что теща во многом права. Да и материально она в значительной мере помогала их семье. Самобичевание прошло отнюдь не сразу, как и привычка поворачивать машину от Центра направо, к прежнему дому. Он купил квартиру в новом микрорайоне, взяв кредит. А обставила ее щедрая подруга. «Я люблю комфорт, - заявила она в ультимативном тоне. - Кое-что уже присмотрела. Мы достойны кусочка рая на Земле!»

Тереза, со своим «а ля Фидель» темпераментом, была непредсказуема и на редкость неутомима: в бизнесе, в заграничных путешествиях, в постели, за рулем авто, в застольях, когда все прочие перепивались и раскисали. Порой скупилась, порой сорила деньгами. На свидания почти всегда опаздывала, случалось, срывала, но нередко являлась среди ночи и оставалась до утра. Их роман будет длиться, как казалось обоим, вечность. Неизменно приветливый Эдуард Семенович как будто ничего не замечал…

Он скоропостижно умер в Лондоне, играя в настольный теннис со студенткой-дочкой от первого брака. И с этого момента жизнь Мефодия, вошедшая в берега некой определенности, взбурлила половодьем. Между Терезой и бывшей женой покойного, опротестовавшей завещание, разгорелась война за недвижимость и банковские счета. И Мефодию пришлось задействовать своего пациента, влиятельного адвоката, умеющего договариваться с судьями. В конце концов, им удалось отстоять только две трети наследства.

На радостях Тереза купила дорогущий, усиленный турбиной, «Мерседес». И на пустом утреннем шоссе устроила испытания. «Ага! Есть!» - возликовала она, когда стрелка спидометра пересекла отметку «200». «Не дури! И не смей так рисковать!» - строго осадил он. «Рожденной летать - ползать не пристало», - ответила она высокомерно…

Новый директор Центра не признал профессора Ладыгина. Вероятно, счел своевольным гордецом. В фавориты выбрал покладистых. Конкуренцию и зависть, присущую чиновничьей орде, теперь Мефодий изведал сполна. Он отказался от ставки врача Центра, оставшись только на кафедре. Операций стало меньше, его бесцеремонно «отодвинули», намекнув, что сорок пять для кардиохирурга - глубокая старость. Разумеется, это была чушь. «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет - и выше…», - слова Сальери вспоминались нередко. И потому тяготило недовольство собой, постоянство преследующей неудачи. Зато Тереза, заключив договор с французской косметической корпорацией, раскручивала свою сеть салонов, пропадала за границей. И они мало-помалу стали отвыкать друг от друга.

В конце февраля, взяв краткосрочный отпуск, он отправился во французские Альпы, условившись с Терезой там встретиться. В уютный Монтженевр, городок-деревушку, с простенькими отелями и шале, немноголюдный и тихий, он добрался первым, и позвонил Терезе, прося приехать на поезде до Биансона, от которого к нему на такси - четверть часа. Она заупрямилась и решила примчать на арендованном «Ситроене». Каких-то полтысячи верст по отличному шоссе - одно удовольствие! Мефодий, пытаясь переубедить, напомнил о преимуществах в зимнюю пору рельсов. Она перевела разговор на другое…

В тот вечер, устав от катания на лыжах, он заварил кофе, ароматом наполнивший шале, безмятежный деревенский домик, и разгадывал шахматные задачи. Тереза, как надеялся, должна была завтра приехать парижским экспрессом. Когда несколько раз не смог дозвониться до неё и не дождался в ответ ни сообщения, ни звонка, сердце сжала тревога. Почти всю ночь не смыкал глаз, обдумывая, как связаться с ее партнерами из корпорации. Ранним утром, услышав мелодичный сигнал, он схватил смартфон. Напряженный баритон произнес с акцентом: «Кто здесь? Это криминаль полисия!» Мефодий машинально назвал себя по-русски. «Ми звонить первый нумер рюс мадам, - уверенней заговорил переводчик. - Je compatis avec vous! Рюс мадам погиб катастроф. Авто мадам бить большой авто…» Непостижимо, как хватило тогда самообладания расспросить, где и когда это случилось, и каков порядок передачи жертв родственникам…

В шумном Центре-муравейнике, в огромном Петербурге, во всем мире он остался одинок. И вдруг обнаружил, что от горя легче спасаться в замкнутом пространстве, подобно улитке, скрывающейся в раковине. Сутками не выходил из Центра, оперируя сам или ассистируя коллегам, - лишь бы спастись от наваждения, преследующего его, когда приходил домой. По просьбе племянника Терезы, ее кремированный прах Мефодий взял к себе. Урна стояла на подставке для цветов, которую когда-то выбрала она сама. В темноте ему временами чудились шаги, вздохи, шелест платья… И он стал ночевать в Центре, в своем рабочем кабинете. Больше спасаться было негде.

С трудом выхлопотав отпуск, он исполнил последнюю, столь неожиданную волю любимой. Прах ее самолетом доставил в Гавану, и там с катера развеял над солнечным искрящимся океаном. Наследство, будучи бездетной, она отписала сводной сестре и другим родственникам. В завещании, представленном нотариусом, о Ладыгине не упоминалось…

День за днем, точно подлодка в пучину, Мефодий погружался в сумрак одиночества. Он был обычным человеком. Не посещал храмов, но не отрицал существования Высшей силы. Перед операцией произносил: «С Богом!». Без сомнений и оговорок верил только в свое назначение на Земле - продлевать людям жизнь. Но, как и коллеги, терял пациентов. И до мелочей помнил эти случаи, и переживал состояние исступления, личного горя, когда наступала развязка.

Властный на кафедре и в кардиологическом отделении, Мефодий на улице как-то терялся, невпопад разговаривал с кассирами супермаркетов, в троллейбусе и метро не отвечал на грубости.

…Вот и в этот день всё шло не так.

Когда терпение его иссякло, он вновь пришел на поляну, где видел «мадам» в последний раз. Опять поглазел на дощечки, отыскал надпись с названием северной столицы. «Скука - не работа, можно пережить», - вспомнил он фразу приятеля по Центру. А ради чего скучать?

И вдруг осенило: эта женщина оттягивает час возвращения. Попросту боится подойти к канатке! Или решила спуститься с Машука пешком, как сам он поступил вчера. Значит, надо догнать!

5

Он внезапно увидел ее, - под навесом серебристых еловых ветвей, в открытом кафе, и так осадил шаг, что едва не споткнулся. И она, заметив «ёжика», растерянно опустила чашку.

Пригибаясь, чтобы не задевать головой за колючие лапы, Мефодий прошел к столику. На мгновенье их взгляды,- обостренные, испытующие, взволнованные, - снова встретились. Она, с распущенными теперь волосами, в зеленоватом сумраке, придающем коже оливковый оттенок, а карим глазам - глубину, поразила его своей красотой.

- Присаживайтесь, - прервала Светлана молчание. - Правда, кофе не из лучших. Возьмите минералку.

Мефодий слегка поклонился, смахнул с плеча сумку и сел на пластмассовый стул напротив. Оттого, что оказались вот так близко, оба почувствовали скованность. Ветерок обдавал то горячим духом, то горьковатым запахом хвои.

- Вы сделали правильный выбор,- с неестественной живостью начал Мефодий. - Кофе - оптимальный вариант при вашем состоянии. Вообще, человеческий организм в процессе эволюции приспособился защищаться. Вот, скажем, сколько в такую погоду рекомендуется пить? Расчет индивидуальный. Прежде всего, - до появления пота, а уж затем - понемногу, восполняя водно-солевой баланс. Хуже всего, если человек не потеет… - Мефодий, вдруг поняв, что несет неуместное сейчас, умолк. - Извините. Я, наверно, кажусь вам занудой.

- Почему? Это полезно знать всем.

- Да… Закажу я себе чайку! В ожидании вас, признаюсь, употребил кое-что.

- В ожидании? - удивилась Светлана.

- Да. Хотел снова увидеть… А что в этом дурного? Вообще, в присутствии вас, черт возьми, ощущаешь себя не в своей тарелке! - воскликнул Мефодий и доверчиво улыбнулся.

Откровение это еще больше удивило Светлану. Но виду не подала. Пригубив чашку, шутливо упрекнула:

- Однако там вы не растерялись! Схватили меня, как медведь.

- Форс-мажор! А сейчас воспринимаю вас, как знакомую. Пытался даже имя отгадать.

- Мефодий Андреевич, - обратилась она к нему несколько официально, давая понять, что прочла визитку. - Зовут меня просто. Светланой Леонидовной. А вот у вас - имя редкое. Мне, например, нравится.

- Мама назвала в честь деда, погибшего на войне. Вообще, как только не поливали меня в школе! Друзья кличут Мифом.

- Мифом?

- Если хотите, и вы… - в эту минуту переливчатым сигналом отозвался смартфон. Мефодий поспешно достал его из сумки.

- Я вас слушаю. Можно оставить престанс, а из бета-адреноблокаторов - коронал. Вы - рядом, решайте. Что показала биохимия? - и, продолжая консультировать, отошел к подсобной постройке. Светлана, запустив руки назад, вновь зажала резинкой свои каштановые, с мелировкой, волосы и встала.

- Вы уходите? - растерянно спросил Мефодий, вернувшись к столику.

- Да, пора в санаторий.

- У меня предложение. Давайте спустимся пешком. Я дорогу знаю. Это около часа пути.

Светлана, не раздумывая, ответила согласием, но тут же спохватилась:

- А как же ваш чай?

- Воспользуюсь советом. Минералка лучше!

В приподнятом настроении шагая рядом, он украдкой оглядывал ее. Легкие кофейные брючки подчеркивали стройность ног, ладно сочетаясь с открытыми туфельками и желтой майкой. Она, несомненно, обладала чувством стиля. Во всем угадывалась продуманность женщины, относящейся к себе любовно и взыскательно. Даже стрелки нанесены с таким расчетом, чтобы не выделялись, а лишь обозначили форму крупных миндалевидных глаз. Несомненно, она была тренирована, судя по уверенной и легкой походке.

Шоссе, сделав петлю влево и вниз, потянулось вдоль склона. Его наверняка прорубили в давние времена. И асфальт нанесли еще при советской власти, - ныне в трещинах и колдобинах. Тогда этот «серпантин» служил для проезда к телевышке технарей. А теперь суются, кому не лень, - «обслуга» кафе и киосков, «крутые», власть предержащие, туристы. Пока шли, не раз были вынуждены сторониться от внедорожников.

Машук громоздился слева, за деревьями, устремленными ввысь. А с правой стороны зияли спуски и балки, провалы, тоже в чащобе, в непроходимом молодом подседе. Лесная сумрачность благостно умиротворяла. Идти под горку было приятно, и не покидало Мефодия ощущение, что они всё время прибавляют шагу.

- Не слишком ли быстро? - осведомился он, взглянув на Светлану.

- Я - бывшая лыжница. И, честно говоря, никогда на сердце не жаловалась.

- Необходимо знать реальную ситуацию. Одной кардиограммы недостаточно. Существуют современные методы обследования. Нужно проверить щитовидную железу. Гормоны. Кроме того…

- Я на прием не записывалась! - с усмешкой возразила Светлана. - Давайте о более приятном.

- Извините. Сам не люблю поучений. Видно, и меня жара достала! - повинился Мефодий и, помолчав, спросил: - Кем вы работаете, если не тайна?

- Преподаю музыку и руковожу в доме культуры хором. Пианистка. Или, как говорит знакомая, - пианист. Дескать, Цветаева называла себя поэтом. А, по-моему, смешно говорить о себе в мужском роде.

- Вы замужем?

- Была. Дочери двадцать один. Учится на философском факультете. В вашем городе.

- Ай да умница! Такой дочерью надо гордиться.

- Я и горжусь.

- Наверное, в вас?- воскликнул Мефодий, не скрывая полыхнувшей в душе радости. - Значит, бываете в Питере? Отлично! А мой оболтус на год старше. Бросил юрфак на четвертом курсе. В ночном клубе - ди-джеем… Я живу один. Встречаемся с ним редко. К сожалению. Норовом удался в свою маму. Надеюсь, осенью призовут в армию, чтобы мужчиной стал....

Несколько минут шагали молча, глядя по сторонам, отдаленные напоминанием о прошлом. Ни одного птичьего голоса не слышалось в лесу. Стволы грабов, буков, черноклена (их названия поведал Мефодий) росли в наклон, как бы валясь и мешая друг другу, только вверху соединяясь макушками. А дубы вольготно топырили ветки, дивя своей мощью. К ним жались кустарники - орешник, бузина, бересклет. Ощущался легкий запах прели и листвы. На заповедных участках виднелись перистые веточки рододендронов. Близ поворотов подступали пласты каменной породы. Шоссе виляло, выравнивалось, снова ныряло за поворот, кое-где вместо асфальта смыкались бетонные плиты. Только однажды, на полдороге, встретилась дощатая лавка.

Присели, ощущая себя вполне туристами. Мефодий не мог побороть волнение, знакомясь всё ближе с женщиной, о существовании которой не ведал до сегодняшнего дня. Она сидела рядом, расслабленно смотрела куда-то в просвет деревьев, на причудливые кружева ветвей и светотени. «Что значит - реальный момент. В вагончике держал ее в объятиях, а сейчас не имею права даже прикоснуться», - подумал с затаенной улыбкой.

- Давайте выпьем за знакомство! - предложил Мефодий и выставил из сумки бутылку нарзана, два пластиковых стаканчика.

- Не откажусь.

Они чокнулись и не спеша, с наслаждением стали отхлебывать прохладную водичку.

- Вы в каком санатории? Надолго здесь? - поинтересовался Мефодий, уже не скрывая своего пристального взгляда.

- В «Лермонтова». Через день улетаю.

Он ошеломленно застыл, как человек, обретший богатство и вмиг потерявший его.

Значит, не судьба. Впрочем, и ему осталось коротать всего три денька…

- Его Величество - случай, - проговорил он огорченно. - Помните, у Евтушенко: «Ко мне мой старый друг не ходит, а ходят в праздной суете разнообразные не те…». Очень трудно встретить людей, которые тебе нужны. Тех, кто близок по духу, по мироощущению.

- Чтобы оценить человека, необходимо знать его, хотя бы несколько лет. Но и это не гарантирует от заблуждения.

- Иногда понимаешь это сразу. Узнать, значит, - понять.

- Возможно. А я не верю в любовь с первого взгляда.

- Что ж, тогда выпьем за то, чтобы у вас это сбылось! - и Мефодий снова разлил минералку.

Вскоре Светлана поднялась. Мефодий спрятал пустую посуду в сумку и поплелся следом. Сбитый с толку ее признанием, он не мог придумать, что сказать столь убедительное, чтобы эта красавица всерьез, - как он сам, - отнеслась к их знакомству. После гибели Терезы он почти утратил интерес к женщинам. А сейчас терял голову! И не только любовался, но ощущал потребность говорить с ней …

- Можно спросить как у хирурга? - обратилась Светлана, приостанавливаясь. - Если бы дуэль состоялась в наши дни, спасли бы Лермонтова?

- Когда-то я читал об этом. Помнится, раневой канал затронул брюшную полость. Есть версия, что в него выстрелили из-за куста… А какой смысл гадать? Хирургия - дело сугубо конкретное. Хотя, конечно, разница между той медициной, и нынешней - несоизмерима.

- Да, ученые достигли высот. В медицине, генетике, космонавтике. Гаджеты меняют ритм жизни и поведение людей. А в искусстве - упадок, примитивизм. В науке принцип: сегодня лучше, чем вчера. А в искусстве наоборот: сегодня хуже, чем вчера. Ничего нет прекрасней и глубже по сравнению с минувшими веками. Как думаете, почему?

- Мы, однако, далеко зашли в разговоре… - улыбнулся Мефодий. - По-моему, корень всего - в безверии. Я, как врач, убеждаюсь в печальной истине: жизнь утрачивает ценность. Если нет бога, перед кем отвечал бы за дела земные, - то здесь и сейчас живи ради удовольствий! Прежде европейцев держало в нравственной узде христианство. Литература и искусство достигли пика в эпоху владычества церкви, в Средневековье, в восемнадцатом и девятнадцатом веке. Мы же - материалисты одного дня. Берем, не отдавая. Нас так же манят богатство, положение, слава. Одни чудаки еще надеются, что можно мир усовершенствовать. Много раз пытались - не получилось. Только любовь озаряет жизнь смыслом. Извините за пафос… - Мефодий прервал речь и, повернувшись, напористо спросил: - Вы свободны вечером?

- А у вас есть предложение?

- Хочу пригласить в ресторан. Я приеду на закате. Ровно в двадцать. У главного входа.

Светлана, видимо, вспомнив о чем-то, усмехнулась. И потеплевшим, продолжительным взглядом, без слов, дала понять, что не отказывается.

Между тем они уже спустились по ответвлению шоссе к первым строениям, откуда рукой было подать до нижней станции канатки и до санатория имени Лермонтова. На прощанье он набрал в смартфоне ее мобильный номер, ставший самым ценным на свете. А Светлана протянула руку, - и в жесте этом, плавном и несуетном, открылось Мефодию, что и он не безразличен ей…

6

- Ну ты, мать, и чудишь! - встретила Илона недоуменным возгласом. - Почему не явилась на ужин?

- Боялась вам помешать, - парировала Светлана.

- Не переоценивай моего Жорика. Чирикнул и - улетел. Наверно, уже в Ставрополе. Где загуляла?

- На Машуке. Представь себе, с мужчиной.

- Вау! Подцепила? Кого? - от удивления фигуристая Илона подпрыгнула на кровати. - Симпатичный?

- Тайна мадридского двора. А то отобьешь. Тебе и так мужчины проходу не дают, - отшучивалась Светлана, раздеваясь и торопясь в ванную.

Илона, расставшись с любовником, солидным работником прокуратуры, навещающим ее в санатории каждую неделю, не преминула нарядиться и отужинать в столовой. В ожидании приятельницы валялась на постели в обтягивающем ее пышные формы льняном халате и, намазав свое широкое лицо сметаной, подремывала, медленно отпускала блаженную томность, поселившуюся в теле после забав. И, довольная жизнью, была настроена потрепаться, посплетничать. Когда Светлана, закутанная в банное полотенце, появилась в комнате, повторила вопрос:

- Мужик ничего? Красивей обезьяны?

- По-моему, он честный человек.

- В наше время это не достоинство. Ты посмотри на нее… Светится, будто кошелек нашла!

Светлана засмеялась, в глазах мелькнули лукавые искорки. Взяв из своей тумбочки гель для укладки волос, «лореалевский» крем, она снова ушла. Илону это задело. Стараясь не испачкать подушку сметаной, она поднялась, скользнула отечными ступнями в «комнатушки» и вперевалочку подошла к двери ванной. Светлана, сидя на стульчике, подвивала с помощью фена свои густые, роскошные волосы.

- Чо молчишь? Готовишься к свиданию? - перекрикивая жужжание фена, полюбопытствовала толстушка. - Курортный романчик?

Светлана окончила укладку прядей с одной стороны и выключила фен. Повернула голову. И даже не накрашенная, - в который раз подметила Ило-

на,- походила чертами породистого удлиненного лица, с полными губами, на киноактрису.

- Нет, скорей, антироманчик. Послезавтра уезжаю.

- Так оттянись, мать, по полной. Чтоб было, что вспомнить! Наставь рога своему тупице, чтоб не звонил в шесть утра, забывая о разнице во времени.

Светлана изменилась в лице, напоминание о любовнике, не говоря о фамильярном тоне, было совершенно некстати. Она снова включила фен. А Илона, уразумев, что не вовремя устроила расспросы, плюхнулась на кровать, раскинула руки, чтобы случайно не повернуться набок. Щелкнув пультом, включила телевизор. На российском канале показывали сериал для малоумных. Она так увлеклась, что обратила внимание на Светлану, лишь ощутив запах дорогих духов. И в упор стала рассматривать ее в потрясающем, наверняка фирменном платье зеленого цвета, украшенном светлыми кружевцами, с выкатом на груди и продольным разрезом сзади до бедер, в белых туфлях на шпильке, с висячими низками-сережками из жемчуга. Из того же, пожалуй, набора шею охватывало изящное жемчужное колье. Судя по спешке, приятельница опаздывала. В окне цвел закат.

- Ну, мать, ты - бомба! И прическа - супер-пупер. Удлиненный боб? А мне не идет. Если этот «мущинка» отпустит тебя раньше утра, убей его! На тебя олигарх клюнет.

- Придержи язык, дорогая, - искоса посмотрела Светлана, убирая флакончик.

Упоительная сладость устоялась в номере. «Ишь, как старается! - раздраженно наблюдала Илона. - Строила из себя аристократку, этот не такой, другой не сякой. А сейчас хвост подняла, обо всем забыла! Богатая, зараза… Ну, ничего, я Жорика раскручу на платье!»

- Дорогой прикид? Где оторвала?

- В Вене. Фирма «Герри Вебер». Что-то около тысячи евро.

- А губная не соответствует! - уязвила толстушка, снедаемая завистью.

- Мне лучше знать.

Илона тяжело встала. В «гримёрке», как называла ванную, отерла бумажными салфетками лицо. Вышла мрачная, не в настроении.

- Где справедливость? Я, как папа Карло, вкалываю в стоматологической поликлинике. И - бедная по сравнению с тобой! Хоть перебирайся в вашу медвежью берлогу, в приют трех сосен. Муженек мой разлюбезный, журналюга, не обеспечивает. Бойфренд - скупердяй. Вот и приходится, блин, самой устраивать личное счастье. Ублажать и терпеть Жорика, пока не устрою дочь в прокуратуру. У всех мужиков одно на уме. Все они - козлы!

- Ты кончила психологическую обработку? - прервала ее Светлана, уходя. - Напрасно затевала. Я - сибирячка. Закаленная…

Она миновала просторный холл с колоннами, в котором находился рецепшн с настенными часами, юркнула в стеклянную дверь мимо ах-

нувшего кавказца и вышла к калитке, пластиковой картой-ключом открыла ее. На узкой подгорной улочке, где по-прежнему ощущалась духота, теснились автомобили. В обе стороны прогуливались курортники. Неожиданно из черной «Тойоты», отмахнув дверцу, выбрался с букетом бордовых роз Мефодий. Тщательно выбритый, помолодевший, в голубой сорочке и джинсах. Он был непривычен, нов, интересен. Широкими шагами пересек брусчатку, с оторопью глядя на Светлану и протягивая цветы.

- Добрый вечер! Перед вами, черт возьми, хочется стать на колени…

- Спасибо, - сказала она сдержанно, взяв подаренный букет.

- Прошу в машину.

Светлана, осторожно ступая по камням, подошла. Он с особой галантностью распахнул переднюю дверцу.

- Ваша? - спросила она, усаживаясь.

- Товарищ ангажировал.

Несколько минут, подчиняясь голосу, исходящему из навигатора, кружили по кривым, ведущим то вверх, то вниз улицам, пока не выбрались на окраину. Прямой проспект, расцвеченный огнями магазинов, кафе и торговых центров, вел за город.

Медленно угасал южный вечер. Позади, на фоне бронзового неба, громоздились лиловые склоны Бештау, сходясь острыми гранями вершин. В салоне, пахнущем морской свежестью, держалась приятная кондиционированная прохладца. Когда шоссе устремилось по эстакаде в темнеющую степь, Светлана с удивлением спросила:

- Куда мы едем?

- В Пятигорске, представьте себе, нет ни одного достойного ресторана. Товарищ посоветовал отдохнуть в «Афинах». Это в Ессентуках. Наше путешествие будет недолгим. Может, включить музыку?

Чистый звук саксофона заставил Светлану вздрогнуть. Эта была мелодия, которую часто слушал Владимир Геннадьевич. «Везет мне! - нахмурилась Светлана. - Весь день везет! Розы напомнили о муже, а блюз о подонке…» Она встряхнула головой, вежливо попросила:

- А есть что-то другое?

Следующий трек снова оказался неудачным. Сладкоголосый певец завопил: «Всё для тебя! Рассветы и туманы. Для тебя! Моря…»

- Ой, только не это! - воскликнула Светлана. - Такие «звезды» не по мне.

- Зато «кто это», знает вся страна! - скаламбурил Мефодий и выключил плеер.

«Наверно, я капризничаю, - вздохнула Светлана. - Пора расслабиться, а то сижу, как гвоздик». Мефодий, скользнув взглядом, замер от подкатившего желания поцеловать ее в обнаженное плечо, подумал: «Она красивей Терезы»…

7

Ресторан, напоминающий фасадом и колоннами Парфенон, в ливне цветных огней, фонариков, рекламных дорожек, показался издали, как только переехали мост через Подкумок. Мраморная лестница вела на второй этаж, - сами собой распахнулись перед ними стеклянные двери, открывая ярко освещенное пространство, - стены, украшенные мозаичными, в греческом стиле панно, бра в виде амфор, столы под златотканными скатертями, пики белоснежных салфеток. Остановились, высматривая место, и выбрали стол с двумя креслами в углу зала, где в кадушках виднелся строй пальм, средиземноморских сосенок и кипарисов. Отодвинув кресло и усадив Светлану, Мефодий подошел к метрдотелю, симпатичной немолодой брюнетке, о чем-то сказал. И едва вернулся к столику, как тут же возник щеголеватый горбоносый официант в беленькой сорочке и расшитом жилете. Улыбаясь, паренек раздал глянцевые книжечки меню, застыл с ручкой и блокнотиком наизготовку. Многие из блюд Светлане были незнакомы. Мефодий со знающим видом пробежал страницы, вскинул голову.

- Пока будем изучать, принесите нам фраппе со льдом.

Официант, с артистическим поворотом, отправился на выполнение задания.

- Что это? - поинтересовалась Светлана.

- Кофе. Может, еще что-то подсказать? Вы предпочитаете мясо, рыбу, морепродукты?

- Нет, мясо в такую жару… Я почему-то не вижу здесь греческого салата, - недоуменно промолвила Светлана. - Все названия мудреные.

- Тогда так. «Хориатики» - это и есть классический салат с «фетой». Очень пикантное блюдо - «Скампи» из креветок с чесночным соусом. Могу посоветовать, сам когда-то пробовал, кальмаров в сметанном соусе с орехами. Или вот, устрицы, запеченные с апельсинами. Хорош и салат с мидиями… А знаете что, закажем микс из морепродуктов! И еще микс из олив! Побольше зелени…

- Я полностью доверяю вам.

- А вино возьмем испанское. Пожалуй, остановимся на.. - Мефодий проверил еще раз список. - На «Альбариньо». Оно, по-моему, из Галисии. В Испании, как у нас, в разных регионах свои вина. В Кастилии и Наваре - темпранильо, в Андалусии, конечно, херес. А моей гражданской жене нравилось «Педро хименес». Десертное, из спелого, подвяленного винограда.

Лицо Светланы стало серьезным, она откинулась на спинку кресла. Мефодий почувствовал ее неустойчивое настроение и спешно договорил:

- Она погибла полгода назад. Вы - первая, с кем я ужинаю с тех пор…

«Благодарю за оказанную честь! - едва не съязвила Светлана, но передумала, ощутив в его голосе неподдельную горечь. - Какая же я противная! Он ничем мне не обязан. Это я должна благодарить его!»

- Вы, наверно, объездили всю Европу? - спросила она чуть погодя.

- Нет. Дважды бывал в Греции, на островах. В Барселоне месяц работал. Вообще-то я - закоренелый горнолыжник. А лучшие трассы, конечно, в Альпах. Так что у нас с вами общая страсть!

- Мне уезжать не нужно. Косогор за поселком. Детвора набьет санками, сноубордами колею, - становись на лыжи да езжай. Вокруг кедры, царство снежное. Только морозы донимают. Прошлой зимой доходили до сорока пяти. В школе занятия отменяли, - Светлана смолкла, посмотрела вглубь зала, куда был направлен сосредоточенный взгляд Мефодия. Там, у банкетного стола, собирались гости.

Официант ловко снял с подноса синие, с мифологическими фигурками, чашки и два стакана с водой. Настрочил в блокнотике заказ и - опять же с выкрутасом - удалился в сторону кухни.

Пригубили кофе, исподволь наблюдая друг за другом. И оба взбодрились от его холодка и специфического вкуса. Плавающие кусочки льда не позволяли пить крупными глотками, цокали о фарфоровый край. Светлана ощущала, как сладко замирает ее сердце, и полнится тело несказанной легкостью. Она всё заметней поддавалась обаянию этого удивительного человека, хирурга, эрудита. Приятно было замечать, как ненавязчиво он ухаживает, ни на миг не оставляет без внимания. Её уже тянуло к нему…

Вскоре вихлястый паренек сервировал стол, возведя композицию из отменных блюд, зелени и овощей, и попытался было разлить золотистое вино. Но Мефодий остановил его:

- Пусть бутылка подышит. От этого аромат вина выразительней.

И поднял бокал только через несколько минут, - торжественный, сияющий от непонятной радости, осмелевший.

- Светлана… Я благодарен судьбе за встречу с вами. Почти полгода не покидало меня ощущение, что впереди стена. Уперся - и дальше ходу нет… По-моему, вас послал мне бог, чтобы выбрался из западни. Простите за откровенность… И еще. По-моему, вы очень добры. Не восторгаться вами немыслимо: красотой, жестами, голосом… Вашим именем!

- Вы уж слишком! - зардевшись, отрицательно качнула головой Светлана и опустила глаза.

- За вас!

Они столкнулись бокалами и долго не могли развести взглядов, устремленных друг на друга. Что-то независящее уже от них, обоюдно влекущее, подчинило жуткой и неодолимой силой. Светлана выпила вино до дна с легкомысленной беспечностью, и вовсе не думая, что опьянеет. «Не бойся! Всё хорошо, - точно убеждал ее неведомый голос. - Будь раскрепощена. Не упусти часа!»

Таких яств, конечно, она никогда не отведывала. С небывалым наслаждением ощущала на зубах упругую плоть устриц и мидий, их пикантный привкус, усиленный соусом и специями; время от времени лакомилась крупными оливками, разными по способу приготовления, отдающими маринадами, особыми травками, горчицей, - и запивала эту вкуснотищу по-

лусладким вином. А рядом не умолкал, волнуя искренней теплотою, голос мужчины, который становился ей всё желанней…

Мефодий, дождавшись блюзовой фонограммы, за руку вывел Светлану на площадку. Она, оперев локоть на его плечо, с приятным удивлением ощутила твердость мышц, свойственную спортсменам. А ладонь, распластанная на талии, показалась мягкой, согревающей. Зря там, на Машуке, в шутку сравнила его с косолапым…

- Какое чудо - забыть обо всем на свете, - проговорил он взволнованно. - Перенестись вдруг в особый мир, в котором нет прошлых бед и суеты…

Она млела в его руках, одурманенная музыкой и вином, и молчала, боясь прервать, спугнуть эту изумительную сказочную быль.

Вернулись за стол, выпили по бокалу (уже из второй бутылки), снова поспешили танцевать. Пленительная и возбужденная, она ласково обняла его за плечи и заглянула в глаза отрешенно-глубоким, оценивающим и вместе с тем поощрительным взглядом.

- Вы божественны! - говорил он, смелея от близких, лоснящихся помадой губ. - Никогда не ощущал подобного счастья…

- И я… Голова кружится…

Ее бормотание опалило огнем, он точно обезумел.

- Вы мне очень, очень нравитесь.

Светлана безмолвно прижалась к нему, а он, уже не стесняясь, опустил голову так, чтобы щекой касаться прядей, ласковых и благоуханных…

Крики, беготня, шум, внезапно умолкнувшая музыка - всё нагрянуло разом, смешалось, неприятно насторожило. Они, постояв в танцевальной позе, разомкнули и опустили руки. «Скорей «Скорую»! Вызывайте «Скорую»!» - басил кто-то, ему вторили женщины. За банкетным столом никого не осталось. Вероятно, случилось нечто непредвиденное. Метрдотель и два официанта метались туда-сюда с растерянными лицами. А приглашенные сбились в кружок, склонили головы к полу, точно рассматривая что-то.

- Уважаемые клиенты, есть среди вас медработник?! - зычно обратился к залу усатый официант.

Светлана не успела слова сказать, как голубая сорочка Мефодия исчезла в толпе. Ротозеи задвигались и расступились. И стало видно, как плечистый парень и Мефодий подняли с пола маленького лысенького старичка и положили на освобожденный от посуды край стола. Он, страшно побледневший, был без сознания. Тонкие руки и ноги болтались, как веревки. В разные стороны развернулись большие новые коричневые босоножки. Немолодая, в слезах, женщина, наверно, дочь выхватила изо рта его два съемных протеза, с перышками лука. И, припав к посиневшим, запавшим губам старичка стала вдувать воздух по команде Мефодия, который, выдерживая паузу, делал руками закрытый массаж сердца. Оторванная от банкета публика сгрудилась невдалеке, наблюдая за происходящим. Угрюмые лица, как отметила Светлана, выража-

ли вовсе не сочувствие, а разочарование, что прервано веселое и сытое времяпрепровождение. Тот самый плечистый качок, проходя мимо, говорил блондинке в необъятных красных штанах: «Удружил дедок! Какого хрена его сюда пригласили? Мало ли - родственник. Всю малину испортил!»

Мефодий не отходил от несчастного, пока не явилась молоденькая фельдшер «неотложки». Старичок был мертв. Дочь, причитавшую в горе, под руки увели во двор. Метрдотель и официанты стали требовать, чтобы покойника поскорей вынесли из ресторана. Угрюмый мужик, видимо, шофер принес носилки. Ему требовался напарник. Но гости мялись, отговаривались, что боятся мертвяков. Только вмешательство разгневанных женщин заставило одного из них помочь донести до машины «Скорой помощи» тело человека, веселившегося со всеми вместе в застолье…

8

Смерть старика потрясающе подействовала на Светлану. Она с небывалой остротой ощутила всю беспомощность перед бегущим временем. И в смятенье вдруг осознала, что не одна в жестоком мире, что рядом Мефодий, - такой надежный и сильный…

А он держал в руке наполненный бокал и, покачивая, смотрел на блики, зажигающие вино.

- У медиков есть понятие: парность случаев. За одной неприятностью следует другая, - ровным голосом объяснял он. - Когда мы зашли сюда, закралось странное предчувствие. Подумал, всякое может быть…

- Тебе страшно, когда на твоих глазах умирают?

Мефодий, через стол протянув ручищу, взял ее ладонь в свою.

- Я - хирург. Сделал много-много операций. Проработал уйму лет. И каждый день где-то неподалеку бабка с косой. Всем Центром боремся с ней и отгоняем… Вообще, быть врачом выгодно. Иногда, как сегодня на Машуке, счастье само падает в твои руки… Ну, а если серьезно… Выходи за меня замуж!

Она вздрогнула и вскинула голову.

- Так сразу? Это я когда-то уже слышала… Мы разъедемся. И никогда, наверно, не увидимся снова, - раздумчиво проговорила Светлана. - Я в свою Тмутаракань, ты - в Питер... Я вполне устроена. Квартира. Неплохая зарплата. Начинать с нуля мне уже поздно, милый Миф! И ты это отлично сознаешь. И я поняла тебя. Ты нашел во мне замену своей погибшей женщине, которую до сих пор любишь.

- Нет! Ты не права. Давай не трогать ее! Сейчас есть мы. Ты и я. И говорить должны только о существующем. Мне наплевать, какие у тебя были до меня мужчины. С этого дня ты - моя, единственная, понимаешь?

Светлана взяла бокал, подняла свои прекрасные, блестящие от влажной наволоки глаза.

- Давай выпьем за нас! Правда, когда с тобой, - ничего не страшно и ни о чем не хочется думать…

Около полуночи вышли из «Афин», хотя посетителей накануне выступления эротического шоу-балета прибавилось. Официанты были, по обыкновению, улыбчивы. Клавишник азартно наяривал то «Сиртаки», то лезгинку. Никто из новоприбывших ничего не знал о случившемся здесь час назад.

Наконец духота спала, и ночной воздух овеял запах белого табака, растущего на клумбах. Едва сели в машину, - кинулись друг к другу, дали волю губам и рукам. Когда ночное шоссе оказалось в полной темноте, где-то между городами, она положила руку на его колено и так впилась пальцами, что он почувствовал боль от ее ногтей. Круто свернув на второстепенную, совершенно пустую дорогу, Мефодий съехал подальше на обочину. Торопя, с властностью в голосе шепнул:

- Перейдем на заднее сидение…

Глубокой ночью они подъехали к санаторию, где жил Мефодий. И, не замечая ничего вокруг, не давая отчета в действиях, очумевшие от вина и влюбленности, поднялись в его номер. Откупорили третью бутылку «Альбариньо», купленную в ресторанном баре. Выпили немного. И пошли мыться под душем, дурачась и хохоча, - напоминая беспричинным весельем детей, - окатывали друг друга из распылителя прохладной до дрожи водой, после не могли унять объятий…

Их разбудил мелодический звук. Светлана, стесняясь своей наготы, встала, юбкой завязала полотенце и достала из сумки айфон.

- Слушаю, - проговорила она глуховатым голосом, не скрывая раздражения. - Конечно, еще спала.

Минуту-другую она терпеливо внимала, не проронив ни слова. Наконец собралась с духом.

- Алексей, прости, я должна тебя огорчить. Нам придется расстаться. Нет, это не блажь. Я встретила мужчину… Да, представь, в предпоследний день. Какая разница, кто он? Да, у нас уже всё было… Что-о? - вскрикнула Светлана и отключила айфон. Тут же внесла номер звонившего в «черный список». Видимо, его последняя реплика была оскорбительной. Повернувшись к их ложу, встретила устремленный на нее, восторженный взгляд Мефодия.

- Ну вот, мосты сожжены, - сказала со вздохом. - Теперь я совершенно одна.

- Теперь ты - совершенно моя, - поправил Мефодий. - Наверное, это лучше. Рубить, так сплеча… Я не верю глазам, неужели это сон? Ты, самая красивая на свете женщина, со мной рядом…

- Сон, это сон! - жалобно пробормотала Светлана, укрываясь простыней. - Жутко хочу спать. Не приставай, пожалуйста.

Уснула она мгновенно…

9

В Минеральные Воды вез в полуденную пору на знакомой «Тойоте» водитель Игоря, очень серьезный пенсионер. Они сидели на заднем сидении, донельзя уставшие, измотанные утехами, опустошенные. В присутствии чужого человека молчали, смотрели по сторонам. Мефодий ласково поглаживал ее упругие пальцы с ярким красным маникюром. Такого же цвета была и кофточка, и две заколки, скрепившие волосы, и летние кроссовки. И особенно молодила Светлану белая расклешенная юбка, высоко открывающая ноги. В этой одежде предстала она еще привлекательней, чем прежде, и выглядела лет на тридцать пять. Ни жену, ни Терезу он никогда не ревновал, и думал, что эта одурь ему чужда. А сейчас завидовал тем, кто будет сидеть с ней в самолете, общаться, стараясь установить отношения. Завидовал мужчинам, кто ежедневно встречает ее в таежном поселке. «Где любовь, там и ревность, - вспомнил он чье-то поучение. - Хотя какой в этом прок?»

В небольшом зале вылета уже шла регистрация билетов на рейс в Москву. Мефодий, кативший большой чемодан, и Светлана встали в хвост очереди. Как все, кто отправляется в дорогу, она была несколько отчуждена, поглядывала по сторонам и всякий раз, когда вновь ловила его сосредоточенный взгляд, подбадривала:

- Не грусти.

А у самой подрагивала нижняя губа.

После того, как сдали багаж и поднялись на второй этаж, ожидая приглашения в «накопитель», Мефодий, возбужденный и грустный, старался отвлечь ее разговором.

- Я по приезде займусь квартирой. В любом случае нам нужна четырехкомнатная. Аленка и так в Питере, потом приедешь ты. А напоследок заберем и твою маму. Распишемся тридцать первого декабря! Как идея? А наутро махнем в Альпы. Пожалуй, в Валь-ди-Фассу. Доберемся туда через Милан или Инсбрук. Природа нетронутая, изумительная! Много «синих трасс» для новичков. Хотя вдвоем сможем кататься и на «красных».

- Слушай, я улетаю! - с укором напомнила Светлана и припала плечом к его груди. - Мне тебя будет очень не хватать…

- Останься. Соверши подвиг!

- Нет. Это называется иначе. Подвести людей, которые ждут. Сорвать занятия в школе.

- Когда я учился в нашей вятской деревне, физику вел механизатор широкого профиля. И тебе найдется замена.

- Музыку вести он не смог бы! - возразила Светлана и понизила голос. - Вот так всегда… Хочется сказать о самом важном, - несешь как назло околесицу… Спасибо за всё! За то, что ты есть.

- Во сколько самолет из Москвы?

- В час сорок ночи. Придется в «Шереметьево» куковать целый вечер. Но лучше - заранее. Научена горьким сибирским опытом.

- Погоди, ты так и не ответила! Когда свадьба?

- Наша? Об этом рано… Звони. Мне нужно слышать голос.

С замиранием в душе, он обнял и поцеловал Светлану в последний раз, сбивчиво пожелал удачного полета и божьей помощи. Она с белой сумкой на плече и цветастым полиэтиленовым пакетом в руке, резко повернулась, порывистой походкой устремилась к двери служебного помещения. И ни разу не обернулась, пока преодолевала этот путь, - вдоль огражденного прохода, мимо контролера, расплывшегося навстречу ей в улыбке, по затемненному вестибюлю. И когда пропала из виду, с недоумением и даже обидой Мефодий задался вопросом: почему она спешила? Откуда такое хладнокровие? Может, наскучил ей, и даже не осталось желания оглянуться?

А причина была в другом.

Слезы навернулись у Светланы, как только сделала первый уходящий шаг, и стали жечь, и захотелось скорей укрыться от этой тройной муки - слепящей боли в глазах, разлучной печали и еще опасения, что слезами расстроит его. В «накопителе» отвернулась к стене и, достав из сумки остро заглаженный платочек, стала промокать глаза и катящиеся по лицу капли, удивляясь, почему такие крупные. Сумасшедшая мысль вернуться назад, отказаться от полета, придумать что-то убедительное, задержаться хотя бы на денек, пронзила сознание. И она даже посмотрела на дверь, не скрывая от любопытных взглядов лицо, испачканное тушью. Но, отрезвляя и заставляя подчиниться общему движению, толпа повалила к подъехавшему автобусу. И, пока добирались до самолета, Светлана исподволь отрешилась от опрометчивого поступка, думая о дороге домой. Там - Аленка, за которой соскучилась просто невозможно, милый уют квартиры, подруги, вековые мохнатые кедры…

Мефодий купил в киоске бутылку холодной «колы» и, откупорив, выхлестал на ходу, стоически перенося испепеляющий жар ветра. Он устало шагал по акациевой аллее туда, где за шлагбаумом ждал водитель, чтобы не платить за стоянку в аэропорту, и отрывочно перебирал в памяти пролетевшие эти дни. Вспомнилось: как поднимались в застекленном «ковчеге» на гору, пили за знакомство минералку, с какой тревожностью ожидал у санатория в первый вечер, и тот неуемный восторг, когда прикасался к ее отзывчивым губам…

Автомагистраль «Кавказ», по всему, основательно ремонтировали. На выезде из города образовался затор. Три полосы сузились в одну, вдоль которой укладчики утюжили только что привезенный, дымящийся асфальт. Несмотря на закрытые окна, в салоне, точно в преисподней, запахло гудроном. Мефодий отрешенно посматривал на Машук, открывшийся слева северным склоном, по которому они спускались со Светланой. И душа зашлась от тоски! Как случилось, что эта женщина из небытия вдруг пришла к нему? Почему вот так, в полный накал, полюбил в первый и, пожалуй, в последний раз? Светлана была той, которую искал с юности, верил, что есть где-то. И, не встречая, принимал за нее других. А какая любовь насто-

ящая, познал, всем нутром понял только сейчас! Ее, обретенную, ни за что нельзя, как пойманную птицу, выпускать из рук. Умчит - не вернется.

Передвигались черепашьим шагом. Машук, точно на открытке, застыл перед глазами. Мефодий, размышляя, созерцал даль и случайно заметил самолет, со взлета уходящий в синеватое поднебесье. Вскинул руку с часами. Да, это улетала Светлана! Он представил ее, такую родную и ласковую, в этой гигантской ревущей машине, на страшной высоте, в потоках ледяного воздуха, - и замерло сердце от растущей оторванности друг от друга, своего бессилия и нежности к ней… И это настолько поразило его в эту минуту, что в безысходном отчаянье сама душа подсказала: лететь, немедленно лететь следом! В сознании мелькнула еще мысль: через Москву доберусь в Питер, здесь делать нечего…

Мефодий вынул из сумки планшет, включил его и вошел в интернет. Он не отрывался от светящегося экрана до самого санатория.

- Приехали! - поторопил водитель, с недоумением наблюдая в зеркало заднего вида за пассажиром, который, похоже, заигрался в «тыкалку». Мефодий вскинул голову, предупредил:

- Сейчас поедем обратно. Мне нужно срочно в аэропорт. Я только соберу свои вещи.

- Не могу! Должен забрать «главного» в Кисловодске. Он там на совещании в холдинге.

Мефодий, не вылезая из машины, дозвонился до Игоря. Приятель воспринял новость с огорчением, посетовал, что не успели вместе побывать в Домбае, и, конечно, лично дал распоряжение своему шоферу…

***

В «Кофе-хаусе», расположенном на первом этаже терминала, Светлана, не спеша, растягивая удовольствие, выпила две чашки «эспрессо» с пирожным. Полное самообладание не только вернулось к ней, но и многое отсюда, издалека, виделось уже по-иному. В последние годы у нее пропало намерение выйти замуж. Она привыкла к свободе и самостоятельности. Эта жизнь ее вполне устраивала. Более того, когда Алексей, досаждая ревностью, пытался в чем-то ограничить, не соглашался отпускать на отдых в Таиланд или Вьетнам, Светлана с таким напором отстаивала свою независимость, что тот поневоле уступал. И теперь, чем больше рассуждала, тем верней приходила к выводу, что ничего у них с Мефодием не получится. И все будущие планы - только иллюзии. Во-первых, мужчина в повседневной жизни и в постели - понятия неоднозначные. Да, он необыкновенный. Да, она влюбилась в него. Можно допустить, что и он полюбил. Однако в райских наслаждениях провести можно несколько дней, неделю. А что ожидает их, когда первоначальный дурман рассеется? Смогут ли подстроиться друг к другу в быту, в мелких делах и заботах? Легко сказать: бросай всё и переезжай в Питер! Не девочка… Да и он, именитый ученый, избалованный, состоятельный человек, никогда не изменит привычек и пристрастий.

И надо смотреть правде в глаза: их знакомство, как ни тяжело это признать, лишь любовный эпизод. Никогда к ней он не приедет. Начнет отговариваться занятостью на работе, потом - отвыкнет. И правильно сомневалась тогда, на горе…

Думала она именно так, трезво, как опытная женщина.

А душа ее почему-то не верила этому, сопротивлялась, не позволяла покинуть затаившуюся на донышке радостную озаренность, надежду. И когда в зале ожидания уселась Светлана в кресло, готовясь коротать вечер, то первой попыталась дозвониться. Но номер Мефодия оказался недоступен. Спустя немного повторила набор и - снова звонок в никуда. Это же повторилось через полчаса. Она не на шутку заволновалась. Удивительно, что он не отвечал на ее вызовы! Вихрь тревожных мыслей бросал то в жар, то холодил виски. Неужели что-то произошло в дороге? Или… решил так расстаться, жестоко и издевательски? Рубить, так сплеча? Долго рассматривала на экране его фотографию. Нет, в плохое не верилось…

Затем рассеянно читала в журнале о кинозвездах, не пряча айфон в сумку. Не уследила, как задремала, прислонив голову к чемодану, поставленному на соседнее кресло. Вероятно, образ Катрин Денев навеял столь необычный сон. Он был цветным: на песчаный берег настилались тонкие океанические волны, слепя бликами, голубел небосклон, буйная тропическая растительность окружала виллу, из которой вышла она с сильным загорелым красавцем. Их встретила восторженная толпа. На бирюзовой лужайке стоял белый стол, накрытый для какого-то празднества. Она заупрямилась, но мужчина обнял ее. И вдруг они взлетели, держась за руки…

Светлана вздрогнула, проснувшись. И чутким слухом уловила: кто-то к ней подошел. Встревоженно открыла глаза. И вскочила, потрясенная!

- Что тут такого? Опять встретились на закате, - шутливо бормотал Мефодий, улыбаясь и ладонью вытирая ее счастливые слезы. - Думала, улетела от меня? Не выйдет! Ты меня еще не знаешь. Если надо, перенесу ваш поселок, вместе с тобой, прямо на Неву. Сотворю любые чудеса… И ни за что больше не отпущу. Без тебя нельзя. Ты - совершенно моя. Понимаешь?

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Зовет меня детства терем -
оттуда моё начало.

В. Сляднева

ПОРТРЕТ В ЧЕТЫРЕ РУКИ

КАК МЫ МАМУ РИСОВАЛИ

Последний раз мы с Пашкой рисовали маму давно - ещё когда в детский сад ходили, а сейчас уже в первом классе учимся.

- У меня мама тогда лучше получилась, - гордо сказал Пашка.

- Ещё чего! - возмутился я. - Маме оба рисунка понравились.

- Ха-ха-ха! - схватился за живот Пашка. - Она так сказала, чтоб ты нюни не распустил. У тебя ж там какие-то кузюки-музюки! Только платье ты неплохо и намалевал.

- Ну и пусть, - почти обиделся я. - Зато папу я лучше нарисовал!

- Легкотня! - снова засмеялся брат. - Нашего папу проще простого рисовать: усы, очки и шляпа. За усами рот не виден, за очками глаза, а это в портрете самое главное. Ты и лысину папину не смог бы нарисовать, если бы не шляпа! А у мамы и губы, и ресницы, и причёска!

В общем, пока от школы до дома дошли, чуть три раза не подрались.

Бабушка, только дверь открыла, сразу спросила:

- Что это вы такие взъерошенные?

- Да всем задали портреты мам к празднику нарисовать, будем на утреннике дарить. Вот мы и спорили, - сказал Пашка. - Вон они, наши старые рисунки, в спальне в рамочках висят. Скажи честно, бабуля, чей лучше? Разве можно мою картину с Петькиной сравнить?

- А мне оба портрета нравятся, - улыбнулась бабушка. - Главное, что вы с душой рисовали. Чувствуется, что маму одинаково любите. А небольшие недочёты есть и у Пети, и у тебя, Павлуша. Это не страшно. Вы же не художники, вам ещё многому надо учиться. Идите мыть руки, проголодались, наверное.

После обеда мы немного поиграли в настольный футбол, порешали примеры и почти одновременно взяли листы для рисования. Мы всегда всё одновременно

делаем, потому что близнецы. Правда, Пашка старше на пять минут, поэтому чаще командует.

- А давай один рисунок на двоих сделаем, - предложил он. - У меня лицо лучше получается, а у тебя одежда. Нарисуем маму в её любимом платье в горошек и в белой шляпе. И нас с двух сторон. Это вообще класс! Одного нарисуем, потом отсканируем, вырежем и приклеим - будто мама нас за руки держит.

- А оценки нам как ставить будут? В чей дневник - мой или твой?

- А мы потом рисунок на цветном принтере распечатаем, у каждого по рисунку и по оценке будет!

- Здорово! Получается, двойная красота. Портрет в четыре руки!

- Ага!

- Согласен! Сейчас краски притащу. И мамино платье праздничное, будем с него срисовывать.

Пашка пристроил стул у окна и заставил меня позировать:

- Так легче рисовать. Мы ж на маму похожи. Только у мамы лицо немножко круглее. Та-а-ак… Ну-ка улыбнись… Что-то ты слабо улыбаешься. Тебя что, пощекотать?

- Не надо меня щекотать. Не хочу я сильно улыбаться. Тогда зубы видны будут. А мама не любит, когда зубы.

- Что-то я не замечал…

- А я замечал. Она на всех фотографиях почему-то один зуб в фотошопе исправляет. Не знаю, чем он ей не нравится. Зуб как зуб.

- Ладно, не буду зубы рисовать. Нос у мамы тоже красивее твоего… Ну-ка уши покажи. Ага… Подходящие… Серьги у неё на маленькие листочки похожи… Глаза… Посмотри на меня… А теперь глянь в разные стороны.

- Как?

- Как будто у тебя дети с двух сторон, ты их за руки держишь и одновременно с двумя разговариваешь.

Я попробовал выполнить Пашкину команду, но смотреть сразу в разные стороны у меня не получилось.

- А может, она в одну сторону смотрит, - предположил я.

- Ну да, - съехидничал брат. - Как же она тогда видит, что мы в разных сторонах делаем?

Он нарисовал маме зелёные глаза - один влево смотрел, другой вправо.

- Всё, - сказал Пашка. - Моя часть работы закончилась. Малюй платье и шляпу, а я потом волосы, руки и ноги подрисую.

- Ну, тогда ты мне тоже попозируй, - предложил я. - Не могу ж я стул в платье нарядить. Да и шляпу на что-нибудь надеть надо.

Брат сначала упирался, а потом согласился:

- Чего не сделаешь ради мамы и искусства!

Платье и шляпа на рисунке получились даже лучше, чем на самом деле. Пашка присвистнул от удовольствия. Он добавил волосы - как будто они

из-под шляпы выглядывают. Потом пририсовал к платью руки и ноги, передал мне карандаш и кисточку:

- Иди маму обувай в туфли на высоких каблуках, а то я, наверное, не сумею.

Он принёс мамины «лодочки» и надел на ноги:

- Примерно так.

Когда портрет был полностью готов, мы вздохнули с облегчением: мама получилась нарядная и очень красивая - глаза в разные стороны, рот почти до листочков, что из ушей свисают, волосы до плеч такие кудрявые!

- Осталось нас присоседить, - сказал Павлуха. - Кого рисовать будем - тебя или меня?

- Давай ты нарисуешь моё лицо, руки и ноги, а я - твою одежду, получится я - ты, - предложил я.

- Ага! А когда отсканируем, будет ты - я! - обрадовался Пашка.

Эта часть работы оказалась намного легче, чем предыдущая, хотя улыбаться пришлось так, что скулы заболели. На картинке моё лицо получилось очень весёлым и зубастым. Потом я дорисовал рубашку, джинсы и кроссовки, а Пашка - руки.

Мы подождали, пока рисунок высохнет, отсканировали, распечатали, вырезали себя и попробовали приклеить к маме. Получилось, что один маму левой рукой за руку держит, а другой нет - просто рядом идёт и зачем-то левую руку в сторону протягивает, а правую, ту, что рядом с мамой, вниз опустил. Пришлось приклеенному себе правую руку перерисовать.

Посмотрели мы на своё художество, полюбовались даже.

- Хорошо, - сказал Пашка. - Но что-то здесь не так… Что же, что же, что же?..

- Понял! - подпрыгнул я. - Папа где-то в одиночестве остался. Ты-я к нему руку тянет!

Я взял кисточку:

- Мне позировать не надо. Усы, очки, костюм и шляпа… И вот он рядом с нами - папа! Может, бабушке для оценки покажем?

- А давай и бабушку нарисуем, а то как-то нехорошо получается - все на картине теперь есть, а она как будто в это время в магазин за хлебом ушла, - сказал Пашка. - Я сейчас на кухню сбегаю, попрошу у бабули бутерброд и буду есть долго-долго. Мы ж не будем её позировать просить. А так я прямо с закрытыми глазами нарисую, потому что, пока бутер буду жевать, всю успею хорошенько разглядеть.

Скоро на нашем семейном портрете появилась бабушка, а потом ещё и кошка Матрёна.

- А дедушку мы чуть не забыли! - сказал Пашка. - Правда, срисовывать не с кого - он в командировке. Но без него никак нельзя.

- А давай с папы срисуем, - предложил я. - Он же на папу похож - только усы и брови седые.

- Точно! - обрадовался Пашка. - Рисуй, а я потом раскрашу.

Дедушка в нашу картину тоже очень даже хорошо вписался. Думаем, теперь наш подарок всем понравится!

СТРАШНАЯ КНИЖКА

Недавно Пашка притащил откуда-то страшную книжку и начал читать по страничке на ночь. А чтобы самому не так боязно было, читал он вслух страшным-престрашным голосом:

- На опушке леса завыли волки: «У-у-! У-у-у-у! У-у-у!». Один волк пробрался в комнату мальчика и спрятался под кроватью. И как только мальчик опустил ногу, он схватил его своими безобразными острыми зубами…

- Не хочу слушать, - сказал я и накрылся одеялом с головой.

- У-у-у! У-у-у-у! У-у-у! - не успокаивался Пашка.

На его выходки я никак не реагировал, поэтому Пашка завыл ещё громче:

- У-у-у! У-у-у-у! У-у-у!

На этот вой прибежала мама.

- Что у вас происходит? - спросила она.

- Ничего не происходит, - нагло заявил брат.

- Но я же только что слышала, какие-то непонятные звуки, - сказала мама.

- Это за окном у соседей собака воет, - ещё более нагло заявил брат.

- Ну, ладно, спокойной ночи, - сказала мама и выключила свет.

Всю ночь мне снились какие-то страшилки. Я просыпался и очень хотел пить, но боялся встать и опустить ноги на пол - вдруг под кроватью спрятался волк или ещё кто-нибудь пострашнее.

Утром я первым делом заглянул под свою кровать, потом под Пашкину, потом под стол. Нигде никого не было. За день я забыл все свои ночные страхи.

А ночью Пашка снова стал читать свою страшную книжку:

- Мальчик с трудом освободил ногу, и недовольный зверь сначала зарычал, а потом завыл: «У-у-у! У-у-у-у! У-у-у!».

Мне показалось, что под кроватью кто-то, и правда, скребётся, и я закричал:

- А-а-а!

- Что тут у вас? - прибежала мама. - Снова соседская собака воет? Ну-ка признавайтесь!

- Пашка страшную книжку вслух читает, - сказал я.

- Да ничего она не страшная, - засмеялся Пашка.

- Как же не страшная? Волк под кроватью спрятался и ждёт, когда мальчик ноги опустит.

- Да нету такого в книжке, - снова засмеялся Пашка.

- Дайте я проверю, - скомандовала мама.

Она взяла книжку, сняла с неё газету, которую Пашка приспособил в качестве обложки, и прочитала:

- «Колобок». Хм… Действительно, ничего страшного. Хотя про волка есть: «Катится Колобок, навстречу ему Волк: - Колобок, Колобок, я тебя съем! - Не ешь меня, Серый Волк, я тебе песенку спою…». Ты этого что ли испугался?

- Нет, не этого, - сказал я. - Там волк спрятался под кроватью у мальчика и ждал, когда тот ноги опустит.

- Да не было этого в книжке, - хихикнул Пашка.

- Как не было? Ты сам читал, - чуть не заплакал я.

- Это я сам придумал, хотел твою смелость проверить, - снова хихикнул Пашка.

- Эх ты, фантазёр, - покачала головой мама. - Придумал бы что-нибудь доброе. А смелость разве этим проверяется? Петя у нас вовсе не трусливый. Ты вспомни, как он от тебя на даче индюков отгонял. Таких огромных не испугался. Я им очень горжусь.

- А мной? - перестал хихикать Пашка.

- И тобой, конечно, тоже. Вы же у меня самые замечательные сыновья, и я очень хочу, чтобы вы были самыми дружными братьями. Вырастете, и будете друг друга поддерживать, друг другу советовать и помогать. И никакие волки вам будут не страшны. А теперь - спать. И пусть вам приснятся только хорошие и добрые сны.

- Спокойной ночи, - сказали мы хором. А потом долго лежали с открытыми глазами и думали.

- Слушай, Петька, а давай заведём себе тетрадку и будем туда по очереди разные добрые истории записывать, а вечером вслух читать, - предложил Пашка.

- Только, чур, без волков под кроватями, - сказал я.

- Ладно, - согласился Пашка. - Первым дежурным по тетрадке будешь ты. Так что начинай придумывать.

Нашей тетради хватило на две недели. Придумывать добрые истории оказалось так здорово!

- Интереснее, чем страшилки, - признался Пашка.

Волк под кроватью у него всё-таки появился. Но теперь добрый зверь рассказывал лесные сказки и охранял мальчика, чтобы в его сон не прокралось зло.

А потом вместо тетради нам понадобился толстый альбом, потому что добрые истории стали придумывать мама с папой и бабушка, а дедушка к каждой что-нибудь рисовал. Вечерами все вместе мы садились в гостиной, вслух читали истории и даже иногда их инсценировали.

КАК МЫ С КРИЗИСОМ БОРОЛИСЬ

Недавно мы с братом узнали страшное слово - «кризис».

Конечно, по телику мы и раньше его часто слышали, но думали, что это о каких-то дальних странах говорят.

Но однажды бабушка сказала:

- Ума не приложу, что делать? Дошёл и до нас кризис. На рынок сходила, все покупки в одном пакете поместились, а кошелёк пустой. На стол вообще нечего поставить. Цены на всё выросли. В аптеку заглянула - вообще испугалась. Ох-ох-ох!

- Значит, не будем болеть, - сказал папа, оторвавшись от газеты. - Придумаем какой-нибудь семейный вид спорта и закаливания, можно травки в лесу собирать и старинными способами лечиться. А то у вас полшкафа лечебниками занято, стоят без толку.

- Тебе всё шуточки, - обиделась бабуля. - Детские рубашки почти в два раза подорожали, о ботинках уж молчу…

- Ничего страшного, - засмеялся папа. - Будем не две рубашки покупать, а одну. Правда, пацаны? Станете по очереди носить.

- Ну, конечно, - ещё больше обиделась бабушка. - Ботинок тоже одну пару купим. Петя в левом будет ходить, а Павлуша в правом.

- Да что вы, в самом деле, детей пугаете! - возмутилась мама. - Проживём как-нибудь. Урежем аппетиты, в конце концов.

Мы с братом молча переглянулись и тихонечко направились в детскую.

- Ты слышал? - спросил Пашка. - Урежут аппетиты…

- А где они у нас? - испугался я.

- Я откуда знаю! Вот каким местом ты чувствуешь, что есть хочешь?

- У меня что-то здесь происходит, - сказал я и показал на живот.

- И у меня. Значит, пузо и урежут. Аппетит там, - прошептал Пашка.

- Как урежут? - чуть не заплакал я.

- Надеюсь, не сильно больно, - сказал Пашка. - Но всё равно не хочется…

- Давай что-нибудь другое придумаем, - предложил я. - Может, обойдёмся без урезания.

Мы легли на палас и стали смотреть в потолок. Раньше так всегда лучше думалось, а сегодня почему-то нет.

- А, может, волшебные заклинания помогут? - сказал я. - Как в сказках, что бабушка нам рассказывала. Сим-салабим… Ахалай-махалай… Крекс, фекс, пекс…

Пашке моя идея очень понравилась. Мы взяли лист бумаги, написали крупными буквами «КРИЗИС» и стали вспоминать разные заклинания:

- Сим-салабим… Ахалай-махалай… Крекс, фекс, пекс… По щучьему велению… Абра-кадабра.

Ни одно для кризиса не подходило.

- Надо новое сочинить, - решили мы и принялись за дело: писали, чёркали и снова писали:

- Кризис, кризис, уходи,
За воротами не жди,
А то выскочим с лопатой -
Будешь страшный и горбатый.

- Нет, - задумался Пашка. - Не так. Станет он ещё страшней и никуда не уйдёт. Давай ещё думать.

- А то выскочим с метлой, Лучше сам иди долой! - предложил я.

- Вот теперь что надо! - одобрил брат. - Пусть убирается подобру-поздорову.

- Чуфырь-чуфырь, колбаса,
Укуси тебя оса!
Пиф-паф, ой-ой-ой,
Уходи к себе домой! - досочинил я.

- Классно получилось, - присвистнул Пашка. - Давай колдовать.

Мы колдовали до самой ночи, даже свои любимые мультики не стали смотреть. Борьба с кризисом важнее!

- Странные вы какие-то, - удивилась мама, когда зашла в детскую. - Что это вы всё время бормочете?

- Уроки повторяем, - нашёлся Пашка. - Сегодня много задали…

- Молодцы, - похвалила мама. - Ну, всё, пора спать, а то завтра на уроках дремать будете.

Она пожелала нам спокойной ночи и выключила свет. Мы подождали несколько минут, а потом снова стали колдовать:

Кризис, кризис, уходи,
За воротами не жди,
А то выскочим с метлой,
Лучше сам иди долой!
Чуфырь-чуфырь, колбаса,
Укуси тебя оса!
Пиф-паф, ой-ой-ой,
Уходи к себе домой!

Ночью мне приснился кризис - страшный, лохматый, с огромными железными зубами и длинными когтями на волосатых ручищах.

- Ха-ха-ха! - смеялось чудище. - Я вам поколдую! Готовьте аппетиты!

- А-а-а-а! - закричал я и проснулся. Пашка сопел и во сне что-то жевал и даже плямкал. Его, наверное, никаким чудищем не напугаешь - из нас двоих он самый смелый.

На следующий день мы колдовали всю дорогу в школу и обратно. На уроках и переменах рисковать не стали - вдруг кто-нибудь услышит, тогда колдовство не сработает - оно ведь тайное!

- Ну, что, бабуля, кризис не прошёл? - спросил Пашка.

- Да где там! Разве он так быстро пройдёт? - вздохнула бабушка.

- Понятненько! - сказал Пашка. - Вот прицепился!

Мы усиленно колдовали целую неделю, но никаких изменений не происходило. Бабушка приходила из магазина и каждый раз жаловалась на цены:

- Так и денег совсем не останется…

- Надо менять стратегию, - сказал Пашка. - Раз не помогает колдовство, давай что-нибудь продадим, тогда деньги появятся.

Мы стали перебирать вещи и игрушки, но ничего подходящего не нашли: вещи самим нужны, а из игрушек мячик и тот с дыркой оказался.

И тут я вспомнил, что из своего новогоднего подарка кое-что припрятал. Пашкин мы как-то незаметно вместе съели. Конечно, в другое время Пашка за это меня обязательно поколотил бы, но тут он очень обрадовался и даже меня похвалил:

- Молодец! Вот эти конфеты мы завтра в школе и продадим - крупные по десять рублей, а мелкие по пять. Представляешь, какие деньжищи домой принесём!

На следующий день на большой перемене, как только учительница вышла из класса, мы разложили на парте своё богатство.

- Подходи, не зевай, по дешёвке покупай! - объявил Пашка.

- Что это? - спросила Маша.

- Конфеты, - ответил Пашка. - Килограмм очень дорого стоит, а у нас по одной, на выбор, почти бесплатно.

- А почему сами не едите? - прищурился Толик. - Может, они у вас отравленные.

- Как это отравленные! - возмутился я. - Смотри! - Я развернул первую попавшуюся карамельку и съел. - Просто у нас кризис, нам деньги нужны.

- Ну, тогда конечно! - сказал Толик и выбрал самую маленькую конфетку.

К концу перемены мы полностью распродались. Некоторым ребятам сладостей даже не хватило. После уроков мы зашли в магазин и купили самых дешёвых конфет на все деньги. На выходных сами ни одной не съели, а в понедельник все продали. Когда посчитали выручку, Пашка даже подпрыгнул:

- Восемьсот рублей! За один день! Ну, ты, Петька, голова! Если бы весь подарок съел, ничего бы мы не заработали! Вот мама обрадуется! Мы ей пятьсот рублей отдадим, а на остальные опять конфет купим. Я в «Магните» ириски дешёвые видел.

Мы еле дотащили мой ранец до магазина - деньги оказались такими тяжёлыми!

- Вы где столько мелочи набрали? - спросила продавщица. - На паперти что ли сидели?

- Это мы копилку разбили, - схитрил Пашка. - Копили, копили, а теперь хотим бабушке праздник устроить. Только вы нам пятьсот рублей на бумажные поменяйте, а на остальные мы ирисок купим. Бабушка их любит.

- Ну, надо же, какие внуки заботливые, - прослезилась продавщица. - Мои бы до такого не додумались.

Она поменяла нам деньги в кассе и показала, где лежат самые вкусные и мягкие ириски.

Дома мы еле дождались маму с работы - так хотелось её порадовать!

- Откуда вы деньги взяли? - удивилась она.

- Заработали! - гордо заявил Пашка.

- Заработали? Где? Как? - мамины брови медленно поползли вверх.

- Сначала продавали конфеты из новогоднего подарка…

- Зачем?

- Хотели семье помочь. Вы же говорили, что кризис, что аппетиты надо урезать…

- И что, в подарке было так много конфет?

- Нет. Мы сначала подарочные продали, а потом на эти деньги новых купили, подешевле, и снова продали. А сегодня взяли ириски, а пятьсот рублей нам на сдачу дали.

- И где же вы их продаёте?

- В классе. Крупные конфеты по десять рублей, а мелкие - по пять. Ириски по семь пойдут. К нам даже очередь выстраивается, - гордо сказал Пашка.

- Ну и предприниматели! - мама села на стул и попросила принести воды. - Кризис вас не касается, это взрослые проблемы. А вы не подумали о том, что кому-то из детей живётся хуже, чем вам? У нас и папа работает, и я, и бабушка пенсию получает. Все живы и здоровы. А у Толика дедушка болеет, у Вали мама дома с маленьким ребёнком сидит, у Васи папа на заработки в другую область ездит. И вы на них решили подзаработать?

- Нет, - захлюпали мы носами. - Мы просто конфеты продавали по дешёвке. У-у-у-у…

- В общем так. Вот вам ещё пятьсот рублей. Завтра извинитесь, вернёте всем деньги, а ириски раздадите бесплатно. А если хотите семье помочь, на каникулах будете картошку вместе с нами пропалывать, овощные грядки поливать, клубнику собирать.

- Согласны! - обрадовались мы.

Утром мама дала нам целый пакет железных денег - их пришлось наменивать в нескольких магазинах. В школе на большой перемене мы выставили на парту ириски и пакет с деньгами. Извинились и попросили всех забрать свои деньги. Никто над нами не смеялся и не ехидничал.

- А знаете что, - сказал Толик, - давайте на эти деньги купим конфет и отнесём в детский дом. А ирисками угостим бабушку, которая напротив школы живёт. У неё нет ни детей, ни внуков, дедушка давно на войне погиб. Мне мама рассказывала.

Пацаны согласились, а девчонки ещё и открытки нарисовали и детям, и незнакомой старушке. Нашим подаркам все были рады. А над бабушкой Дусей наш класс шефство взял. Мы теперь часто к ней в гости ходим - проведать и по хозяйству помочь.

Дома тоже помогаем. Кризис, наверное, закончился - взрослые о нём теперь не вспоминают. В общем, всё обошлось.

РЕКА ВЕЧНОСТИ

Течёт река вселенских буден
Среди седых небесных тел.
А время наше - тот водораздел,
Что было во Вселенной и что будет.

Через миры, через века,
Пространство силой раздвигая,
Течёт безбрежная река,
Всё сущее преображая.

Там, на просторах той реки,
Рождается и исчезает,
Как дождевые пузырьки,
Всё, что Вселенная питает.

Течёт река, течёт, течёт,
Течёт река, не иссякая,
Стирая льды, заторы рвёт,
Живое рушит, вновь рождает.
Из века в век течёт, течёт
И нет тому конца и края.

КТО МЫ, ЧТО МЫ?

Кто мы, что мы на нашей планете,
Где, когда и зачем рождены?
Чьи мы, в мире кочующем дети,
Тайной времени окружены?

Рождены ли мы солнечным светом,
Или силой земли рождены,
Где обласканы и обогреты
Или, всё-таки привнесены?

Из глубин необъятной Вселенной,
Из бездонной её глубины,
Где-то также, когда-то рожденной,
Вечно дышащей в ней новизны?

Что за сила, что нас сотворила,
И откуда на землю пришла,
Сила ль разума - высшая сила
Гаммой красок и музы раскрылась,
Гаммой жизни на ней расцвела?

Что за шарик парит во Вселенной,
Называемой нами - Земля?
Тленны мы или вовсе нетленны,
О чём много в миру говорят?

Суждено ль нам шагнуть в межпланетье
Прорубить в мир безбрежья окно
(Через тысячу тысячелетий)
Или жить взаперти суждено?

Почему наша мысль стремится
В мир волшебно-загадочных звезд.
Там ли ключик разгадки хранится,
Там ли разума корень таится?
Вот вопрос, всех вопросов вопрос.

ОКЕАН

Какая это сила - ОКЕАН!
Что Землю омывает и хранит.
Рождает всё живое и питает,
Всё сущее сближает и роднит.

Какая это сила - ОКЕАН!
Где всё, что нам дарованное свыше,
Раскрывшееся сказкой для землян,
Точней, что носит матушка-Земля,
Великой силой океана дышит.

Какая это сила - ОКЕАН!
Следы его во льдах, снегах и тучах,
Открытые и скрытые следы,
А сколько в этом зеркале могучем
Загадочной, вселенской красоты?!

Какая это сила - ОКЕАН!
О, люди малых и великих стран,
Не дайте этой силе с ритма сбиться,
Не раскачайте в спорах океан,
Представить трудно, что тогда случится!

ДЕТЯМ

Берегите сад-планету

В бушующем мире, бездонном, бескрайнем,
Где звезды на бархатном небе горят,
Бог выбрал однажды планету для рая
И стала божественным раем Земля.

С той самой поры на прекраснейшей этой,
Помазанной Богом, святая святых,
Морями омытой и солнцем согретой
Всё вспыхнуло гаммой живой красоты.

Какой в мириаде миров не бывало,
Какой в мириаде миров не сыскать
Красы, от которой Земля воссияла,
Словами которую не передать.

Такой вот цветущей от края до края.
Планету, покрытую лентами рек,
Лесами зелёными, кущами рая,
Увидел рождённый на ней человек.

Увидел, как утром она просыпалась,
Обласканной негой в лучах золотых,
В сияющих бликах заре улыбалась
И к небу тянула живые цветы.

Такой вот она человеку раскрылась,
Такой вот она приютила его.
Смекалкой и силой его одарила,
Открыв все богатства свои для него.

Века пролетали и тысячелетья,
Земля всё в таких же нарядах цвела.
И вот человек управлять на планете,
Стал тем, что когда-то она родила.

Белая акация

***

В леса углубился, заводы построил,
Построил большие на ней города,
В глубины озер и морей опустился,
Но только не в этом, ребята, беда.

Беда, что без меры леса вырубались,
А где-то и просто сжигались леса,
Где птицы и звери в дыму задыхались,
Дотла выгорала живая краса.

К несчастью, такое, ребята, бывает,
Бывает и в наши прекрасные дни,
Когда вставший на ноги, вдруг забывает.
Что только живое нам жизнь хранит.

Что снова туда, где бушуют пожары,
Где яды в озёра и реки текут,
Уж не возвращаются птичьи базары
И рыбки в тех водах уже не живут.

Печально, что мы допускаем такое,
Однако же нам не прожить без того,
Чтоб шахты, заводы, плотины не строить,
Короче, не строить нигде, ничего.

Не жить же нам ныне, как жили когда-то
В пещерах иль там, где извечно бывает тепло,
То раннее время ушло безвозвратно,
Как вешние воды, ушло, утекло.

И в этом вся суть, всё заглавное в этом,
Проблема - как нужный баланс сохранить,
Как не загубить перегрузкой планету,
Как корни живого не перерубить.

Как нам научиться не спорить с природой,
Как нам научиться с природой дружить,
Чтоб та молодела у нас с каждым годом,
Как нам научиться без варварства жить.

И, если уж надо нам что-то построить,
Поскольку без этого нам не прожить,
То надо вокруг сохранить всё живое,
И помнить - погибшее не возродить.

И помнить, Земля - это наша опора,
Живой островок среди света и тьмы,
Божественный домик, разрушив который,
С ним вместе, как тени, исчезнем и мы.

К великому счастью, рассудок и разум
Пока что планету хранят от беды.
И в этом залог, - мы минуем ту фазу,
Где гибнут основы живой красоты.

Вот всё, что хотел я сказать вам, ребята,
Сказать от души, дорогие друзья,
О нашей прекрасной, цветущей, богатой,
Ранимой до боли планете Земля.

А чтобы она да не сделалась адом,
Чтоб прелести рая на ней сохранить,
Поверьте, немного для этого надо, -
Нам надо всем сердцем её полюбить.

ВОРОБЕЙ

Поселился воробей
У меня под крышей.
И щебечет без затей,
Всей округе слышен.

Прилетит он: «Чик-чирик,
Открывай окошко».
Угощаться он привык
Вкусной хлебной крошкой.

Ах, воробышек, ты мой.
Ты моя отрада.
По утрам мне голос твой -
Лучшая награда.

СТАНИЦА

Жителям
станицы Старопавловской

Когда судьбы моей страницы
Листает память день за днём,
Я вижу улицы станицы
И наш уютный Отчий дом.

Вокруг меня родные лица.
И с детства памятный напев.
Встречай, встречай меня, станица,
К тебе я сердцем прикипел.

Вдали нередко я вздыхаю
О дружбе нежной и большой.
И только здесь я отдыхаю
Своей тоскующей душой.

Здесь ярче звёзды в поднебесье.
Здесь вновь я счастье познаю.
И обжигает сердце песня
Про жизнь и молодость мою.

Не надо золота и славы.
По жизни вечных козырей.
Но дай пожить, о Боже правый,
Хотя бы день среди друзей.

И вот они - родные лица
И с детства памятный напев.
Встречай, встречай меня, станица,
К тебе я сердцем прикипел.

ШАРФ

Шарф пуховый на прощанье
Подарила в сентябре -
Словно память о свиданьях,
Словно грусть о той поре.

И когда метель завеет,
Шарф, подаренный тобой,
Обовьёт меня вкруг шеи,
Словно ты своей рукой.

И пускай зима белеет,
Пусть мороз неумолим,
Шарф меня всегда согреет,
Как дыханием твоим.

ТЫ - МОЯ ЗАРЯ!

Для меня все женщины, как звёзды,
Каждую из них боготворю,
Но когда пьянит свиданья воздух,
Лишь одну встречаю, как зарю.

Нет, её не делаю кумиром,
Это всё у жизни на весах.
Но когда встаёт заря над миром,
Меркнут даже звёзды в небесах.

ОГОНЬ ВЕСНЫ

Огонь весны бушует снова -
Огонь неистовых страстей.
И я иду, любить готовый,
Иду искать любви твоей.

Пойдём туда, где синий вечер,
Реку за рощею обняв,
Так горячо, так жадно шепчет
И замирает, задрожав.

Пойдём в луга, к шелковым травам,
Где копны ставят в сенокос.
Ты будешь в белом, будешь в алом
Среди заката и берёз.

Забудем всё - слова, сомненья.
Отдавшись чувствам и весне.
Ведь нету лучшего мгновенья,
Чем сладкий миг наедине.

Огонь весны бушует снова,
Огонь неистовых страстей.
И я иду - ты будь готова
Ответить нежностью своей.

ПРИЕЗЖАЙТЕ НА ВОДЫ

Приезжайте к нам в гости на Воды.
Вас приветит сердечно Кавказ.
Он целебные тайны природы
Распахнёт, удивляя подчас.

Каждый день - для души именины.
Всё волнует и радует глаз:
Реки, горы, леса и равнины,
Света солнечного перепляс.

Здесь целительна грязь Тамбукана,
Терпок запах цветов и хвои.
А кто выпьет однажды нарзана,
Тот забудет печали свои.

Пожеланье любое со вкусом
Вам исполнить сумеет Кавказ.
И любовь, как сиянье Эльбруса,
Вдруг раскроет объятья для вас.

МАЗКИ ВРЕМЕНИ

Посвящается художнику Виктору Чемсо

Место для этой картины в экспозиции он определил сразу, однако что-то в ней явно беспокоило автора. Это заметили некоторые из его помощников. Несколько раз за день художник снимал свою работу, отворачивал к стене, занимался другими холстами, а затем вновь возвращался к ней. Еще оставалось время, когда можно было что-то изменить: заменить одни картины на другие, перевесить. Назавтра назначено долгожданное открытие его персональной выставки, где художник покажет все лучшее, что создал за свою сорокалетнюю творческую деятельность.

Он - известный живописец, заслуженный художник, педагог. На чествовании, как и положено, будут выступать друзья по творческому цеху, ученики, коллеги из художественного училища, у истоков которого художник стоял вместе со своей рано ушедшей из этого мира женой, и в котором затем преподавал всю жизнь. Будут произноситься хвалебные речи, дариться подарки. Представители министерства культуры наверняка вручат юбиляру очередную грамоту или диплом за вклад в общую копилку культурных ценностей страны, быть может, даже наградят медалью. Но это будет завтра: торжественно, величественно, официально.

Сегодня же художник еще не раз пройдется по залам галереи, чтобы окончательно утвердиться в мысли: все написанное им вряд ли понравится современной публике. Они, художники старой закваски, никогда не бывают удовлетворены до конца своими работами. И чем больше с годами прибавляется творческого мастерства, тем требовательнее к себе становится живописец, потому что он знает истину: сила искусства заключается не в том, как оно выглядит, а в том, как оно действует на человека. Но современному зрителю больше нравятся парфюмерно-мультяшные картинки. Главное, чтобы на холсте была яркая палитра красок, да позаковыристее рисунок, а еще лучше - никакого. Это как с бутылкой элитного шампанского: одним нравится кра-

сочная этикетка, другие восхищаются выстрелом пробки, брызгами и лишь знатоки оценивают сам напиток. Правда, таковых мало. Народ в основном предпочитает напитки попроще, но покрепче.

В очередной раз переходя из зала в зал, где его помощники продолжали готовить экспозицию, он снова остановился у этой картины…

Живописцы знают, какое из написанных полотен знаковое в их творчестве. Чем маститее автор, тем больше пиковых полотен в его карьере. Вот они-то и остаются после него как творческий багаж или, как любят писать в своих статьях искусствоведы, - след. Все случайные работы с годами исчезают. Разве только у прославленных в веках авторов, полотна которых растасканы по музеям и частным коллекциям, любая маломальская почеркушка имеет ценность, ибо здесь уже платят за имя. Однако даже у самых гениальных художников никогда не бывало много выдающихся работ. Всегда есть картины удачные и не очень. Если же иной художник патологически влюблен во все, что сотворил за свою жизнь, то это, очевидно, уже относится к другой сфере искусства - искусству врачевания тщеславия и честолюбия.

Готовясь к своей юбилейной выставке, художник знал, какое из полотен будет доминирующим в экспозиции. Картина, перед которой он остановился, не могла быть таковой по ряду причин. Написана она давно, еще в самом начале его становления как живописца. В те годы многие писали в так называемом «суровом стиле», и сейчас удивить этой работой зрителя было бы сложно.

На холсте, чуть больше метра по вертикали, написанная широкими мазками мастихином, была изображена молодая женщина. Она стояла у раскрытого окна спиной к зрителю, в легком ситцевом платьице, подчеркивавшем ее стройную фигуру, с короткой стрижкой темных волос. Маленький круглый столик, на котором расположились графин с водой, небольшая ваза с ландышами и несколько журналов, да старый комод с радиолой - вот, пожалуй, и все, что окружало женщину в интерьере.

На первый взгляд ничего выдающегося картина из себя не представляла. Правда, был у нее один необычный эффект: когда стало вечереть и в зале включили боковое освещение, двор, куда выглядывала женщина, неожиданно засветился словно подсвеченный. Все, кто находился в помещении, собрались возле картины, восхищаясь столь необычным приемом мастера. И чем темнее становилось за окном выставочного зала, тем больше светлел на картине двор, где на подъемных кранах у строящихся многоэтажек вдруг стали зажигаться башенные огни.

Картина называлась «Мечты». Она действительно настраивала на соответствующие мысли: молодая женщина, вероятно, ждет мужа в их новой квартире. За окном полным ходом идет строительство социалистического государства, где совсем скоро все нуждающиеся получат столь долгожданное жилье. Будущее обещает быть замечательным, как и положено в таком великом государстве, как союз трудовых братских народов.

Конечно, этот необычный эффект картины, написанной в холодных, перламутрово-голубых тонах, являлся находкой мастера, но у маститого живописца было много работ более выдающихся. И все же эта волновала его больше остальных…

Уже давно разошлись по домам все, кто помогал ему развешивать картины. В зале оставались сам автор да ночной охранник. Бывшему военному офицеру, который, выйдя на пенсию, подрабатывал сторожем, надлежало закрыть на ночь выставочный зал, но пожилой человек с пониманием относился к текущему моменту: процесс формирования экспозиции может длиться бесконечно долго. Художнику все время кажется, что еще чего-то не хватает.

Сторожа, наблюдавшего за завтрашним юбиляром, распирало любопытство. Он давно обратил внимание, что внимание художника приковывала одна из картин, у которой тот сейчас снова остановился. Сторож ожидал, наблюдая за лицом автора, на котором глаза выдавали сильное напряжение.

- Наверное, одна из самых любимых картин? - осмелился в какой-то момент спросить он. Впереди у сторожа была долгая ночь, и он был не прочь часть вечера скоротать за беседой с этим человеком.

- Одна из старых работ, - ответил художник, кинув короткий взгляд на него.

- А женщина - супруга?

Автор кивнул. Он явно не был настроен отвечать любопытствующему. В его голове мелькали картинки из прошлой жизни.

- Ну, раз не торопитесь домой, приглашаю вас на чашку чая! - предложил отставной офицер…

Эту картину, долгие годы хранившуюся в запасниках мастерской, в тот день многие из окружения художника увидели впервые. На полотне действительно была изображена его жена. Некоторые еще помнили эту красивую, талантливую художницу, педагога, которая могла оставить на земле яркий творческий след. Могла, но судьба распорядилась иначе.

Ей было чуть больше сорока, когда она заболела. Ударившись в троллейбусе о поручень, некоторое время не обращала особого внимания на появившуюся в груди боль: не хотела беспокоить мужа, у которого после нескольких успешных участий в сборных выставках, где его картины были по достоинству оценены прессой, неожиданно начались сложности. После очередной выставки кто-то поместил в газету статейку, где выставил художника едва ли не извращенцем, пишущим «голых баб». «Такое буржуазное искусство нам не нужно!» - кричала статья в унисон своему времени. Возможно, этот пасквиль и прошел бы незамеченным общественностью, да только написан он был от имени ветерана войны. В те годы, по мнению большинства обывателей, воспитанных в лучших традициях коммунистического аскетизма в искусстве, такой подход к живописи никак не соответствовал идеалам советского человека. Художнику, в чьем творчестве поэзия женского тела

занимала лишь мизерную часть, пришлось пройти через унижение, объясняя чиновникам из партийных кругов, отреагировавших на «крик народной души», чем отличается обнаженная натура от «голой бабы».

Лишь спустя некоторое время стало известно, что никакого ветерана не существовало, а статья была написана одним из завистливых коллег по художественному цеху, который испытывал патологическое несогласие с успехами своего более талантливого собрата.

Этот неприятный эпизод сильно подорвал душевное состояние художника и отнял много времени, слишком много. Когда шум вокруг статьи наконец поутих, супруга призналась ему в плохом самочувствии. Они сразу же обратились к врачам, но было уже поздно: обнаруженный рак прогрессировал. После долгих мучений она ушла, оставив на него двух дочерей, младшей из которых тогда едва исполнилось восемь лет.

Говорят, годы лечат, но иногда они лишь слегка затягивают раны. Художник был человеком с сильным характером. Он простил своего бывшего товарища за пасквиль, ибо только сильные умеют прощать. Слабому на это не хватает сил. Жизнь продолжалась. Конечно, молодой здоровый мужчина пытался создать новые отношения с женщинами, но все не получалось.

Сейчас, сидя с чашкой чая в руке, ему вдруг захотелось поделиться с малознакомым человеком своими воспоминаниями…

- Да, сколько же во все времена существовало людей, которые из-за одного лишь чувства зависти меняли судьбы других, порою отправляя их на смерть, - услышав историю художника, вздохнул отставник. - Зависть явилась первым смертным грехом, заставив одного из лучших учеников Господа, посчитавшего, что и ему подвластны все тайны мирозданья, вступить в соревнование с Богом. Проиграв его, дьявол, одно из имен которого - клеветник, взрастил в себе ненависть ко всему сотворенному Господом, посеяв в характерах некоторых людей гадкие черты.

Закончив говорить, человек, явно неплохо знавший Писание, коротко перекрестился, словно оберегая себя от нечестивого.

- Знаете, я ведь эту картину после смерти жены никогда не доставал из хранилища, - глядя куда-то в сторону, тихо произнес художник. - Все боялся на нее смотреть…

Сторож глядел на него с пониманием. В какой-то момент ему показалось, что от застывшего лица человека, словно от восковой маски, потянуло холодом.

- Для меня это не просто картина, - продолжал художник. - В ней заключено все самое лучшее, что связывает меня с прошлым: молодость, любимая женщина, дети, мечты. По большому счету кроме этого ничего и не нужно человеку, чтобы наслаждаться жизнью и достойно встретить заслуженную старость. Она ведь Богом не всем уготована. - Немного помолчав, он добавил: - Я прожил интересную и плодотворную жизнь, как мне казалось, но только сегодня, когда достал эту картину, понял, что именно в тех годах - моя лучшая доля!

Они сидели за небольшим столиком прямо в выставочном зале: двое человек, поживших и кое-что повидавших на этом свете. Нарушая воцарившуюся тишину, сторож спросил:

- Вы сказали, что боялись смотреть на эту картину, почему?

- Да, боялся. Боялся, что… - Живописец пристально посмотрел на мужчину. - Не хочу показаться сумасшедшим, но… боялся, что она когда-нибудь повернется ко мне.

Мужчина едва не поперхнулся горячим напитком.

- Боялись? Но сегодня вы столько времени провели возле этой картины!

- Да. Теперь я хочу, чтобы она, - он сделал паузу и выдохнул, - чтобы она повернулась…

Открытие персональной выставки прошло великолепно. Публика встретила картины художника восторженно. Одаренный цветами, любовью и уважением своих коллег, учеников и близких, юбиляр принимал поздравления. Бывший военный, сдав утром свою вахту, специально пришел к открытию выставки, чтобы поддержать автора, с которым, как он полагал, его сблизил прошлый вечер, наполненный воспоминаниями. Вручив юбиляру цветы, он растворился среди гостей. Несколько раз старый отставник замечал, как художник украдкой бросал взгляд на полотно, возле которого они вчера стояли. В какой-то момент ему самому стало казаться, что женщина с картины вот-вот обернется к мужу. Какая-то неестественная, словно вымученная улыбка застыла на лице автора, а его глаза… Все, кто знал художника, уверяли, что они больше никогда не были такими, как прежде. В них навсегда поселилась тоска.

Его не стало через год. Врачи так и не смогли определить причину смерти, лишь намекнули, что депрессия, в которой он пребывал в последнее время, особенно свойственна людям творческих профессий. А картина со столь оптимистическим названием «Мечты» была приобретена местным музеем изобразительных искусств. Иногда, когда экспонировались картины умершего художника, в музей приходил старый человек - бывший сторож из выставочного зала. Он подолгу останавливался у знакомой картины и всякий раз, когда смотрел на нее, вспоминал один из вечеров, который он провел с ее автором - человеком, невольно подсказавшим ему, как не терять прошлое в себе. Надо лишь иногда заглядывать туда, в свою молодость.

***

Прядь волос отведи ото лба.
Сколько света даровано летом.
Облака - посмотри -
Облака,
Словно лебеди, плещутся в небе.
С крыльев скатывается синева…
Так, возможно, и в лунной купели
Звезды плещутся ночью,
Пока
Спим
В земной колыбели.

***

Как со щек румянец -
Потемневший глянец.
Помутневший глянец,
Как со щек румянец.
На переднем плане
Об руку рука -
Дед мой вместе с бабкой,
Как одна рука.
В заскорузлых пальцах
Держат голубка,
Дед мой вместе с бабкой -
Верная чета.
А за их спиною
Шестеро сынов:
Знать, у деда с бабкой
Крепкая любовь.

Кабы мне, кабы мне
Да по той же бороне!

Потемневший глянец,
Помутневший глянец -
А в щеках румянец
Да бедовый взгляд.
За спиной широкой
Шесть сынов стоят.

***
Крупная горошина из стручка.
Круглая головушка-
голова.
Вот кабы на блюдечко,
да с каймой,
Голубой горошине головой!
Стеблем - ниткой к ядрышку
на черед,
Крепко бусы вяжет -
шею жжет.
Раскатитесь, круглые, по траве -
Облегчение голове.

ХУДОЖНИК

Он никогда не рисовал дожди,
Он просто мок под этими дождями.
Случалось так,
что в пасмурные дни
Он просто шел, куда и сам не зная.
От вечного кружилась голова,
И улетали мысли журавлями,
И где-то там в сиреневом кричали
Свое протяжное кур-лы.
А впереди -
огни безвестных окон,
Как свет зажженного костра,
Как озаренные морские берега
Его еще не сбывшейся надежды.
От вечного кружилась голова,
И улетали мысли
журавлями.
Дождем дышали вымытые травы.

Он никогда не рисовал дожди -
Он просто мок под этими дождями.

Белая акация

***

И он настроит скрипку,
И он возьмет смычок -
Маэстро ростом с ноготь
По имени Сверчок.
Услышит каждый шорох
И тишину вокруг
Маэстро ростом с ноготь -
И у него есть слух.
Весь зал - запечный угол
В гирлянде паутин,
Но как тревожат звуки
Из-за кулисных ширм!
И подиум - наперсток,
Свалившийся с окна,
Но близок скрипки локоть,
Отзывчива струна.
Бесфрачный, ростом с ноготь,
Маэстро тихих нот.
С листа судьбы - играет,
С листа души - поет.

***

Сколько их, спящих на этой земле?
Не сосчитать и ни вам и ни мне.
Сколько меж ними волнистых мостов,
Узами сколько скрепленных узлов.
Сколько длиннот не озвучено сном,
Сколько зыбучих течет в нем песков.
В сон уходящий - как будто навек -
Странником спит на земле человек.
Но за грядой уходящего сна
Сколько их, вестников ясного дня?
Праведных, грешных,
Зрячих, слепых,
Нищих, богатых,
Певчих, немых.

ДЕЛО БЫЛО ЛЕТОМ...

Лето 1989 года на Ставрополье не отличалось от других, мною прожитых, чем-то особенным. Солнце палило нещадно с первых утренних часов, раскаляя воздух, асфальт и каменные джунгли города без какой-либо надежды на дождь и прохладу.

В конце рабочей недели, перед тем как разомлевший от жары и смога южный город замирал на два коротких выходных дня, выбросив из своего прогорклого бензиново-асфальтового чрева толпы дачников и счастливчиков, имеющих возможность уехать на выходные в горы или к морю, никакие дела в голову не шли.

В один из таких июльских дней, в самый разгар расплавленного солнцем полудня, когда из прохлады служебного кабинета даже на обед выходить не хочется, забежал мой приятель Борис Шатохин, весельчак и балагур, работавший заместителем генерального директора крупного химического завода.

- Серёга, а не слабо ли нам сгонять к морю? Там и горы рядышком. Будем через перевалы проезжать...

- Мне нужно пробежать по своим рабочим вопросам на нашу заводскую базу отдыха. Заодно тебя и с директором базы познакомлю. На будущее пригодится. Я уже созвонился. Ему вчера молодого барашка привезли. Шашлыка целый казан замариновал…

И Борис, расправив свои казацкие висячие усы, многозначительно похлопал себя по объёмистому «директорскому» брюшку.

Мне было «неслабо» и очень даже кстати. Собственной дачей я ещё не обзавёлся, а к морю мечтал вырваться давно, да всё обстоятельства как-то не складывались.

На то, чтобы убедить своего непосредственного начальника в необходимости предоставления мне срочного отгула по состоянию здоровья и на сборы, вполне хватило отведённого мне Борисом часа.

В начале четвёртого пополудни мы уже весело катили на личной Борисовой «шестёрке» по федеральной трассе Ростов - Баку в сторону Краснодара.

Наш путь к вожделенному морю лежал через города и станицы бывшей Азово-Черноморской оборонительной линии и горные перевалы к Черноморскому побережью Северного Кавказа в Туапсинский район Краснодарского края, в посёлок Новомихайловка…

На море я не был с 1974 года, почитай, пятнадцать лет, что прошли после службы на флоте, поэтому истосковавшаяся по нему душа наполнялась радостным предчувствием этой долгожданной встречи и изливалась бурным потоком воспоминаний. Поэтому ехали мы весело под флотские байки с остановками в хлебосольных придорожных станицах, с короткими пикничками в лесополосах посреди кубанских хлебных полей.

В станице Воронежской приключился со мною конфуз.

Славилась эта казачья станица своим богатым колхозным рынком. На что уж я человек, привыкший к южному разнообразию и изобилию, и то у меня глаза разбегались от вида прилавков, ломящихся от даров кубанской земли.

Хорошего покупателя на южном продовольственном рынке отличает то, как он торгуется и как пробует выбранный деликатес на вкус, цвет и запах. Праздных созерцателей на таком рынке не любят и не чествуют. А вот если ты, выбрав нужный продукт, обязательно снимешь пробу и потом поторгуешься - тогда тебе и уважительное отношение, и скидка в цене.

В общем, накупили мы себе местных деликатесов, напробовались и балыков, и окороков, и колбас, и огурчиков малосольных, и зелени всякой. Уже почти у выхода с рынка голосистая тётка, торговавшая свежими овощами, обиженная тем, что у неё мы ничего не купили, стала навязывать почти даром «пэрчик вострый»:

- ВОзьмы, сынок, не пожалИеш! - совала она мне в руки связку круторогих, налитых, сочно-зелёных, с чёрно-багровыми подпалинами перцев.

- Да мы вже пОлно набрАлы вострого, - ответствовал я, сбиваясь на местный говор - особую кубанскую языковую смесь русского с украинским.

- Тай пэрчик ваш, небось, солОдкый, - неосторожно пошутил я, за что немедленно и поплатился.

- Тю, та якый жэ вин солОдкый! - возмутилась торговка, - на, пробуй! КолЫ солОдкый будэ - за так усю вязку витдам! - и она буквально воткнула мне в руки связку перцев.

Чтобы не терять лица, пришлось пробовать…

Горький стручковый перец я был приучен есть с детства и особо любил приправлять им густой наваристый мамин украинский борщ, съедая порой зараз целую перчину.

Поэтому оконфузиться не боялся.

Первый перец я надкусил смело: вкус - предсказуемый.

Главный фокус в этом деле был в том, чтобы жгучий сок не попал на губы.

Второе (это знают только ценители): с острого конца почти до середины жгучий перец зачастую может оказаться сладковатым, как обыч-

ный болгарский, зато ближе к утолщённой гузке скапливается жидкий огонь.

Не моргнув глазом и не дрогнув ни одним лицевым мускулом, схрумкал я сочную закорючку и второго перца.

Тётка ошалело и недоверчиво вытаращила на меня глаза.

Борис подлил масла в огонь:

- Да ладно, Серёга, бросай это грязное дело, он у неё весь такой!

- Як это, увись такый! - взвилась тётка и в запале для наглядности щедро куснула первую попавшуюся ей в руку перчину из своей связки.

Немая сцена…

Слёзы брызнули у неё градом.

Раскрыв рот и жадно хватая им ещё не успевший остыть вечерний воздух, торговка махала руками и громко ойкала. Её лицо побагровело и стало приобретать синюшный оттенок.

Посмотреть на дармовое представление подтягивались невольные зрители из числа многочисленных покупателей рынка.

Соседние торговые ряды рассыпались беззлобными смешками.

Я, доигрывая роль, теперь уже для многочисленной публики, куснул третью перчину и сразу понял причину того, почему так проняло торговку: продукт был высшего своего огненно-жгучего качества.

Расстались мы с тёткой довольные друг другом: вязанку перцев пришлось у неё всё же купить.

Оставшееся время в пути до побережья я пытался заесть и запить жгучий огонь во рту, в пищеводе и в самом желудке. Вдобавок меня пронзила спазматическая икота, которую не мог перебить даже проверенный наговор: «Икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого…»

Пригодились и купленные на Воронежском рынке продукты, и упаковка чешского пива, и сухое вино, заготовленное Борисом для шашлыков…

За столом, когда мы, спустя два часа расположились в доме у гостеприимного директора базы отдыха Виталия Баталкина, Борис продолжал подтрунивать на до мной:

- Серёж, а вот перчик свеженький, острый, бери, не стесняйся.

Директор базы отдыха «Химик» Виталий оказался добродушным и застенчивым мужчиной моих лет, с соломенного цвета густой шевелюрой и добрыми близорукими голубыми глазами за толстыми стёклами профессорского вида очков.

Выпили за знакомство, за приезд, за дружбу, за хозяйку, за всех женщин, за мир, за тех, кто в море…

В общем, было там и море…

На второй день нашего пребывания в Новомихайловке мы добрались всё же и до гор, и до шашлыков, отправившись на Виталькину дачу, расположенную в горном ущелье вдалеке от побережья.

Больше часа тряслись по узким, извилистым и разбитым горным лесным дорогам. Дача - звучало слишком громко для строительного деревянного вагончика на шести сотках выкорчеванного леса. Рядом на крохотной полянке, окружённой уходящими в облака вершинами лесистых гор, притknулось ещё с десяток таких же строительных шедевров времен горбачёвской перестройки.

Бурьян на дачных сотках стоял в человеческий рост.

По всему было видно, что хозяин дачи здесь был редким гостем, да и борьба с сорняками была не единственным способом угробить здоровье на лоне природы…

Поскольку главной нашей целью были знаменитые Виталькины шашлыки, вся дружная компания разбрелась по окрестному лесу в поисках дровишек.

Шашлычничали, видимо, все здешние дачники, потому что на сотню метров вокруг лес был подчищен от сушняка. Пришлось забираться в чащу.

Я пошел вдоль небольшого горного ручейка вверх по его течению. Вокруг ручья смыкались густые заросли орешника. Лес был лиственный. В основном здесь росли дуб да ясень вперемешку с дикой грушей и яблоней.

Дров набралась уже внушительная охапка, и пора было возвращаться. Вдруг прямо передо мною, буквально в двух метрах, из зарослей папоротника один за другим выскочили два чернявых, в бело-жёлтую полосочку, длиннорылых поросенка. Выскочили и, увидев гору дров на двух ногах, удивлённо хрюкнули и встали как вкопанные, резко затормозив всеми копытцами.

Охотничий инстинкт взыграл во мне сразу, затмив всяческие трезвые рассуждения (да и откуда им было, трезвым, взяться…):

- Это же какое жаркое получится на вертеле! Только бы не вспугнуть хрюшек, - быстро соображал я.

И стал медленно, не делая резких движений и не показывая из-за вязанки дров лица, приседать с тем, чтобы из этого положения сделать бросок на зверюшек и придавить их своей вязанкой. При этом я лихорадочно вспоминал, какой из собранных мною дубовых сучьев лучше подойдёт на роль импровизированного копья или дубины, пригодных для завершения моего чёрного дела.

Поросята напряжёнными струнками продолжали стоять на месте, щуря на меня маленькие, в смешных ресничках глазки и морща пятачки: принюхивались, пытаясь понять, что ж это за чудо лесное перед ними объявилось.

И только я нащупал нужную толстую и узловатую палку, готовясь сделать свой решающий бросок, как неожиданно снова раздвинулись папоротниковые заросли, и наружу высунулась огромная и буро-чёрная, как закопченный чугунный котёл, клыкастая голова поросячьей мамы.

Похожее на тигриный рык «х-р-р-р-у» разом вернуло меня с заоблачных кулинарных небес на грешную землю.

Шустрые поросятки, разом ожив от сковавшего их ступора, взвизгнули и резко исчезли из виду, словно их и не было передо мной только что. Следом за ними в папоротниках скрылось и грозное рыло их мамаши.

Все произошло так быстро, что я не успел даже встать из полуприседа. Сидел и тупо смотрел на колыхающиеся папоротники, моментально покрывшись липким противным потом.

Да, будь поросячья мамаша не такой благодушной особой, собирали бы вскоре мои друзья-приятели клочки по лесным закоулочкам…

Обратно я ломился через кусты орешника, как целое стадо родственников недавних полосатых объектов моей неудавшейся охоты.

Метров через сто пятьдесят ручеёк приостанавливал свой бег в глубокой бочажине, служившей, судя по множеству следов, купальней для лесного свинства.

В эту самую бочажину я и рухнул, не снимая шортов и футболки.

Холодная родниковая, а может и ледниковая, водица сразу остудила и привела в чувство.

Потом разобрал нервический смех:

- Да, Матушка Природа не дала свершиться злодеянию…

Возвратился я на дачу, когда там вовсю уже пылал жаркий костерок, рядом лежали наготове на мельхиоровом блюде горкой шампуры, нанизанные сочным мясом вперемежку с ломтиками помидоров, а раскладной походный столик был накрыт на троих для дружеского застолья.

Друзья давно ждали меня.

Борис возмущённо топорщил свои рыжие усы.

- Серёга, ты куда пропал!? Мы уже хотели идти искать! Небось, барышню какую местную встретил? - пошутил он.

- Во-во! Ба-ба-рышню, - промычал я, стуча зубами, то ли от холода после купания, то ли от пережитого приключения.

Про свою неудавшуюся охоту я рассказал друзьям, лишь когда согрелся у костра стаканом горячего глинтвейна, сварганенного на скорую руку хозяйственным Виталиком.

Теперь можно было и посмеяться со всеми вместе.

Поездка удалась!

***

Пока перо мое скрипит
И над строкою бьется сердце,
Я буду жить, я буду жить
И у огня родного греться.

Пока душа моя болит -
Она жива, она ранима.
Я буду жить, я буду жить,
Ветрами вечности хранима.

Пока свеча моя горит,
Я буду Господу молиться.
Я буду жить, я буду жить
Покуда сердце будет биться.

***

Мне желали и рая и ада,
И паденья от жгучей тоски.
И в колючих ветрах снегопада
Мне друзья не подали руки.

И разбитая начисто горем,
Но в душе ни кого не кляня,
Простирала я руки над полем,
Ожидая прощеного дня.

***

Взбунтовалась по жилам кровь,
Что ей нужно?- да, просто, жить.
Чтобы рядом был сад и кров,
Чтобы было кого любить.

Чтобы вишня цвела весной,
И летела пчела с гречих,
Чтобы рядом ты шел со мной,
Как звезда, как перо, как стих.

Чтоб проснуться в прощеный день,
И врагу пожелать добра.
И в окошко, где сада тень,
Птичья песня лилась с утра.

Чтобы путь завершая свой,
Мог в кошелку плоды собрать,
И отвесить Поклон Земной
За небесную благодать.

***

Вставай, деревня!
Паши и сей.
Ведь род твой древний -
На зависть всем.

Твой род великий! -
В нем кровь славян…
Но где не кликну -
Скрипит бурьян.

И луг нескошен,
И поле спит.
И сад заброшен, -
Душа болит.

Под ветхой крышей
Почил твой род.
И еле дышит
Твой огород.

Проснись, деревня!
Пора пахать.
И род твой древний
Пора спасать.

***

Где копны сена -
Под облака,
Что кровь по венам,
Течет строка.

А за рекою,
Где зреет лен,
Тоска девичья
Обнимет клен.

А над буграми,
Где ходит тень,
Закат серпами
Срезает день.

В тиши проснется
Церковный звон,
И Русь польется
Со всех сторон…

И поле ро'дит,
И жизнь - река.
Под Богом ходит
Моя строка.

ВЕЧНОЕ

Просыпаюсь от шума берез
И в июньских рассветах купаюсь.
А в лугах, серебристых от рос,
Будто заново я нарождаюсь.

О, природы божественный дар!
О, небес голубая отрада!
Никаких мне не надо Канар
И заморского рая не надо.

Рай мой здесь, на священной земле,
Где великие старцы ходили.
Где рождались, как звезды во мгле,
Их сказанья, преданья и были.

Где пророки во имя Руси
Прямо с неба на землю сходили.
И святейшую Веру несли,
И защиты у Бога просили.

Я пропитана духом веков,
Кровь пророков живет в моих генах.
И великая милость Богов
Снова сходит на русскую землю.

ПАСХАЛЬНОЕ

Пускай распустится сирень,
Зальется птаха.
И тополь кинет на плетень
Сушить рубаху.

На ветках будут воробьи
С утра чирикать.
И будет голубь для любви
Голубку кликать.

И будет солнышко играть
На небе синем.
И хлынет Божья благодать
На всю Россию.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МАМЫ

Я - дочь твоя, я на тебя похожа,
Во многом - я такая, как и ты:
Характер твой и доброта и все же -
Твоей не описать мне красоты.

Запой мне песню, матушка, - скажу,
Пускай она согреет мою душу.
Ведь сколько лет на свете я живу, -
Не устаю я песню твою слушать.

Вот нажимаю кнопку, вот сейчас
Услышу тихий мелодичный голос…
А песня та - про жизнь твою рассказ
Встает передо мной, как в поле колос.

Где ты идешь вся в белом, босиком
Счастливая кубанская мадонна.
И луч играет над твоим виском,
И хлеб, как солнце, на твоих ладонях.

В тревожном сне привидишься опять,
Как будто отведешь беду лихую.
И я тянусь, чтобы тебя обнять,
Но обнимаю женщину другую…

Мне не избыть вовек печаль свою,
Я не зову тебя приехать в гости.
И песню я сейчас твою пою,
Присев на край холодного погоста.

***
Снова горы и кручи
По дорогам моим.
И тяжелые тучи
По равнинам степным.

Глянет луч виновато
Средь заброшенных мест.
Только белая хата -
Мой спасительный крест.

Там скрипит половица,
Жизнь идет не спеша.
И Христу помолиться
Призывает душа.

Над лампадкой старинной
Образ - светел и чист.
И ветрами гонимый,
Стих ложится на лист.

НЕ ПРИХОДИТЕ, Я ВАС ЖДУ...

Всю дорогу веселое настроение не покидало маленькую прелестную женщину. Казалось, она, белая, незагоревшая, свежая направляется к морю не за здоровьем, а наоборот, расточать его избыток.

Гениальный человек догадался нашивать на женские блузы погончики. Они сводили с ума, хотелось наклониться к ним, рвать зубами. Блуза теснила ее тело, и я с тех пор, как оказался в одном с ней кресле, гадал, расстегнется или нет на ее груди третья сверху пуговка.

Когда я охватывал взглядом ее ладную фигурку, мне казалось, что я ладонями обвожу всю ее от коленок до висков. Тело попутчицы должно было быть белым, гладким, упругим и шелковистым под пальцами, оно излучало тепло, и все мои ожидания каким-то образом были связаны с ним.

Ни позавчера, ни вчера, ни сегодня утром, когда я, опаздывая на автобус, бежал по шершавому после дождя асфальту, этой женщины не было. Было предчувствие двух беспечальных недель на море и волнение, даже страх перед неопределенностью выбора, который предстоит пройти и произвести мне. Теперь все это, очень смутное, воплотилось в плотно сбитую, светлую женщину с зелеными глазами, и я чувствовал, как по мне от пояса до коленей проползал холодок при мысли о том, что завтра весь пляж увидит ее обнаженной, и кто-то захочет пальцами прикоснуться к этой изящной ладони, успокоившейся на подлокотнике кресла.

Я давно готовился к такому, предвкушал нежданное сезонное счастье, незаконное и мимолетное, которое избавит от размышлений и волнений, а лишь скоротечно навестит и удалится. И вот это самое начиналось.

Я смеялся, когда смеялась внезапно и сразу вошедшая меня северянка, задумывался, когда хмурила брови она и не давал себе отчета в том, как перепады моего настроения зависели от движения ее белесых бровей.

- С вами интересно, я чувствую к вам необыкновенное доверие, - искренне льстил я и верил своим словам.

- Мне говорили, что я необщительная.

- Разве могут быть необщительными симпатичные женщины? - «такие красивые» и «очаровательные» я приберег для последующих реприз.

Она внезапно, словно что-то вспомнила, рассмеялась, и смех ее напомнил далекое и легкое, наверное, из детства, когда я и сам мог долго и весело смеяться просто так.

Разговор самый обыкновенный.

«Бывали ли вы на море?», «А знаете, как хорошо в горах!», «Нет, Ленинград, что ни говорите, самый прекрасный город в мире!», «Не понимаю, как можно ездить в Ленинград отдыхать. Это такая нагрузка на память и воображение»…Мы придумывали вопросы - я, не дослушав ее ответа, уже изобретал, о чем бы спросить еще - и быстро отвечали, ни в чем не противоречили друг другу, во всем соглашались, как будто торопились очертить пространство, в котором были мы, двое, понимающие и знающие нечто сверх того, что доступно всем остальным.

Она называла себя поморкой и утверждала, что поморы - люди суровые, грубые, замкнутые. Я ликовал, когда юбка обтягивала ее загадочные колени и счастливо соглашался - да, суровая, конечно же, тяжелый характер, безусловно, нелюдимая - потому что не было на всем свете больше неправды, чем эти слова. И желал сейчас же, немедленно, поцеловать ее в губы. Это выглядело так: вот она, смеясь, откидывает голову, и я поправлю упавшую на щеку прядку волос, сниму ее темные очки и губами коснусь губ, на которых еще плавала улыбка.

Что она скажет? Что я отвечу? Я задумался, и опоздал: мгновение ушло, и я оробел перед тайными глубинами мелькнувших видений, но в душе наслаждался сковавшей несмелостью.

- А вы казак, настоящий казак, - дразнила она. - Если бы вы родились сто лет назад, вы бы носили черкеску и у вас была бы сабля. Представляю, вы поднимаетесь на кафедру, а в руках у вас сабля, - и она заливалась смехом.

На хлеб я зарабатывал не чтением лекций, а тем, что строчил репортажи в газету. И саблю на кафедре вообразить не мог, потому что это было, в общем-то, не смешно. Спутница шутила не всегда тонко и удачно, и я, обычно взыскательный к остротам и каламбурам, отмечал несовершенство шуток, но это не мешало упиваться обманчивой женской естественностью…

Туапсе напоминал пышное заброшенное кладбище на краю синей пустыни. Автобус ворвался в город около десяти утра, и светлая тень субтропиков погасила солнце на его стеклах. Северянка растерянно искала привычную точку опоры для зрения в нетерпимой зелени. Магнолии, грецкие орехи, самшит, каштаны вкрапывались в пространство восторженными хлорофилловыми пятнами, и ее ошеломили эти первые приметы бьющей через меру жизни, о которой она столько слышала.

Она вглядывалась, вслушивалась, терялась в незнакомых запахах. В неравномерности и несимметричности выросшего на скалах города ее насторожило неравнодушное безразличие к приезжему. Поднимались и опускались узенькие улочки; стесанные подошвами камни, ступени; неожи-

данные, крутые повороты; коричневые скалы, слепящее солнце - все это создавало иллюзию преднамеренной замкнутости и тесноты, в которых каждый столкнется с тем, что ищет.

Опьянение туапсинской экзотикой в первый приезд на побережье еще жило во мне, и я понимал ее. Она подавленно молчала и, наконец, с сожалением и завистью выдохнула: «Счастливчики вы, южане». И мне захотелось сделать что-нибудь, чтобы она тоже стала южанкой и никогда не уезжала в чудный городишко с древнем русским именем за горизонтом русской земли.

По расписанию автобус задерживался в Туапсе на полчаса. Я не мог быть спокоен рядом с ней. Все, что было в моей жизни прежде, словно отступило перед значимостью происходящего сейчас. Меня переполняла потребность ликовать, быть по-кавказски расточительным, удивлять, дарить, преподносить сюрпризы.

Остановили такси. Море вздыхало в четырех кварталах от автостанции, и через полуминуты мы достигли пристани.

На рейде томились темные танкеры. Ближе к берегу сновали буксиры, похожие на детские кораблики. Их суета и движение скрывали ту же тоску и зависть, которые разъединяют людей на берегу. Северянка с удивлением смотрела на автомобильные покрышки, гирляндами свисавшие вдоль бортов буксиров, и для нее это было так же ново и непостижимо, как и быстрые взмахи крыльев чаек.

Спустились к воде.

Как бы со стороны глядя на ее руки, волосы, плечи, я представлял, как далеко от меня была она еще вчера, и как непрочно то, что сейчас сорвалось с ее уст. Она брела вдоль пенистой кромки, и море казалось обманчиво тихим и сытым, и я подозревал в этом подвох и все боялся, что она растворится в воздухе или исчезнет в волне.

Когда поднимались по ступеням, моя рука покоилась на ее талии.

Мы задержались на открытой террасе несколько мгновений, почти касаясь плечами, и я не понимал, безумие это или счастье. Она прерывистым, но вполне восстановленным голосом проговорила:

- Я не хочу отсюда уходить. Давайте останемся здесь?

И я согласился, и уже собрался ответить, да, останемся, но она опередила:

- Нет, мы еще успеем сюда приехать, правда?

«Мы еще успеем сюда приехать, правда?»

Прелестная, прелестная женщина!

В автобусе, когда я хотел обратить ее внимание на что-нибудь, я принимал ее пальцы в свои…

- Вы легко сходитесь с незнакомыми? - спросил я.

- Плохо. Я всегда чего-то боюсь. Я страшная трусиха.

- Боитесь чуждого влияния?

- Нет.

- Боитесь разочароваться?

- А разве можно наперед ожидать чего-то?

- Да, - откликнулся я и радостно признался в том, что всегда держал при себе. По-особому волновало, что мою красивую, гладкую речь она слушала внимательно и, наверное, очень понимая меня, и от этого я становился ближе к чему-то, чего пока еще не знал, но к чему, был уверен, стремился.

Ах, женщины…Где-нибудь на улице, в автобусе, кинотеатре я выхватывал глазами из толпы неизъяснимо привлекательное женское лицо, и сразу налетали предчувствия и желания, и они терзали. Каждый раз по-новому, я переживал какую-то неустроенность, мучительный разлад между тем, что я есть, и тем, чем мог бы быть. Когда женщина исчезала из виду, я с трудом подавлял в себе желание покорно следовать за ней.

- Меня волнуют современные дети.

- Акселерация, - улыбнулся я.

- Для вас акселерация далекое, казус. А меня они пугают. У них нет ничего святого. Они очень практичны.

- Двадцатый век.

- Знаете, один мой ученик предложил переспать с ним. Просто так: не хотите ли? Вы же не девочка…

- Очень любопытно, - механически пробормотал я, не найдясь, что ответить.

- Я не могу понять, откуда у них такая тупость? Ему в голову не пришло, что он неравный мне партнер. Мне скучно с ним. А если уж строить какие-то планы - женщины добиваться надо, ухаживать. Пескари, и те брачный танец устраивают.

- Вы чудная, - в десятый раз повторил я и отчетливо понял, даже решил, что она будет моей, может быть, уже сегодня.

- Женщинам бывает очень нелегко, - не останавливался я.- Я согласен с вами: между мужчиной и женщиной есть нечто большее, чем то, что происходит.

Сошли в Лазаревском.

Ровный, свежий ветер дул обдувал лицо. По морю скакали миллионы белых барашков. Тени тополей присели на корточки. Песок растаял как галлюцинация - весь пляж был выстлан спинами, ногами, бедрами, выставленными вверх коленками, и у подножия этого скопища млело море.

По пыльной каменистой тропинке мы поднялись к белому пятиэтажному зданию санатория.

Расставались у входа. Рисуясь и играя в непринужденность, я вкушал приступы возрастающей тревоги - страшно было уходить и оставлять ее. Погрустнела и она, и теперь казалась еще чуднее и зазывнее. Рука непроизвольно потянулась поправить на ее плече спортивную сумку, и она поняла, и подалась навстречу. Ветер волновал русые волосы, и они щекотали мне щеку. Я быстро поцеловал ее в губы и улыбнулся, будто бы дружески и покровительственно обозначая свое по старшинству право думать и заботиться о ней. И сказал весело, словно напомнив давно условленное:

- Вот здесь в восемь вечера я буду ждать вас.

- Хорошо, - доверчиво отозвалась она, и дотронулась кончиками пальцев до моих губ, а потом своих, как будто сняла поцелуй, и от этого у меня едва не разорвалось сердце.

Через сорок минут электричка несла меня в Сочи.

Там, в санатории «Южный» вот уже пятый день отдыхала моя жена. Вчера я позвонил из Краснодара и предупредил, что выезжаю на побережье и по пути заеду к ней.

В этом году мы решили провести часть отпуска врозь. Не потому, что надоели друг другу. Так, дань моде.

«Может быть, останешься у меня? Место найдем…» - упрашивала она, чуть растягивая слова, и от этого голос ее казался по-детски обиженным.

- Ты же сама предложила.

- Теперь бы не предложила.

- Нет, не могу. Мне надо в Новороссийск, а потом меня в Кабардинке Сергей ждет. Ты же знаешь.

- Знаю, - сопротивлялась она, - но мне одной плохо.

- Подцепи кавалера. Небось, зарятся. Ты у меня девочка заметная.

Захотелось представить, как ей может быть одиноко. Мы с трудом достали путевку в это лечебно-оздоровительное учреждение в летний сезон. Каждый вечер кино, танцы. Кольнуло при мысли, что моя жена будет развлекаться без меня и наслаждаться тем, что может предоставить курортный город. Но это тут же улетучилось. За годы супружества я разучился представлять жену чужой женой. Она вросла в меня, стала частью меня самого, как боль в пальце, как голос, как дыхание. А главное, - и в этом не хотелось признаваться даже себе, - я тоже приобретал некоторую свободу.

«Неизвестно, чем она там занимается…» - повторял я про себя. Впрочем, эти мысли были как бы посторонние мне, и я легко убедил жену, что оставшиеся десять дней она весело дотянет одна, а потом я ее заберу. И спасу от скуки и одиночества.

Я вез забытые ею плащ, зонт и несколько книг.

«Туда и обратно» - крутилось в голове.

И уже подтачивала досада на собственное решение заехать в Сочи. «Можно было бы сделать это и потом. И меня уже не смущало, что это «потом» связано с поморкой.

Ничто не мешало позвонить, придумать благовидный предлог и предупредить, что мой приезд отлагается на сутки. В Гезель-Дере я едва не перебрался на встречную электричку, несущуюся в сторону Лазаревского, где меня должна была ждать северянка. Но, скрепя сердце, преодолел искушение. Я привык выполнять обещанное, если это зависело от меня.

Пять лет назад жрица ЗАГСа унизала безымянный палец моей руки знаком моей добровольной несвободы, и с того памятного дня я не единожды приближался к тому, чтобы изменить жене. Но не делал этого, наверное, потому, что все зависело от меня, и этого мне вполне хватало. Когда же в

тесном дружеском кругу заходил разговор о женщинах, я вел себя так, что можно было предположить, будто и мне знакомы женщины помимо жены.

Воображая чужих женщин, я вполне допускал для себя все. Поэтому хотел быть справедливым и по отношению к жене, и мне казалось, что я справедлив. Чьи-то жены изменяют с моими друзьями, с незнакомыми мне мужчинами, и когда-нибудь этой «чьей-то женой» может стать и моя. Может быть, это даже и случилось - никогда нельзя быть уверенным до конца. «Все может быть», - думал я, не очень-то этому веря. Вот это и было то, что понимал под справедливостью по отношению к жене.

Вспомнилась женщина из Поморья. Скоро восемь часов, и я увижу ее. Что будет потом, я не знал, и не хотел об этом думать. Она уже приобрела надо мной власть. Чем больше я старался понять ее происхождение, тем более она укреплялась. Я хотел разобраться, как все это выглядит и как мне быть, а в итоге получалось, что надо меньше об этом думать и все станется само собой.

«Что ж, - рассуждал кто-то моим голосом, - никто не обязан всегда быть разумным. Счастье состоит в том, чтобы быть самим собой. Значит, и безрассудным. Да, безрассудным и глупым, если ты безрассуден и глуп».

И тут же родился афоризм: безрассудство безгранично, а счастье коротко.

Эта, пока еще не ставшая крылатой, мудрость как щит оградила меня от сомнений.

И еще вспомнились мои безумства, когда моя жена была еще не жена, а недоступная студентка с третьего курса.

Это были самые сумасшедшие дни в моей жизни. Особенно, когда ее едва не увели.

«И куда это ушло?» - скальпелем свернуло где-то в недрах мозга. - Неужели это должно уходить?»

В те дни я молил бога, в которого не верил, чтобы все это скорее кончалось. Как-нибудь, но кончалось, и я смог бы, наконец, усесться за хорошую книгу и дочитать ее до конца, трепаться с приятелями за кружкой пива, таскаться по дискотекам, знакомиться с девчонками.

И вот теперь меня поедом жрала зависть к тем жутким дням: пожалуй, они-то и были самые счастливые в моей жизни.

И это незаметно рассыпалось, усохло, ушло…

Ушло?

«К тому же неизвестно, чем она там занимается», - продолжал уговаривать я себя, и это подправило настроение, и уже не хотелось ни ломать голову над «вечными и проклятыми» вопросами, ни оправдываться.

- Войдите, - отозвались на мой стук из двадцать четвертой комнаты, и я толкнул дверь.

В просторной, светлой комнате пахло цветами, похоже, сиренью, хотя сирень давно отцвела.

- Вот ее кровать, можете положить сюда, - махнула рукой статная, похожая на колхозного счетовода женщина и спрятала что-то пестрое в большую сумку, как мне показалось, лифчик необъятных размеров. - А ее, знаете ли, нет. Ушла.

- Надолго?

- Не знаю.

Легкое раздражение рассеяло остатки сомнений. Ждать не буду. Сама виновата. В Лазаревское, в Лазаревское!

- Вы не могли бы передать записку?

- Отчего же нет, - пожала полными плечами соседка. Я перехватил ее взгляд и рассмотрел то, что не бросилось в глаза сразу: букет роз на постели жены.

«Вот такое дело, - из легких стремительно улетучился весь кислород, - кто-то дарит ей цветы».

В первый миг я даже не удивился. Этого и следовало ожидать, потому что даже ее соседка, немолодая женщина, дома никогда не облачилась бы в такое яркое, полупрозрачное платьице и не оголила бы настолько рыхлые руки, к тому же еще и розовые от перебора солнечных ванн.

Море есть море.

Я нагнулся над постелью жены и, убеждая себя, что делаю это без всякого умысла, чиркнул ладонью под подушкой. Там ничего не оказалось, и все-таки сердце неприятно придержало ход: «И что ты хотел там найти, презервативы, что ли?». Глупость, невероятная глупость: если бы это и было, то, конечно же, не здесь. Я распрямился и вздрагивающими пальцами перелистал привезенный томик Андре Моруа. Женщина смотрела на меня, как мне показалось, с сожалением.

…Жену я обнаружил через полтора часа интенсивных поисков в компании мужчины южного типа, средних лет, с тоненькими усиками, в молодежной рубашке с закатанными по локоть руками. Почему-то подумалось, что, скорее всего его зовут Гарик, что деньги он хранит не в бумажнике, а прямо в кармане брюк. Они мирно беседовали под тентом за столиком с чашечками мороженого и бутылкой шампанского.

Жена подносила ложечку к губам и языком слизывала «пломбир», а незнакомец, улыбаясь, смотрел на нее и поощрял взглядом. На левом безымянном его пальце время от времени вспыхивал бриллиант и я представлял, что он подает сигналы сообщникам, которые помогают ему заманить мою жену.

Но она не была похожа на обманутую. Она любила мороженое и, как обычно, лакомилась им не спеша, лукаво и несколько искоса оглядывая визави. Обычно я злился, когда мы навещали кафе, кряхтел, возился на стуле и торопил ее. А вот сейчас она предается неге, и даже если просидит здесь до утра, этот тип точно также будет расточать ей сладчайшие улыбки и восхищение.

А этот дядя держался свободно и, что больше всего разозлило меня, совершенно спокойно, как будто наперед знал все, что произойдет. Когда он шутил, то не наклонялся к собеседнице, чтобы тонкой улыбочкой сопроводить крупицы юмора, а откидывался на спинку стула и провожал шуточку значительным взглядом сверху, как будто он председательствовал на заседании и ему подобострастно внимали зависимые от него люди.

Первым порывом было ринуться к ним. Но сдержался. И встал в засаду. Вслед за ними покинул кафетерий и преследовал их в некотором отда-

лении. Темные очки и белая фуражечка с пластмассовым козырьком скрывали черты моего лица, и едва ли она узнала бы меня. Солнце тяжелело к горизонту, пляжники покидали берег, и я мог, смешавшись со встречными, приблизиться к ним.

Мой соперник, склонный к полноте, но еще довольно крепкий и стройный, прихрамывал. Он время от времени совершал движение рукой, как-будто вот-вот коснется талии спутницы. Я жмурился и шептал: «Ну, облапь ее, гад…» и ненавидел в этот миг обоих.

Жена несколько раз порывалась уйти, и меня неприятно поражало то, что этот хмырь приобрел влияние над ней и удерживал. Незнакомец деликатно придерживал тонкую ладошку жены и в чем-то убеждал. Она отрицательно покачивала головой. Он наклонился с намерением поцеловать запястье очаровательной даме, но она рассмеялась и не разрешила. Они расстались.

Мне давно не приходило в голову, что моя жена может самостоятельно быть с другим мужчиной, о чем-то с ним говорить, выслушивать комплименты, уславливаться о месте встречи, принимать или не принимать цветы и подарки.

Этот мужчина внимателен к ней. А ведь ей всего двадцать пять лет. Я тоже внимателен к жене, но давайте признаем, что далеко не так, как когда-то. Того, что было раньше, уже нет.

«Неужели все уходит и ничего не остается?»

Все приходит и уходит, и, как писали в старинных романах, мое сердце сжалось от предчувствия, что я вижу ее в последний раз. Где-то, окутанные смутным маревом, оставались маленькая северянка, веселая дорога к морю, запланированное на восемь вечера рандеву. Все это теперь осталось далеко, как северное сияние. Я пытался установить реальность фразы «Все приходит и уходит» и сопоставлял ее с тем, что жена, может быть, задает себе этот же самый вопрос.

Я сбежал с тротуара, чтобы не столкнуться с встречными прохожими, и вприпрыжку семенил за голубым платьем, которое начиналось на обнаженных плечах, самых знакомых мне в мире женских плечах. Она торопливо стучала каблучками белых босоножек по асфальту, наклонив голову и совершенно не следя за своей походкой. И я подумал, что довольные собой изменяющие жены ходят не так. Я сочинял слова для нее, а на ум являлись банальности, и я со страхом отметал их и торопливо придумывал новые.

Пальцами коснулся ее плеча и отдернул ладонь, как будто это было чересчур - дотрагиваться до плеча своей жены, и ощутил под коленками слабость - предвестницу первобытного, пещерного страха, совсем как в те времена…

Она оглянулась и удивленно молчала. Милая, прекрасная, незнакомая - боже мой, руки стынут.

И поцеловал ее, и подленькое, мелкое ликованьице - вот бы этот тип с усиками увидел нас - не преминуло на мгновение посетить меня.

И, взяв за талию, крепко прижал, как делал давным-давно, когда она еще не была моей женой и мне нужно было каждую секунду знать, что она рядом и никогда никуда не исчезнет.

***

Давно пора уже понять,
Что, здравомыслию в угоду,
Не покорять бы, а спасать
Нам надо Матушку-Природу.

***

Умы пытались разгадать,
Что в мире истинно, что ложно.
И только женщину понять
Им оказалось невозможно.

От века в ней заключена
Краса земли в цветах, в восходах...
И если женщина - природа,
То сколько тайн хранит она!

КАЛМЫКИЯ

Кто не видел калмыцких степей красоту,
Огнеликое море тюльпанов,
Тот пускай прилетает весной в Элисту,
В степь выходит с зарёй на курганы.

В грудь ударит полынного ветра настой,
Солнце вырвется с огненной гривой
И, взлохматясь над степью, осветит простор
Скакуном-аранзалом* игривым.

Вспыхнут пламенем алым тюльпаны в степи.
Заблестят, словно бусинки, росы.
Скажет степь: «Человек, эту землю люби,
Эту ширь, этот мир стоголосый.

Береги эту жизнь, птиц, сайгаков, цветы,
И запомни навеки отныне,
Что нигде, кроме родины, нет красоты,
А она есть и в горькой полыни...»

* Аранзал у калмыков - сказочный конь.

ОЛЕНИХА

Поезд шёл вдоль тайги утром тихим.
Вдруг нежданно ему на пути,
Как стена, встала мать-олениха,
Не желавшая с рельсов сойти.

И тревога в глазах появилась
Машинист подавать стал гудки:
«Вот дурёха! Знать, что-то случилось?
Тормози! Вылезай, мужики!»

Упираясь копытами в шпалы
И мотая слегка головой,
Она к помощи будто взывала,
На людей глядя грустно, с мольбой.

В этом взгляде, исполненном воли,
Где отчаянья бились флажки,
Было столько пронзительной боли
И большой, человечьей тоски!

Что-то «мукая» жалобно, сиро,
Олениха с дороги сошла
И пришедших на зов пассажиров
За собою в тайгу повела.

Подойдя к куче лапника вскоре,
Где меж елей спала тишина,
Стала будто в отчаянном горе
Бить копытами в землю она.

Посредине таёжной опушки,
Где разлапились ели одни,
Оленёнка из ямы-ловушки
Извлекли из-под веток они.

Сколько трепетной радости было!
Олениха, счастливая мать,
Стала с нежностью, с лаской милой
Языком оленёнка лизать.

А малыш в её брюхо уткнулся,
Припадая к соскам шёлком губ,
И, насытившись, вдруг встрепенулся
И отправился с мамой в тайгу.

С той поры, только поезд проходит,
Каждый раз из тайги, как рассвет,
С малышом олениха выходит,
Благодарно кивая вослед.

МОЛОДОСТЬ

Возле речки, под вербой тенистою,
Средь цветов луговых и стрекоз,
Разметался копной золотистою
Светлый лён твоих русых волос.

А в дали голубой, душу радуя,
Убежав за высокий бугор,
Коромыслом весёлая радуга
Опрокинулась в вёдра озёр.

Пахнет сеном, гречихой душистою,
Свищут птицы в траве луговой.
И как будто бы ливнями выстиран
Этот день, этот свод голубой.

И вокруг столько солнца и золота,
Столько радости в лучиках глаз,
Что не верится, будто бы молодость,
Словно праздник, покинет и нас.

ХОДИТ ОСЕНЬ ПОХОДКОЮ ЛИСЬЕЙ...

Треплет ветер багряные листья.
Холодеет в тумане душа.
Ходит осень походкою лисьей,
В жёлтом парке листвою шурша.

Это осень ко мне уж подкралась
Заметелить надежды родник...
Но во мне радость жизни осталась,
И душой я ещё не поник.

Я ещё не успел насладиться
Тёплым летом, цветеньем лугов
И любви медоносной напиться
До конца из её родников.

Ах, ты осень, холодная осень,
Не выстуживай душу мою:
Ведь она ещё нежности просит,
Может быть, у судьбы на краю.

Листья клёнов срываются с веток,
В моросящем дожде даль и близь.
С журавлиной тоской бабье лето
Улетает в осеннюю высь.

ЗИМА

Опять крещенские морозы
Сковали речек берега.
И, словно девушки, берёзы,
Как в мех, укутались в снега.

Дымок над избами курится.
Вдали синеет зимний лес,
И солнце рыжею лисицей
Крадётся в холоде небес.

ВЕСНА

Пришла весна-красавица
В края земли родной.
Косички верб кудрявятся
Зелёною листвой.

И на рассвете скворушка
Трепещет в вышине
И радуется солнышку,
И гимн поёт весне.

И воробьи купаются
От вешнего тепла.
Природа улыбается:
Весна, весна пришла!

ПОДСНЕЖНИК

Тонко тенькает синица.
Лес улыбчив, свеж и светел.
Сосен сонные ресницы
Шевельнул украдкой ветер.

Сквозь лесной сухой валежник,
Из-под снега пробиваясь,
Лепестки раскрыл подснежник,
Нежно солнцу улыбаясь.

И как будто шепчет страстно,
Уронив росинки-чётки:
«Жизнь земная, ты прекрасна,
Только жаль, мой век короткий».

ЛЕТО

Сколько солнца, сколько света!
Всюду птичьи голоса.
В зелень яркую одеты
Горы, степи и леса.

В поле - пенье перепёлки,
Звонкий дрозд в лесу поёт.
И в луга за мёдом пчёлка
Отправляется в полёт.

Сколько солнца, сколько света!
Как резвится детвора!
Здравствуй, солнечное лето -
Года лучшая пора!

КАВКАЗСКАЯ ОСЕНЬ

Краски лета бледнеют и тают.
Холоднее заря поутру.
В роще клёны, горя, облетают,
Листопадом кружась на ветру.

Это осень, кавказская осень,
В шапках клёнов, чинар и осин,
Шум листвы по ущельям разносит,
Сыпля золото с красных рябин.

Белая акация

А вдали куполами соборов,
Хрусталём ледниковым горя,
Смотрят вниз серебристые горы
На червонную медь октября.

И над всею долиной Предгорья,
От ветров отдыхая и бурь,
Расплескалась, чиста, словно море,
Первозданного неба лазурь.

ПЯТЬ ВЁДЕР РЕЧНОЙ ВОДЫ

- Фролов, я опять яичницу жарю, - сообщила Катька.

Она его всегда так называет, с тех пор, как научилась говорить. Не папа-папочка, даже не Сергей, а именно как серьезная деловая женщина - Фролов. Не многовато ли на одну семью серьезных деловых женщин?

Сергей отложил книгу и сурово посмотрел на дочь.

- Ну и что в этом случае?

Катьку подобные взгляды давно не смущали. Она знала, что родители души в ней не чают, чувствовала себя уже вполне взрослым человеком и в дни, а то и недели маминого научного затворничества с достоинством несла крест домашнего хозяйства. Убирались в шкаф любимые приключения мушкетеров, и настольной книгой становилась кулинария. А отцу отводилась роль вспомогательная.

Хуже всего приходилось на отдыхе. Задумка была хорошей и принадлежала самому Сергею. Недорогой домик на берегу глухой речки очень ловко укладывался в его представление об идеальном отдыхе. Он очень ярко воображал, как поутру, когда еще туман стелется над водой, он вскакивает с жесткой постели, поднимает свое заспавшееся семейство. Все вместе они по узкой тропке, усыпанной сосновыми иглами, бегут к реке и бросаются в прохладные бодрящие волны.

Действительность нанесла жестокий удар по его мечтам. Жена Ирина посчитала, что лучшего времени, чем на отдыхе, для работы найти трудно, и запиралась в комнатке, переоборудованной под лабораторию, на целые дни и зачастую просиживала за полночь, после чего ни о каком бодром подъеме и утренней пробежке с купанием, естественно, и речи быть не могло.

Дочь Екатерина надежд отца тоже не оправдала. С истинно женской хитростью, когда Сергей пытался подвигнуть ее на утренние процедуры, она задавала только один вопрос: «А завтрак кто готовить будет?», после чего расстроенный отец оставлял ее в покое, какое-то время боролся с собой, а затем, не совладав, падал в постель и тоже засыпал. Глупо ведь куда-то нестись по холоду и плюхаться в ледяную воду, рискуя заработать воспаление легких, когда тебя никто не видит и никто тобой не восхищается!

Днем же каждый занимался своими делами. Ирина не выходила из лаборатории, Катька совершала ближние походы по окрестностям и хозяйничала по дому, а Сергей валялся на диване, читал рукописи, привезенные с собой «на всякий случай», а когда начинал совсем уже тупеть от непроходимого графоманства самодеятельных авторов, потихоньку утягивал у дочери книги о мушкетерах и расслаблялся.

Но возмездие наступало быстро. Едва обнаружив свою книгу в руках у отца, Катька тут же придумывала тому дело: дров ли нарубить, печку ли прочистить, воды ли принести. И в тот момент, когда граф уже собирался проколоть барона шпагой, Сергею приходилось откладывать книгу и кряхтя вставать с дивана.

Что и происходило в данный момент.

- Ну и что в этом случае? - грозно вопросил Сергей.

Катька и бровью не повела.

- Воды в доме опять нет, - сказала она и для убедительности потарахтела пустыми ведрами.

Сергей застонал.

- Катерина, ты жестокая дочь. Твой бедный старый измученный отец на последних днях своей жизни наконец-то обрел покой и хочет в этом покое умереть. А ты… - Сергей повернулся на бок, подпер голову ладонью и продолжал: - А ты отрываешь его от благочестивых размышлений о переходе в лучший мир и вновь возвращаешь к постылой жизни, где место только таким грубым материальным вещам, как ведра с водой. О, я несчастный! - взвыл он, завершая тираду.

Катька хихикнула, но тут же неумолимо протянула отцу ведра. Сергей натянул кеды, подумал и не стал завязывать шнурков, только засунул концы их поглубже, чтобы не споткнуться. Проходя мимо комнаты-лаборатории, он легонько стукнул в дверь пальцами:

- Обед!

- Через двадцать минут! - послышалось оттуда.

Сергей и Катька удивленно переглянулись. Обычно на призыв к обеду Ирина вовсе не отзывалась или бормотала неразборчиво: «Отстаньте!».

Сергей поднял палец:

- Помяни слова мои, Катерина, - сегодня мы станем свидетелями совершенно необычных событий.

Катька улыбнулась:

- Уж если ты почти не сопротивляясь идешь за водой, а мама Ира выходит к обеду, что еще необычного может произойти?

Сергей печально покачал головой:

- Вот плоды современного воспитания. Ты непочтительна, дочь моя. А все потому, что у современных мужчин ремень уступает место подтяжкам. - И не дожидаясь ответа, шагнул за дверь.

Хороший был день, солнечный. Тропинка к реке начиналась прямо у порога домика, вилась меж сосен и сбегала вниз к берегу, к узкой песчаной косе, где Фроловы купались и брали воду. Речка была неширокой, но чи-

стой и прохладной. Как-то забывалось на ее берегу, что существует душный и пыльный июльский город, в котором раскаленные добела троллейбусы возят злых и мокрых от пота людей. Хотелось разуться и босиком пройтись по траве, посидеть на бережке, опустив ноги в воду, понаблюдать за рыбьей мелюзгой.

Сергей несколько минут постоял у порога, дыша глубоко, спокойно, потом двинулся по тропке. У самого берега тропинка делала крутой поворот, огибала заросли какого-то кустарника, вытянувшегося выше человеческого роста, и выбегала прямо к косе.

Очевидно, оттого, что шел он не спеша, поглядывая по сторонам, Сергей успел сделать лишь один шаг из-за кустарника на песок, когда обнаружил, что там, на косе, уже кто-то есть. Нога, занесенная для следующего шага, осталась висеть в воздухе, челюсть непроизвольно опустилась, а глаза, как это принято выражаться, полезли на лоб. Сергей застыл на месте.

Потому что существо, которое он увидел, совсем не было человеком. То есть, конечно, оно отдаленно напоминало человека, имея одну голову, две верхние конечности и две нижние. Но все остальное человеку принадлежать не могло. На спине имелся змееобразный вырост, напоминавший слоновий хобот. Конец этого выроста непрерывно находился в движении, как бы заглядывая вперед, через плечи или под мышками существа. Кроме того, видны были огромные… уши, что ли? По крайней мере, располагались эти громадные лопухи, как уши у человека, по сторонам головы. Лучи солнца просвечивали уши насквозь, и они светились ярко-зеленым, прямо изумрудным цветом. Собственно, все существо было зеленым, но зелень ушей прежде всего бросалась в глаза.

А общее впечатление от того, что возилось на косе узкой лесной речки, - миниатюрная зеленая пародия на слона. Миниатюрная - потому что существо едва ли достигало Сергею до пояса.

Что-то там еще было у зеленого микрослоника, чем-то он там занимался, ворочал какие-то разноцветные кубики небольших размеров. И так он этими кубиками увлекся, что и не заметил, как уже немного пришедший в себя Сергей подошел ближе. Правда, «слоник» бормотал что-то про себя негромко - напевал, наверное, как это мы иногда делаем, когда работаем. Да и речка журчала, заглушала скрип песка под кедами Фролова.

Все-таки фантастика делает свое полезное дело. Ну что в такой ситуации случилось бы раньше? Увидел бы человек такое, заорал дурным голосом и кинулся убегать в полной уверенности, что видел черта, водяного или иную какую нечисть. А современному человеку много времени не надо, чтобы разобраться, что перед ним - инопланетный пришелец. И заметьте - безо всякого шума и крика. Так и Сергей, постояв с минуту в неудобном положении, ногу опустил, рот захлопнул, глаза вернул на привычное место и потихоньку, чтобы не спугнуть ненароком, двинулся к пришельцу.

Тот же продолжал игру со своими кубиками. Брал их из одной кучки, макал в воду на какое-то время и откладывал в другую кучку. Сергей ми-

нут пять понаблюдал это загадочное действо, а затем кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

Ох, что тут случилось с зеленым инопланетянином! Как же он встрепенулся, как подпрыгнул - на метр, наверное, в высоту! И кубик, что как раз в воду опускать собрался, выронил. Тот закачался на волне, проплыл немного и быстро затонул.

А инопланетянин, круто развернувшись к Сергею, лихорадочно шарил у себя на поясе - что-то искал, видно, да не находил, и уши его широченные из ярко-зеленых стали темными. Краснел он так, наверное. Вернее - зеленел.

Сергей понял, что надо развивать контакт, а то ведь пришелец может и выпалить из чего-нибудь с перепугу. И, поставив ведра на песок, протянул пустые ладони вперед. Потом сказал успокаивающе:

- Ну что вы, право слово, так. Я ведь не враг вам. Не беспокойтесь, мешать не намерен. Вы ведь не со злом к нам на Землю? С научными, так сказать, целями?

Похоже было, что инопланетянина проняло. Ручки перестали бегать по поясу, опустились вниз, уши опять зазеленели ярко, как весенняя первая травка, и впервые он посмотрел на Сергея. Снизу вверх, потому что и вправду едва доставал макушкой ему до пояса. Хобот его спинной тоже прекратил мотаться угрожающе из стороны в сторону, залез под мышку и торчал оттуда.

И из отверстия этого хобота послышался голос. Тоненький, гундосый, словно насморк был у «зеленого человечка»:

- Вы должны меня простить за то, что, не представившись и не испросив у вас разрешения, я занялся расхищением природных богатств вашей планеты. Как вы сказали, она называется - Земля?

Сергей как стоял, так и сел на песок. Расхищение? Вот это номер! Всего он мог ожидать от первого контакта с внеземной цивилизацией. Но такого? Значит, не от неожиданности подпрыгнул этот «слоник», а от того, что застукали его на месте… гм… преступления! Было тут от чего растеряться.

Вот так и сидел он на песке, а инопланетянин стоял перед ним понурившись, ожидая, наверное, что землянин начнет сейчас в ярости метать громы и молнии и сотрет его без промедления в порошок.

Но мы, жители славной планеты Земля, народ гостеприимный. От нас ведь не убудет, если кто-то чего возьмет. Немного, крохи. Мы и сами горазды эти природные богатства расхищать. Так что Сергей от потрясения быстро оправился и завел с гостем добрую беседу.

Звали пришельца Краксом, явился он на Землю безо всякой летающей тарелки, иным каким-то способом. И целью его было позаимствовать немного чистой речной воды. Туго у них с водой на планете Терлеге. Совсем, можно сказать, плохо. Чистая вода у них - прямо-таки драгоценность. Так что Кракс, собравшись разбогатеть, прилетел на Землю и в свои разноцветные кубики набирал воду для вывоза ее к себе.

Тут Сергей, убедившись, что ничего опасного для нашей планеты это «расхищение» не представляет, совсем успокоился. Даже снял кеды, за-

сучил штаны и выловил утонувший кубик-канистру. Помог и остальные заполнить.

Приглашал Кракса в гости зайти, посмотреть, как земляне живут, хотел с женой и дочерью познакомить. Но тот сослался на недостаток времени, пообещал на днях заглянуть и, с разрешения Сергея, еще немного водички набрать.

С тем и отбыл, пощелкав кнопками на пульте у пояса. Было там у него устройство для перемещения в пространстве, а вовсе не оружие. Беззвучно вспыхнуло зеленое облачко, и Кракс исчез, не забыв прихватить канистры с земной водой. А Сергей зачерпнул ведра и пошел к домику, предвкушая, как расскажет о своей встрече Ирине и Катьке и как они ему не поверят.

Дома же его ожидал сюрприз. У мамы Иры наконец что-то получилось, и на после обеда было назначено первое испытание ее установки. Событие это для семьи Фроловых имело значение огромное. Ирина была талантливым физиком, но как-то ей не везло. Слишком далеко она отрывалась от современного уровня науки, забегала вперед, забиралась в такие дебри, что зачастую и сама не могла из них выбраться. И ничего путного из этого не получалось. Одно расстройство. Походило на то, что вот идет маршем рота, ровно, красиво, в ногу. А впереди строя мотается одинокий расхлябанный солдатик. Все ему хочется посмотреть, что же там впереди, какова цель этого марша, куда все идут? Никто его для этого не снаряжал, никто в разведку не посылал. Так, партизанщина.

Очень важен был какой-нибудь конкретный результат. Для науки, конечно, тоже важен. Но и для самой Ирины имел бы такой результат значение колоссальное. Солдатику ведь хочется убедиться, что не зря, не впустую он бегает, что видит ту цель, куда рота шагает.

И Сергей и Катька маму Иру очень любили и болели за нее страстно, потому что от неудач она мрачнела, худела и сама на себя переставала быть похожей. Так что Сергей решил повременить со своим сообщением о контакте с инопланетной цивилизацией, приберечь его на потом. Вначале пусть состоится долгожданное испытание.

За обедом все очень нервничали, хотя и старались это скрывать. Ирина сидела бледная, ела через силу. Сергей с Катькой ее состояние понимали, им самим кусок в горло не лез. В общем, обед скомкали, даже компот Катькин знаменитый выпили без удовольствия.

Ирина сказала неестественно веселым голосом:

- Ну что, граждане, прошу в лабораторию. - Еще больше побледнела и встала из-за стола. Граждане тоже поднялись. Аккуратистка Катька махнула рукой на грязную посуду - после уберем, - и все перешли в соседнюю комнату.

Установка располагалась у окна и была не очень большой по размерам, но чрезвычайно сложной по конструкции. Сергей только диву давался, как же это мама Ира смогла все это придумать и собрать. Они с Катериной в лабораторию старались носа не совать, это было мамино царство. Могло от нее здорово нагореть, если тут что-нибудь тронешь.

Ирина облачилась в белый халат, села за пульт и жестом показала, что находиться им следует за ее спиной. Потом защелкала переключателями и под рождающийся гул сказала:

- Значит так. Если нам очень повезет, то мы сейчас увидим то, что никогда и никто из людей не видел - как выглядят иные миры.

Катька восторженно взвизгнула:

- Марс?

Мама Ира пожала плечами несколько пренебрежительно:

- Марс… Марс я два года назад уже видела. Ничего примечательного - песок и камни. Да стрекозы какие-то. Сегодня мы заглянем намного дальше. К звездам.

Катька подняла на отца совершенно круглые от изумления глаза. Сергей и сам был поражен. Не такая уж мама Ира неудачница, если два года назад смогла на Марс заглянуть. И ведь скрытная: ни словом не обмолвилась, большего добивалась.

Между тем установка гудела и нагревалась. Ирина осторожно поворачивала верньеры, двигала ручки. Гудение стало выше, перешло в какой-то комариный звон и внезапно… окно исчезло. Только что сквозь порядком запыленные стекла видна была небольшая полянка перед домом и сосны за ней. Вместо всего этого появилось светло-розовое пятно с нечеткими краями. Затем стали проступать очертания совсем другой поляны, с короткой рыжей травой и огромными синими цветами. А вокруг поднимались заросли такого же рыжего, как и трава, кустарника с редкими, причудливо изогнутыми ветками.

Гудение исчезло совсем, и тут Сергей явственно ощутил, как его лица коснулся теплый ветер. Чужой ветер. Он почувствовал запахи. Земные цветы не могли так пахнуть. «Да что же это такое? - подумалось ему. - Это ведь не окно уже, не изображение, а дыра какая-то».

Ирина тоже поняла, что на этот раз установка сработала даже лучше, чем она предполагала. Медленно поднявшись с табурета, она подвинула его вплотную к этой межпространственной дыре.

Сергей предостерегающе сказал:

«Мама Ира!» - уже понимая, что она хочет сделать. Но Ирина нетерпеливо махнула рукой: «Погоди!» - и, легко взобравшись на табурет, шагнула на рыжую поляну.

Сергеи почувствовал, как Катька прижалась к нему, и машинально обнял ее за плечи. Они стояли и напряженно следили за тем, как Ирина осторожно, шаг за шагом двигалась среди голубых цветов. Наконец она обернулась, и они услышали ее голос:

- Эй, ребята!

Катька судорожно, со всхлипом втянула воздух, и Сергей успокаивающе погладил ее по голове, не отрывая между тем взгляда от жены. Он тоже боялся, но мужчина есть мужчина и страха показывать не должен.

А на поляне Ирина, уже совсем освоившись, принялась рвать голубые цветы. Вот тут и произошло самое неожиданное. Как только был сорван

третий цветок, словно из-под земли вокруг Ирины оказалось несколько низкорослых зеленых существ, которые схватили ее за руки.

Катька отчаянно завопила: «Мама!», а Сергей рванулся вперед. Но едва он вспрыгнул на табурет, намереваясь проскочить на поляну и расшвырять этих зеленых пигмеев, как в установке что-то с ужасным треском лопнуло, и Фролов, крепко ударившись лбом, едва не вывалился вместе с оконной рамой на земную уже поляну. Межпространственная дыра закрылась.

Катька выла в голос, уткнувшись Сергею в живот, а он дрожащими руками гладил ее по голове и растерянно повторял: «Ну погоди, ну успокойся, ну что ты…» И то и дело оглядывался на окно, точно надеялся, что сейчас опять задрожит розовая дымка и покажется та, чужая поляна. Но, однако, ничего больше не происходило, поляна за окном была как поляна, и над ней, похоже, собирался дождь.

Катьку он напоил крепким чаем, потом, зареванную и вялую, уложил в постель, укрыл потеплее и приказал спать. А сам пошел в лабораторию в надежде найти неисправность в установке.

Но где там! Утюг Сергей еще мог починить, разобрался бы, пожалуй, в квартирной электропроводке, но на этом его познания в физике иссякали. Установка, которую сочинила Ирина, так далека была от познаний и представлений Сергея, что он даже смутно не мог себе представить, где у нее что и для чего. Повозившись с полчаса, Фролов растерянно уронил руки на колени и чуть было сам, по примеру Катьки, не заревел в голос. Положение было катастрофическим. Имелась, правда, надежда на то, что если вызвать сюда коллег Ирины, то они смогут разобраться в этом сплетении трубок, проводов и черт знает чего еще. Но, во-первых, надежда эта была слабой - по причине оторванности домашних занятий Ирины от ее рабочей тематики, а во-вторых, даже если коллеги и разберутся и восстановят прорыв в другую звездную систему - сколько времени на это понадобится? Ирина там с ума сойдет. Да и у Катьки нервы не железные.

Что-то нужно было решать. Сергей варил кофе, пил, снова заваривал, дымил одна за другой сигаретами, но ничего путного придумать не мог. Выход оставался один: ехать и уговаривать, а если понадобится, то и силой притащить сюда коллег Ирины и усадить за установку. И только под утро мелькнула сумасшедшая идея. Эти зеленые карлики…

Солнце еще не вставало, когда Сергей, поеживаясь от утреннего холода, устраивался у речки в засаде. Если понадобится, он будет сидеть здесь и весь этот день, и следующий, и неделю, и месяц. Важно было встретить знакомого инопланетянина Кракса. Встретить и застать врасплох. Потому что те, кто захватил Ирину, как две капли воды походили на воришку водных ресурсов.

И Сергею повезло. Часов около семи утра Кракс появился. Видно, не спалось ему, не терпелось поживиться чужими богатствами. Хотя, к слову сказать, теперь-то он мог действовать уверенно - получил же он разрешение от представителя земной цивилизации.

Он и действовал. Зеленое облачко еще не успело растаять, а Кракс уже бежал к воде с еще большей, чем вчера, кучей разноцветных канистр. Сергей

подождал, пока тот втянется в работу, и только когда услышал, что он замурлыкал свою песенку, осторожно, на цыпочках, вышел из засады на косу.

Как и вчера, журчание речки заглушало скрип песка, и Сергей, подобравшись сзади беспрепятственно, тщательно прицелился и схватил зеленого инопланетянина под локти. Очень важно было не дать ему дотянуться до пульта на поясе, и это Сергею удалось. Кракс верещал дико, пытался отбиваться, но куда ему, низкорослому! Так бы, может, и умер он со страху, но услышав успокаивающий голос Фролова, ухитрился выглянуть из-за ушей и, узнав вчерашнего знакомца, затих, прогундосил:

- Ох, как вы меня напутали!

Сергей хмыкнул: «Как аукнется…», но вслух сказал:

- Извините за испуг, но дело не терпит отлагательства и времени для церемоний нет. Пройдемте в дом. - И все еще держа Кракса на весу, направился к тропинке. Тот дернулся: «Но канистры…» На что Сергей ответил:

- Ничего, не пропадут. У нас здесь ничего не пропадает.

И Краксу пришлось смириться. Так они и поднялись к дому: Сергей, а на вытянутых руках его, стыдливо поджав кривые зеленые лапки, - Кракс.

Катька уже проснулась и сидела на кровати с мокрыми глазами. Увидев входившего Сергея, она не завизжала от страха, как сделали бы на ее месте многие девчонки даже постарше, а тихо спросила:

- Ой, пап, где ты это поймал?

Сергей отметил, что она чуть ли не впервые за всю свою жизнь назвала его не Фроловым, а папой, но сейчас не время было радоваться. Аккуратно держа трусливо жмурившегося Кракса, он сказал:

- Катюша, позволь тебе представить нашего гостя Кракса с планеты Терлега. А теперь иди сюда, помоги.

Катька подошла.

- У него на поясе должен быть такой небольшой аппаратик. Нашла? Сними его, пожалуйста.

Кракс робко вмешался:

- Он только вместе с поясом снимается. Но зачем вам…

Сергей прервал его:

- Катюша, попробуй расстегнуть пояс. Та, повозившись пару минут, осторожно потянула и сняла пояс.

Сергей облегченно вздохнул:

- Ну вот, теперь можно разговаривать на равных. - И посадил Кракса на стул. Инопланетянин, вцепившись в край сиденья, чтобы не упасть - ноги не доставали до пола, - уложил свой хобот на плечо и ворчливо прогундел:

- Это называется на равных? Объясните хоть, что произошло!

Катька стояла у стола, переводя восхищенный взгляд с отца на Кракса, а Сергей, пододвинув себе стул, уселся напротив гостя и вкратце описал ему ход вчерашних событий.

Кракса история эта очень веселила, он даже рвался потереть ладошки от удовольствия, но тут же вновь испуганно вцеплялся в стул. Наконец он сказал:

- Я знаю об этом происшествии. Но ваша жена нанесла огромный ущерб заповеднику, сорвав растения, которые являются символом нашей планеты. Ее ждет суровое наказание.

Катька испуганно спросила:

- Пап, что это он говорит? Маме - наказание?

Сергей улыбнулся ей успокаивающе:

- Погоди, Катюша. Я думаю, мы сумеем договориться с достопочтенным Краксом. Он ведь у себя на планете персона не маленькая. Так ведь, Кракс? Или я ошибаюсь? - Сергей, что называется, брал на арапа. И попал в цель.

Улыбка Кракса погасла, он заерзал на краю стула.

- Ну, не очень большая, но кое-что значу.

Сергей поинтересовался:

- А какая у вас должность?

Кракс еще сильнее заерзал, так что чуть не свалился со стула, и промямлил:

- Я… начальник заповедника.

- Того самого?

- Того самого…

- Вот видишь, Катерина, как нам повезло? Наш гость работает начальником того заповедника, где схватили нашу маму. А ведь несолидно получается - большой начальник, а воду на Земле похищает как мелкий воришка. Нехорошо.

Кракс пискнул:

- Но ведь вы сами разрешили!

Сергей зло уставился на него.

- Разрешил, да. Но ведь первый раз вы прибыли без разрешения? Так или не так?

Кракс понурился.

- Вот и давайте договариваться, - продолжал Сергей. - А в противном случае мы отправим ваш пояс домой, на Терлегу. Но без вас.

Кракс умоляюще протянул к нему ручки, рискуя сверзиться со стула, но Сергей только повысил голос:

- И я вам гарантирую, слышите - гарантирую, что без работы вы тут, у нас, не останетесь!

Катька захлопала в ладоши:

- Ой, папа, как здорово! Ты молодец!

Сергей выжидающе смотрел на Кракса.

Тот молчал, раздумывая. Уши-лопухи поникли, обвисли на плечах. Наконец он нерешительно заговорил:

- Ну и как вы это представляете?

План у Сергея был готов.

- Очень просто. Вы временно остаетесь здесь, а домой, вашим подчиненным, отправляете с поясом записку. В ней вы указываете, что назад пояс должен быть послан с нашей мамой. После того, как она прибудет, я отпускаю вас и вы беспрепятственно покидаете Землю. Идет?

Кракс опять долго молчал. Так долго, что Сергей, теряя терпение, начал постукивать каблуком о ножку стула.

- Но ведь она сорвала редкие растения. Я за них отвечаю.

Сергей жестко прервал его:

- Это уже ваши проблемы. Сами и выпутывайтесь.

Кракс обреченно махнул рукой:

- Ладно. Давайте пояс.

Сергей предупредительно предложил.

- Дать бумагу и карандаш? Катюша!

- Не надо, - мрачно сказал Кракс. - У нас другие способы передачи информации.

Он что-то зачирикал в аппаратик на поясе, который Фролов предусмотрительно не выпускал из рук. Потом пощелкал кнопками. Опять вспыхнуло зеленое облачко, Сергей едва успел разжать пальцы, и пояс исчез.

Повеселевшая Катька приготовила завтрак. Они с отцом перекусили. Кракс присоединиться к ним отказался. Он, нахохлившись, сидел на стуле и думал то ли о коварстве землян, то ли о том, как будет отчитываться за сорванные цветы.

Сергей мук совести не испытывал. Ирину нужно было спасать, а если есть для этого возможность, то как же ее не использовать?

Прошло уже часа два. Все трое начинали заметно нервничать, когда полыхнуло зеленое пламя и прямо посередине комнаты возникла мама Ира в белом своем халате, перетянутом поясом Кракса. Катька, завизжав, с разгона кинулась ей на шею. Сергей радостно улыбался, но сигарета в его пальцах предательски дрожала. Даже Кракс, похоже, повеселел.

- Ну, что, - обратился к нему Фролов, - будем прощаться?

Тот торопливо застегнул возвращенный пояс и умоляюще глянул на Сергея.

- Может быть, вы позволите взять немного воды?

- Ладно уж. Ведер пять я вам налью.

Но не больше. А то так и нам самим скоро хватать не будет. Пошли.

…Сцена, которую они увидели на речке, привела Кракса в ярость. Штук шесть каких-то, совсем не похожих на терлегиан существ, деловито таскали и наполняли водой его канистры. Он обернулся к Сергею.

- Нет, вы видите, что творится?! Ни на минуту оставить нельзя ничего!

Сергей, хотя и был поражен, но вида не подал.

- Разбирайтесь сами, - сказал он, пожимая плечами.

Кракс ринулся на отмель, а Фролов, глядя на то, как он отвоевывает свое добро, думал: «Повадились. Ну не сидеть же мне теперь в кустах с дробовиком, заряженным солью?!»

***

На другой стороне
Бесконечных окраин души
У меня есть парадный костюм
И китайская роза.
Как стихийное бедствие - кот…
А на этой - дрожат камыши,
И, проспавшее зиму,
Болото насквозь безголосо.

Не успел и заметить,
Как сбросил с очей саркофаг -
Приобщая себя
Ко всему, ко всему, чему внемлю:
Ощущая готовность
Вмороженных в лёд черепах
Пробудиться и жить,
И держать над безумием землю…

***

Отпускай. Улетаю. На вечном этапе
Вот такой и припомню тебя иногда:
В светло-сером плаще и коричневой шляпе,
В серебристом сиянье слепого дождя.

Будто… будто заметил: как длится творенье
Человека, узнавшего счастье ввести
Бесконечные мелочи личных мгновений
В мироздание радости и высоты.

Будто что-то проявит: какие стихии
Осеняют разлукой, терпеньем, трудом…
Подожди. Мы недаром земные, живые.
Мы ещё погуляем под красным зонтом.

***

Даже битую чашку
Не выбросить мелкой утратой.
Где уж тут непристрастно
Узнать на оставшийся век:

Как изношено тело
Служением верой и правдой
Самым нежным и бережным
Сказкам в дурной голове.

И не то, что привык.
Деться некуда.
Каждым движеньем
Утвердишь мирозданье,
В котором исполнишься сам.
Чьи осколки собрать? -
Все одно: просвещенье, прощенье…
Вот и мусорю в кухне…
Что может мешать небесам?..

***
Я люблю рисовать,
Когда рядом Ирина играет.
Вот заслушался скрипку
И сразу к бессмертью привык.
Пусть оно на картине
Красуется в солнечном платье -
Одиночества свежесть
Украдкой деля на двоих.

Краски радуют вечер -
Являя - что жесту открылось,
Скрипка дарит взаимность
Всему - что способно принять.
Хорошо, что сегодня
Терпенью дано причаститься
И послушное сердце
Не втискивать в роль скакуна.

Хорошо, что порой удаётся
Без лишней потуги -
Тем, чем мы не виновны, -
Уйти от жестокости дел.
Может - к их доброте -
Если всё же поможем друг другу
Только цветом и музыкой
Высветить прожитый день.

ОТРАЖЕНИЯ

(отрывок из фантастического романа)

Когда я в детстве смотрела в зеркало, мне казалось, я вижу кого-то, но не себя. Девочку в зеркале я называла - «она». «Она» - это другая я. По ту сторону реальности.

«Она» появилась вместе с одной странной сказкой. Все дети придумывают собственные сказки. Но моя оказалась непохожей на остальные. Особенной.

В историях про всевозможных ведьм, волшебников, принцев и принцесс добрый герой побеждает злого. Всё заканчивается пиром или свадьбой. Моя сказка не заканчивалась никогда. Добро никогда не побеждало зло. Королева и её охранник навсегда оставались зачарованными.

Итак, история книги «Иерархия», моя история началась с детской сказки, сочинённой в одну новогоднюю ночь. Мне только что исполнилось пять лет. И мама в первый раз доверила мне наряжать ёлку. Вернее, нижнюю часть ёлки. До верхней я ещё не доставала. А залезать на табурет мама мне не разрешала.

- Лиза, - сказала мама, - ты уже большая девочка и я могу подарить тебе эти игрушки.

Она достала из коробки фарфоровые фигурки: оленя и балерину. Маленькие, величиной в детскую ладонь.

- Береги их, они хрупкие. От падения - разобьются. Потом не склеишь.

- Красиво, - заворожено ответила я. Так как всегда мечтала о собственном малюсеньком мире, где будут жить крошечные человечки.

- Это ещё не все, - мама потушила в комнате свет, и я увидела, как фигурки светятся в темноте.

- Они волшебные? - спросила я.

- Да, - ответила мама.

В тот новый год я поселила их под ёлкой. Вместе с другими игрушками: оловянными солдатиками, зверями, вырезанными из картона. Балерина и олень утопали в ватном снегу, и, казалось, сейчас оживут.

- Они заколдованы, - прошептала я. - Давно. И их никто не сможет освободить. Королева и её верный охранник.

В том далёком детстве я бесконечно рассказывала сама себе сказку без завершения. В моих историях балерина (королева) и олень (её охранник) путешествовали по волшебным мирам, с кем-то сражались…. Но им никак не удавалось победить злого волшебника.

Примерно в то же время мне стал сниться этот город. С узкими улицами, застроенными в основном одноэтажными, реже двухэтажными домами. Лишь иногда встречались пятиэтажки. Тогда я не знала название города. Просто любила бывать в нём. Бродить по зелёным аллеям, заглядывать в витрины магазинов. Но больше всего меня привлекало одно здание. Просыпаясь, я чётко помнила парадный вход в него под белыми колоннами. Каждую ночь меня вновь и вновь манили длинные коридоры, высокие потолки, бесконечные лестницы, часто менявшие направление, а иногда и вовсе неожиданно обрывавшиеся.

Сколько помню, во снах я всегда перемещалась стремительно. Бежала, а чаще просто летала, стараясь запомнить увиденное. Мир во сне казался мне более ощутимым, чем реальный. И, просыпаясь, я думала о том, что в явь возвращается лишь часть моей души. Другая остаётся во снах и в теле фарфоровой светящейся балерины.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, под белыми колоннами известного мне здания появился некто. Я смутно воспринимала черты его лица. Только улыбка и глаза остались в памяти. У него были удивительные глаза. Редкого сине-фиолетового оттенка. И тёмно-каштановые густые вьющиеся волосы.

- Зачем ты сюда приходишь? - спросил незнакомец.

В детстве я плохо различала возраст людей. Мир в моем видении делился на детей и взрослых. Я не могла сказать, сколько незнакомцу лет. Двадцать пять, тридцать, сорок. У меня было странное восприятие реальности. Словно кем-то размытое.

- Мне здесь нравится, - ответила я.

- А знаешь ли ты, что нельзя вечно стоять перед дверями? В них нужно рано или поздно входить.

- Я готова войти сюда, - сказала я и посмотрела на стеклянные двери здания под колоннами.

- Прежде, чем ты войдёшь, я хочу у тебя спросить. Какую ты хочешь прожить жизнь: обычную человеческую или жизнь посвящённой. Но отвечая - подумай. Выбор делают лишь однажды. У тебя не будет обратного пути. Выбрав путь посвящённой, ты многое сможешь. Ты будешь обладать способностями, о которых большинство людей может только мечтать. Ты станешь магом. Но ты навсегда останешься одинокой.

- А вы кто? - спросила я. - Вы маг?

- Я Привратник. Можно сказать, что я маг. Но это будет не совсем верно.

- Вы стоите на вратах, отделяющих реальность и сон?

- Нет, - улыбнулся фиолетовоглазый. - Я стою на вратах между мирами. Большим и Перевёрнутым. Оба этих мира реальны.

- Но я сейчас сплю! - возразила я. - И вы мне снитесь.

- А что такое, по-твоему, сон?

- Не знаю, - растерянно ответила я. - Сон - это фантазии. Так говорит мама.

- Для кого-то фантазии. А для кого-то способ общения. Мы с тобой разговариваем сейчас. И ты понимаешь, что спишь. Многие люди в твоём Большом мире годами тренируются, чтобы добиться этого. Но ты умеешь это с рождения.

- Что это? - не поняла я.

- Понимать во сне, что ты спишь…

- Я думала, это все могут, - хмыкнула я.

- Этого практически никто не может. Итак, - Привратник протянул мне руку, - твоё решение? Если ты согласна стать посвящённой, возьми меня за руку, и я отведу тебя в школу, где учат магическим наукам. Если ты хочешь остаться обычным человеком, то уходи. Навсегда уходи. Ни этот город, ни это здание, ни я тебе больше не станут сниться.

Одиночество. На всю жизнь…. Я смотрела в фиалковые глаза Привратника миров и думала о том, что нет на земле человека, более одинокого, чем я. Для других людей этот мир родной. А для меня нет. Для меня вообще этот мир, как будто плохо прорисованная картина. И его населяют не люди, а тени. Город, являющийся мне во сне - он реальней для меня всякой действительности. Он настоящий! Отказаться от него - значит, действительно обречь себя на одиночество! Быть обычным человеком? Нет. Я хочу быть магом! Я хочу уметь делать то, чего не умеют другие. Я хочу отличаться от всех. Я действительно отличаюсь от всех моих одноклассников! Мне кажется, мои одноклассники вообще не умеют думать. Их жизнь - это бесконечный шум и забава. Мне не о чем с ними поговорить. Они ничего не читают. Они не знают кто такой капитан Немо и летающий человек Друд. Они никогда ничего не слышали о Сильвере. И имя капитана Блада для них пустой звук. Всё самое важное, главное для них пустой звук. Жизнь без увлечений. Жизнь - это сплошной прикол для моих одноклассников. Они не видят таких снов. Я спрашивала одну девчонку, видит ли она волшебный город? Ну, или нечто подобное. Я рассказала ей о моем городе. А она удивлённо посмотрела на меня и восхищённо, но с неприязнью воскликнула: «Тебя снятся такие сны? Прямо фильмы!» После этого я никогда и никому не стала рассказывать о своих снах и поняла, что меня не пугает одиночество.

- Выбираю путь посвящённой, - тихо сказала я Привратнику.

Он степенно кивнул в ответ и улыбнулся доброй, но немного ехидной улыбкой.

- Ну, раз так, - изрёк Привратник, - раз теперь ты одна из нас, позволь представиться по-настоящему и назвать своё имя. Карлеус Деланэ, - он изящно поклонился мне, так, будто бы я была не маленькой девочкой, а взрослой дамой.

- Очень приятно, - я не знала, что ещё нужно говорить в таких случаях.

- И да, чуть не забыл, - Привратник ударил себя ладонью по лбу. - Сказать тебе твоё Имя.

- Моё имя? - удивилась я. - У меня есть имя - Лиза.

- Нет, нет. Лиза - твоё имя в Большом мире. Но у тех, кто посвящён в тайны мира Перевёрнутого, другие имена - сакральные. Твоё Имя….

Тут у меня в ушах страшно зашумело, будто бы рядом внезапно появился водопад. Названное Имя утонуло в шуме, как тонет в яростный шторм рыбацкая лодка. Сильно закружилась голова. А когда дурнота отступила, то в моё сознание ворвались слова

- …… ты будешь учиться в Школе Рун. Самом престижном учебном заведении для проходящих дистанционное обучение в Перевёрнутом мире.

- Это здесь? - я помотала головой и ткнула указательным пальцем в здание под белыми колоннами.

- Нет, нет, - Привратник Карлеус Деланэ помахал перед моим носом обеими руками. - Это уже Институт. Сюда ты придёшь после обучения в Школе Рун, а пока….

Он опять протянул мне руку, и я вложила в неё свою мокрую от волнения ладонь. «Как странно, - подумала я тогда, - в моих снах даже руки потеют, как наяву. И дышится легко, как наяву. И если опустить сейчас пальцы в ближайшую лужу, можно ощутить холод воды».

Я и Привратник обошли здание под белыми колоннами. Свернули в какой-то переулок. Минут десять петляли и, наконец, вынырнули на небольшую площадь перед чёрным зданием. Вы видели нарзанные источники на Минеральных водах? Я сначала подумала, что мы подошли к такому источнику. Но вместо вывески источник № …. висела золотая табличка, которую я не могла прочитать.

- Эти буквы, вернее - руны, ты ещё не умеешь их толковать, - сказал волшебник.

- А что там написано? - спросила я.

- Название Школы.

Я всматривалась в неизвестные мне буквы, а они, между тем, меняли свои очертания, принимая то форму иероглифов, то латинских букв.

- Надпись меняется! - воскликнула я.

- Конечно, она будет меняться. Ведь здесь учатся ребята, которые говорят на разных языках.

- А на каком языке говорят в этой школе?

- На самом универсальном языке в мире, - ответил Карлеус, - на языке мысли.

- Но ведь каждый думает на своём языке.

- Это только так кажется, - заметил Привратник. - На самом деле язык мысли один. Ты ещё слишком мала, чтобы понять это. Прежде чем ты поймёшь сказанные сегодня слова - пройдут годы. За это время ты многое узнаешь не только о языке мысли, но и об этом городе.

- А что это за город? - я задала Привратнику вопрос, который мучил меня с того самого момента, когда я стала видеть странные сны.

- Лабрин…. Город посвящённых.

***

- Держи круг! Держи огонь!

Я стояла в кольце огня. Пламя то стелилось у самых ног, то выбрасывало огненные языки выше головы. Изнемогая, почти теряя сознание, я держала огненное кольцо.

- Теперь шагай за круг, - голос Карлеуса тонул в рёве пламени.

Я шагнула в огонь. Почувствовала, как пламя слегка обожгло мои руки.

Я зажмурилась, а когда открыла глаза, то уже стояла у входа в Школу Рун.

- Неплохо, - похвалил Привратник, - Совсем неплохо. Ты заслужила десерт.

- Угощение во сне? - рассмеялась я.

Карлеус зачерпнул из лужи под ногами воду и выплеснул её на мою обожжённую руку.

- Теперь легче?

- Да.

- Было больно? Боль настоящая. Здесь всё настоящее: запахи, вкусы. И боль. Знаешь, отражение меня самого иногда пугает.

- Отражение? - спросила я. - А что это - отражение?

- Сны - это отражение нашего сознания, - пояснил Карлеус. - Пойдём, я тебе кое-что покажу.

Мы остановились перед большим овальным зеркалом. Я увидела себя и высокого красивого мужчину, моего учителя, КарлеусаДеланэ за своей спиной. Себя я узнала не сразу. На меня с потерянным видом смотрела худенькая русоволосая девочка. Слишком непривычным оказалось собственное изображение в зеркале. Призрачным. И ещё меня поразили глаза. Они стали насыщенно изумрудными, ведьминими глазами.

- Видишь? - спросил Привратник.

- Я здесь немного другая.

- Мы все здесь немного другие, - хмыкнул Карлеус. - Здесь мы становимся самими собой….

***

Огонь за моей спиной потух. В который раз я стояла в пыльном коридоре, и на лицо мне падали жирные пауки. Чудовище подкрадывалось сзади. Я слышала его шаги.

Ближе.

Ближе.

Собрав все свои силы, я заставила себя повернуться к нему и посмотреть. Громоздкая, чёрная волосатая туша стояла, покачиваясь и упираясь головой в потолок. Морда его походила на медвежью. Чудовище скалилось, плевалось, таращило круглые красные глазищи.

- Не бойся ничего: ни темноты, ни того, что в ней может скрываться. Главное - не бойся собственного страха. Когда вокруг тьма - научись преодолевать страх. Если не сможешь - ужас поглотит тебя, лишит воли и разума.

Я училась преодолевать страх.

Карлеус переносил меня в старый заброшенный дом. Как будто знал, что больше всего я боюсь пауков. В доме паутина гроздьями свисала со всех потолков. За шиворот падали упитанные насекомые. Я с визгом вытряхивала их из-под платья, дрожа от омерзения. В канделябрах тускло коптили сальные свечи. Непонятно, зачем их туда понатыкали? Они всё равно ничего не освещали. Поэтому я постоянно сбивала каблуки об какой-то хлам. То ли камни, то ли гвозди, то ли доски от гробов.

- Это лабиринт, - сообщил мне по мобильнику Привратник.

- Вижу, что не проспект! Вы здесь что, пауков выращиваете?

Я шла по коридорам. В каждой комнате ждал сюрприз. Изощрённый, Карлеус пугал меня со знанием дела. И создавал таких чудовищ, которых не представит даже редкий псих. Но, похоже, он немного переборщил. Слишком страшные, почти карнавальные, чудовища уже не пугали. Я понимала, что голые скелеты без мышц ходить не могли. Первоначальные страхи исчезли, когда мои движения становились медленными, скованными, что казалось - неведомая сила держит руки и ноги. А чудовища уже совсем близко! Они дышат мне в лицо, их густая шерсть щекочет кожу. Уйдите, противные! Мне уроки учить надо.

Хома Брут уже без боязни смотрел в глаза Вию, замечая застарелую катаракту.

- Бедненький… Тебе, наверное, одиноко здесь? Тебе и твоим родичам.

Вий перестал покачиваться и нагнулся ко мне. Я протянула руку и осторожно потрогала его нос. Мокрый, как у собаки. А потом я долго гладила чудовище, и мне на всю жизнь запомнилось ощущение мягкой шерсти под рукой.

- Послушай, девочка, а тебя вообще напугать можно? - разочарованно спрашивал Привратник. - Моя диссертация по детским страхам на грани провала.

- А диссертацию по детским неожиданностям вы не пишите?

***

Лабрин - столица волшебного мира, названного почему-то Перевёрнутым. Невероятный мир. Здесь все ярче: природа, люди, города. Или мои зелёные глаза здесь по-другому видят? Зеленоглазое такси. Здесь словно никогда не было скверны и грязи. И здесь почему-то никогда не бывает ночи. Только один бесконечный день. И солнце светит здесь совсем по-другому.

Город мечты.

- Это не сам Перевёрнутый мир, - сказал Привратник. - Ты видишь только его отражение.

- А где находится настоящий Перевёрнутый мир? - допытывалась я. - И почему мой мир вы называете Большим?

На мои расспросы Карлеус неизменно отвечал обворожительной улыбкой и словами:

- Известна ли тебе поговорка: «Всему своё время»? Придёт срок - узнаешь….

Я росла. Немного в высоту, совсем немного в ширину. В ширину не так, как бы хотелось. Оставалась тощей, как весло. От недоедания. Девяностые лихие годы поставили на мне свой штамп. Я окончила обычную среднюю школу, убогое училище искусств, устроилась на работу в библиотеку.

Шёл 1996 год. Одна эпоха тонула в потоке утекающего времени. Эра красной звезды и красного флага. Другая - его величества доллара - выходила из тени. Два года назад умерла моя мама. И мне казалось, что в изменившемся мире мы с папой лишние люди. Мы не умели извлекать выгоду и прибыль из всего, что могло подвернуться под руку. Мы не знали, как делаются деньги. Мы просто плыли по течению, и нас то бросало на камни, то топило. Мне только что исполнилось двадцать лет, и я чувствовала себя абсолютно беспомощно. Маленькая глупая девчонка. Никому не интересная и ненужная.

Зарплату на работе платили месяц через два. Меня преследовали головокружение и тошнота. Я старалась обходить стороной продуктовые магазины. Чтобы не видеть того, что я не смогу съесть...

Страх и одиночество…. В какие-то моменты я начинала жалеть о своём выборе. Кто знает, если бы я была обычным человеком, моя жизнь складывалась бы совсем по-иному? И когда сомнения закрались в мою душу, ко мне не во сне, а в видении наяву явился Привратник Карлеус Деланэ.

- Не бойся ничего! Помнишь, я учил этому тебя в детстве. Не бойся ничего, даже самой смерти, ибо смерть не властна над тобой….

Теперь, когда пишу эти строки, понимаю - я училась преодолевать страх всю свою жизнь. Работая в библиотеке, преодолевала страх неустроенности, нищеты, безысходности. Я училась смотреть на мир, как бы страшно мне не было. Училась наслаждаться горбушкой хлеба и чаем - порой единственной пищей за весь долгий день. Я училась не замечать насмешки и пропускать мимо ушей упрёки. Училась не думать о завтрашнем дне.

Будущее всегда страшит.

Прежде всего - неизвестностью, непредсказуемостью. А вдруг сократят штаты? А вдруг опять вовремя не выдадут зарплату?

Я училась побеждать чудовищ обоих миров.

МАЯТНИК СУДЬБИН…

Из цикла «Ежли про любовь…»
Памяти Наташи.

СОРОКОВИНЫ

Слава соловью! - песня воробья вне систем и схем:
Я тебя люблю! Я люблю тебя! - Помни: насовсем.

…Ближе к сентябрю лютая беда скрылась в зеркалах:
Любящих стерплю, зная: иногда прахом правит страх.

Господи, прости: *…а, б, в, г, д…* - жалкий минус - в плюс.
Ежели про стих, рифмы - в Теберде, где и утоплюсь.

Прочерки чернил. Матрицы лица царственный овал…
Недосочинил - поздно прорицать. Недоцеловал!

…В клёнах октября вызрела заря. Месяц окосел.
Строчка тропаря. Стопка втихаря. Лесенки лексем.

Чёрная вода старого пруда. Лебеди грустят.
Чуткого следа чистая слюда - тягостно в гостях?

Демон с бодуна. Ангел во хмелю. Трезв апостол Пётр.
Скорбью страсть страшна. Выдумай, молю, вечный перелёт.

…Клятвы ноября. Лекаря враньё. Родственниц цинизм.
Кряква, лярва, фря, ведьмы мумиё - ежели про жизнь.

Вдруг из никогда грянула среда. Выдох… Вдох… Тоннель…
Смерть шепнула: да. Рухнула звезда. Зверь разгрыз свирель.

Боже, помоги - *…ё, к, л, м, н*: жутко выживать -
Меж чужих могил да родной жене выкроить кровать.

…В раме января - крах календаря: день сороковин.
Опыт бытия: первым в пропасть - я! Маятник судьбин…

Умников орда сгинет к февралю. Дальше - только боль.
Слышишь? Навсегда: я тебя люблю! Ежли про любовь…

ДВОЙНИК

Бездарная попытка суицида -
В трёх литрах пива дьявол корвалола.
Севилья, замороченная Сцилла,
Харибду донимает: будь хоробра!

Здорова будь! - поддразнивают фавны.
Счастливый путь! - поддерживают трубы.
Комдивы, легендарны и коварны,
Горилку дуют в хате бабы Любы.

Кровавы карнавалы Корвалана.
Ковыльны переливы Оклахомы.
Иван-да-Марья, далее - нирвана.
Родные перелески незнакомы.

Сирень да Сирин - серия «Свирели».
Княжна Наталья корчится от боли.
Слова меж океанов отсырели.
Чужие параллели карамбольны.

Паскудная гримаса суицида -
Жирафит разжиревшая корова.
Ворона, беспилотная бацилла,
Державу пожирает в полвторого.

Зависнет над планидой полуфраза:
Бессильна пересыльная пластинка…
Загадочна заморская зараза! -
Радирует крылатый невидимка.

В полпятого и далее - по кругу! -
Полцарства воскресает до рассвета.
Верни неповторимую подругу,
Двойник осиротевшего поэта.

Вкушая прелесть свежей ежевики,
Цени секунды, посланные свыше…
Посланник Зазеркального Владыки,
О жизни и любви - как можно тише.

ГОЛОС

Циничен чёрт: мальчонка для битья
Девчонку запугает Хиросимой…
Когда чей срок? Кому грозит кутья?
Кого пытать судьбой невыносимой?

Но каждую травинку жития
И каждую пылинку бытия
Пронзает луч звезды неугасимой…

Беспечен Бог: печальная ладья
Мерцает купиной неопалимой…
Отчалишь ты - от боли взвою я,
Горбатясь под бедой неодолимой!

Но каждую песчинку жития
И каждую былинку бытия
Спасает голос Женщины любимой…

2016, 23 ноября - 2017, 23 марта

Из цикла «ВГИК: 30 лет спустя.
Фотографии на память»

ЗОЛОТОЕ ОКНО (КИНО!) И НЕБО…

Москва - Ставрополь - Хайфа, 1986 - 2016

Александру Бизяку

Золотое руно (вино!) и парус - без чёрных дыр.
Ворожит Гомер - ворошит размер золотой клюкой.
Во чужих мирах, на чужих пирах приуныл Кумир.
Велемир мудрит, воскрешая ритм золотой строкой.

Грянет - опаньки! - Лель на облаке: «Ой, мороз, мороз…»
Для чего тебе в золотой избе подъелдык такой?
Через тыщу лет получи ответ на простой вопрос
И похмельный стыд у родных ракит рифмой успокой.

Золотое кольцо (крыльцо!) и невод - без чёрных дыр.
«Звёзды ярче! - судачит Старче. - Бог огня - Уренгой?»
Наказуя вину, оглянись на Луну, кирасир:
Прожигает зрачки войнушка злой монгольской иглой.

Аргонавт - Астронавту: «Горек аллегорий отвар?!» -
«Траекторий обман и эпохи дурман золотой…»
Боди-арт? По запарке каркни: «Буду рад - будуар!»
Психиатр опечален: «В чакре чую зуд запятой…»

Золотое окно (кино!) и небо - без чёрных дыр!
«Звёзды чётче? - рокочет Отче. - Зов Изольды святой».
Карлик Белый пунктирит смело марсианский трактир:
Астронавт, Космонавт и - третьим! - Аргонавт* завитой…

ОСВИСТАННЫЙ АЛЬТИСТ

Москва - Ростов-на-Дону - Ставрополь - Киев, 1986 - 2016

Людмиле Квасовой

- В среде дворян и… *футурян* синематограф - дуэлянт!
- В стране рабочих и крестьян кинематограф - симулянт!..
- Чеканны формулы кассандр: «Кино - дурдом!» - «Кино - детсад!»
- Сценарий киснет в кабаках? - Данилов виснет в облаках.

Банкет. Дипломники. Альтист…
Общага ВГИКа. Крыша. Твист!

- Кино - особый случай, брат: Марсель! Массовка. Маскарад…
- Герой в запое… «Стрижамент»… - Виновен Лёлик-ассистент?
- Кино - убойный препарат: осатаневший цензор рад
Живую сцену поиметь… - Согнув трагедию в комедь!..

Бештау. Красный дельтаплан.
Альтист - посланник *будетлян*…

- Кино - лукавый случай, брат: в провале автор виноват -
Провинциальный сценарист, трансцендентальный пофигист!
- Хреново всё? - Виновен всяк харизматический босяк!
- Проект спасает режиссёр, орущий с гор: «Егор, мотор!»

Массандра? Сергиев посад?
Чудит мосфильмовский десант…

- Привет, поэт! - Уже - сто зим… - Ещё сто лет… - Сообразим?!
- Кому продал студийный тролль тобой придуманную роль?..
- Артист - профан, Альтист - шаман… - И каждый третий - наркоман!
- В Сети бесчинствует пират… - Кино - несчастный случай, брат!..

---

* вариант: Исаак завитой.

Бесстыжий бес, беспечный враль
Вениционит фестиваль…

- Над Лидо - стайки голубят… - Кому фанфары протрубят?
- Морзянка роз. Сюрпляс актрис. - Вторичен приз. Первичен твист!
- Кино - чудесный случай, брат! - Сестрёнка, фотоаппарат…
- Премьерный фильм - из-за кулис? - На бис! - «Освистанный Альтист»…

У КАМИНА…

Ставрополь - Москва, «Известия», 2001, апрель

Эльдару Рязанову

Разини Рязани и Сызрани,
Разите старьё телевизоров!
Прощайте, вампиры и бестии, -
Кумиры каминят в «Известиях».
Рабле отдыхает…
Осанна Вам,
Рязанов Эльдар Александрович!

1986, июнь - 2016, июнь

Из цикла «Актёр и поэт»

Александру Жукову

ПОЛНОЛУНИЕ

…в том-то и сила, брат,
чтобы, выпивая на сцене,
закусывать дома, сказал актёр поэту.

…сравни две фразы, лицедей:
считаю по склад*а*м - читаю по складам.
считая по скл*а*дам, готовлюсь к парадам!

читая по склад*а*м, сражаю милых дам:
умён не по годам - гуд бай, портвейн агдам…

поэт отмолчался, опасаясь ополоуметь:
полнолуние лопнуло - ноль луны
стремительно похудел.

…сравни два слова: полнолуние - полоумие.

АНГЕЛЬСКАЯ ПРАВДА

полупоза полуправды. -
услышав афоризм поэта,
актёр воскликнул: ты - гений, брат!

поменяй слова местами
и смело шагай в театр, помня:
полуправда полупозы - бич сцены.

вечный вопрос: в чём сила правды?
(неужели в правде силы?
или-или-или: в бессилии лжи?!)

встречный пустячный (?) вопрос -
отвечай, резонёр, без суфлёра:
чем комсомольская пра…
побеждает
правду смоленскую, вятско-полянскую,
нижегородскую пра… и другие?

поговаривают, *правдивых* газет
только в России - пять сотен (с гаком)…

клятые Штаты давно переплюнули
нас по количеству правд, ё-моё…

правда, народ, атакуя рунеты,
истину ищет ВКонтакте бестактно,
правду Фейсбука… и прочие правды!

вспомнил о голой, дурацкой, собачьей,
свадебной, певчей, колбасной… тем паче -
чёрной, колючей, ишачьей - без сдачи!..

Мэри Луиз (по фамилии Стрип) -
дьявольски точная правда о «Prada».

(мастер острит, маскируя гастрит?..)
ангельской правды хотелось… порадуй!

О ЧЁМ МОЛЧИТ ИНДУС?!

…ни звука, ни ползвука, ни слова, ни полслова
о самом важном чувстве из всех возможных чувств...
освистана наука? бессилен Казанова?
о, *Господи Исусе*, о чём молчит индус?!

расстроили гитару аккорды клавесина…
шекспировские страсти… единственный сонет…
радируй Ренуару: *бесчинствует бесина*!
подружку угораздит стать лучшей из планет!

рыдания шарманки божественно банальны.
прекрасны - до абсурда! - рассветы грешных глаз.
скандальны итальянки? славянки идеальны?
рассудит Камасутра - *и в профиль, и анфас.*

ни звука, ни ползвука? - хотя бы четверть часа.
ни слова, ни полслова? а ты - опять про баб!
рождённому агукать - планида причащаться:
здесь - мама, там - корова, а сердце - ниже лба.

о рыцарях и дале - о всемогущем Боге…
(блефуют и бликуют огни библиотек).
детально - о Дедале? спирально - о пироге?
и только ни в какую - *о прелестях утех*…

юродствуя охально, актёр бубнил поэту,
поэт шпынял актёра (без одержимых муз):
рифмуешь театрально… *полцарства - за карету*?!
с*е*ньор для Помидора!.. синьор! а ты - зулус.

…ни звука, ни полслова, ни слова, ни ползвука -
о самом светлом чувстве, способном окрылять.
причина - как основа? основа - как порука?
записка Заратустре: *Любовь - невероять*!

2011-2016

ИЗДАЛЕКА ДОЛГО ТЕЧЁТ РЕКА КОНГО...

(глава из фантастического романа «Дети Кроноса»)

Все может ослабить время, но не мою печаль.
Овидий

Шел Шива по шоссе… Я отчаянно не хотел сюда возвращаться. Тошнило при одном упоминании о Старом поле. Я уверен, что это послевкусие преследовало всех, кому удалось выбраться оттуда. Отсюда. Я уже вошел в это пространство, в эту зону, на эту арену.

У меня в руках старенький, но еще рабочий, карманный планшетник с навигатором. Он вполне устойчиво держит каналы федеральной связи и работает как обычный мобильный телефон. Имеет встроенный счетчик радиации и фонового излучения. Обновляющийся навигатор с неплохим увеличением.

И что же меня заставило бросить всё и пойти в сей дальний, тревожный и местами опасный путь? Деньги? Да, деньги тоже. Не очень большие деньги, но относительно не малые. Мне хватит. Во всяком случае, я так думаю. Идея… Иде я нахожусь? На планшете читается граница между районами.

А вот и моя точка, белая. А на всех других планшетниках я буду светиться нейтральной желтой точкой. Никто, просто так, прохожий... Пока работает мой псевдочип. Чип, чип, чип, чип и Дейл! К вам спешат.

Есть еще одна задачка, есть еще одно небольшое дельце, но об этом позже. Она вне плана, но если меня занесло сюда волею судеб, то нельзя упускать этой возможности.

- Дяденька, не угостите папироской? - слышу чей-то детский голосок.

Не оборачиваюсь. Это, скорее всего, приманка или провокация. Боковым зрением вижу, что ребенок один, и в обозримом пространстве - никого. Можно медленно повернуться.

Ребенку навскидку лет десять. Короткие рыжие волосы, рубашка в клетку, джинсовый комбинезон и

слишком большие ботинки. Причем разные, и оба - на правую ногу. Чем же угостить этого Гавроша? Предложить могу только глюкозу с витамином С.

Протягиваю ему две таблетки глюкозы.

- О, колеса! Мазачипа! Первитин? - обрадованно восклицает ребенок.

Ага, первитин, как же. Спешу уйти, но настырный ребятенок не отстает.

- А покушать есть чо?.. - жалобно ноет рыжеволосый, и я останавливаюсь.

Нужно что-то дать ему, не отстанет ведь.

- Черт с тобой, уговорил, - я иду к останкам фонтана.

Мазачипа плетется за мной, и ботинки ему явно мешают.

Пришли. Здесь когда-то был фонтанчик, где каменная девочка капала на мозги каменному мальчику из каменного кувшинчика. Идиллия. Сейчас здесь ни фонтанчика, ни девочки, ни мозгов. Частично сохранились две бетонные рыбы, кое-где на их бетонных тушках видны остатки бронзовой краски.

Дал ему сухарь. Не Бог весть какое угощение, но Мазачипа и этому подарку обрадовался до безумия. Еда поглотила его целиком. Или наоборот - он поглощал свою еду?

- А где твои родные? - спрашиваю, не особо надеясь на правдивый ответ.

- А убили всех… - нахлебник перестал грызть сухарь и секунд пять сидел неподвижно, пустыми глазами глядя прямо перед собой. Затем снова захрустел, удерживая снедь по-беличьи, двумя лапками.

- Зачем тебе папиросы? Ты куришь? - спрашиваю просто так, все равно нужно как-то убить время до вечера. А потом рано утром, часа в четыре, надо подрываться и шлепать в намеченный район.

- Нет, старшие курят, - он снимает с ноги ботинок и удрученно смотрит на него. - Может быть, нужно интересное видео? Стакан сахара за час. Или стакан муки. Я могу обувачку взять, у меня обувачки нет… Есть куда флэшку вставить?

Рыжеволосый Мазачипа спрыгивает с бетонной лавки и показывает мне несколько исцарапанных флэш-карт. Я с минуту рассматриваю этого беспризорника, очень внимательно. Нет, этот примат не подойдет для моего дела, никак. Даже в качестве приманки не пойдет. Туповат, нагловат и неуправляем. Алкогольное потомство, отбросы.

- Иди к черту отсюда! - и я легким пинком отправляю своего нового, но абсолютно бесполезного знакомца в юго-западное направление.

Кто из него вырастет? Бандит, кто же еще. Но сейчас убить его рука не поднимается. Вот вырастет, тогда - в один момент. Больше я пока ничего не знаю. Информация по реализации моего задания поступает небольшими, точно дозированными порциями. Наверное, упреждают утечку. Правильно, так надежнеё.

Вот и добрался я до Старого поля. Поле чудес в стране дураков. Дураков тут немало, да и всякого отребья хватает. Назову только самые влиятельные группировки - фураги, хипсы и мажоры. Есть еще пуперы. Или рэперы?..

Небольшой инструктаж, всё по плану. Это территория лепреконов, отверженных. Поначалу их расселяли в интернаты, потом в общежития, затем они заняли целые микрорайоны. Но об этом не знает только ленивый. Но кроме лепреконов, здесь водятся и фураги.

Фураги - самые опасные, самые отмороженные. Твари, одним словом. Остатки блатного мира, уцелевшие воры в законе и авторитеты. У них соблюдаются кое-какие обычаи, фураги до сих пор придерживаются определенных понятий, в этой среде сохраняется особый, блатной жаргон. Отличительный признак - небрежные татуировки на пальцах, ключицах и коленях. Носят простую одежду, без выкрутасов и обязательно - широкую драповую кепку. «Фурага» или «фура». Кто лидер - не знаю, известно только погоняло - «Крест».

На втором месте по влиянию - хипсы, местные лепреконы. Они попроще. Это относительно малоопасное сборище бездельников и попрошаек. Как правило - наркоманы или алкоголики. Спиртное и наркотики хипсы покупают у серых, или обменивают на сексуальные утехи. Хипсы любят полуспортивную и яркую одежду, обязательно - с надписями на иностранном языке. Хотя какая там одежда, одна рванина кругом… Хипсы красят волосы и ногти, носят бижутерию, слушают музыку. Вот именно эта самая музыка - основная причина межгрупповых конфликтов. Фураги слушают только блатняк, то есть - шансон, а хипсы - что-нибудь иностранное.

Серые - особая статья. Они привозят еду. Они контролируют всё. И самое смешное - их никто не видел, а утверждают, что под ними ходят и хипсы, и фураги. Кто такие серые - никому неизвестно.

А я же, на языке фурапетов, - волчара. Одиночка, без крыши.

Рыжий Мазачипа исчез, то есть окончательно скрылся из поля зрения. А я все сижу, размышляю… Почему я его так окрестил? Мазачипа - это новое слово. Раньше было просто - маза. То есть - клево. Кайф, в общем.

Биочипы испортили речь, замусорили эстетику телефонной культуры и СМС-сообщений. Вот как раньше было:

«Есть чо?» - «А чо?» - «Ну чо, типа?» - «Типа чо?» - «Ни чо, на!» - «Ну и все, на...»

Грамотно, культурно, красиво, музыкально.

А сейчас:

«Есть чипа?» - «Чипа чо?» - «Чипа маза!» - «Мазачипа!»

Хрен поймешь. Ни эстетики, ни гармонии, ни внутренней культуры. Вырождение, одним словом. Ну, чипа - деградация. Дебилы, чипа, что еще сказать.

Даже пожалел, что скормил ему этот несчастный сухарь. Зря потратил калории. Никакой пользы от этого действия. Собака, чипа, была бы гораз-

до полезней. Но местные собаки одичали и, частично, чипа, мутировали, так что лучше держаться от этих собакоидов, чипа, подальше. Вот же прицепился этот словесный паразит!

По инструкции моя главная цель - секретная информация архива института. Что за институт - бес его знает, что за информация - разговор особый. Мне запрещено с ней знакомиться. Необходимо сразу уничтожить. Вот интересно, а как я тогда узнаю, что я нашел именно то, что нужно?! Причем мне обещали широкую научную подоплеку, мой отчет о проделанной работе будет номинирован на Нобелевскую премию. О как! Ничего себе масштабы, да? Мне, понятное дело, в это не верится и на ноль целых, хрен десятых процента. Да и зачем? Зачем мне эта мирская слава? Неужели кто-нибудь когда-нибудь будет этим всем интересоваться? И на стене моего дома, где я прожил двенадцать лет, будет подвешена чугунная мемориальная доска с моим медальным профилем с героическим прищуром? Или памятник на площади, чтобы голуби срали на голову? Ничего этого не будет, и слава Богу.

Город пустой.

«Я был вчера в огромном городе, где совершенно нет людей. И в каждом доме вместо окон я видел только зеркала…»

Откуда эти строки?

Из-за угла появляется высокий, тощий, оборванный субъект. Длинные волосы скрывают лицо. Одежда на нем рваная и яркая, как у Арлекина.

Машинально принимаю выжидательную позицию. Пока ничего опасного. Незнакомец глядит куда-то в сторону, потом медленно поворачивается ко мне. Лицо его раскрашено вертикально пополам в черные и белый цвета, губы карминового цвета.

Фрик. Радикальное направление хипсов. Это все, что я про них знаю. Хруст щебня, скрип песка, кто-то крадется справа. На свет божий из руин появляются еще двое фриков, только ростом пониже. Те же клоунские балахоны и контрастный макияж.

- Надо платить пошлину, - говорит долговязый.

Эта фраза проясняет ситуацию.

- Я платить не буду, - отвечаю твердо и уверенно.

- Да?.. - уныло тянет мой собеседник и чешет затылок. Его спутники, как по команде, тяжело вздыхают и начинают рыться в карманах.

- Тогда купи чипа-нибудь…

У невысокого фрика высокий голос.

Девушка? Может быть, но у фриков не принято называть друг друга по половым признакам.

Я вижу у нее на руке несколько шнурков с какими-то подвесками.

- Это что?

- Пропуск, - отвечает третий фрик, безразлично глядя себе под ноги.

Ладно, хрен с вами. Распечатываю пачку армейских галет, выбираю одну и ломаю пополам. Торжественно кладу в ладошку девушки половин-

ку этого самого дешевого печенья. И для девушки-простушки есть полушка печенюшки.

К моему удивлению, фрики даже приосанились от такой щедрости. Царский подарок!

Я приобрел пробитую монетку достоинством в пять «копійок» на кожаном шнурке. Ладно, ресурсы мои не слишком растрачены, и с группировкой фриков я почти знаком.

«…И для лакея-дуралея есть ливрея…». Как много мусора в моей голове! Свадьба Кретинского? Или Касперского?

С этим сувениром иду вниз по проспекту Карла Маркса. Неужели Маркс бывал в Ставрополе?! Наверное, все же бывал, если по правую руку красуется его бетонный бюст. Немного поодаль - кариатиды что-то подпирают, какой-то балкон. Вот именно здесь, под ногами кариатид, и проводились показательные казни. Никаких ужасов, людей не вешали на фонарях, что вы! Все по правилам, цивилизованно, строй солдат с винтовками, как на параде. И пресса, телевидение, вести с мест расстрелов. Что-то я становлюсь сентиментальным.

Забираюсь под развалины, ищу сухое место в подвалах. Крысы повсюду… И что они жрут? Надо поесть и поспать, чтобы утром выйти свежим и бодрым.

Когда-то, еще до войны, я по утрам пил кофе. В лучшее время - африканский, в зернах, «Конго», в ручной кофемолке крутил, потом в мельхиоровой «турке» варил и пил его из красивой кружечки.

Со сливками и сахаром. Или, на скорую руку, растворимый кофе. Из банки или пакетика. А сейчас даже такой радости нет и найти негде.

Кофеин, а также все его производные запрещены. Постановлением Правительства от 24 сентября 2031 года. Поэтому кофе раздобыть практически невозможно. А все энергетики, запрещенные еще в 2028 году, вообще на вес золота. Так что спать, спать, спать!

Сооружаю из обломков мебели подобие лежанки и уставляюсь очами в серый, весь в трещинах и разводах, креативный такой потолок в стиле готика.

Готы идеализируют смерть. Еще в подростковом возрасте меня начала преследовать мысль, что я когда-нибудь умру. Я считал, вот мне сейчас четырнадцать лет, потом будет двадцать. Потом тридцать, и так далее… И отдаленность столетнего финала немного меня успокаивала. Но каждый вечер вгонял меня в депрессию, почти в мучительное отчаянье, я страшно переживал, что еще один день приблизил меня к неминуемой, неотвратимой смерти. Потом этот кошмар исчез, растворился сам собой.

Слышу - рядом кто-то скребется. И не просто скребется, а упорно лезет ко мне, разбрасывая обломки. Крыса?! Мне это снится, или?..

Ко мне бросается огромная черная туша. Волна горячего дыхания, удар адреналина. Я взлетаю, как мне показалось, метра на два, но животное все же успело дотянуться до моего горла и…

Страстно вылизало мне щеки и нос.

- Люська, фу! - слышу чей-то низкий голос.

Из темноты появляется свет налобного фонаря. Руки мои дрожат, лицо мокрое. Я пытаюсь отыскать свой фонарик, но чертова собака назойливо тычется мне в руки своим холодным носом.

- Ты живой? - слышу этот же баритон, но лица не вижу. Свет его налобника бьет прямо в глаза.

Кто же это интересуется моей персоной? Ладно, зажгу свою драгоценную керосиновую лампу. Керосин нынче дорог…

Наконец спичка дотянулась до фитиля, и пламя раздвинуло темноту до границ пещеры. Подвала, то есть. Запах керосина, запах псины, прерванный сон - все смешалось в доме Облонских, и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

- Кто такой? - слышу из-за границы светового круга твердый, командный голос.

Неужели патруль? Я протягиваю в направлении голоса свой штрих-код на запястье левой руки, кто-то быстро сканирует его браслетом.

Собака суетится рядом, явственно интересуясь содержимым моего рюкзака. Из темноты проявился высокий, коренастый субъект в стандартной униформе.

- Новости есть? - устало произнес субъект, основательно усаживаясь на ближайшую лежанку.

- Да особо никаких новостей.

- Меня зовут Твистер. Ты вообще-то в мою берлогу пришел…Я тут третий год живу.

- Да? Ну извини, не знал… А ничего так себе берлога, уютненько. Я утром уйду. Ты спасатель?

Твистер вздохнул и провел рукой по лбу, как бы приглаживая волосы.

- Я стервятник. Падаль собираю, чипы дезактивирую, а трупы закапываю. За каждый мертвый чип копейка на счет капает.

- А на продажу чипы есть?

Возникла напряженная пауза.

Правая рука его едва заметно, но явственно дернулась. И тут же он принял какое-то решение, мышцы на тыльной стороне его ладони расслабились и вены опали. Я тоже убрал руку с рукояти пистолета.

- Ты чипендос? - наконец спросил патрульный, потирая подбородок.

Странное и смешное слово, да? Чипендос…

Это не смешно, господа. Это страшно. Так звучит закон о всеобщей, тотальной чипизации. То же название носит глобальная, федеральная программа по вживлению биочипов - «Chip and DOS». Мы пережили очереди в поликлиники за бесплатными чипами, как за водкой в 80-е годы прошлого столетия. А потом в нашу страну завезли оборудование для новорожденных, и очереди выросли вдвое. Пожизненный биочип че-

рез родничок под гипофиз, второй в сердце и еще один - в основание малого таза.

Вернемся в берлогу стервятника Твистера. Собака Люська оставила в покое мой рюкзак и улеглась в ногах у своего хозяина.

- Нет… - отвечаю на вопрос патрульного о наличии в моем теле действующих биочипов.

- Фантомас? - голос патрульного немного охрип.

Вот так… Оказывается, меня ещё здесь помнят.

- Да, я ненадолго вернулся в ваши края.

Твистер откинулся назад и сцепил руки на затылке. Так он просидел, не двигаясь, почти минуту. Затем он опустил голову и занялся своим браслетом. Думаю, что он стирал из своего архива мои данные, от греха подальше.

Скрестив руки на груди, он минуты три молча смотрел куда-то в стену, потом выудил из нагрудного кармана два прозрачных пакетика.

- Только два осталось…

Я принимаю эти пакеты, вглядываюсь в них на просвет. Да, похожи на настоящие. Вот чип, вот его синапсы, вот батарейка. Все на месте.

- Давай, активируй, - с этими словами я приготовил свой навигатор. - Если чипсы живые, оба заберу.

На экране засветились два новых сигнала. Устойчивые, желтые точки. Без помех, без особенностей. Мы посидели для порядка минут пять - ничего не изменилось. Отлично, выключаю эту хрень и прячу в секретный кармашек. Теперь в моем арсенале еще два псевдочипа. Два чипса. Обычный чип - он чип и есть. Чип-чип-чип-чип и Дейл… К вам спешат. Чип-чип-чип-чип и Дейл… Лучше всех! А псевдочипы, искусственные жучки-светлячки вне живого тела носят гордое имя «чипсы».

Мы обменялись номерами. Теперь мистер Твистер в адресной книге в разделе - «вербовка». Отправил в центр информацию об этом факте, центр перевел на счет Твистера два миллиона фертингов. Мистер Твистер - миллионер. Скажете - не до хрена ли? Нет, все в пределах нормы. Даже недорого, если разобраться.

В трупе биочип живет недолго - секунд тридцать. За это время надо расколоть череп трупа, разрезать мозолистое тело, выудить из-под гипофиза микроскопическую, с горчичное зерно, штуковину, подсоединить волоски синапсов к жилкам батарейки и не перепутать полярность.

Батарейка не простая, живая, из специального клеточного материала, такую «таблетку» в магазине не купишь.

Биочип из сердца достать проще, но сердечные чипы дешевые, потому что - без паспорта. А крестцовые биочипы достать даже в морге сложно, поэтому их в обороте просто нет. Статья за незаконный оборот биочипов - до высшей меры. А чаще - ликвидация на месте, без суда.

Вот и ночь прошла. Выхожу из берлоги с волшебным чувством вдохновения, лечу, как на крыльях.

Предстояние, предчувствие…

Однако странное это состояние - предчувствие. Словесный и неосмысленный мусор в моей голове для меня привычен и не вызывает особых неудобств. Я к нему привык. Так не замечают уличного шума городские жители, так привыкают к стуку вагонных колес.

По утрам я всегда думаю о Лилит. Привычка, выработанная годами. Наш роман возник очень быстро, подобно взрыву, без всякой обычной, традиционной подготовки, без свиданий, цветов, букетов, конфетов… То есть - без конфет и букет. Тьфу ты, и утро какое-то суматошное, надо отформатировать мышление, не проснулся я еще.

Сегодня я не видел Лилит во сне. Лилит? На самом деле женщину, о которой я так часто вспоминаю, зовут Хельга Маевская. А Лилит - это первая женщина. Не Ева, а та самая, первая. Изначальная. Поэтому - Лилит.

Я видела Версаль во сне… А гильотину - наяву.

Мои сны бывают разные, но в них я все же заметил некоторую систему. Кроме мыслей о Хельге, у меня существует много привычек, например - систематизация всего, что поддается систематизации. Так вот, чаще всего мне снится, что я гуляю по городу. Это первая группа снов, я их так и называю - город Z.

Город обычный, ничего сказочного, стандартная планировка - административный центр, площадь и все, что положено городу, - магазины, школа, разные дома. Только в этом городе я могу летать. Усилием воли отрываюсь от поверхности земли, застываю в вязкой, как студень, субстанции и могу скользить по ней, почти летать. Это бывает по-разному, иногда полеты управляемы, я меняю направление сознательно, а иногда - меня носит куда попало, и мне это совсем не нравится.

Расположение улиц этого города тоже не меняется. Главная, она же самая длинная, улица в центре уставлена магазинами. Асфальт, каменная плитка. К периферии - частные дома, сады. Вместо асфальта - песок. Желтый, чистый песок. Во время дождя он становится серым. Или это не сон? Уже и не знаю.

Я иногда записываю сны как источник информации. Механизм появления, как и их достоверность, мне неизвестны, но сновидения подтверждались, и с высокой степенью точности. Я просыпался с явным чувством, что видел пророчество. Просыпался иногда со страхом, иногда - со смехом. Когда же сновидение сбывалось - страх нарастал, а смех исчезал.

Полеты во сне требовали определенного усилия воли. Я принимал нужную позицию и плавно отрывался от опоры. С набором высоты возникало чувство страха и неуверенности, а это грозило падением. Самое сложное - это полеты над городом, длительные, рискованные полеты и на приличной высоте. Такое случалось редко, и чаще всего - в далеком детстве.

Хотя мне предстоит и не далекий путь, не стоит забывать о грозящей отовсюду опасности. Никаких звуков из планшета не доносилось, надо понимать, что рядом пока никого. Из чипированных - никого. Кро-

ме цивилизованных людей, здесь хватало разного отребья, поэтому я иду быстро и очень осторожно, прислушиваясь и присматриваясь к каждому подозрительному моменту на моем пути. Оружие наизготовку, ушки на макушке.

Наблюдаю на стене десятиэтажки какие-то надписи. Для меня - ничего не значащие каракули, а для местных жителей - это предупреждающие или направляющие знаки, указатели. Надо быть осторожнее и не приближаться к этим надписям, обходим их стороной.

А ведь они тоже люди, местные жители, все они тоже - дети Адама.

Каин и Авель. На мой взгляд, простая и поучительная картина. Два брата решили пообедать. Землепашец испек хлеба, скотовод зарезал ягненка. Я так понимаю, принимать пищу в то мистическое время без участия Бога было запретно, поэтому любую пищу делили с Богом, как и сейчас это делают кришнаиты. Они всегда перед едой предлагают своему Богу Кришне отобедать с ними, а поскольку тот не появляется на зов, приступают к трапезе без не…

Треск и скрип под ногами, я замираю и внимательно вглядываюсь, что там скрипнуло такое?.. Всего лишь кусок бутылочного стекла. Не отвлекаемся, идем дальше.

Без него. Ну, раз он не пришел на обед, хоть его и звали. Каин наблюдает, что его брат Авель зарезал живое существо ради пищи. А хлебные поля рядом, пшеница в изобилии, ты же мог скушать хлеб, зачем ты убил его, брат? А брат Авель не слышит, он упивается видом крови, он поджаривает ягненка и приносит жертву своему Богу. Ты какому Богу молишься, брат мой?

Вот и думаю, почему Каин убил Авеля… Правильно ли мы понимаем эту историю про детей Адама? Плод или плоть - пища человека?

Кришнаиты - вегетарианцы. На своих семинарах едят только от плодов земных, ничего мясного. Один бомжара из моих знакомых крепко привязался к кришнаитам, но его влекло не постижение Кришны, не тянуло в нирвану, не читалась ему Бхага… вата… Гита или Зита? Черт, не помню!

Бомжа интересовал только процесс еды, он вкушал, уписывал, поглощал эту кришнаитскую снедь с жадностию великой, не корысти ради, а токмо сытости своея, полноты желудочной для. Его не прогоняли, желтого рису и сладкой кукурузы всегда навалом, полные тазы, кришнаиты своей еды для убогого не жалели.

А мне кришнаиты всегда казались дурачками, недавно сбежавшими из психушки. Тихие, смирные дурачки, улыбчивые девушки, пляшущие человечки. А ведь потомки Каина, выходит. И убьют, как предок их, Каин, если против их воли что-то скажешь или, харе Кришна, сделаешь. Читайте Библию, господа, многое понимать станете.

Харе Кришна, харе Рама, ты за что любишь Ивана? Я за то люблю Ивана, что в головушке пураны, его карма кучерява… Карма вьется до лица, оум падме гоп-цаца…

Однако, эвон куда меня занесло. Мне приснилось небо Мадурай… В нем приснился долгий падме хум…

Когда же меня обеспечат напарником? Обещали уже вот-вот, на днях. В одиночку не то чтобы слишком сложно, в одиночку - скучно. Хотя бывали и такие спутники, что лучше бы и без них.

Среди развалин, среди выброшенных всяческих бытовых пожиток вижу обгоревшую куклу. Небольшую, с ладонь. Поднимаю свою находку, вижу, что в основном кукла уцелела, только лицом малость съежилась от высокой температуры и как будто гримасничает, сожалеет о чем-то своем, и за ней тянется тонкая блестящая нить…

Меня почти полностью засыпало мелкой щебенкой, каменная пыль забила ноздри, голова болит, и уши заложило. Идиот, знал же, что серые минируют все подряд, что категорически нельзя брать ничего привлекательного. Выкапываясь из-под завала, уже сознательно переживаю, как отбросил злосчастную куколку и прыгнул подальше от своей находки.

Да, кукла… Мой детский кошмар. Огромная черная кукла, которая скрывается в темной комнате. Я её придумал сам.

Сижу на камушке, отдыхаю, чихаю, выбиваю пыль из верхних дыхательных путей.

Что-то изменилось. Какая-то тень мелькнула рядом. Послышалось - кхак, кхак… Тихо так, будто спрашивает что-то. Потом уже громче, с угрозой - кхак! Кхак! И опять - ничего, я даже тени не заметил. Оно исчезло, растворилось в оседающем пыльном облаке.

А впереди, прямо по курсу, чугунная канализационная решетка. И я почти реально вижу - под решеткой сидит белолицый клоун в рыжем парике, с подведенными глазами и с острыми зубами.

- Они летают! Они летают! - слышится из-под земли. Видать, крепко меня контузило, если чудятся всякие страшилки.

Оно. Оно не исчезло, оно рядом, идет рядом. Я его не вижу, но я его чувствую. Оно не уходит, его привлекает запах. Мощная порция адреналина поступила в мою кровь, и этот запах выдает меня с головой. Страх, этот предательский страх невозможно изжить, он неизбежен.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ТЕМЕ

Всё сквозь себя пропуская -
Прочувствовать изнутри
И всем рассказать: я - такая,
А ты - такой, посмотри.

И оголёнными нервами
Чужую транслировать боль -
Господи! Я не первая,
Кто одаряем тобой!

Поэты - заложники сердца
И проводники страстей.
Около них погреться -
Не соберёшь костей!

В пламенное безумье заката
Стремительно ты ворвись -
Этого дня утратой
Не прекратится жизнь.

Все живые потери
Можно перетерпеть, -
Но растворились двери,
Несущие страх и смерть.

Не загородишь собою,
Руками не убережёшь…
Оборванною листвою
Души летят под дождь.

***

Степь всегда называют рыжей.
Я б назвала её лиловой -
Ранним утром под чашей Неба,
Опрокинутой над Землёю.

Пахнет степь чабрецом, полынью,
Горьковатым тревожным дымом,
Чуть усталой дорожной пылью
На пути неспешно-унылом.

В горизонт уносит дорога
След колёс, что по ней катились...
И пустынно, и одиноко,
И надежды мои не сбылись...

КЛУБ ЗНАКОМСТВ

Одинокая и злая,
застывшая
на заледенелой планете.
Ожесточённо сражается
с делами и соседями,
никого не любит
никого не ждёт
и никогда не спешит с работы.
Её замкнутость -
мгла,
приносящая лишь тишину,
до шума в ушах.
Отчуждённость
стеклянной стеной
между ней и людьми.
Неуверенно мне говорит:
“Когда-нибудь всё окупится” -
Но не верит,
что окупится
её жизнь.
Ведь часы и дни -
глыбы грязного льда -
крошатся,
и серые осколки мгновений
множатся
в мутных зеркалах.
Одиночество -
пёс, кусающий молча.
Как это бывает,
мне известно
до изнурения.
И женщина мне знакома
до мелочей.

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Ещё вчера колол ладошки,
Топорщился упругий снег;
А нынче - мягкий на дорожке -
Податлив, грустен, сер и пег.

Пахнуло чем-то позабытым
В окно открытое моё.
Звенит капель стеклом разбитым -
Поёт заветное своё…

Весна своей могучей грудью
Теснит завесу серых туч,
На синем окоёме люди
Заметили янтарный луч.

Зеленовато-серебристый
Растаял месяц в вышине;
Сверкают радостно и чисто
В домах окошки… В тишине

От золотящихся рассветов,
Зорь розовеющих - светло
Весна идёт! Мне рядом где-то
Летящий грач махнул крылом.

Из синевы мажорной нотой
Разнёсся звонкий голосок…
Не помешать Весны прилёту,
И не замедлить соков ход.

СВЕТ ЖИВОЙ

Прорвался через перевалы,
Труднейший спуск преодолел
Посланец юга - ветер шалый,
И снег на склонах потемнел,

Наполнил влагой благодатной
Плешинки с жухлою травой.
Пригрело солнце и набатно
С пригорков хлынул свет живой.

Здесь мать-и-мачеха пылает
Ярко-желтеющим огнём;
Ольха пушисто расцветает,
Склон хорошеет с каждым днём.

Развесил длинные серёжки
И шлейф коричневой пыльцы
Огромный ясень у дорожки,
Где по утрам поют скворцы.

***
В старом скворечнике
Дрозд суетится.
Снова в подснежниках
Сказочный лес.
Почки захлопали,
Силясь раскрыться.
Громко солирует
Первый скворец.

Вод околесица
Явственней, звонче! -
Это лепечет
Лесная весна:
Скороговорками
Струек и почек
Дружно спешит
Пробудиться от сна.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Небо мутно потускнело,
Солнцу дав дневной покой.
Как-то сразу потемнело,
Загремело за рекой.

Запах сырости нахлынул,
И раздался дробный звук,
Будто кто-то капли кинул,
Застучало: тук-тук-тук.

Гром ударил громко, зычно,
Ветер бросил травы в дрожь.
Неприметный и обычный,
Лился тёплый летний дождь.

БАБЬЕ ЛЕТО

Осенний лес хорош в парчовом одеянье,
Он золотом листвы чуть слышно шелестит.
Вдыхая листьев прель и видя увяданье
Желтеющих берёз, душа моя грустит.

Последние жуки снуют неторопливо,
Кузнечики в траве ещё концерт дают, -
Стрекочут, изогнув коленочки игриво.
Спускается с небес паук, как парашют.

Сеть паутин тонка, рвёт в клочья её ветер,
В холодной сини дня уносит в никуда.
Медовый запах дынь так близок с бабьим летом,
Но лето, отзвенев, исчезло без следа.

ЛИСТОПАД

Серебряные нити паутины
Запутались в мохнатой хвое елей,
В осинах, чуть поблекших в непогоду,
В сквозной листве, в светящейся в ней «гжели»,
В соцветьях пламенеющих настурций
И в золоте трепещущих берёз.

Кружась бесцельно над пустой поляной,
Над поздними осенними цветами,
С таинственностью скорбной неустанно
Ведут последние беседы с нами
Уже давно безжизненные листья.

Шуршит листва опавшая. Смятенно
Сквозь сумрачный туман Земля вздыхает.
Поспешно укорачивает тени
И низким светом пригревает Солнце.

В лесу оцепенелом недовольно,
Озябнув, ропщут голые деревья.
В багряных, жёлтых и лиловых пятнах
Закатные лучи горят, как свечи,
Дремотной недосказанностью сказки…

***
Зловещие тучи умчались куда-то,
Но бусинки капель дождя
Дрожат и сверкают на елях мохнатых
В лучах наступившего дня…

Багрянцем и охрой пометила осень
Деревьев зелёный наряд,
Умерила неба слепящую просинь,
Где горы Кавказа парят.

Берёз пожелтевшие гибкие ветки
Червонцами листьев шуршат.
Порывами ветра их, словно монетки,
Бросает, шутя, листопад.

В ЗИМНЕМ СКВЕРЕ

Трещали от стужи высокие ели,
Сухие снежинки скользили по льду;
Косматые комья сосулек звенели,
Срываясь от ветра, шурша на лету.

Во время жестоких январских морозов
Смерзаются стёкла, и свет фонарей
Сквозь инея колкие белые розы
Таинственно льётся на камни аллей.

Наскучило ветру сносить снег с дорожек,
Наваливать длинных сугробов ряды,
И он затаился… Но сердцем до дрожи
Шум яростной бури предчувствуешь ты…

НАСЛЕДНИК

(отрывок из рассказа)

Весна была на редкость холодной, ветреной и дождливой. После тепла февральских окон и резкого, многодневного потепления в конце марта, после которого природа проснулась и спешно начала менять свой наряд, наступили неожиданные промозглые холода. Погода была не предсказуемой: то летел снег, а то вдруг гремела гроза. И ливень с градом, словно наказывая природу за торопливость, сёк молодую листву и первоцвет. Ранняя листва и цветы на деревьях и кустах, словно оцепенев от холода, не спешили распускаться дальше и благоухать. Редкие пчёлы - разведчицы, замерзая в полёте, падали на стылую землю и замирали…Резкое и долгое похолодание, конечно же, не сулило ничего хорошего ни саду, ни поспешно засаженным рассадой грядкам огорода, ни газонам, ни клумбам… Это испытание было как напоминание нам, грешным, что какие мы непредсказуемые и безответственные, такая и погода…У Бога - всего много…Только надо заслужить, чтобы быть достойными наследниками Его даров.

…Великий Пост уже подходил к концу. Через неделю - Вербное воскресение, праздничное послабление поста, а после - Страстная неделя, венцом которой станет долгожданное Христово воскресение - Пасха - самый любимый, самый великий праздник праздников на Руси, особенно у селян.

...На площадке для сельского автобуса № 133 среди ожидающих пассажиров села Николаевского, возвышаясь над всеми своим почти двухметровым ростом, стоял широкоплечий, рослый, явно давно отслуживший в армии парень, который выглядел как спортсмен тяжеловес или борец. Даже короткая стрижка не помешала его вьющимся темно-каштановым волосам подчеркнуть белизну лица, что было удивительно для юга. Карие крупные глаза в обрамлении тёмных ресниц делали его лицо по-девичьи привлекательным. Но густые мужские брови вразлёт и лёгкая, как сейчас модно, щетина, подчёркивали мужественность парня…

Чемодан и спортивная сумка через плечо были явно новенькими и дорогими. Окружающие односельчане, не стесняясь, открыто разглядывали приезжего щёголя, даже не догадываясь, что он вовсе не чужак.

Молодёжь не знала его. Откуда им знать, если семь лет назад они были мелкотой, когда он уходил в армию… А потом вернулся на три дня и уехал на далёкую Колыму на заработки под опеку старшего брата на целых пять лет… В нем не сразу разглядели знакомые черты отца парня - покойного, всеми уважаемого колхозного кузнеца Ивана Кузнецова, умершего год назад вослед за своей женой Марией. Тоска их, горемычных, замучила. Ни сыновей рядом, ни внуков, колхоз развалился, кузница закрылась , никому не нужны… Думали, что Николай - наследник скрасит их старость, но не получилось…

Родители не смогли упросить его остаться. Даже Валюха - его первая любовь, что дождалась из армии, не удержала, так его манила мечта разбогатеть и приехать в село щёголем, при деньгах…

Пока Николай, отворачиваясь от порывов студеного ветра, стоял под прицелом любопытных взглядов, подъехал долгожданный автобус.

Молодёжь явно не намеревалась уступить ему место, особенно после того, как он, пристыдив двух подростков, усадил бабулек.

Не придумав ничего лучшего, Николай решил попросить у шофёра чистую холстину или картонку и, застелив её у входа, присесть на пол.

Взглянув за занавеску, отделявшую кресло водителя от салона, Николай даже присвистнул от удивления:

- Шурик, ты? Вот повезло! Я тут в твоём транспорте не знаю, как сложиться пополам. Решил вот на пол сесть, да брюки жалко. Дай, как соседу по парте, чего-нибудь застелить.

Шурка - его лучший друг детства расплылся в улыбке и, высунувшись из-за перегородки, радостно заорал:

- Привет, Колян! В гости или навсегда?

- Навсегда!

Пока автобус разворачивался на конечной остановке в центре, чтобы следовать в другое село, Николай успел договориться с другом, что оставит ему багаж и тот подвезёт чемодан и сумку к дому Николая после рейса.

Выйдя налегке из автобуса, Николай огляделся и решительно направился в сторону церкви…Подойдя ко входу в храм, он поднял голову и, перекрестившись на икону Николая Угодника, как учила мать, поклонился и открыл дверь.

Внутри храм был маленький, но очень светлый и уютный. Оглядевшись, он увидел молодую женщину в просторном, как любят носить будущие мамы, платье и вязаной безрукавке. Светловолосую голову покрывала лёгкая голубенькая косынка, повязанная назад. Приветливый голос и лучезарно открытый взгляд небесных глаз её напрочь исцелили смущение и робость Николая.

- Что вы хотели? Вам нужны свечи? Подадите записку о здравии и за упокой ? Диктуйте, я напишу. Батюшка сейчас выйдет из алтаря и поговорит с вами.

Когда они управились с записками, из алтаря вышел священник, удивительно молодой, спортивного вида мужчина, больше похожий по выправке на военного, и, приветливо улыбаясь, спросил :

- Вас как зовут?

- Николай.

- Я тоже Николай. Вы в гости или навсегда?

- Вернулся. Не могу: затосковал, душа рвётся домой.

- Это хорошо, что слушаете душу, а в ней голос Божий и Дух Его. Вы - наследник кузнеца?

- Сын, младший.

- Значит, наследник. Вы служили?

- Десантник.

- Слава Богу! Я тоже десантник.

- Хотите, я пойду с вами на кладбище, вместе помолимся, а матушка Ольга тут подежурит? Вдруг кому нужен буду, позвонит. Век прогресса…

- Нет, спасибо, я сам должен, сам, а потом, завтра, приду к вам…

- Хорошо, да поможет вам Бог!

...Через час, помня, что идёт Великий Пост, все сидели за большущим, быстро организованным соседкой чайным столом и планировали, как после Пасхи, по благословению батюшки, они будут сватать Валентину, а потом, после венчания, играть свадьбу. Николай смотрел на друзей и на невесту и думал: «И как я мог бросить такое наследство? Кто, как не я, должен восстановить кузницу, помочь построить для детишек воскресную школу, возродить славу огородничества села, привлекая опыт наших мудрых стариков и энергию заленившихся подростков?.. Кто, как ни мы, бывшие одноклассники, обязаны, должны расчистить и облагородить парк, засадить аллею славы, распахать и засеять брошенные поля, наше наследство? Можно вместе возродить утиную ферму, есть и речка, и озёра, и луга…

Ой! Что-то меня понесло, размечтался, горе-наследник! Если бы не Валюха, и дом не был бы в порядке, и сад, и огород, а главное - могилки родителей! Дал мне, дурню, Бог такое счастье, такую любовь, а я испугался потерять свободу, остаться здесь навсегда и помчался, сломя голову, за лёгкими, как думал, деньгами…

А сердце-то, душа, умнее всякого расчётливого ума, оказывается!».

Николай очнулся от своих мыслей и увидел, что вся шумная компания у калитки. Встал и пошёл провожать, как положено хозяину…

Когда все ушли, они с Валей сели на скамейку у ворот и стали уже не спеша, как и положено любящим людям, говорить о жизни. Поначалу Николай больше молчал и слушал, а Валя рассказывала:

- Как колхоз развалился, так и побежали все кто куда, как крысы с тонущего корабля. А кто их ждёт? Вернулись ни с чем. И такое началось в селе,

страшно вспомнить: технику всю растащили и раскурочили, а кто поумнее да понаглее, припрятали её до лучших времён.

Фермы, как после войны, разбомблённые и разграбленные, никому ничего не надо, анархия и беспредел, тоска…

Как начали пить, запоями, семьями всякую дрянь: денег-то нет…

Ой, Коля! Если бы Господь не послал нам на спасение батюшку Николая и его жену, матушку Ольгу, не знаю, чем бы всё и кончилось.

Начальство продало нас с потрохами арендаторам, незнамо откуда взявшимся, и забыли, что мы живые ещё и есть хотим. А тем наше село, с его прошлым и будущим, совсем не нужно…

Всё началось с восстановления церкви. Собрал батюшка всех молодых мужиков и стариков на совет и попросил, Христа ради, помочь ему, кто чем, в ремонте, но с условием не пить. Церковь восстановили, нужна колокольня, опять не пить, нужно свалки убрать, болота обезводить, но потрезвому… И так - дело за делом - и про пьянку думать некогда. Пока работали вместе, батюшка познакомился со всеми молодыми мужиками да парнями, и они узнали, что он - бывший десантник, а его жена - матушка - музыкант, художница, кукольница…

Потом привёз батюшка в село лектора по малому бизнесу: как в селе выжить, а потом и жить…

Кто птицей занялся, кто нутриями да кроликами, а кто - откормом скота…

А самые деловые - стали вместе организовывать фермерство на своих паях…Куда тут пить… Стали в письмах писать о возрождении тем кто, как и ты, сбежал от трудностей и от наследства, и потянулись назад, домой…

Вот тебе и молодой поп! Думали, толку от него, убежит, а он и не думает, так прижился. Как свой стал…

А матушка Ольга, просто чудо, для всех баб пример во всем. Детишки сельские в ней души не чают…

Вот будут у нас дети, дочку назовём Ольга, а сына - Николай!

- Ну это как выпадет по православному календарю!

Засмеялся Николай и спросил уже серьёзно:

- Ну что, после Радуницы жди сватов. И сразу свадьба, хватит мне людей смешить…Да и наследство надо принимать нам с тобой вдвоём…

Потом посоветуемся, как положено у нас, Кузнецовых… И так потратим деньги, что я заработал, чтобы наследство приумножилось и у нас, и у будущих детей.

- Неужели ты стал такой жадный и расчётливый?

- Да ты что, родная! Я имею в виду, что вложимся и в воскресную школу копейкой и трудом, и в восстановление парка, где я тебя впервые поцеловал, и во всё, что посоветует теперь наш с тобой духовник батюшка Николай.

- Сижу рядом с тобой, и не верится, что всё наяву. Услышал Бог мои молитвы…

Проводив невесту, парень присел на скамью у ворот и задумался.

Скоро рассвет его первого, после возвращения, дня. Что его ждёт?

С чего начинать хозяйствовать? Как стать истинным наследником, о котором мечтали его родители?

И родительский дом, в котором он провёл лучшие годы детства и юности, и сад, посаженный ещё дедом, и кузница ждали его хозяйских рук.

Как он мог так долго жить без этой красоты и раздолья, без родного его сердцу уголка, где каждая пядь родной земли ждала его сыновней любви и заботы?

Николай смотрел на просыпающееся родное село и впервые думал не только о себе, о своём кровном, но и обо всём селе.

«Я на далёкой земле искал золото, а оно здесь: золото пшеничных полей, золото неповторимого вкуса хлеба, золото виноградников и садов, золото куполов родного храма, серебро ковыля за околицей, серебро соловьиных трелей у окна… Я мог бы потерять это наследство, это богатство, которому нет цены!»

Парень вскочил на скамью, раскинул руки, и как в детстве, от беспричинной радости и счастья, закричал что есть мочи на всю просыпающуюся улицу: « Ого-го-го!!! Я вернулся!!! Я дома!!! Как хорошо!!!»

СТАНСЫ

***

Люблю озёр сокрытых тишь
и луж безмолвное мерцанье,
что отражают мирозданье,
когда, примчавшись на свиданье,
как в небо - под ноги глядишь.
Невыносимый летний зной...
И сам себя вдруг вспомню: молод!
И ты, любимая, со мной...
А вместе нам - что зной, что холод!
Мне дарит ночь один мотив -
не оторваться от стола:
в моих стихах опять лишь ты -
не убаюкивает мгла.
Прохлада сонной глубины,
где ни волненья, ни волны,
где только солнечные блики
да голубые стебли лилий, -
как чувства собственной вины
перед тобой, моею милой,
все мною признаны и силой
отстранены, отдалены...

***

Перекликается листва...
Ах, эта осень, эта осень!
Люблю тебя такую очень -
твои невнятные слова.
Но так понятные душе,
такой же стынущей уже.
Снега... Глубокие снега!
Заметена дорога.
К тебе иду - так в жизни долго
к твоей душе я шёл года...
Мгновенье лишь молю у Бога -
побыть с тобой...
И у порога -
молю тебя - остаться навсегда!

***

С желанной целью я живу,
и днём и ночью помню свято:
не вечен я и встану ль завтра?
И до утра поэтому пишу.

***

Да, возраст мой - осенняя пора.
Сегодня я не тот, что был вчера.
Но постоянен лишь в любви к тебе я,
как в дни весны - с утра и до утра.

***

Не зарастёт тропа -
как чья-то память будет,
Но - друг уйдёт,
а друга друг забудет...
Пусть раз придёт -
но что ей этот раз?!
Расти, трава!
Что память ваша, люди?
Трава всегда надёжней помнит нас!

***

Куда ушло всё - грёзы и мечты?
Как вдруг над нами небо раскололось!..
Как редко говоришь спокойно ты,
как часто вспоминаю этот голос!

***

Скорей бы встретиться с роднёй,
со ставропольской стороной,
под солнцем выжженной стернёй -
скорей бы!!!
Но посидишь хоть миг со мной -
и вновь откладываю рейсы.

***

Храню твой взгляд, твои слова,
твою походку и улыбку.
Они - мой дом!
Что мне молва?
Всё слышно в нём едва-едва...
Попробуй выманить улитку,
не повредив ей дом сперва...

***

С тобой разлуки не перенесу...
Лишь за тебя молюсь опять в грозу
и по ночам прислушиваюсь к лесу:
вдруг затерялась где-нибудь в лесу?

***

Ах, черноморская волна!
Она ни в чём не виновата...
Лишь укачала нас она.
И серебрился до заката
неторопливый след челна...
И не очнусь никак от сна!

***

Какие милые дожди,
касанья их - твои ладони,
и нет, пожалуй, лучшей доли:
отводят грусть,
снимают боли,
напоминают сердцу: жди!

***

Торопит время. Сорок лет.
А начинать мне всё сначала...
Стою как будто у причала,
в кармане комкая билет...
А теплохода нет и нет...
Да и река та лужей стала.

***

Семейный стол...
Вокруг стола
хозяйка радостна плыла...
Пусть не моя,
совсем чужая,
и был я гостем в том дому,
сидел смущенный - где-то с края...
И всё же счастлив был ему!

ГЛУБИНА

Есть в океане глубина -
И этим он хорош,
И на мякине, как меня,
Его не проведешь.
Я в океанской глубине
Купался голубой,
Плыл по волнам на корабле
И был самим собой.
Был равнодушен к пустоте,
Хотел достичь вершин,
Не растворялся в суете
И избегал равнин.
Заложник чуждых нам идей,
Доживши до седин,
Я в отношениях людей
Искал больших глубин.
И врач с дипломом рыбака
Сказал мне: «Гражданин!
Вы не валяйте дурака,
В нас нет таких глубин».

ФИЛОСОФИЯ

Как тысячи ночных прорех,
Лекарство от невзгод,
Кружил и падал белый снег,
И начинался год.
Я обещал тебе тогда,
Что будем вместе мы.
В ночи гудели поезда,
И был разгар зимы.
Вторичность слов и бытия
Доказана давно.
Что для тебя и для меня -
Вторично все равно.

Сойти с ума не мудрено,
Когда белеет мир.
Мы пили красное вино,
И был нарезан сыр.
Меж нами тихо пролегла
Судьбы златая нить.
Но ты смотрела на меня,
Боясь продешевить.
Я так наивно положил
Весь мир к ногам твоим,
Но кто-то больше предложил,
И ты ушла с другим.

ОСЕНЬ

Стоял октябрь, краснели клены,
Шумел приезжими вокзал.
Ты улыбнулась удивленно,
Я что-то невпопад сказал.

Заложницы извечной темы,
С косым дождем наедине,
Три белоснежных хризантемы
Стоять остались на окне.

На город опускался вечер,
И мокли в сквере тополя,
И между нами, словно вечность,
Легла стальная колея.

К рукам озябшим прилипала
Плаща промокшего болонь,
И руку на прощанье сжала
Твоя холодная ладонь.

Так и осталась на перроне
Ты вместе с юностью моей,
Где тополей ночные кроны,
Где клик осенний журавлей.

Мои непосланные письма,
И фонарей вокзальных свет,
И эта осень, эти листья,
Как встреча через тридцать лет.

КОРАБЛИ

В провинции ветры дуют не так -
Им не мешают дома.
В провинции ливни вовсю шумят,
Когда приходит весна.

На родине воздух из детских снов,
Вершины плывут вдали.
Наполнив ветром ткань облаков,
Как Беринга корабли.

За поворотом полдень звенит,
И клонятся ковыли.
Куда-то юность зовет, манит,
Подальше - на край земли.

Мы синюю птицу там не нашли,
Закончился, видно, сезон.
И, нас не дождавшись, ушли корабли,
Уплыли за горизонт.

И день без солнца опять пустой,
И на часах нули.
Зачем открыл я берег чужой?
И где мои корабли?

***

Спадает цвет с плакучих ив
На старенький порог.
Я вспомню тех, кто сердцу мил,
Но дальше жить не смог.

Кто день мне утром открывал,
Расстраивал меня
И что-то о вселенной знал,
Чего не знаю я.

***

Мне ближе проза, нежели стихи,
Тем более когда они плохи.
Мне ближе сумрак, нежели рассвет -
Честнее он, и в этом весь секрет.

МАЯКИ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Здесь всё - вторичное и главное -
единый нерушимый круг!

Т. Лангуева

ЛАПТИ

Мои бабушки, вятские крестьянские уроженки, Евдокия Ивановна Шишкина и Анна Федоровна Евдокимова, едва могли написать свою фамилию в какой-нибудь неизбежной бумаге, требующей подписи. Не умели они и читать, разве что «по складам» разбирали какой-нибудь важный документ или весточку от родственников, находящихся на войне, в неволе или в далеких краях.

В юности, в студенческие годы, когда боготворимая Литература захлестывала меня своими чудными книгами наших и тамошних классиков, я часто удивлялся: как же так, мои бабушки, люди исключительной внутренней силы и поразительной духовной чистоты, люди созидания и бескорыстия, не читали даже Пушкина и Льва Толстого, не говоря уже о заморских Маркесе и Вулфе? А более изумительно - не испытывали, казалось, даже малой потребности в поэтических щедротах «Евгения Онегина» или откровениях Анны, героини яснополянского гиганта.

Позднее в одном из томиков стихов меня цапанула фраза из послания Пушкина своему другу: «Поэма никогда не стоит улыбки сладострастных уст…» Ирония молодого Пушкина угадывалась несомненно, но между тем смысл строчки был весьма серьезен, точен и поучителен. Жизнь, натура трогает человека всегда больнее, острее и глубже, чем писательские фантазии, потому и цена женской улыбки, радости матери или слезы ребенка может быть выше поэм Гомера.

Еще позднее, спустя годы, и несмотря на то, что всю сознательную жизнь оставался предан Литературе, я утвердился во мнении, что искусство со всей его интересностью, влекомостью, захватом, - недаром тот же Пушкин писал: «над вымыслом слезами обольюсь…» - есть в жизни все-таки область очень и очень прикладная, сопутствующая натуре, отчасти легкомысленная и праздная.

Землепашец и врач, конструктор и офицер, судья и священник - они способны исчерпывающе заполнять

своими деяниями жизнь общества. Светскому же искусству, и даже возносимой мной Литературе, по жизни отводится роль необязательной гувернантки или милой утехи, хотя и гувернантка может оказаться умницей, а в утехе может быть много искренности, очарования, смысла.

Словом, сила духа, справедливость рассуждений и подлинная культура характера давалась моим безграмотным бабушкам из самой жизни, из самой природы, из труда, который полонил их с малых лет и до последнего смертного передыха…

«В борозде как-то раз рожала. С покоса шли. Раньше ведь ни про какие декретные отпуска не ведывали…»

«Только угляжу на угоре машину, всю меня обушмарит, дрожу как лист. Вдруг «черный ворон», вдруг выселять едут… Старая швейная машинка была, дак ведь и ту конфисковали…»

«Сперва мальчики-двойняшки от тифу померли. Потом и Валюшку, дочку, на восьмом году Бог прибрал…»

«Сиротой росла. Мамушка-то рано ушла. А тятя посылал нас по деревням куски сбирать…»

«Храм-от какой красивый стоял. Большевики ломали да радовались. Теперь какую-то филармонью выстроили…»

Даже этих коротких фраз хватало понять, как учила их жизнь. Впрочем, о настоящей учебе, об образовании, и Евдокия Ивановна, и Анна Федоровна, упоительно мечтали. Не раз я слышал от них: «О-о-ох! Кабы я грамотна-то была, глядишь, и жись-то не этак бы выстелилась. Букваря и того не далось пройти…» Но букварь букварем, а красоту их духовного уклада, мудрость, несуетность, трезвомыслие и спокой привились к ним, уж точно, помимо всяких литературных размышлизмов и красот.

В отличие от мной любимых и почитаемых бабушек, я получил весьма хорошее образование, сам преподавал, написал книги, общался с очень даровитыми людьми, ломал копья в каких-то интеллектуальных спорах. А всё тихонько иной раз проскальзывала странная мыслишка: Пушкин - он и есть Пушкин, литературный гений, а по жизни-то Арина Родионовна выйдет мудрей…

Мудрость человеку, вероятно, дает органика жизни, - органичные знания, которые черпаются из материи, из естества мира, органичные поступки, не противоречащие человеческой природе, органичная мораль, - мораль равновесия и справедливости, совсем не та, которую привносят в общество лукавые умы претендующих на власть людей.

О том, что мои бабушки очень сильные мудрые люди, я вполне осознал будучи уже взрослым человеком и уже тогда, к сожалению, когда они покинули наш мир. А впервые природного, сильного и мудрого человека я встретил и распознал в детстве, в школьные годы, может быть, учась в классе втором или третьем (в середине шестидесятых). О том, что это человек особой породы, я подсознательно усвоил сразу. Случилось это на центральном кировском рынке, куда по воскресным дням мы ходили с матерью.

Мы ходили с ней вдоль открытых торговых рядов, мимо уставленных всякой всячиной прилавков. День стоял ведренный, гомонливый, яркий. На прилавках громоздились холмы творога, покутанные в марлю, стояли зеленоватые четверти с молоком, банки сметаны; медовый ряд привлекал янтарными сотами, вокруг которых вились полосатые осы. На одних торговых грядках лежали овощи, яблоки, зелень разных сортов, на других - парное мясо, сало, густо посыпанное красным перцем или крупной солью; на третьих - всяческая утварь, важная для хозяйства, и тут же - безделицы вроде раскрашенных деревянных свистулек.

Но все это изобилие прилавков для меня как-то разом померкло, когда я увидал этого старика. Крупного сложения, но не толстого, высокого и не сутулого, с густой седой бородой, остриженной аккуратно - полукругом, с загорелым, посеченным морщинами лицом. Одет был старик в косоворотку, в светлую косоворотку, сшитую, видать, не фабричной швеей, а домашней умелицей из посконной, грубой и, возможно, домотканной льняной ткани. Такие косоворотки уже никто не носил в ту пору в Кирове, их разве что встретишь у сельских жителей, да и то в редкость. Старик-то и был из сельских жителей - наверняка. И подпоясан он был не ремнем, а веревочной подпояской. На голове - картуз, именно картуз, не фуражка, не шляпа, таких картузов тоже поискать еще… Но самое важное, от чего я и вовсе оторопел, не встречая такого еще на городском рынке, были его обувки. Лапти! Настоящие лапти, не какая-нибудь игра в ряженых, а исконные, вероятно, этим стариком и сплетенные лапти. Икры старика охватывали белые обмотки, по-иному - онучи, и ступал он в своей исключительной обувке очень легко, даже чувствовалось, что нога у него при ходьбе дышит… А ко всему - как подходящий довесок к его особенному наряду - нес он на плече короб, также сплетенный из широкого лыка. Не рюкзак, которыми обзаводились туристы, не сидор, с которыми ходили солдаты, не котомка, а объемистый угловатый короб.

Старик оказался недалеко от меня, у прилавка, где продавали парафиновые свечи, клубки шпагатов, краски, кисти… Я слышал его короткий разговор с торговавшей этим хозяйством женщиной, с красно накрашенными губами, в цветастой косынке:

- Так написано вон, - ворчливо указывала она старику на какой-то ценник.

- Буквов-то я не разбираю, деушка. Не учён, - извинительно щурился он на торговку.

То, что он был безграмотным, это было и не диво: бабушки-то у меня тоже не чтицы. Мне захотелось чем-то помочь старику, прочитать ему, чего требовалось (читать я уже умел недурно), я потянул голову к прилавку, который был почти мне вровень с макушкой, но вопрос старика как-то сам собой разрешился. Он отвернулся от прилавка, и мы оказались с ним друг против дружки. Я смотрел на него зачарованно. Картуз, косоворотка, лапти, короб за плечами, - он словно бы вышел из старой, дореволюционной

жизни. Он являл какого-то былинного сеятеля, который ходит с лукошком и бросает зерна во вспаханную деревянной сохой землю…

- Здравстуешь, малый! - сказал мне старик, улыбнулся, что-то теплое, доброжелательное блеснуло в далеком загадочном дне его темных глаз. Морщины на лбу доброжелательно приосели, а его большая рука с узлами вен потянулась к картузу; он слегка приподнял картуз в знак приветствия.

Я и вовсе рот разинул. На меня пахнуло не только патриархальностью, но и каким-то благолепием и чистотой от этого старика. Хотя, конечно, я таких слов не знал, и не смог бы детально рассказать, чем же он подкупил меня, этот седобородый старик. Ведь не только внешностью… А он, видя, что я замешкался, вежливо обошел меня и пошагал далее вдоль богатых воскресных базарных рядов.

От матери я поотстал, все еще глядел на радушного светлого старика - хорошо, мягко и основательно ступал он в своих лаптях на землю, неся на плече короб. Даже выйдя за ворота рынка, я еще много раз оборачивался, чтобы найти взглядом этого неожиданного человека, запомнить его поточнее. Да и позже невольно искал среди ботинок, сапог, туфель, босоножек и сандалий так приглянувшиеся мне лапти!

…Минуло много лет с тех шестидесятых годов. Уже давно нет моих бабушек на этом свете. Мне их очень не хватает. Они пережили больше, чем я. Они и знали чего-то большее, чем знаю я, хотя мне довелось прочитать много умных книг.

Странствуя по России, живя в разных городах, соприкасаясь со сферами искусства, мне часто приходилось видеть людей, безусловно образованных, начитанных, напитанных, казалось бы, культурой, но столь же часто эти интеллектуалы оказывались завистниками, пошляками, лицемерами, которых раздирало тщеславие и жажда богемного превосходства, которое - по естественным законам жизни - как раз свидетельствовало об их малодушии, ущербности, о несвободе от лживых пустых заслуг.

…Не встретить теперь на кировском рынке старых людей в картузах и косоворотках. Но иногда я даже среди московской толпы начинаю оглядываться по сторонам: вдруг появится старик в лаптях с лыковым коробом на плече, и я замру перед ним хотя бы на минутку и, может быть, стану потом хоть чуточку мудрей.

ДЫШИТ ПРИРОДА ЖИВАЯ ВЗДОХОМ ЕДИНЫМ СО МНОЙ…

ПРОГРЕСС ИДЁТ!

Во что упёрся жизни вектор?
Не видит этого никто.
Бредут понуро по проспектам
Стада угрюмые авто.

Весь мир как будто на колёсах
Вершит - куда, куда?! - исход.
Не задавай пустых вопросов,
Прогресс идёт! Прогресс идёт!

Он всё немыслимой красою
Одел: бетон, асфальт, стекло…
И негде лишь ногой босою
Земли почувствовать тепло.

А нам ни холодно ни жарко,
Уж нас ничто не бросит в дрожь.
И словно мёртвому припарка,
По стали барабанит дождь.

Послепасхальный дождик майский!
Зачем ты льёшься невпопад
И благодатью неба райской
Благословляешь этот ад?

Он ка-а-а-к рыгнёт в тебя бензином!
Тебя в решётки тут запрут.
Поэт стоит лишь рот разиня,
И струи по щекам текут.

И дождик тише, тише, тише…
И вот трусит щенком вослед,
Как будто понял, здесь он - лишний,
Отверженный, как и поэт.

ПУТЬ В НИКУДА

Лукав был искуситель Человека:
Не глядя, что Природа пала ниц,
Он чиркнул перед ним огнивом неким,
И вспыхнул свет в глуби его зениц.

«Иди!» - сказал.
Пошёл, куда глядели
Пристрастные пытливые глаза.
И грянул гром!
Его в земной купели
Огнём крестила божия гроза.

Путь заступали пропасти и скалы,
Как будто объявить ему стремясь:
Разгадки Тайны сколько б ни искал он,
Низвергнут будет в прах земной и в грязь.

Но сын земли искусен был премного
В познании, он ввысь мостил пути,
Предерзостно мечтая втайне Бога
За бороду схватить и потрясти.

За ним вставали дымные заводы,
Грибы-поганки рвались под стопой.
И причитала вслед ему Природа:
- Куда же ты от матери родной?!..

ПОДОРОЖНИК

Вот чудо в перьях! Будто мало
Ему колёс, копыт и стоп.
Нет, удивительный он малый:
Где ходят-ездят, там растёт.

Пускай немилосердны ноги,
Встал ванькой-встанькой и стоит.
Ведь для того они, дороги -
Для каблуков, колёс, копыт.

С таким он смотрит выраженьем,
Как будто сам не прочь бы в путь,
Как будто бог его - Движенье,
Растёт - и в том движенья суть.

И может, гения пролётка
Здесь колесила в прошлом дне.
Ладонью жилистой он кротко
Махнул ему, как ныне - мне.

В пути нелёгком и тревожном
Благословляют травы нас.
И к сердцу росный подорожник
Я прижимала столько раз.

***
Мне не надобен мир без души,
Для меня он не лучше погоста.
«Пустяки!» - так о ней не скажи,
Хоть душа - это бабочка просто.

Чтоб её возвеличить стихом,
Не нужна мне краса махаона.
Пусть порхает среди лопухов
Золотистой лимонницей скромной.

Вся защита её естества -
Нежный бархат пыльцы, а не панцирь.
Сникнет, если коснутся едва
И пыльцу заберут себе пальцы.

Лишь ребёнку простится вина
За сачок, занесённый сторожко.
Помню, как трепетала она
В обмирающих детских ладошках.

Помню, как из темницы живой
Отпустила её - пожалела.
И спасалась она, боже мой,
Так беспомощно, так неумело.

Открываю повсюду её:
То волной набежавшей всплеснётся,
То запросится в сердце моё
Мотыльком заходящего солнца.

***

«Будь равен мне - не ниже и не выше,
Земных не дарит счастьем высота.
Пока тебе травинки голос слышен,
На свете этом ты не сирота…»

Так пел тростник для всех детей природы,
Но быть царём замыслил Человек.
Когда пошёл ему двадцатый век,
Встал и плечом раздвинул неба своды.

И гулкий грохот грозно мир потряс!
И - понеслась стальная колесница!
И смазало движеньем встречных лица,
Не разобрать ни губ уже, ни глаз.

Всеобщий не нарушив ход вращенья,
Вон в тот лужок сойду я на ходу,
Чтоб, всей душою чувствуя беду,
У матери-земли просить прощенья.

Ни знака, ни поклона, ни привета
Мне от неё… И не возьму я в толк,
О чём, склонившись над клочком газеты,
Задумался глубоко василёк…

БЕЗ КРАСОТЫ

Едва заря займётся над станицей,
Живая песнь им в радость, а не в труд.
Не видим мы, как умирают птицы,
А только слышим, как они поют.

Озвучивая мир неблагодарный,
Верны природе певческой своей,
Поют они, как будто чад угарный
Им не грозит бедой из-за ветвей.

Когда ж последний соловей замолкнет
И только - грохот и шипенье шин,
По-тихому душа завоет волком
Тем воем - до космических вершин!

Ах, до чего ж недальновидны люди,
Я мысли их читаю по глазам.
Они смеются: «Нас тогда не будет!» -
В авто нырнут и бойко - по газам!

Им нравится такой миропорядок.
А что? Рационален, деловит.
И красоты уж никакой не надо,
Не будешь, верно, красотою сыт.

Так что о ней заботиться излишне,
Щи, слава Богу, лаптем не хлебать.
Но у кого-то тихо едет крыша
И он идёт - громить и убивать...

Про красоту бездумно вторят люди
Тому, что рек известный Идиот.
Убогую, ну кто её полюбит?
Убитая, кого она спасёт?

***
На свете счастья нет…
Чего ж тогда желать?
Чтоб снова - луч меж туч,
в росинке малой - солнце.
И веровать, что Божья благодать
К тебе прекрасным ликом обернётся.

Забыть, что было и что ждёт в конце,
Ребёнком стать, неведеньем счастливым,
Чтоб снова жизнь зародышем в яйце
Дремала тихо в гнёздышке под ивой.

Глядишь, Прогресса кирзовый сапог
Его минует, травы подминая,
И не накроет ядовитый смог…
Яйцо и ты, Земля моя родная!

От ужаса сжимаешься в комок,
Едва заслышав разрушений звуки.
Близки твои мне радости и муки,
Ведь миг один для Вечности - твой срок…

***

Окинуть взглядом мир широкий,
Небесный и земной простор
И на рябине одинокой
Остановить невольно взор...

Следить, как мотылёк порхает,
Идти, куда ведёт тропа.
Во всём - единое дыханье,
Всему - единая судьба.

Везде - движенье роковое,
И медлю я не без причин:
Куда ни ступишь, всё - живое,
Страдает, корчится, кричит!

А взгляд поднимешь... Бог с тобою!
Беспечен бабочки полёт.
Куда ни глянешь, всё - живое,
Цветёт, блаженствует, поёт!

***

Рассиялось и раззолотилось!
И взметнуло прохладный пожар.
Принимаю как Божию милость
Сентября уходящего дар.

Он стоит, синеглазый, на склоне,
Расставания близится срок.
И горит у меня на ладони
Им ниспосланный жаркий листок.

Узнаю эту ласку прощанья,
Ею буду я в стужу жива.
Золотым шепотком обещаний
Надо мною трепещет листва.

Эти трепеты, лепеты, знаки
Стану бережно в сердце хранить,
Ведь привяжется к жизни не всякий
Паутинкою - тоньше, чем нить.

Белая акация

***

Рек пульсируют вены
В юном теле весны.
Ландыш мой сокровенный
Под кустом бузины!

Белый, нежный, невестный,
В росах утренних свеж.
Свой весна повсеместно
Утвердила рубеж.

Нет конца ей и краю!
Даль прозрачна, чиста.
Внове жизнь начинаю
С голубого листа.

Чистый лист мой небесный,
Ненаписанный стих,
Я с тобою воскресну
Для восторгов земных.

Расцвету, как черешня,
Головою седой.
И баском пусть окрепшим
Грянет гром молодой!

***

В звёздном негреющем свете
Холодно мне на земле
Было бы,
если б не эти
Уголья в жаркой золе;

Если б оркестр лягушиный
Не ликовал над рекой;
Если бы крик петушиный
Не зазывал на покой...

В жизни, такой быстротечной,
Стало мне ближе теперь
Всё беззащитно-невечное,
Будь человек или зверь...

Или трава луговая...
В чуткой дремоте ночной
Дышит природа живая
Вздохом единым со мной.

БАЗАЛЬТ

1.

Темно-серая шерсть Базальта, пересыпанная белыми крапинками, блестела и переливалась Ему нравилась его кличка. Он беспредельно любил своего ученого хозяина и был уверен, что тот разделяет с ним сладость ее звучания, а потому считал себя вполне счастливым.

Базальт лежал у своей конуры, чистой и уютной, рядом с ошейником, который валялся тут же ненужной вещью: Гришин, уезжая на своем «Жигуленке» три часа назад, снял с Базальта ошейник, второпях и виновато отшвырнул его в сторону, а псу сказал:

- Гуляй, дружочек.

Потом слегка похлопал по шее. Пес счастливо взвизгнул и, благодарный за тепло руки хозяина, несколько раз вильнул хвостом. Он не побежал со двора к своим сородичам, как это бывало обычно, а преданно посмотрел на жену Гришина, закрывавшую ворота, отошел подальше от конуры, лег под жасминовый куст, еще не успевший расцвесть. Вытянув перед собой передние лапы, он блаженно положил на них лопоухую голову и смотрел в сторону закрытых ворот. Жена Гришина, Галя, подняв ошейник, со вздохом положила его на конуру, а ему, Базальту, тоже сказала:

- Гуляй, гуляй.

Базальт два раза вильнул хвостом и замер. Его начала донимать откуда-то прилетевшая жирная зеленая муха, которая так и норовила укусить прямо за мокрый нос. Базальт, изловчившись, поймал, наконец, паразитку, два раза жевнул ее и, будучи уверенным, что ничто уже не угрожает его влажному носу, с отвращением выплюнул.

Он не побежал сегодня за машиной, почуяв сразу, что Гришин чем-то обеспокоен, что он будет недоволен, если Базальт, высунув свой длинный розовый язык, побежит по улице. Сняв с него ошейник, Гри-

шин давал ему полную свободу действий, но в то же время пес почувствовал негласный приказ - не отлучаться со двора

Был выходной, и, конечно, Гришин скоро вернется. Потом они поедут на речку, будут купаться, удить рыбу, варить уху. Гришин обязательно нальет и Базальту полную алюминиевую его чашку, а жена, Галя, отдаст Базальту все рыбьи головы, которые он любил еще больше, чем саму уху. Потом они будут снова купаться. Гришин возьмет свою Галю на руки и понесет в еще холодноватую воду, и Галя будет визжать, как семнадцатилетняя, хотя ей, как и Гришину, ее Коленьке, уже тридцать семь. Она так привлекательно будет визжать, что в этом визге послышатся радость и нежность, и просто счастье. Вместе с ним будет захлебываться от счастья и Базальт, понимающий, что ничего более приятного, чем радость жизни, нет и не может быть на свете.

В тот момент, когда его фантазия дошла до самой высшей точки, во двор вышла Галя с большой эмалированной чашкой, полной стираного подсиненного белья. Она поставила чашку на землю и начала мокрой тряпкой протирать бельевую веревку, протянутую от ворот до гаража. Когда Галя поравнялась с Базальтом, все так же лежавшем под кустом жасмина, тот, похоже, заулыбался и пару раз зацепил своим упругим хвостом голые ноги хозяйки. На это она никак не отреагировала.

Уже заканчивая вешать белье, она услышала, как что-то зашелестело в почтовом ящике - наверное, вчерашнюю почту принесли. Галя оставила белье и чуть не побежала к почтовому ящику на воротах.

По тому, как светилось ее лицо, как она умиленно утирала радостные слезы, Базальт непонятным образом учуял, что это письмо от Павлика, из армии, того самого Павлика, который баловал Базальта с малых лет. Радость передалась и псу. Он энергично встал из-под жасмина и, подойдя к хозяйке, нежно лизнул ее под коленкой. Галя, боявшаяся щекотки, взвизгнула и, нахмурясь, сказала:

- Пошел вон, дурак.

Базальт, конечно, не понимал словесных тонкостей, но разницу между словами «дурак» и «дурачок» он чувствовал, потому что Гришин, если и употреблял одно из этих слов, то только второе и лишь с ласковой интонацией. А у хозяйки было грассирующее эр, немного похожее на беззлобное рычание. Базальт покорно вернулся под тень жасмина и стал наблюдать за Галиной. Она в третий раз уже перечитывала письмо сына, служившего во внутренних войсках в этой же области. Что он сообщал своей матери, а, может, и Гришину, Базальту было неведомо. Но что это было письмо именно от Павлика, он понимал всей своей шерстью.

Галя еще не успела повесить все стираное белье (под легким майским ветерком уже развевались паруса пахнущих свежестью простыней) как вдруг в ворота застучали. Базальт в одно мгновение очутился у ворот и стал важно гавкать.

- Привяжите его, Галина Никаноровна, - слышалось с другой стороны ворот, - и откройте. Очень важное дело.

Базальт, конечно же, ничего этого не понимал, но чувствовал, что дому Гришиных угрожает какая-то беда.

Гав-гав! - по-прежнему строго откликнулся Базальт. Но Галя повернулась к нему и еще более строго приказала:

- Базальт, в будку!

Это выражение он знал очень хорошо, и всегда, услышав его, покорно и молча шел на место. Сейчас он как-то непривычно пискливо и кратко проскулил. Галя приставила к будке кусок шиферины, и это означало: «Не пырхайся». Базальт все понял. Человек прошел в дом и вскоре оттуда вышел. Само собой, Базальт не мог и предположить, что случилось, но тревога передалась ему, особенно когда он услышал тот же стук в соседние ворота. Снова гавкнул. Галя, бегавшая теперь из дома в кухню и обратно, не обращала на Базальта никакого внимания, Она замкнула колодец и выпустила наседку с желтыми цыплятами. Базальт, увидев это, снова неуверенно гавкнул, дескать, непорядок. Но тут услышал сигнал автобуса, остановившегося у ворот Гришиных. Галя опять побежала на кухню, взяла там кастрюлю с еще теплым зеленым борщом, сунула ее прямо в будку Базальта. Значит, ешь там и не высовывайся. Она открыла калитку' Во двор вошел уже другой мужчина.

- Никаких узлов! - приказывал он. - Всё остается на месте. Сельсовет отвечает за сохранность. Вы скоро вернетесь. А пока надо торопиться. Нас ждут. Быстро, быстро!

Растерянная Галя опять было побежала в дом. Но властный голос остановил ее.

- Мы должны немедленно уехать. Прошу - в машину.

Обычно спокойная, Галя вдруг стала плакать.

- Коленька, а как же Коленька?

Мужчина взял ее под руки и чуть ли не потащил к автобусу. Но вот этого Базальт вытерпеть не смог. Он рывком толкнул шиферину, перевернув остатки борща, и бросился к тому, кто уводил его хозяйку. В какое-то мгновение они выскочили в калитку, успев закрыть ее перед мокрым носом Базальта.

2.

Он вскакивал передними ногами то на ворота, то на калитку, необычно зло гавкал. Наконец, услышал Галин голос:

- Базальт, в будку!

Он замолк, но еще упирался в ворота, стоя на задних лапах, прислушиваясь к тому, как автобус тронулся, как он останавливался у одних, других, третьих ворот. Гудели еще какие-то машины, по всему селу был сплошной лай. Базальт не мог ослушаться приказа и, оттолкнувшись от ворот, поплелся к своей будке. По пути Базальт обнаружил, что нахаль-

ная наседка завела своих желторотиков на грядку ощетинившегося лука и разгребала ее изо всех сил. Стерпеть такое паскудство по отношению к добру его хозяев Базальт не смог - он прыгнул прямо на цыплячье стадо, но почти в то же мгновение наседка клюнула беднягу прямо в глаз. Искры посыпались в разные стороны. Наступила тьма. Базальт пустившийся было бежать, тут же наткнулся на стенку гаража, ударился и еще громче заскулил. Кое-как отыскав свою будку, он залез в нее и, лежа там, жалобно и непрерывно, только чуть-чуть тише, продолжал подвывать, а наседка без зазрения совести, деловито квохча, повела цыплят в огород, подальше от Базальта.

- Вот тварь, - думал раненый пес, - и как же теперь жить без глаза? - Он попробовал открыть второй. Оказалось - видит. Правда, и в нем еще какие-то бабочки пляшут. Больно, ой, как больно... - Чтоб ты сдохла, кривоногая. Вот Гришин приедет...

Но день уже клонился к вечеру, а домой никто не возвращался. Во всем поселке не было ни одной души. Остались только коровы, козы, свиньи, кролики, собаки, кошки и вот такие клювастые твари. Ну, ничего, думал Базальт, пусть только Гришин приедет, он ее сразу в суп отправит.

Перед сумерками к воротам подошла корова Манька, вернувшаяся из стада. Ее никто не встречал. Намаявшись за день по лугам, по оврагам, она не чаяла, когда ее хозяйка возьмет доёнку с чуть теплой водой, вымоет ее полное вымя, нежно разомнет набухшие соски и сдоит все двенадцать литров майского молока, накопившегося за день. Но хозяюшки не было. Манька поняла это по тому, как поскуливал Базальт - грустно и сиротливо. Она промычала в никуда. Так ей показалось. Однако ее мычание услышал где-то шлявшийся кот Усач. Он подошел к калитке, как бы приглашая Маньку:

- Мяу... Заходи. Я хочу парного молока.

Но калитку некому было открыть. Усач подошел к будке и, что-то мурлыча, как бы пригласил Базальта. А тот все еще терся своим вытекшим глазом о правую лапу, не зная, как же ему жить дальше.

- Мяу, - повторил подошедший прямо к будке Усач. Базальт был понятливым псом и вылез из своего уютного лежбища. Еще не привыкший передвигаться с одним глазом, он кое-как дошел до ворот. Манька почувствовала его намерение и еще раз по-родственному промычала. Усач, не зная об инвалидности Базальта, потерся об его переднюю ногу, как бы говоря: - Ну...

Базальт понял намек. Встал на задние лапы и, сам еще не сознавая благородства своего поступка, лапой открыл защелку. Манька, слегка толкнув калитку носом, вошла во двор, торопливо направляясь в свой баз. Но там не было ни воды, ни хозяйки, ни фуража. Где-то рядом ворчливо переговаривались куры. Манька походила-походила по двору, нашла ведро с водой, выпила ее и, тяжело вздохнув, стала рядом с пустой колодой, все еще надеясь дождаться хозяйку. Базальт больше не полез в буд-

ку, а забрался на еще теплый от дневного солнца деревянный порожек и, вновь потершись о правую лапу вытекшим глазом, задремал. Казалось, кот Усач понял все боли Базальта и тоже лег рядом с ним, мурлыча песню сочувствия.

3.

К утру они оба замерзли, хотя давно лежали, прижавшись друг к другу. Майские утра почти всегда бывают прохладными или вовсе холодными, как сейчас. Их разбудила Манька. Уже пора было идти в стадо, а ее никто не подоил вечером, и теперь вымя стало совсем тяжелым. Соски распирало. Они были такими горячими, что терпение буренки достигло предела. Какие-то невидимые иголки или горячие угольки кололи, жгли и самоё вымя, и две пары сосков. Манька ковырнула носом Базальта и Усача. Ишь ты, развалились на пороге. А кто хозяев будет искать? Не пора ли подыматься?

Кот сразу отскочил в сторону и уселся, поджав хвост, на перила веранды. Базальт, чувствуя, что здесь все свои, молча оторвал от передних лап голову, почти безразлично посмотрел на Маньку и только когда обнаружил, что у него все-таки один глаз, вспомнил, как все случилось, и как ему захотелось тотчас в клочья разорвать эту кривоногую паскудину. Но перед ним была добрая, страдающая буренка, чье молочко он с таким наслаждением пил в своем безмятежном детстве, и с безысходной тоской он завыл. Манька испугалась этого завывания и, сломав по пути ветхий заборчик соседнего двора, выскочила на улицу, чтобы примкнуть к стаду. А стада не было. Лишь несколько коров лениво брели по улице, стараясь перемычать друг дружку. Они тоже были не доены и даже ночевали на улице возле своих безмолвных дворов с закрытыми калитками, не понимая, что же случилось, куда подевались люди. Кое-как собравшись в небольшое стадо, не переставая мычать, они инстинктивно брели в степь.

Вытекший глаз Базальта по-прежнему болел. У бедняги не было никаких желаний - ни есть, ни пить. Правда, ему все же хотелось одного, - чтобы поскорее приехал Гришин со своей Галей. Но Базальт слишком хорошо знал своего хозяина, и если его до сих пор не было, значит, иначе и не могло быть. Полдня он проспал на деревянном порожке. Никакие слепни и мухи не могли его согнать оттуда.

Во второй половине дня Базальт услышал душераздирающий вой - это был голос его подруги. Она жила через три двора от Гришиных. Ее почти никогда не спускали с цепи, несмотря на покладистый характер и преданность. Только один раз ее хозяин, будучи с Гришиным на рыбалке, взял с собой Альфу. Там они и познакомились. Когда их хозяева заплыли в лодке до середины реки, друзья, оставшись на берегу, почувствовали праздник жизни. Они бегали друг за другом, кувыркались, рычали, хватали пастью прошлогоднюю траву, поочередно без боли терзали друг дру-

га. И наступил миг, когда Базальт сделал то, чего он не мог не сделать. Увидевший из лодки сцену брачной игры Свистунов, хозяин Альфы, начал орать оттуда:

- Ты что делаешь, паразит, не порть породу! Базальт не хотел понимать глупых слов Свистунова, а когда лодка подплыла к берегу, убежал куда-то в кусты, но Альфа виновато дожидалась горластого хозяина.

Хотя Гришин крикнул ему: «Не тронь девку!» - Свистунов огрел ее довольно толстым прутом и заорал:

- Арш домой, сука!

Альфа, поджав хвост, послушно поплелась в сторону поселка, хотя до него было километров 10-12.

И вот теперь она скулила, звала на помощь. Базальт это понял сразу. Он проскочил через редкие заборы соседей и в один миг оказался во дворе Свистуновых. Альфа завиляла хвостом, радостно заскулила, только ошейник у нее был слишком крепкий, а цепь тяжелая. Базальт подошел к Альфе, обнюхал ее, поглядел на цепь и с грустью проскулил: мол, не знаю, как быть.

В чашках Альфы было сухо. Если вчера и валялась где-нибудь рядом старая корка, то ее уже сожрали эти кривоногие твари - куры. Альфа была голодна и хотела пить. Он не мог ей помочь. Никак. Попробовал приласкать Альфу, посочувствовать, но ей хотелось пить. Вдруг Базальту показалось, что приехал Гришин. Забыв о голодной подруге, он мгновенно сорвался с места и пролетел сквозь все три соседских забора. Увы, это всего-навсего красный петух тешился в своем гареме. Базальт разочарованно походил по двору, порычал на наседку, сделавшую его инвалидом, и прислушался. Альфа снова выла.

4.

Базальт не мог терпеть ее страданий. Его и самого давно подпирала жажда, а голод все глубже и глубже проникал внутрь, вызывая тошноту: ведь он тоже с момента ухода Гали ничего не ел. И до сих пор он думал о том, почему в поселке не видно и не слышно людей. Куда все подевались? Если бы он был человек, то ему бы многое объяснило слово «авария», которое Гришин сказал жене, закрывая дверцу своего «Жигуленка». Базальт понял смысл выражения: «Не волнуйся, Галчонок, все будет в порядке». Его он не раз слышал и воспринимал как выражение самых нежных чувств к Гале и вместе с Гришиным всегда испытывал к ней подобные чувства.

Но слово «авария» для него было пустым звуком, хотя для людей в нем заключалось нечто страшное - смерть или угроза жизни.

Базальт слышал завывание Альфы, но не торопился к ней. Он все надеялся, что сейчас откроются ворота, «Жигули» въедут во двор, из них появится усталый Гришин, даст Базальту обнять себя и даже лизнуть, потом накормит, найдет ошейник и посадит на цепь. «Погулял и будя», - по-

шутит он. Базальт благодарно примет шутку и, счастливый, уляжется возле «Жигулей». Гришин, заметив отсутствие одного глаза, вдруг удивится, начнет жалеть Базальта и вычислять, кто бы это мог сотворить такое варварство.

Но никого не было. Доносилось завывание Альфы. Базальт хотел было опять отправиться к ней, как вдруг услышал протяжный рев - это Манька убежала из стада. Ее вымя разнесло до невиданных размеров: третий день недоена. Как обрадовался Базальт. Он подумал, что та пришла в сопровождении Гали. Прыгнув на калитку, он так же, как и прошлый раз, открыл защелку, и Манька не вошла, а вбежала во двор, чуть не раздавив Базальта. Вслед за ней вбежал какой-то мужчина. Альфа еще не успела опомниться, как две петли веревки затянулись на рогах Маньки и, подгоняемая кнутом, она уже снова шла к воротам. Базальт кинулся защищать буренку. Но тут же получил сильнейший удар кнутом по спине. Скрутившись от острой боли, он громко заскулил, но тотчас же побежал вслед за разбойником, уводившим его кормилицу. Манька жалобно мычала, упиралась и после каждого удара кнутом делала несколько шагов. Вдруг Базальт остановился. То, что он увидел, его поразило: посреди улицы в 50-100 метрах стояли машины. К откинутому заднему борту каждой был приставлен деревянный трап и по нему из других таких же опустевших дворов мужчины в зеленой форме (он только сейчас заметил это) загоняли коров в кузов. Базальт понял, что сейчас и его Манька окажется там... Он напряг все свои силы и, забыв обо всем, в три прыжка настиг солдата, уводившего его Маньку, и хотел тут же перегрызть ему горло, но за долю секунды до рокового прыжка солдат упредил его - он изо всех сил ударил Базальта своим кнутом, наконечник которого попал прямо во второй оставшийся после наседки глаз. Базальт взвыл и волчком начал крутиться посреди улицы в пыли. Пока он опомнился, оправился от удара. Манька была уже в кузове. Базальт, потеряв и второй глаз, уже не мог ее видеть, как не мог видеть вообще ничего. Ничего! А машина медленно шла дальше. Коровы мычали, взывая о помощи, мычали от боли в вымени. Базальт был совершенно бессилен что-либо сделать. Подняв голову кверху и еще надеясь, что глаз его очистится от пыли, запорошившей его, он вместо белого облачка на чистом голубом небе увидел все ту же темноту, что и в первое мгновение после удара.

5.

Голодная, изнывающая от жажды, переставшая верить другу, с непонятно откуда, за счет каких резервов, наполненными сосками, Альфа одиноко лежала на цепи в пустом дворе. Корову Свистуновых увели в тот же день, что и у Гришиных. Куры разбрелись по огороду и ночуют, где придется: на крыше сарая, на заборе, на яблоне. А Базальта нет уже третий день. Как ушел тогда и все не идет. В утробе Альфы толкаются щенята, похоже, что их там уйма.

Наверно, тоже беспокоятся от голода и жажды. Ни на что не надеясь, Альфа временами подвывала. Мухи, ослабевшую ее, ждущую приплода от еще недавно любимого Базальта, искусали до крови: вокруг глаз и по бокам рта. Подобно Базальту, она тоже горевала о хозяевах, хотя они ее и оставили на верную смерть - с такой цепи не сорвешься. А слепой Базальт в течение двух суток не мог попасть в свой двор. Он в сотый или даже тысячный раз тыкался в чужие и даже свои ворота (калитка автоматически закрылась еще когда он выскочил вслед за солдатом, уводившем Маньку). Устав, он ложился под чьим-либо забором и прислушивался к звукам - не покажется ли Гришин. Но звуки были одни и днем, и ночью: выли и лаяли оставленные людьми собаки, визжали охрипшие поросята, кукарекали петухи, заливался соловей и где-то рядом ворковали голуби. Из этих звуков он, наконец-то, выделил охрипший голос Альфы и решил идти на него. Потом вспомнил, что она голодна. Ему, не сидящему на цепи, в эти дни кое-что попадалось во дворе, в огороде. По крайней мере, его не мучила жажда - он бегал на речку и там пил, пил. После того, как он лишился и второго глаза, Базальт отказался от всего. Подвывание Альфы теперь напоминало ему и о своем голоде. И оказалось, что уже полдня он лежал напротив своей калитки. Под нее пролезть было нельзя, и он стал, обдирая до крови лапы, выгребать лаз. Это стоило ему потери сил, но и успеха одновременно: Базальт пролез на животе во двор, оставив на калитке несколько клочков шерсти со спины. Двор он знал наизусть и потому без труда нашел заветный деревянный порожек перед верандой, улегся на него, и что-то кольнуло его преданное собачье сердце, и из пустых глаз, как ему показалось, побежали нескончаемые слезы. Все звуки на это время исчезли - он был весь в воспоминаниях о своей прежней счастливой жизни, когда он, наравне с друзьями Гришина, садился в воскресенье в тени виноградника рядом со столом и из рук хозяина получал куски мяса, с упоением слушал музыку своего имени (не клички!), которое многократно повторял друзьям Гришин. Он говорил о том, что назвал своего друга Базальтом за его сходство по цвету и крепости с базальтом - наиболее распространенной породой поверхности земли. В недавнем геологическом прошлом базальтовая магма пришла с больших глубин, - современный ядерный взрыв в эпицентре превращает в базальт землю... Что-то еще говорил Гришин, непонятное ему, и только два звука «б» и «з» (базальт) особенно радовали собачье сердце. Он, конечно, не знал, что друзья за столом, и в первую очередь Гришин, все чаще и чаще во время отдыха или в день рождения говорили об угрозе ядерной войны на планете, об ее последствиях. Базальт только радовался и непрерывно вилял хвостом, любуясь своим хозяином, который, как он полагал, только и говорил о нем. Теперь же, совершенно слепой, не понимающий, не ведающий, что авария на атомной электростанции, где работал Гришин, может положить конец всем земным радостям, что его нынешние несчастья - косвенный результат этой катастрофы, он не знал, что нечто худшее еще вперед

ди, что Гришина и многих других уже не было на свете, что специальные войска уже занимаются дезактивацией территории вокруг АЭС в радиусе тридцати километров.

Воспоминания Базальта были прерваны совсем негромким подвыванием Альфы. Он почувствовал свою вину перед нею, резко вскочил, схватил оказавшуюся рядом наседку и по проторенному им же маршруту понесся, ничего не видя, к Альфе. Он сам давно хотел есть, но все еще трепыхавшуюся наседку притащил скулившей подруге и бросил ее перед носом. Альфа отвернулась. «Прости меня, - хотел было сказать ей Базальт, - я и сам чуть не умер». Но тут он услышал негромкое повизгивание щенят под боком Альфы, которые, как ему показалось, были базальтового цвета. Он стал рвать на клочья подлую наседку, чтобы покормить совсем ослабевшую подругу. Она же никак не хотела принимать его услуг, но хотела пить. Базальт вдруг понял это, и к нему тотчас же пришло решение, как помочь ей. Он побежал как зрячий к реке. Несколько раз по пути натыкался то на деревья, то на забор. И все же он достиг речки. Так как он был смешанной породы - кавказской овчарки и гончей, - то шерсти на нем было мало. Базальт бросился в реку. Проплыл метра два-три вперед, повернул обратно, но, слепой, он потерял ориентир и едва-едва выбрался на берег. По своим же следам он торопился к Альфе. Когда он подошел к ней, она жадно стала облизывать его мокрую шерсть, не обращая внимания на скуливших щенят.

Напившись таким вот образом, Альфа снова легла к щенкам, а счастливый Базальт пододвинул к ней клочья разорванной наседки, Альфа не противилась теперь. Только когда она была совсем сыта, Базальт охотно съел остатки. Он твердо решил, что теперь никогда не оставит голодной свою подругу, несмотря на то, что его, слепого, ждут новые и новые удары.

6.

За эту ночь Базальт три или четыре раза приходил домой, надеясь, что хозяева его вернулись. Двор однако был пуст. Базальт устроился рядом с Альфой, которая лизала присосавшихся к ней щенят. Время от времени она обращала свою ласку и на Базальта, зализывая его пустые глазницы. А он млел от этого, и казалось, тихонько подвывал, переполненный счастьем и несчастьем одновременно. Щенята по одному стали отваливаться. Наступило всеобщее блаженство. Базальт думал, как он теперь будет добывать пищу. Кроме него, некому. Он вспомнил, что где-то во дворе текали цыплята. По звуку, конечно, найти их можно, а вот схватить... К тому же и толку-то от них мало, есть нечего: Альфа как-никак чистопородная крупная овчарка. Пока он думал об этом, в поселке поднялся необычный лай привязанных и бродячих собак, их лай, а затем и душераздирающий скулеж сопровождались непонятными выстрелами. То в одном конце поселка, то в другом собаки замолкали, зато другие до хрипоты гавкали по мере

приближения выстрелов. Что-то почуяв недоброе. Альфа вся задрожала. Шестеро ее щенят испуганно, точно понимая, что происходит и отчего дрожит их мать, поползи под ее брюхо. Базальт ни на шаг не отходил от своей семьи - так теперь понимал он свое право на Альфу со щенятами, базальтовыми щенятами. Выстрелы повторялись где-то на противоположной стороне улицы; доносились мужские голоса:

- Чего ты там возишься?

- Жалко. И мне жалко, но что ж теперь делать?

- Бросай их в кузов...

Ни Базальт, ни Альфа, ни остальные собаки поселка не могли знать, что их минуты сочтены. Целая воинская часть уже занималась дезактивацией опустевших селений и городов, получивших высокую радиацию в результате аварии на АЭС. Обеззараживая шаг за шагом все вокруг, солдаты попутно уничтожали всех собак. Домашний скот был вывезен в первые же дни.

В то время, когда на атомной электростанции шла героическая борьба за обезвреживание одного из блоков, борьба, окончившаяся гибелью многих людей, среди которых был и инженер Николай Гришин, тысячи человек - военных и гражданских работали на прилегающей территории, в самом городе. Гришин оказался на месте аварии, хотя у него был выходной, уже через двадцать минут после звонка. Его «Жигуленок» выжал, наверное, все сто сорок километров. Гришин понял ситуацию еще когда держал в руках телефонную трубку. Он спокойно снял с Базальта ошейник, а жене ласково сказал:

- Галчонок, закрой ворота, а? Я скоро...

И как только ворота закрылись, «Жигуленок» с космической скоростью понесся к станции. Это была, как сказал бы иной журналист, дорога в бессмертие. Но Гришин торопился на работу, где случилось что-то неладное.

Альфа раньше Базальта почувствовала, что вот-вот дойдет очередь и до них. Стреляли совсем близко. И похоже, - по всем собакам подряд. Потому что после каждого одиночного выстрела чей-то пес замолкал. То ли инстинкт самосохранения, то ли страх за щенят заставил ее замолчать: может, пройдут мимо. Но она хрипела. И Базальт понял это как просьбу напоить ее. Он, забыв о своей слепоте, как и в прошлый раз, побежал на речку. Еле выбравшись оттуда, заторопился к Альфе. В тот самый момент, когда он тыкался в забор ее двора, туда вошли двое солдат. Альфа была готова разорвать их, но ей мешали цепь и шесть щенят. Громкий неудержимый лай - вот все, что она могла. Звеня цепью, она бросалась на солдат, а те уже привычно смотрели на ее старания, не ожидая никакой опасности.

Солдат, который был поближе, а им волей судьбы оказался Павлик Гришин, устало перевел затвор автомата и сделал два-три одиночных выстрела. Альфа взвилась, приподнявшись на задние лапы, и замертво упала на щенят.

Павлик только теперь заметил их и по-детски удивился;

- Ой, смотри... У нее же щенки!

Он наклонился к убитой Альфе, чтобы взять их в руки. Но в этот миг на него прыгнул Базальт и стал грызть ему горло. Перепуганный неожиданным нападением второй солдат выпустил автоматную очередь. Слепой пес замертво упал вместе с Павликом, державшим на груди двух щенков.

Теперь на земле лежали мертвые Базальт, Альфа, рядовой Гришин, уже расстрелявший половину собак своей улицы. Два щенка, которых он крепко держал мертвыми руками, никак не могли вырваться из них и громко скулили. Из-под Альфы, так же скуля и ничего не понимая, выползали остальные щенки, а чуть поодаль, бледный, как стена, с автоматом в руках, стоял второй солдат. Его белые губы невнятно шептали:

- Что я наделал?..

МАЛЬВЫ В КЕМБРИДЖЕ

Мальвы в Кембридже цветут.
Ньютоны спешат гурьбою...
В городке царит уют,
пахнет речкой и травою.
Каждый гений - завтра лорд,
нобелевским лауреатом
станет. А пока он горд
тем, что постигает атом.
Мимо - шух! Шуршанье шин.
На велосипеде шпарит
графа Кью четвёртый сын
с дочкой дворниковой в паре.
Мальвы в Англии цветут...
Ломоносовы усердно
тоже что-то познают
и живут почти безбедно.
Кембридж. Вот на Силвер-стрит
аспирантик по обмену
мне о доме говорит
и о том, как пахнет сено,
говорит, что нет лекарств
от иммунодефицита
совести. И без прикрас
говорит о здешнем быте.
Мозг и руки для страны
не рождаются без муки.
Принц и нищий, все равны
перед валуном науки.

ИЗ ЦИКЛА «АНГЕЛ В СИРЕНИ» (ВИЛЬНЮС)

ЗАЛОЖНИК

Ехидный голос из зала:
«Это о ком, о Литве или жене?»

Свыше, ох, сорока лет терплю в плену,
я уже заражён стокгольмским синдромом
и железную цепь я свычно тяну
от аэропорта, вокзала к дому.
В истеричный вернувшись свой неуют,
что до нервов искусан бешеной лаской,
где в углы закатилась сверкучая ртуть,
я вхожу, улыбаясь:«Каторга, здравствуй!».

Я вдохнул отравленный воздух-дым,
да, конечно, и сладок он, и приятен,
как тогда, когда был сам молодым,
всякий встречный, когда
твой друг-обниматель.
Авангардная рифма кровь и любовь
новизною пронзала душу и тело,
и хрустела в зубах забавно морковь,
и сластил языки поцелуй неумелый.

Да, полвека почти что в плену терплю,
где в любую секунду жахнет шахидка.
Но успею ли выдохнуть ей: люблю
до разрыва двоих связующей нитки.

АНГЕЛ В СИРЕНИ

Выйдешь, закуришь, дымком проникающим сыт,
глянешь вокруг, и навалится скука:
город немее, чем брошенный памятью скит,
и тишина надрывается в уши без звука:
не по тебе ещё колокол молча звонит,
не по тебе скорбно воет на кладбище сука.
Чу! Вот откуда-то сбоку шмыгливо возник
скользкий старик, притворившийся интеллигентом,
по театральному он маскирует свой лик,
вечный агент зашифрован тройною легендой.
Вывернет слово, поверившего улестит,

скос подбородка смягчая улыбкою кроткой,
прикус гадючий ползучей учтивостью скрыт,
загримирован по-мастерски шерсткой-бородкой.
…в мусорном баке копается ветхий старик,
тусклая радость слезится с бомжиного века,
корку нашёл! Исторгает утробою вскрик:
- Без справедливости нетути прав человека!
Тихо кругом. Лишь ворона перо распахнёт
над не единожды раз поругаемым храмом
чёрным лохмотьем, над свежестью пушкинских нот
и над лоснящимся по-европейскому хамом.
Всё суета. Вот над Вильнюсом Ангел плывёт,
крылья его в лепестках белоснежной сирени.

Это Господь нам надежду в Спасенье даёт,
в то, что услышим мы голос нежнейшей свирели.
Жизни докука уже не берёт в оборот,
есть милость-прелесть в таком её многообразье
даже, когда лжой пятнает тебя косорот,
Ангел в сирени цветущей над Вильной плывёт,
и потому расточаются беси и врази…

МАРШ ПРОЩАЛЬНЫЙ, ВЫШИБАЛЬНЫЙ*

Лирики у меня кот наплакал
потому, что не плачут коты.
В этом с другом-котом одинаков:
кровь пьянит крутизной высоты.
Попружиню на самой кромке,
сбалансирую: не сорвусь!
Я один из твоих осколков,
дорогой Советский Союз,
от побед, от бед твоих стольких
(жил да был ты!) не отрекусь.
Не примкну ни к стаду, ни к стае,
я к твоей причастен судьбе.
Жизнь свою сам перелистаю,
сам сыграю марш по себе…

* Танцы на балах в офицерских собраниях заканчивались маршем. Вальс, полька, кадриль, мазурка, краковяк, снова вальс. Потом раз - и марш. Прощальный, вышибальный.

ОТРИЦАТЕЛИ

Одни отрицают рифму,
форму и содержание,
другие - верлибр,
белые
и
лесенкою стихи,
ну и, конечно же, строфы
без точек и запятых.
Но, если бы этого не было
в истории литературы,
то что же, скажите на милость,
стали они отрицать

ОДУВАНЧИКИ

Славе Амирханиану,
автору фильма о Арсении Тарковском «Малютка-жизнь»

Женщина встаёт из одуванчиков
и над нею белый ветерок;
парашютиков метель обманчиво
ластится к коленям смуглых ног.
Женщина встаёт из разнотравия,
вся она над миром и войной,
и земля принадлежит по праву ей,
не кори её былой виной.
Женщина встаёт из полдня знойного,
остальное всё тоска-труха…
И в наивности глаза разбойные
святости исполнены, греха…
Одуванчиковой вьюгой заметелены
мы вдвоём; колюч мир и кровав.
Где же в нём с тобою в самом деле мы,
если под сугробами слова…
Разолью в стаканчики гранёные
одуванчиковое вино…
Поглядим на окна затемнённые
как на чёрно-белое кино..

НАДЕЖДА

День исполнен полнозвучья,
в почках клейких ветвь...
Этот год, конечно, лучше
прежних прошлых лет.
Дрозд задорно песню свищет, -
слушай, не дыши!
Чем богат и в чём ты нищий?
Думай, не спеши...
Отразясь от стёкол окон,
пасмурных людей,
баночку с кленовым соком
солнца луч задел.
Нет отныне равнодушных,
пьяных больше нет.
Нету праведников скучных,
сгинул трусов след.
В чьи же ты прольёшь ладони
платину волос?
Что оставит в нашем доме
этот странный гость?
День исполнен полнозвучья,
ровен тихий свет.
Верим в то, что будет лучше,
много-много лет...

ВЕСНА

Лучом взметнулся в небо тополь,
он целит в огненный зрачок.
Лёд взрывчат, точно водка в стопках.
Ещё толчок, ещё глоток!
Река не сдерживает силу,
она бурлит, она хмельна!
Вот белое смешалось с синим,
и - неожиданно! - весна...

ВЕСНА НА СЕВЕРЕ

Весна на Севере - это всегда из области запахов. Весна пахнет.

Слабый мороз, солнце вдруг из-за туч и запах - свежести, бодрости - кто там его разберет.

Он врывается в нос, в рот, он щекочет нёбо, раздражает гортань, он заполняет легкие.

Ты делаешь такой глубокий вдох, что кружится голова. Но ты делаешь его еще и еще раз, ты не можешь остановиться, тебе все никак не напиться.

Мы приходим с моря через три месяца. Всплыли, открыли верхний рубочный люк и в него сейчас же проникает внешний мир - запах живого, упругого ветра, водорослей, рыбы, птиц - чего только в нем нет. А еще звуки - плеск, какой-то шепот, клекот, немыслимая какофония - это непонятно что, ты никогда раньше не замечал, что вокруг столько непонятных запахов и звуков. Воздух ими полон. Это такой упругий, живой, шевелящийся комок из звуков и испарений.

Встаешь к вентиляционным грибкам и дышишь - никак не надышаться.

Только пришвартовались - все уже вылезли наверх и высматривают своих - жен, детей.

Я всегда отпускал своих мичманов сразу же домой, а сам оставался на выводе ГЭУ.

Седые мичмана вдруг превращались в мальчишек, суетились, смеялись и бежали домой.

А до этого они все же сомневались, конечно, останусь ли я, отпущу ли их. И хотя я всегда их отпускал, они все равно волновались: а вдруг я как-то изменился и оставлю их сидеть на выводе, а сам уйду.

Вот ведь как мало человеку надо: чуть-чуть больше к нему расположения, внимания и он всегда это оценит. Как только сказал: «По домам!» - и сразу просто взрыв какого-то невероятного счастья.

Боевой пост пустеет тут же, и я остаюсь один.

Но я начальник, я могу уйти только последним.

Не все это понимают, но у меня так заведено: я прихожу на службу первым, а ухожу последним, и у меня самые надежные мичмана - ни разу не подводили.

На Севере полярный день наступает стремительно. Это всегда поражает - все меняется очень быстро. Я вышел из лодки и иду домой. Снег уже осел - грязный, ноздреватый. Весна упрямо выталкивает зиму в овраги. Зима скатывается туда, а потом еще долго лежит под лапами невысоких берез, а в воздухе совершают свои виражи черные вороны - эти воздушные акробаты.

Они появляются на Севере первыми из перелетных птиц. Весна на Севере - это время для самолюбования этих могучих птиц. Они выступают только парами - синхронное плавание в океане воздуха и света. Они легко переворачиваются в воздухе, направляются прямо в скалу, а потом резко взмывают вверх.

А вот я иду по земле с трудом - отвык от ходьбы.

Сегодня еще действует порыв, а вот назавтра ты совсем расклеиваешься и утром голову не оторвать от подушки.

А к дому подходишь с робостью - а вдруг это все только снится или все это только кажется? Это столько раз снилось в автономке, что и сейчас вполне может оказаться видением.

Звоню в дверь - она сейчас же распахивается. За дверью жена, визг и писк.

А я все никак не могу поймать ее щеку.

Но вот поймал - лоб, волосы, щеку, губы - ткнулся. Кажется, я совсем разучился целоваться, никак не попасть.

Реальность словно бы отодвигается от тебя - там жена о чем-то говорит, говорит, а ты слушаешь, что-то невпопад отвечаешь - ты есть, и тебя нет.

Надо бы до нее коснуться, что ли.

Коснулся руки - рука маленькая, мягкая и теплая - а она и не заметила, болтает без умолку, а я вот как-то сразу успокоился - все позади, теперь все будет хорошо, и я опять пришел с моря.

ВЕТЕР

Ветер, ветер, ветер перемен.

Весна и ветер. На Севере теперь ветер. Теперь будет выть трое суток, не меньше. А в лицо - алмазная крошка - вот такие у нас снежинки. Иссечет все щеки, пока идешь.

Вызвали на службу среди ночи, и я иду на лодку. Можно руки раскинуть и тебя понесет по льду. Хорошо, что дует в спину. Точнее - отовсюду дует, чаще в спину, но в лицо обязательно попадает. И как северному ветру удается всегда попадать в лицо?

Холодно, шинель продувает насквозь. Придумал же бог шинель - сзади разрез и полы заворачивает на голову. Интересно, какой у нас ветер? «Ветер раз» или «Ветер два»? Так и не понял спросонок. Ну, да все равно идти - в залив не сдуло бы.

«Это май весельчак, это май чародей, дует свежим на нас опахалом!» - точнее, март. На дворе у нас март.

Совсем замерзаю, и поэтому побежал. Бежишь и не знаешь, когда шлепнешься. Шлепнулся, встал, опять побежал.

А вот и лодка. Света нет, просто громадина нарастает. И людей нет. Трап только елозит, а швартовы ослаблены - ну, это чтоб не порвало. И в пирс бьет волна - взлетает свечкой.

И вот между всем этим ты и пытаешься пролезть на лодку - ни черта не получается, тебя кидает на леера. Тогда я опускаюсь на четвереньки и ползу по трапу. Долго. То справа, то слева - фонтан воды вверх, и я между ними, как ящерица. Дополз. Теперь надо подняться между ударами, докарабкаться до рубочного люка - вода подбирается под ноги. Тут главное вцепиться покрепче - вот и добрались до люка.

Внизу темень - света нет, сидим на аварийном освещении.

Вниз медленно, чтоб не оборваться - все мокрое. Дополз. Теперь на боевой пост.

Вошел - никого, конечно. Я первый. Сажусь в кресло в чем был - в шинели, теперь все равно, продрог, чаю бы. Сейчас, сейчас сделаем чаю, сейчас.

И сейчас же кто-то наваливается на плечи, становится тепло. Руки сами стекают вдоль туловища - они словно резиновые. А веки кто-то склеивает самым надежным клеем - не разомкнуть. Все вокруг становится большим, огромным, а сам ты становишься маленьким - так бы и свернулся клубочком. И забегали солнечные зайчики у самых глаз, и песок, будто, под тобой горячий, и вот ты уже на море. Но только оно теплое, и плещется еле-еле. Штиль. Полный штиль. Ты на пустом пляже с ребятами. И ты зарываешься в песок - вы только что вылезли из моря, зуб на зуб не попадал, но как только горячий песок, так глаза сами и закрываются. А ребята рассказывают о чем-то. Про какие-то арбузы, а тебя это уже мало волнует, потому что тепло во всем теле и, кажется, что все еще только начинается, и завтра все будет только хорошо.

Спи - все у тебя получится.

ДЕНЬ ПОДВОДНИКА

В 1983 году 19 марта День подводника еще не праздновали официально, и поэтому ракетно-ядерный исполин болтался в водах Баренцева моря в надводном положении. Только что выполнили торпедную стрельбу, и торпедолов только что нашел и поднял на борт торпеду. Ход у исполина был минимальный - пополняли запас ВВД и размышляли о грядущем. Замкомандира дивизии по боевой подготовке капитан 1 ранга Зотов нервничал: - Что там с ВВД? - спрашивал он через каждые пять минут.

- Пополняем, товарищ капитан 1 ранга! - был ему ответ.

- А почему так медленно?

Ему долго врали, что все нормально, а потом командир исполина решился и доложил, что из трех компрессоров в строю только один.

- Как один?

- Один, товарищ замкомдив!
- Вы с ума сошли? Вышли в море с одним компрессором?
- Так штаб же в курсе!
- Весь штаб в курсе, а я нет?
- Так вас же не было на последнем разборе.
- А где я был?
- Так вы ж в море были на «К-92».

Это было правдой, замкомдив был в море.

- Так! Хорошо! А что у вас еще не работает?

В этот самый интимный момент трюмные четвертого отсека запросили по «Каштану» добро продуть гальюн четвертого. Это окончательно вывело замкомдива из себя:

- Почему они используют для такого доклада «Каштан»? А? Почему для продувания гальюна, я спрашиваю, используется боевая трансляция?

Ему не успели ответить, потому что из четвертого же отсека по той же трансляции доложили, что ДУК - устройство, предназначенное для дистанционного удаления контейнеров - заклинил.

- Что с ним случилось? - переключился замкомдив на ДУК.
- Крышку заклинило в открытом положении.
- Господи! Теперь мы еще и не можем погрузиться! Только американцев нам теперь не хватает!

Замкомдив, как в воду глядел: БИП - боевой и информационный - немедленно доложил о появлении новой цели - крейсер, типа «Каунти», на всех парах идет к нам.

- Американцы?
- Кажется!
- Когда кажется, крестятся! Скорость?
- Двадцать четыре узла!
- Отлично! У нас три узла, и мы пополняем запас ВВД, надрывая один компрессор, и у нас не закрывается крышка ДУК! Самое время перекурить! Командир! - замкомдив обратился к командиру, - вы приглашаетесь наверх. Ну, что ж, поглядим на этого орла.

Когда они с командиром вылезли наверх, крейсер уже был очень близко. Он подошел, сбросил ход, и вывесил флаги.

Замкомдив перекурил, пока их расшифровывали:

- Ну?
- Он занят учениями, просит соблюдать осторожность.
- Ты гляди! Значит, сейчас начнется кино. Что с ВВД?
- Бьем!
- Заканчивайте, не даст он нам его добить. Что с ДУКом?
- Плохо закрывается.
- А раздвижным упором можно подпереть?
- Можно.
- Ну, так делайте хоть что-то! Скорей! Он же сейчас маневрировать начнет и прижимать нас справа - не понимаю, почему до сих пор это делать не начал. Кто у нас старшим на тэ-эле?

- Старшим на торпедолове старпом с «К-193», капитан 2 ранга Переверзиев!

- Андрей Антоныч? Ну, слава тебе Господи, хоть один вменяемый человек. Свяжитесь с ним и чтоб он нас прикрыл.

На тэ-эл немедленно передали: «Прикройте нас справа!»

Андрей Антоныч в это время был рядом с командиром торпедолова - мичманом Дзюбой Филиппом Филипповичем - заслуженным, с усами. Оба рассматривали американский крейсер в бинокли.

- Это мой старый знакомый - сказал Антоныч, не отрывая глаз от окуляра, - встречались, помнишь?

- Ага, он еще в прошлый раз пытался нас убить.

- И сегодня попытается. А скажи мне, Филиппыч, - Андрей Антоныч, стал задумчив сразу же, как только получил команду «прикрыть справа». - А есть ли у тебя сигнальные флажки?

- Нету, - был ему ответ.

- А вот это отлично! - Андрей Антоныч не отрывал свой взгляд от крейсера - тот медленно набирал ход, подбираясь к лодке! - Это просто отлично!.. Но, может, хоть один какой-то найдется?

- Один найдется! - вздохнул мичман.

- Иди ты! - удивился Андрей Антоныч, - И какой же это флажок у вас тут завалялся?

- Желтый! - быстро ответил мичман.

- Не может быть! «Холера на борту»? Здорово! Давай сюда эту «холеру»!

Тэ-эл вывесил желтый флаг и врубил ход.

На американце долго рассматривали флаг. На мостике командир крейсера:

- Не понял, что это за флаг он вывесил?

- «Холера на борту», сэр!

- «Холера»? Бог ты мой, на борту Переверзиев!

- Вы его знаете, сэр?

- Кто ж его не знает? Сейчас он будет нас таранить.

- Но он же не сумасшедший, сэр?

- Вы же недавно у нас?

- Так точно, сэр!

- Вам повезло. В прошлый раз он по нам стрелял сигнальными ракетами. Прямо в борт. А сейчас у них на борту «холера». Учитесь, какие у нас бывают противники.

После этих слов события стали развиваться стремительно. Крейсер двинулся на лодку, стараясь обойти ее справа. Замысел американца был понятен: что бы он ни делал справа, в случае аварии будет виноват советский командир - он не уступил дорогу.

Но ему мешал торпедолов - тот мгновенно оказался справа от американца и начал его прижимать.

На подводной лодке:

- Что там с ВВД? Стоп компрессор! Закрыть первый и второй запор! Что с ДУКом!

- Стоп компрессор! ДУК закрыт! Установлен упор!

- Срочное погружение!

В одну минуту ракетно-ядерный исполин скрылся под водой - крейсер чуть-чуть по нему не проехал, а в это время в правый бок крейсеру уже летел торпедолов.

На крейсере:

- Он с ума сошел, сэр?

- Нет, это его обычная тактика.

- Он же сейчас в нас ударит!

- Учитесь! Сейчас увидите, что он сделает!

На торпедолове Андрей Антоныч вместе с мичманом Дзюбой стояли рядом с рулевым, вцепившись во все подряд.

- Успеешь отвернуть? - только и успел спросить Андрей Антоныч.

- А черт его знает! - весело выкрикнул рулевой.

Разошлись в миллиметре друг от друга. Крейсер немедленно сбросил ход, торпедолов - тоже. Какое-то время лежали на воде молча, переживали случившееся, а потом с крейсера по корабельной трансляции разнеслось на чисто русском языке:

- Андрей Антоныч, подозреваю, что это вы там у нас старший!

- Да, я, конечно же! - был ему ответ.

- Рад с вами снова встретиться! Надеюсь, у вас все живы? Помощь с «холерой» на борту не нужна?

- Справимся, у нас много сменных подгузников.

- Кстати, поздравляю вас с Днем подводника - 19 марта!

- Не празднуем пока, но все равно спасибо! Всегда рады гостям! Как вам наше гостеприимство?

- Отлично! Я восхищен! Как заново родился! Мои поздравления рулевому!

- Я ему куплю конфетку!

С тем они и разошлись. Крейсер отправился восвояси, торпедолов повернул к родным берегам, а лодка всплыла и тоже пошла домой.

А День подводника - 19 марта - объявили праздником в России только в 1996 году.

15 июля подписали приказ.

СВАТОВСТВО КАПЛЕЯ

- Саня, ты пойми, - убеждал Андрей Антоныч Саню Углова. - Ты не женат, а уже капитан-лейтенант. Это неправильно. Тебе для карьерного роста нужна жена и дети. Потому что такой застарелый холостяк для кадровиков ненадежен, как весенний кобель: след его может пересечь след самки, и тогда общая хана всей боевой подготовке.

Дело в том, что Саня Углов никогда не был женат - то автономка, то отпуск.

Жена Андрей Антоныча и две его взрослые дочки как-то все пытались устроить его семейную жизнь - водили по всем знакомым. Андрей Антонычу это надоело.

- Я сам его женю! - заявил он жене.

- Как это?

- А так - женю и все! Тоже мне проблема - подходящую бабу найти. По дороге найдем… или в ресторане.

- Какую бабу? В каком ресторане? Чего ты несешь? Ты что не знаешь, кто туда ходит?

- Ну, я иногда туда хожу, ну и что?

В общем, пошли они в ресторан.

- Ты, главное, не волнуйся, - инструктировал Саню Андрей Антоныч, - ты выпей сначала.

Саня налил себе полный фужер, Андрей Антоныч посмотрел и молча отлил из фужера половину:

- С таким количеством ты не сможешь ничего ни сказать, ни сделать.

- А что надо делать?

- Встанешь на одно колено и предложишь руку… и сердце.

- А когда вставать? - сказал Саня, выпив еще один бокал.

- Погоди, осмотримся сначала.

И они осмотрелись, и не один раз.

- Ну, я пошел? - спросил Саня.

- Куда? - не понял Андрей Антоныч.

- Же… нить (ик)…ться.

- Мы же еще не выбрали, - Андрей Антоныч тоже говорил теперь медленно. - Сейчас начнем выбирать. Сейчас.

Две подружки - Таня и Соня - тоже пришли в этот же ресторан. Соня была замужем, а вот Тане на кавалеров не везло.

- Это потому, что ты все по любви хочешь, - говорила ей Соня. - А надо с умом. По расчету.

- А в постель я тоже с твоим расчетом лягу?

- Конечно, с расчетом. С расчетом на хорошего человека, - с этими словами Соня внимательно оглядела зал.

- Вон, гляди какой забавный, - взгляд Сони безошибочно вычислил Саню Углова.

- Где?

- Да вон же, он скоро окончательно напьется.

- Муж-пьяница - это действительно забавно.

- Да никакой он не пьяница. Я его сразу отметила. Он и пить-то не умеет, с третьего бокала уже еле языком ворочает. Капитан-лейтенант, не женат или давно разведен. Кремовая рубашка несвежая, и брюки он гладит нечасто. Ничего, отмоем, оденем, на человека станет похож через две недели. Берем?

- Что значит берем?

- Это значит, что я сейчас буду на него смотреть, и он к нам обязательно подойдет.

Андрей Антонович сразу же заметил двух дам.

- Саня, есть две на выбор. Первая беленькая (Соня), другая черненькая (Таня).

- Где?

- Через три столика напротив. У черненькой фигура лучше, но выбирать надо беленькую.

- Почему, Андрей Антоныч?

- Потому что если у одной из двух подруг фигура хуже, то это означает, что она в этом дуумвирате берет умом. Тебе умная девушка нужна, она не будет тебя перевоспитывать.

- Как это?

- Так. Многие дамы полагают, что нас надо воспитывать и перевоспитывать, и тратят на это уйму времени.

За столиком у дам тоже шла беседа.

- А тот, что с ним рядом, кто, как думаешь? - тихонько проговорила Таня.

- Капдва? Это его начальник. Наставник, так сказать, учитель жизни. Женат, двое детей.

- Почему женат?

- Потому что уже отучен держать руки в карманах, а твой капитан-лейтенант еще нет-нет да и пытается туда сунуть руки, даже сидя за столом. Смотри, как он сидит-то: одна рука на столе, другая под столом. А вот капдва держит на столе обе руки - жена постаралась.

- А почему у него должно быть двое детей?

- А потому что ему уже около сорока, и он капитан 2-го ранга. Или старпом, или механик, а в таком возрасте удержать рядом с собой женщину можно, только потопив ее в вечной беременности. Или две девочки, или девочка и мальчик, но девочка старше.

- Ты его знаешь?

- Нет. Ярко выраженный самец, уверенный в себе, знающий себе цену. Пропадает на службе, а дома у него всем правит жена - этакий мужик в юбке, баба-конь. У такой пары могут родиться только девочки, это почти статистика. Смотри, они оживились, сейчас он направит капитана к нам. Подготовь записку с номером телефона и его телефон не забудь взять.

- Так сразу?

- Только так и сразу.

- А что мне делать с Димой?

- С каким Димой? Господи, вспомнила! Это с твоим учителем, что ли? Мы же забыли про него. Договорились же. Он уже десять лет не может с женой разойтись. У него в учительской только бабы, так что он давно уже сам баба. А тут перед тобой мужики - их надо только правильно взять. А Дима твой только сопли жевать умеет. И потом - на чужом горе своего счастья не выстроить. Не надо нам Диму разводить, ему и так хорошо. И не вспоминай это чудо природы. Или я сейчас же ухожу, и выходи потом замуж сама. Ну? Решено?

- Да.

- Ну слава те господи! Все, тихо, он пошел.

За соседним столиком:

- Так я пошел?

- И помни: нам нужна беленькая, - Андрей Антоныч важно выставил палец вверх.

- А если с ней что не так?

- Тогда с ходу предлагаешь черненькой.

- А если и с ней…

- Все с ними в порядке. Не может быть, чтоб у обеих что-то не так. Не забудь на одно колено встать.

Саня встал, одернул тужурку, повернулся и направился к девушкам - там его уже ждали. Подойдя, он опустился на одно колено и воскликнул, обращаясь к Соне:

- Девушка! Вы такая красивая, будьте моей женой!

Девушки обомлели, но Соня быстро пришла в себя:

- Молодой человек, я уже пристроена в этой жизни, я замужем, а вот Таня ваше предложение может выслушать.

Саня обернулся на Андрея Антоныча в жуткой тоске, но тот ему грозно кивнул, мол, немедленно переключайся:

- Ну, тогда мы обратимся к Тане, - сказал Саня, вернувшись к предметному разговору. - Таня, будьте моей женой!

Далее все за них сделала Соня. Таня и Саня моментально обменялись телефонами, договорились о встрече завтра в загсе, после чего девушки засобирались и ушли.

- Все! - сказал Саня, вернувшись за столик к Андрею Антонычу. - Завтра женимся!

- Молодец! - похвалил его старпом. - Сразу и в лоб.

- А где у нас загс?

- Завтра покажу. А пока пойдешь и проспишься.

- Я могу все забыть!

- Ничего, я напомню и сам с тобой схожу.

На следующий день они уже стояли у дверей загса. Девушек не было.

- Не придут они, Андрей Антоныч.

- Еще чего. Они любопытны, как кошки - обязательно придут обнюхаться.

- И что мы им скажем?

- Только не ной! Не мы, а ты этой черненькой скажешь, что влюблен в нее с первого взгляда наповал и предлагаешь ей замуж пойти за себя.

- Я даже, кажется, не помню, как она выглядит.

- Это неважно. Я помню. Фигурка хорошая, сама симпатичная - чего еще надо? Обязательно придет. Да не трясись ты!

- Не могу, Андрей.

- А ты через «не могу». Это нервы. Пройдет после первого поцелуя. И вообще относись к этому спокойно, как к регламенту. Ей тоже хочется замуж.

- С чего вы взяли?

- А чего они в ресторан явились?

- Ну, так просто.

- Просто так только дети появляются, на все остальное бывает умысел.

- Не распишут нас сразу. Месяц надо на размышление… кажется…

- Распишут. Я и бумагу подготовил от командования, то есть от себя самого, что ты завтра убываешь в служебную командировку на год. Должны расписать мгновенно, закон на то есть.

- Холодно чего-то.

- Вот и хорошо, сейчас из тебя остатки вытрясет.

- Не придут они.

- Не канючь.

В это время девушки спешили к загсу.

- Не могу поверить, что во всем этом участвую, - говорила Таня на бегу, - Никого в этом загсе нет. Никто не придет. Глупость все это.

- Явятся как миленькие, - Соня от нее не отставала. - Могу поспорить.

- На что? - Таня даже остановилась.

- На твои французские духи.

- И на твои.

- Согласна.

- Господи! Неужели я в этом участвую? - Таня опять остановилась. - Я спорю на мужчин?

- Споришь, потому что замуж пора, а это нормальные мужики.

- Какие же они нормальные, если так женятся?

- А нормальные только так и женятся. Им некогда. Где они женщин найдут? Они же служат. Я их насквозь вижу.

В этот момент девушки вылетели из-за угла здания и увидели, что у дверей загса их ждут.

- Вот они, - сказал Андрей Антоныч, - пришли же. И кто был прав?

- Здравствуйте! - сказал Андрей Антоныч девушкам, когда они оказались у дверей загса.

- Здравствуйте, - сказала за двоих Соня, а Таня кивнула. В этом кивке была смесь - страх, любопытство, снова страх и снова любопытство.

Саня Углов тоже изобразил что-то вроде кивка. Андрей Антоныч взял на себя роль старшего над всем этим безобразием, поскольку от Сани толку было мало.

- Прежде чем войти, хотелось бы услышать от молодых людей, что они все еще полны решимости относительно предстоящих уз. Ну, Саня, - его, кстати, зовут Александром, а фамилия у него Углов, ну это я так, на всякий случай - говори первым и еще раз: да или нет.

- Да! - выдавил Саня с трудом, помогая себе руками (они почему-то описали в воздухе что-то вроде круга).

- А девушка?

Девушка немедленно получила от Сони тычок в бок и тоже поспешила сказать «да».

- Ну, тогда пошли вовнутрь.

Внутри их ждала заведующая загсом.

- Да как же это? Не могу я. Нужно же время на обдумывание! И потом - у нас очередь!

Андрея Антоныча так просто ей было не взять:

- Можете! У нас бумага есть о том, что он завтра уезжает в командировку сроком на один год.

- Как это? Куда? Какая бумага?

На прочтение «бумаги» ушло минуты три. После этого заведующая сняла очки и внимательно посмотрела на Андрея Антоныча. У того было непрошибаемое лицо.

- Все равно надо будет подождать.

Тут Андрей Антоныч выдвинулся вперед:

- Не может он ждать. Он и так все время чего-то ждет. Из автономки в автономку, из моря в море. Годами ждет. И опять уйдет неизвестно куда, на бог его знает какое время. А там уж море покажет: вернется или нет. И как вы себя будете чувствовать, если он не вернется? И что мы скажем его детям? Что они появились вне брака?

Заведующая от такой речи онемела. Вся процедура заняла не более десяти минут.

- Поздравляю, - сказал Андрей Антоныч, когда они вышли из загса на улицу. - Молодожены теперь могут выпить шампанского и поцеловаться!

Андрей Антоныч достал из портфеля бутылку шампанского и фужеры.

- Ну, что же вы, целуйтесь!

И Саня осторожно поцеловал Таню.

...Удивительно, но Саня и Таня до сих пор муж и жена. И у них двое ребятишек - сами скоро станут родителями.

А вот любовь к ним пришла не сразу. Таня говорила, что лет через пять, а Саня уверен, что через три года.

Вот и весь брак по расчету - по расчету на хорошего человека.

ХРИЗАНТЕМА

Черт меня дернул под Новый год лететь в Мурманск из Архангельска. Но наш экипаж лодку перегонял в Северодвинск, а семьи остались в Гаджиево, и вот на Новый год начальство решило отпустить народ к семьям. Кто-то из жен успел прилететь к подводничкам, а кому-то некуда было прилетать - жилья-то не было, и жили мы, где придется. Так что жена в Гаджиево, я отпросился - лечу. Но отпросился я последним, все уже улетели, а меня все не отпускали. Потом махнули рукой - черт с тобой.

Ну и подарок надо привезти. Что подарить? Шампанское мы и так достаем по дороге, а еще что?

- А привези ей цветок, - сказал мне Гоша Арутюнян.

- Какой цветок, - удивился я. На дворе 1985 год, и цветами мы тогда были не избалованы.

- Как какой? Давыдов же из Сочи летит. Мы все ему цветы заказали. Ты что? Не в курсе?

- Цветы?

Действительно. Лешка Давыдов, родом из Сочи. И старпом отпускал его на неделю - жена рожала. И вот он теперь летит. С цветами. Старпом сказал: привезешь всем бабам цветы.

- Так ведь, я-то и не подумал. Я и денег не сдавал. Чего-то я это дело пропустил совсем.

- А чего тут думать? Хризантемы он везет. Я тебе выделю одну. Встретим его в аэропорту, он отдаст тебе цветок, ты - на самолет и в Мурманске через час небольшим. Потом - автобус и до дома - а там жена. Она же тебя не ждет, так что сюрприз. А ты ей - на тебе, дорогая, и даришь цветок. Ну, как? Здорово же!

- Здорово.

Давыдова мы отловили в аэропорту, и тут же отняли у него одну хризантему. А потом Гоша с Давыдовым умчались в часть, а я остался ждать самолета; еле еще тогда на него билет достал - до Нового года три дня осталось, просто повезло.

Только ребята уехали, как тут началось - «Ваш рейс задерживается по метеоусловиям Мурманска!».

Черт бы их всех побрал в этом Аэрофлоте! Я два дня сидел в аэропорту - никаких отлетов, прилетов, Мурманск закрыт. Я уже на себя не был похож, потому что главная задача на эти три дня у меня была сохранить хризантему. А как ее сохранить, чтоб они все в этом Аэрофлоте сдохли?

Нашел я какую-то банку, наполнил водой и воткнул в нее цветок, и сижу с ним, как идиот.

Наконец, объявили посадку! Не прошло и двух суток, а до Нового года остается совсем ничего. Банку в сторону, цветок из нее выдернул, обернул его газетой, и в самолет бегом на посадку.

- Есть у вас багаж?

- Есть! Вот этот цветок!

В Мурманске мороз десять градусов - в автобус в город я влетел пулей, не заморозить бы хризантему. До города ехали час или что-то около того, но на автобус я все равно опоздал - ушел последний, сволочь. Ну и куда мне теперь с моим цветком?

Как куда? На катер! Вся толпа с автобуса побежала на катер. Добежали.

Есть билеты? Катер идет? До Нового года осталось всего ничего.

Билеты есть, и катер - ПСК - идет. Ах, он лапушка!

Но только до Полярного.

Как - до Полярного? Так, до Полярного? Новый год он в Полярном будет встречать.

А где я буду встречать Новый год? А это никого не волнует.

Ах, он скотина! Вот, ведь, скотина!

Так, ладно, пусть будет до Полярного.

В Полярный мы пришвартовались в 20.00 или что-то около этого. До Нового года оставалось часа четыре, а цветок я спрятал под шинель, на груди.

А чтоб не помять, шинель расстегнул, и бегом на автобус.

Автобус должен был идти до Гаджиево.

Автобус? Да! До Гаджиево? Да! Да не смешите меня, под Новый год какие автобусы?

Не будет автобуса и тем более - до Гаджиево! Вы что, все с ума сошли?

Сошли. Все. Конечно. Особенно я. Тридцать километров пешком. В гору пешком, с горы бегом. Трое сумасшедших пошли пешком, среди них был и я.

Я задавал темп, потому что 30 если разделить на 4, то это получится по 7,5 километров в час, а тут снега по колено.

Хорошо, что светила Луна - дорога совершенно пустынна и только три фигуры на ней - в гору пешком, с горы бегом.

В Гаджиево мы прибежали совершенно мокрыми. Перед дверью я долго целился, чтоб попасть в звонок. Когда жена открыла дверь, перед ней встало совершенное чучело - от него шел пар, и на человека оно мало походило, а на мужа - тем более.

- Что случилось? - спросила она.

Я достал из-за пазухи изуродованную хризантему и протянул ей. Я удивился собственному голосу.

- Вот! - сказал я, гордо сжимая то, что раньше было цветком, - Это хри…зан…те…ма. Ти…бе!

ЧУДО-КОТ

Приятелю моему, пользуясь отсутствием у того в тот момент жены, соседи на две недели подкинули своего кота. Когда я к нему зашел, он меня встретил со шваброй в руках.

- Ты чего? Уборкой занят? - спросил я.

Приятель был хмур.

- Если бы. От кота отбиваюсь.

- Как это?

- Так.

И тут я увидел этого кота. Это было удивительное создание: ростом с пятилетнюю дворнягу - высокие лапы, обличие рыси и большой пушистый хвост.

Швабру приятель немедленно выставил навстречу коту.

- Внимание! Он может броситься! Берегись!

Кот сейчас же подобрался, под кожей у него заходили нешуточные мускулы.

- Он, что? С ума сошел? - все, что мог спросить я. Мы оба замерли, напряглись, выставив вперед свое ненадежное оружие - швабру. Кот попятился рыча, и убрался на кухню.

Это был рык снежного барса.

- Откуда это чудовище? - спросил я, когда напряжение немного спало.

- Соседи решили в отпуск смотаться и оставили мне кота. Они его и сами боятся до смерти.

- Его застрелить надо.

- Надо. Но ты сначала с ружьем в дверь войди.

- И как ты согласился?

- А черт его знает. Сам не понимаю. Они еды ему оставили. Я даже сплю теперь со шваброй.

В этот момент нас и нашел рассыльный - нам предписывалось срочно явиться на лодку - внезапный выход в море на одни сутки.

Никогда еще в жизни мы не шли на корабль так быстро.

- А как же кот? - только и спросил я.

- Ничего! - злобно заметил приятель, - За сутки с этой тварью ничего не случится.

В море мы пробыли не сутки, а целую неделю.

Через неделю, под самый Новый год, нас вернули в базу.

- Слушай! - взмолился приятель, - Давай ты со мной пойдешь! А? Вдруг он не сдох там. Он же меня сожрет.

- А ты хочешь, чтоб он и меня сожрал? - только и мог я сказать, но идти согласился - не бросать же человека одного в новогодние праздники.

Жены наши должны были подъехать только через сутки, так что вполне можно было проверить, что там осталось от кота.

Двери были двойные, и первую дверь приятель открывал, почти не дыша. Потом он приложил ухо ко второй двери и прислушался - там была тишина.

Во второй двери приятель только и успел, что повернуть ключ - дверь была распахнута одним рывком изнутри. Отреагировать мы не успели - в объятья нам бросился кот. Он не рычал, не мяукал, он издавал звуки, которые воспринимались человеческим ухом как слово «БРАТЬЯ!!!»

Он висел на приятеле, обнимая его лапами за шею. В один миг он вылизал ему все лицо, обратил внимание на меня и выдавил из себя звук, очень похожий на: «И ты тоже, брат, заходи!»

В кухне был полный разгром. Кот добрался до всего. Сожрано было абсолютно все. От батона в пакете остался один только разорванный на мелкие полоски пакет. Воду кот пил из унитаза - благо там все время бежала мелкая струйка, а уничтожив все съестное, он стал отрывать и жевать обои.

Идти за едой было уже поздно, но соседка снизу сварила нам макароны с тушенкой.

Все это мы ели втроем - мы двое и кот - он уничтожал макароны, втягивая их внутрь с невероятной скоростью.

Соседи, когда вернулись, не узнали своего кота - настолько это было милое, мирное животное, всегда готовое к ласке, благородное и благодарное.

Кот потом навсегда сохранил привычку пить воду только из унитаза, а еще он уносил и прятал всюду сухой корм. Как собака. На всякий случай.

ИЗ ЦИКЛА «ПРОСЕКА»

***

Я до сих пор в тайге ни разу не был.
Какая тишь... Какой вокруг покой!
Глаза болот, наполненные небом,
светлы непостижимою тоской.

А я, не зная никакой заботы,
по мягким мхам шагаю налегке.
Стальная запятая вертолёта
ещё висит у облака в строке.

Случайна зелень в серости дневной.
Случаен я среди берёзок голых.
Тягучее осеннее вино
мне страшно пить из родничков весёлых.

Поляны в ожидании вдовства.
Всё ниже никнут высохшие травы.
Всё громче шепчет мёрзлая листва,
всё снега ждёт... Не так ли ждут отравы?

Да нет, не так! Мой лес совсем не слаб!
Иначе, почему с такою силой
Всё это множество еловых лап
выискивает сонное светило?

***

Пока свиваются метели,
багроволицые мужи
под мутным солнцем пилят ели.
Стемнеет - запалят кряжи,
и от натуги пуповинной,
со лба смахнув горячий пот,
на брёвна бросят мешковины,
в кружок усядутся... И вот,
покуда чайник закопчённый
молчит, растапливая лёд,
на темы мудрые, «учёные»,

их долгий разговор течёт.
Что, мол, наедут скоро люди,
что по вербовке жизнь - не мёд,
и то, что выстроено будет,
к чему такому приведёт...
Зачем же я сижу, немея,
у тихой робости в плену?
Мне б засмеяться, грамотею,
мне засвистеть бы, пацану!
Здесь ветерок поёт по-волчьи,
и мне известно всё давно.
Но я молчу... Так смотрят молча
документальное кино.

КАРТА

Хорошо ли на сердце, плохо ли,
карта, милая - помоги:
мне кружочки селений крохотных,
как спасательные круги!

Карта - милая переводчица,
дай из речек живых испить!
Мне же Родину видеть хочется,
чтобы крепче её любить.

Для меня все ветра - каленые,
все метели - твои, о Русь!
Расширяйся, моя вселенная -
я губами к тебе прикоснусь!

***
Пересекая бесконечность леса,
сквозь синий сумрак и колёсный вой
трепещущая ленточка экспресса
летит за неподвижною луной.

Наступит час - беседы станут глуше,
попутчики прилягут по углам.
Я начинаю верить, что их души
опережают спящие тела.

Их где-то ждут, их любят.
Как им спится!
Струится ночь, и ей не видно дна.
Мне никогда, наверно, не напиться
из этой чёрной проруби окна!

***
Над старым парком каркают вороны,
Скамейки деревянные пусты.
Всё сдержаннее живопись листвы,
Трагичнее пустеющие кроны.

А ну - скорей
От этой мудрой грусти,
Скорей - туда,
Где палая хвоя,
Где хлещет дождь,
Где, как радары, грузди
Растут всю жизнь – к загадкам бытия!

Скорей,
Скорей!
Чтоб с песней леса слиться,
Чтоб снова закружилась голова…
Туда,
Где распоследняя кислица
Уже своим рождением права.

КАРА-КУМЫ

Пустыня, ты - Феникс! Я вижу цветенье твоё.
Любимая, знаешь ли, как расцветает пустыня,
когда каждый кустик, пробившийся к небу, поёт
и листья купает в небесно-пронзительной сини?

Цвети, тамариск! И пускай твой воскреснувший лес
ласкает пески удивительно розовым дымом.
Уж светом любви озарили тревогу небес
зажжённые свечи зелёных побегов кандыма!

Не хочется думать в такие часы о былом:
ведь солнце в зените, и в мире - ни капельки тени!
Своим осторожным, но вечнозелёным умом,
арча не поймёт сумасшедшего чуда цветения!

О, красные маки - на каждой забытой версте!
О, искорки горлиц - над каждым плешивым такыром!
Колдун-карагач, позабыв о своей черноте,
соцветья сердец вдруг открыл удивлённому миру!

И так хорошо, что закрою глаза - ты со мной
в цветущей пустыне! И мы, как весёлые боги...
Ну, разве смешно, что среди Каракумов, весной,
в мечтах о тебе я опять забываю ожоги?

ТИХИЙ СНЕГОПАД

Уже сентябрь,
скажи на милость!
Уже
летит
мохнатый
снег.
И ничего не получилось,
О чём мечталось по весне.

Белым-бело на месте пашни.
Дорога больше не видна.
Приходит вечер и
не страшно
Сидеть у проруби окна.

Как валит снег,
как небо мглисто!
Я буду биться об заклад,
Что это шапки оптимистов
Обратно медленно летят.

БЕДНЫЙ МЕДВЕДЬ

…Пять лет назад, когда шеф был простым (одним из семи) вице-премьером, они летали в Канаду на какое-то мероприятие, связанное с развитием жилищно-коммунальной инфраструктуры в северных провинциях этой страны. Канадцы проложили особые (из циркониевой пластмассы) трубы на вечной мерзлоте поверх понтонов и пустили по ним так называемую «облегчённую», изменённую в результате уникальной - холодным нейтринным синтезом - реакции незамерзающую воду (они называли её «водяным дымом»). Температура и давление «водяного дыма» регулировались с помощью специальной компьютерной программы. Зимой понтоны вмерзали в лёд и держались несокрушимо, а летом не тонули в болоте, легко выдерживали трубы. Самое удивительное, что «водяной дым» при изменении контура давления начинал работать как огромной мощности насос. Новая технология позволяла не только подавать воду, тепло и энергию в самые недоступные места, но и осушать в этих самых местах болота, вымывать или, наоборот, намывать грунт, даже убирать посредством холодного нейтринного синтеза жидкие отходы и твёрдый мусор, то есть решать мировую экологическую проблему загрязнения Севера. «Водяной дым» не только разлагал мусор на атомы, но (теоретически) мог преобразовывать их в энергию. Новая технология, в сущности, подтверждала ленинскую, а до Ленина древнегреческих философов-материалистов мысль о вечном круговращении в природе так называемого «первоначала» - «матери всех вещей».

Тогдашний президент велел шефу посмотреть, можно ли использовать такую технологию в России.

…За несколько часов до отлёта в Москву, шеф заглянул в номер к Вергильеву и сказал, что на несколько дней задержится в Канаде. Через два часа прилетит вертолёт, и - за Полярный круг, на белого медведя. Только что звонил посол, с лицензией улажено. Вергильев пожелал шефу удачной охоты. Они попроща-

лись. Взявшись за ручку двери, шеф вдруг обернулся: «Хочешь со мной?». «На медведя?» - Вергильев не хотел, но не знал, как отказаться. «Его уже сфотографировали со спутника, - сказал шеф. - Он нас ждёт. Отличный экземпляр».

Вергильев посмотрел в окно. Был май, светило солнце, но за окном было минус двадцать девять. Вергильев служил срочную в армии на Чукотке. Он представлял, как сейчас за Полярным кругом в провинции с обманчивым женским именем Нуна, за тысячу километров от их пятизвездочного отеля. «Брать с собой плавки?» - полюбопытствовал он. «Минус сорок два плюс несколько дней лыжной гонки», - ответил шеф. «Конечно, хочу, - засмеялся Вергильев. - Не представляю, кто бы смог отказаться от такого предложения».

Экспедиция продлилась пять дней.

Она запомнилась Вергильеву незаходящим солнцем, диким обжигающим холодом, непрерывным скольжением на лыжах, мучительным - поочерёдным, - бурлацким каким-то, волоком саней с провизией и необходимыми вещами. И - полным отсутствием спиртного. Лёжа в спальном мешке в палатке, как в ледяном доме - от дыхания троих мужиков на стенках и потолке мгновенно образовывалась искрящаяся наледь, он мечтал о глотке водки, коньяка, текилы, да хоть дрянного канадского виски, которое рекомендовалось употреблять с кока-колой. Но ничего не было.

Сопровождающего их егеря звали Слава. Как понял Вергильев, Слава был русским, родившимся и жившим в Канаде. Он разговаривал, как на родных, на трёх языках. Хотя, может быть, их было больше. На русском - с Вергильевым и шефом. На английском и французском - по рации с людьми из фирмы, организовавшей охоту. Это была серьёзная фирма. Позволить себе охоту на белого медведя могли немногие.

Вергильев поинтересовался у Славы, на каком языке он думает. Слава ответил, что в основном на русском, но иногда, когда о чём-то глубоко личном - на французском. А если о деньгах, о работе, то исключительно на английском.

«А о бабах?» - неожиданно заинтересовался полиглотом-Славой шеф.

«О бабах почему-то на украинском, - признался Слава. - У меня дед по отцу и бабка по матери - украинцы».

«Это правильно, - одобрил шеф. - Податливый язык. Да и украинки… - покосился на Славу, - тоже не из камня. В хорошем смысле слова».

Несмотря на молодость, Слава был опытным егерем. Он безошибочно вёл их по следу, а когда след терялся - его заметало снегом, или медведь плыл сквозь свежие проломы во льдах, Слава выходил по рации на спутник, отслеживающий обречённого медведя, получал точные координаты и вёл их дальше. Он чётко и удивительно точно (по-социалистически) - от каждого по способностям - распределил обязанности в их небольшом

коллективе, большую часть возложив на себя. Он отвечал за безопасность, здоровье и настроение клиентов, а потому был не только егерем, но и штурманом, лоцманом, доктором, психологом, спасателем. Вергильев не сомневался, что Слава умеет делать всё, что должен делать человек в экстремальных ситуациях.

Вергильев, когда была очередь шефа волочь сани, а они со Славой бежали чуть впереди, прокладывая лыжню, спросил у Славы, сколько стоит их мероприятие и кто за него платит? Не мой вопрос, ответил тот, в каждом случае принимается отдельное решение. Мы работаем под контролем правительства, добавил после паузы, у них пятьдесят один процент акций.

Преследование медведя оказалось таким тяжёлым делом, что им было не до разговоров все эти дни, особенно поначалу. Даже сквозь закрытые глаза, перед тем как заснуть Вергильев видел ослепительно-белый лёд, голубое небо без единой звезды, лохматый пульсирующий круг посреди неба, как если бы солнце было (в прямом и переносном смысле) «моржом» и, выбравшись из полыньи, обмотало свои чресла махровым белым полотенцем.

Слава сказал, что в радиусе тысячи километров, кроме них, нет ни одного живого человека.

В последний день они отдыхали в палатке перед решающим броском. Вергильев никак не мог поверить, что через несколько часов он будет в номере отеля, где душ, сауна, бассейн, а в баре, возможно, пиво - в северных провинциях Канады, где жили индейцы и эскимосы, спиртное, как говорится, «ходило в красных сапожках». Он поинтересовался у шефа, что за радость страдать пять дней ради того, чтобы убить бедного медведя?

«Начнём с того, что он отнюдь не бедный, - ответил из своего угла палатки шеф, - а по медвежьим понятиям очень даже «упакованный». Мы идём не за медведицей, выхаживающей медвежат, не за молодым мишкой, которому жить да жить, а за матёрым самцом во цвете сил и наглости. У него, кстати, и сейчас есть шанс оторваться от нас, уплыть на льдине. Мы преследуем его на лыжах, а не на вертолёте. Но он не хочет менять маршрут, ставит на кон собственную жизнь, потому что считает, что в этом мире ему позволено всё».

«А наша цель - убить его за это, отнять жизнь у красивого, сильного зверя, занесённого, если я не ошибаюсь, в Красную Книгу?» - уточнил Вергильев.

«Это как посмотреть, - возразил шеф. - Да, он силён и красив, но он уже выполнил свою биологическую миссию, оставил после себя потомство. Новое его потомство уже будет качеством хуже, слабее. По законам эволюции он, как баба после климакса - в тираже. Знаешь, куда с такой энергией прёт эта тварь? За молодыми самками, родившими медвежат от молодых самцов, которые пока слабее его. Он их отгонит, превратив тем самым в отверженных одиночек, убьёт медвежат, чтобы у самок на-

чалась течка, и начнёт их драть, а потом, когда те залягут рожать, отвалит прочь, предоставив им самим заботиться о потомстве. Так что, - усмехнулся шеф, - я бы не стал однозначно утверждать, что этот симпатичный зверь украшает своим присутствием Землю. На этом свете он поимел всё, что только возможно для белого медведя, и сейчас живёт в своё удовольствие, не просто мешая жить другим сородичам, но в прямом и переносном смысле заедая их век».

«Но мир устроен так, - возразил Вергильев, - что подобные особи, как среди медведей, так и людей, всегда наверху. Они управляют миром. Законы природы защищают именно их».

«Я бы назвал это законами перевёрнутых пирамид, - ответил шеф. - Они воткнуты остриём в тело народов. На вершинах пирамид засели сверхуспешные и сверхбогатые ублюдки - лидеры государств, международные чиновники, невидимая финансовая сволочь, позорные олигархи. Они ничего не могут дать своим народам, да, собственно, и не собираются ничего давать, это не входит в их планы. Они только берут. У них всё есть, но они всё время чего-то хотят, куда-то всё время лезут, вернее, не позволяют другим залезть на пирамиду, не говоря о том, чтобы вернуть её в нормальное положение. Прольют реки крови, умрут, но не уступят. Они не понимают, что все от них устали, а потому тупо демонстрируют свою силу и неуязвимость. Совсем как… наш медведь, который идёт под пули, хотя может уплыть на льдине».

«На пенсию, а ещё лучше в зоопарк», - Вергильев подумал, что он на двенадцать лет старше шефа, но, в отличие от того, отнюдь не поимел всё, что возможно, и живёт далеко не в своё удовольствие.

Вергильев точно не знал, сколько денег у шефа, но точно знал, что деньги не были для шефа главным в жизни. Он тратил их, не считая, иногда на совершенно нелепые политические проекты, помогал всем (не только плачущим женщинам), кто настойчиво просил, даже откровенным проходимцам. Входя по протоколу в десятку высших чиновников страны, шеф если и не был на вершине перевёрнутой пирамиды, то был в шаге от вершины. Но почему-то хотел её перевернуть.

А вот Вергильев просто хотел жить, не считая копейки, заниматься, чем ему нравится, и плевать ему было на пирамиду. Однако по «медвежьей» теории шефа получалось, что не видать ему этого, как своих ушей, пока пирамида не перевернётся. Только и шеф, и Вергильев прекрасно понимали, что она не перевернётся никогда. Едва ли в мире существовало что-то более устойчивое, чем перевёрнутая пирамида, она же Ванька-встанька, кукла-неваляшка, вечный двигатель и философский камень. Народная революция могла поколебать её, как сумасшедший творец божественный треножник, но не перевернуть.

Впрочем, степень понимания шефом непреложности закона «перевёрнутой пирамиды» ускользала от Вергильева. Иногда ему казалось, что шеф, как и любой политик, играет с огнём, потому что таковы правила игры.

Оппозиция, как дитя малое, но вредное, дразнит власть спичками. Власть (если демократическая) легонько шлёпает её по попе, если этого мало - обдаёт пеной из огнетушителя, а если власть авторитарная - давит пожарной (судебной) машиной. А иногда казалось, что спички у шефа в руках так, для вида, пусть, если захотят, отнимают, а где-то в укромном месте он прячет канистры с бензином, про которые никто не знает. А иногда, вообще, казалось, что если не получится перевернуть проклятую пирамиду, шеф обольёт себя бензином и подожжёт спичкой, чтобы, значит, народ в свете живого факела наконец-то увидел, какую неподъёмную зловредную махину надо опрокинуть. На худой конец - снести ей вершину. Чем? Да чем угодно, хоть… острогой!

Вергильеву вспомнилась дурацкая присказка: «Лучше быть молодым и здоровым генералом, чем старым и больным солдатом». По жизни Вергильев как раз и был старым больным (пока, впрочем, ещё относительно здоровым, но это дело времени) солдатом при молодом, здоровом, хотя и не без странностей, генерале.

«С вершины перевёрнутой пирамиды добровольно никто не уходит, - заметил Вергильев, мучительно мечтавший о глотке виски. - Нельзя убивать медведя только за то, что он не хочет отказаться от своих привилегий, уплыть на льдине в… монастырь, постричься в монахи, отказаться от… спиртного».

Почему-то ему казалось, что если бы на медведя охотился не шеф, а какой-нибудь другой дядя с вершины неправильной пирамиды, с виски бы не было проблем.

«Уже не имеет значения, добровольно они уйдут, будут драться до последней капли нашей крови, или, вообще, сделают вид, что никакой пирамиды не существует. По любому всё закончится плохо, - зевнул шеф. Вергильев понял, что дискуссию пора заканчивать. - Для них и для… нас, - добавил шеф. - Ты застал СССР, ты помнишь, до чего довели страну эти старцы. Вцепились во власть… А эти - в деньги. Но деньги, когда их слишком много, начинают заживо разлагаться, как… эти самые старцы. Поэтому»… - смолк на полуслове, то ли внезапно заснув, то ли утратив интерес к разговору.

«Выходим на точку, - разбудил их через несколько часов Слава. - Идём только с карабинами, вещи остаются в палатке».

«Вперёд ребята, я постерегу вещи, - сказал Вергильев. - А то… ходят тут всякие»…

«Ну да, понаехали», - с интересом посмотрел на него Слава.

«Остаёшься? - удивился шеф. - Ты пропустишь самое интересное!»

«Слава запечатлеет для истории», - кивнул на сумку с фото- и видеоаппаратурой Вергильев.

«Ты был бы рядом со мной в кадре», - у шефа блестели глаза, он нежно и трепетно, как стан девушки, поглаживал карабин. Ничто, включая срочн-

ную радиограмму с извещением об отставке (если бы её каким-то образом сюда доставили), не могло испортить ему настроение.

«Я не тщеславен, - усмехнулся, устраиваясь в спальном мешке поудобнее, Вергильев. - И… не кровожаден, - он пожалел, что так сказал, но уже было поздно.

«А кто сфотографирует меня, Славу и медведя?» - вкрадчиво поинтересовался шеф, оставляя Вергильеву шанс передумать.

«Нет проблем», - Слава повёл плечом, на котором, помимо карабина и расчехлённой фотокамеры, висел штатив. Похоже, этот парень предвидел всё.

Они вернулись через пару часов с прозрачным пластиковым мешком, в котором находилось что-то кроваво-мясное.

«Мы должны это… съесть? - с отвращением посмотрел на мешок Вергильев. - По старой доброй охотничьей традиции?»

«Можем, конечно, - шеф карманной рулеткой пытался что-то измерить внутри герметично закрытого мешка, - но не так, чтобы обязательно. Знаешь, что это? Мишкины гениталии!»

«Зачем?» - ужаснулся Вергильев.

«Их положено предъявить, когда будем отчитываться по лицензии, - объяснил шеф, - ну, что мы застрелили именно того зверя, какого нам разрешили. Увы, - убрал рулетку в карман, - до рекорда, кажется, не дотянули… Три с половиной миллиметра не хватает».

«Никак не добавить? - спросил Вергильев. - Существуют же технологии».

«Я охотник, - мрачно посмотрел на него шеф, - а не хирург-уролог».

«Но дело сделано, - Вергильев понял, что обидел шефа. - Михал Михалыч снят с вершины… медвежьей перевёрнутой пирамиды».

«Только моё имя не украсит бронзовую доску Всемирного общества охотников, - вздохнул шеф. - Но всё равно мне очень жаль, что ты не видел, как…»

Последних слов шефа Вергильев не расслышал из-за шума винтов. Один вертолёт - небольшой - опустился рядом с палаткой. Другой - крупнее - полетел дальше.

«Захватит Михал Михалыча, - сказал шеф. - Если не бронзовая доска в клубе охотников, так хоть шкура… убитого медведя на память».

***

Без раствора и глины, пера и бумаги,
но сработал на совесть творец-самоучка.
По колено сугробы, берёзы в овраге
и по снегу несутся смешные собаки:
за Пиратом - Черныш, а за Бельчиком - Жучка.

Или скажем - весна, оживление в парке.
Ты один у окна, как заложник простуды,
наблюдаешь за тем, как попрятались в арке
от дождя проливного и звери, и люди.

И курчавые мальчики, словно амуры,
только меткие стрелы у них на присосках.
И чем ближе конец, тем длинней перекуры,
неразборчивей речь и сильней отголоски.

***

И синева над головой,
и старый тополь в три обхвата.
Шиповник замер, сам не свой,
присев на корточки у хаты.

Как описать? - изба избой,
в таких ещё сверчок за печкой,
и краской светло-голубой
всегда покрашено крылечко.

Всё это выдать за своё.
Художник скажет - вот картинка!
Как бабка вешает бельё
в огромных мужниных ботинках.

Как, не отбрасывая тень,
всё время смотрит виновато.
И выкипает летний день
на медленном огне заката.

***

И я подумал, стоя у больницы,
что жизнь и смерть - они ведь, как сестрицы,
от разных матерей, но от отца
единого, и нашего творца.

Где я тонул? В каком горел в пожаре?
Всё рассказал бы, если б не забыл.
Я помню лишь о том, как здесь лежали
те женщины, которых я любил.

Как приносил цветы и апельсины.
Что время здесь, как будто из резины.
Вот так и быть у памяти - слугой.
Но через них я думал о другой.

Ведь мы с рожденья с нею разминулись,
казалось бы, всего на пару лет,
но, уходя, она не оглянулась,
хотя и знала, что смотрю ей вслед.

Я ждал её, промокнув, не промокнув -
не важно. Это наши вечера.
Я здесь один на заспанные окна
смотрел со дна больничного двора.

Потом курил, усевшись на порожках.
И прислонившись к выступу перил,
я гладил приблудившуюся кошку
и с ней, как с человеком, говорил.

***

Не всё ж выискивать Венеру
на мрачном поприще небес,
распространять повсюду веру
и, как процентов, ждать чудес.

Форсить в цилиндре из картона,
скакать за тридевять земель,
спасать Лауру иль Матрёну,
тащить спасённую в постель.

Ходить за главными словами,
как будто девка по грибы.
По полной огребать программе
от этой, как её, судьбы.

Не лучше ль, взяв на дачу кошку,
с утра в автобусе зевать.
И самому сажать картошку,
и ежевику обстригать.

***

Не говори всё время - нет.
И что с того, что мало денег?!
Ну вот, к примеру, твой сосед,
сам починяет табурет,
довольный, как электровеник.

Гони её, печаль-тоску.
Какой ты, к чёрту, неудачник!
Уже и шмель летит к цветку
и штык лопаты к черенку
приладил выпивоха-дачник.

Уже взволнованный рыбак
поймал сома на закидушку
и безголосая кукушка
не накукуется никак.

***

Кто виной? А никто не виною,
что, раздевшись почти догола,
не Арагва шумит предо мною,
а шумит предо мною Ташла.

Не шумит, а брюзжит, как соседка,
или, может, мурлычет под нос.
И тутовник касается веткой
этих жалких и мутных волос.

Кто виной, что повсюду бутылки,
а письма не сыскать ни в одной.
И снежинки, а может - опилки
или пепел летит неземной.

Что мальчонка с лопаткою в парке
на ворону ужасно сердит
и кричит ей - ворона, не каркай! -
но она на него не глядит.

И своё осознав превосходство,
над землёй расправляет крыла...
Лишь одно безусловное сходство -
ты, печаль моя, тоже светла.

***

Поставил дом, повесил там икону
и сад разбил до самого моста,
и прикормил бесхвостую ворону,
и подобрал бездомного кота.

Неважно как. Чуть лучше или хуже,
отбросив сразу несколько нолей,
ты прирастаешь облаком и лужей,
и строем новобранцев-тополей.

Вином и хлебом, глиняной посудой,
словами вдоль обочины листа.
С тех пор, когда носки расплёл Иуда,
с тех пор, как сняли бедного Христа.

***

И хитрый воробей, и ласточка чумная,
и липа за окном, и солнце-размазня,
и небо, и земля - они хоть и седьмая
вода на киселе, но всё ж таки родня.

А мы с тобой живём и делаем закладки,
перебирая всё в уме наискосок:
и запах кислых щей на лестничной площадке,
и жвачкой до сих пор залепленный глазок.

А яркий свет в конце?! А сдавленные звуки?!
Мотай скорей на ус, заучивай урок.
Всё как задумал бог - он, поплевав на руки,
не спал шесть долгих дней, он сделал всё, что мог.

Чего ж ты хочешь знать? Откуда эта сила,
что прибивает пыль и нас срывает с мест?!
Не думай ни о чём, пусть будет всё, как было.
Пиши свои стихи, пусть будет всё, как есть.

МЯТЕЖНЫЙ КАПИТАН

(Главы из книги)

ПОЛЕВОЙ ЛАГЕРЬ

…В казармы зачастили проверяющие (один, два, а то три), и всё по той простой причине, что в их второразрядной части начиналась настоящая революция - через полгода предстояло развернуть полк в дивизию, и призвать из запаса десять тысяч приписного состава.

Эта нерадостная перспектива пугала и нервировала офицеров, привыкших служить в тишине и покое. Ведь самое ужасное, что может придумать начальство для офицеров части сокращённого состава (по-простонародному - кастрированной части) - это провести учение с отмобилизованием приписного состава до полного штата. Кошмар! Ещё вчера у тебя почти не было солдат и вдруг появляется целая армада! Да каких! Настоящих «партизан»! Неорганизованных, разболтанных, не желающих выполнять приказы, постоянно пытающихся сбежать в самоволку к семье, полупьяных, необученных, либо когда-то имевших навыки военной службы, но утративших их. Вот такое тяжелое испытание надвигалось на пулемётный полк, который должен был превратиться в полнокровную дивизию. Чтобы эту дикую орду разместить, требовалось построить в полевых условиях временные жилища, столовые, склады, бытовки и, конечно, ленинские комнаты (а как же без них, без агитации и пропаганды нельзя ни дня!).

Как строить, чем строить и кем строить лагеря - эти вопросы окружное командование не волновало. Командиры должны были сами выкручиваться, как могли и даже если не могли. Первая проблема - материалы. Необходимо было воздвигнуть каркасы казарм с крышами, стенами, с нарами, с остроугольными крышами, так называемые «чумы», а поверх них, позже натянуть брезенты, которыми обычно укрывают технику.

Танковому батальону требовалось возвести двенадцать «чумов» для размещения и проживания целого пол-

ка. Где взять строительный лес? Бесполезно пытаться закупить брёвна, балки, доски, рейки в магазине или на промышленной базе в эпоху тотального дефицита. Нужных материалов там нет. Так ведь даже если и найдёшь строительный «Клондайк», на эти цели средств-то ни рубля не выделено! А помимо стройматериалов ещё необходимо заготовить несколько машин дров для печей, ведь учения планировались в октябре-ноябре, а это не самое теплое время года на северо-западе.

Откуда взять дровишки? Из леса вестимо… Вот только другая беда - вокруг полигона заповедные леса и рубить их легально никто не даст разрешения. Что делать? Выходило, что военные должны действовать самовольно, на свой страх и риск!

Первый рабочий десант танкового батальона: два лейтенанта и десять солдат, убыли в лес в конце апреля. Первопроходцы пробили колею, поставили в глубине леса две палатки, вывезли полевую кухню, столы, скамьи, и начался подпольный лесоповал и строительство.

Главная задача подпольным лесорубам: деревья не должны валяться на земле ни дня. Быстро срубили сосну, скоренько её ошкурили, вкопали столб (а загодя выкопали яму), и только тогда можно рубить следующую. И так без остановки: одни валили лес и носили бревна, другие рыли землю и сколачивали каркасы. Кору, ветки и щепки частично жгли на кострах, частично вывозили в дальний овраг. К началу лета остовы бараков выстроились в ряд: казармы, бытовки, ленинские комнаты. Дело шло медленно, а сроки поджимали, ведь помимо каркасов следовало сделать эти домики «чумы» пригодными для жилья.

Комбат прибыл с проверкой, чтобы на месте разобраться, как идут дела у строителей. Подполковник Туманов оценил обстановку и понял - к сроку не успеть, темпы далеко не рекордные, и следовало поднапрячься. Но каким образом? Самым простым - советским: следует усилить воспитательную работу, поднять морально-волевые качества, воодушевить бойцов, живущих в лесу два месяца. Кто будет воодушевлять? Конечно же, ответственный за это дело - капитан Громобоев!

- Не обессудь, но тебе надо самому отправляться в полевой лагерь, тем более, что ленинские комнаты не имеют даже каркаса. И офицериков подгоняй, пить им недавай! - напутствовал Эдика комбат. - Сейчас у тебя там лишь столбы по углам стоят, а ты тут сидишь, газетки почитываешь, да бумажки пописываешь и усом не ведешь.

- У меня нет усов, - ухмыльнулся капитан.

- Так заведи их себе, чтоб мотать приказания на ус! Эх, распустились в батальоне офицеры! Накажу кого попало и разберусь как-нибудь! - выдал любимый свой перл Туманов и на этом окончил дискуссию.

Конечно, дома, в новой квартире под бочком у жены спать гораздо лучше, чем кормить в палатке комаров, но что делать, приказ есть приказ. Громобоев собрал необходимые вещи в походный чемодан и в путь…

Вновь началась походная жизнь и работа на природе, почти как в Афганистане, только вместо гор и пустыни леса и болота. Через месяц ленинские комнаты, бытовки и столовые (то, что поручил комбат сделать лично ему), стояли практически в полной готовности, не хватало лишь самой наглядной агитации, но эти щиты, оформленные текстами и фотографиями, лежали на складе в полку и к осени их должны были подвезти.

…Через три месяца несколько полевых лагерей разворачиваемой дивизии были отстроены, а вокруг них огромными проплешинами зиял варварски вырубленный строевой лес. Но природа отыгралась на людях и своё взяла - отомстила.

…План проведения учений пулемётным полком, превращённым в полнокровную дивизию, был более-менее успешно выполнен, и до завершения мероприятий оставались всего день, ночь и ещё день, и тут войска подвела погода, которая долго благоприятствовала. Начало осени выдалось хорошим, более-менее сухим (мелкие моросящие дожди не в счет, к ним жители столицы болот и хлябей терпимы и привычны), на дворе был конец ноября, ночами были заморозки, но дни хоть и были хмурыми, на землю до этого не выпало ни одной снежинки. И вдруг небо моментально заволокло темными тучами, посыпало, закружило, замело, начался сильнейший снегопад, который не прекращался три дня. Тропинки и дороги замело, солдаты не могли выйти из палаток и дурели от безделья. С ними проводили беседы, читали лекции, но всем было понятно, что дело идёт к завершению.

День окончания учений был самым ужасным. Утром полевые кухни едва удалось разогреть, повара с трудом сумели приготовить чай. Хлеб с маслом и чай? А где каша? Назревал голодный бунт, началась анархия. После завтрака старшины попытались организовать сбор имущества, но насквозь промокшие и промёрзшие «партизаны», обозленные тяготами армейской жизни, побросали вещи в снег и разбрелись кто куда: одни к электричке, другие на остановки автобуса, или к попуткам.

- Стоять! Всем назад! - кричал комбат, тщетно пытаясь остановить «анархистов». - Документы никому не выдам!

- Выдашь, куда денешься, в полку сами заберём, - ехидно ответил ему пробегавший мимо плюгавый солдатик.

- А то и бока намнём, - пообещал другой, фигурой покрепче, - кончилась ваша власть…

Вскоре поляна-плац напоминала картину разгрома и паники первых месяцев войны в сорок первом году: сапоги, шапки, котелки, скомканные шинели, всё валялось беспорядочно, кучками, словно под ними была тысяча трупов уничтоженной армии.

Миновал час, и лагерь полностью опустел. Призванные из запаса офицеры некоторое время попытались помогать, но потом один за другим тоже

тихо слиняли (что нам больше всех надо?), остались только кадровые офицеры, прапорщики и срочники, которые пытались спасти дорогостоящее имущество. Осеннее развертывание полка, которое началось более-менее успешно, завершилось почти полной катастрофой, не в военном, конечно, плане, а для тылов.

Командир полка Плотников, словно император Наполеон, объезжал покинутые лагеря, хмуро окидывал заснеженные полигоны и его душила бессильная злоба, обстановка была гнетущей, напоминала катастрофу великой «двунадесятиязычной» армии. Конечно, позднее победные реляции были составлены, направлены в верха, но финал был скорее переправой при Березине, чем победой при Аустерлице. Имущественные потери удалось частично скрыть, что-то спасли, что-то списали (прапорщики ковыряли сугробы до самой весны, собирая вещи), а командование округа поставило пулеметному полку (уже не дивизии) за учения положительную оценку…

УТИЛИЗАЦИЯ НАВОЗА

Подошла очередь рассказывать третьему кандидату. Александр Дериг был диссидентом со стажем, в прошлом ученый-биолог, а ныне вольный кооператор.

- Эх, вы, конспираторы. В чем-чём, а в антисоветской деятельности, в отличие от вас, я участвовал открыто. Пока вы тщательно маскировались, мы с Людой особо не таились (с этими словами Дериг нежно обнял женщину за плечи): участвовали в тайных и открытых сборищах, подписывали письма протеста Хельсинской группы, на конспиративных квартирах дискутировали на закрытых экономических семинарах. В восьмидесятых я вступил в сразу же запрещённый Демократический Союз. Из НИИ за диссидентство меня попросили при Андропове, это было забавно и символично, ведь покойный академик Павлов слыл ярым антисоветчиком и антикоммунистом. Но несколько лет я умудрился продержаться в институте его имени, наверное, «павловский дух» ещё витал в стенах этого учреждения, а возможно потому, что наша «научная шарашка» находилась в лесу далеко от Смольного, за городом. Но вот однажды, после подписания очередного коллективного письма, меня всё же «вычистили» из института, как говорится, попал под раздачу.

С характеристикой: «морально неустойчив и политически неблагонадёжен», с увольнением по нехорошей статье с соответствующей записью в трудовой книжке, мне никак не удавалось устроиться ни в науку, ни в школу, ни в вуз. Кем я только после этого не трудился: грузчиком в сельпо, сторожем районного кладбища. А в глубоко пропитанный марксистско-ленинскими идеями «романовский» город имени Ленина меня допустили поработать только кочегаром в ЖЭК. В тех свободолюбивых котельных я перезнакомился с неунывающими романтиками и бунтарями: музыкантами, бардами, поэтами, художниками. Я утвердился в своих убеждениях,

что хороших людей больше, чем плохих! И вот пару лет назад, когда дела с экономикой стали особо плохи, власть вдруг разрешила голодному народу поработать на самого себя.

Поначалу мы с двумя приятелями занялись варкой джинсы́ и для этого дела создали полулегальный цех. Эта тема была крайне популярной и очень прибыльной, но недолгой. Компетентные органы нас быстро обнаружили и закрыли. К счастью всё закончилось дачей крупной взятки, да не одной, но без арестов и посадок в «Кресты». Затем мы с другими друзьями перешли на скупку сельскохозяйственной продукции, которая пропадала на полях и в закромах Родины, не доходя до холодильников населения. Но и тут ничего прибыльного не вышло, слишком много посредников к этому делу прилипало, да и криминал вертится повсюду. А какая сильнейшая коррупция!

- Верно! Коррупция разрушает и подрывает всю экономику страны, - поддержал кооператора Иванцов.

- А коммунисты её не разрушают? - в сердцах воскликнул Дериг.

- Так партноменклатура и есть главные коррупционеры! - согласился инженер.

- Ну да Бог с ними, а то ушли от темы рассказа. С заготовками дело пошло плохо, последние накопления мы спустили «в трубу». Работы опять нет, что делать? И вот однажды я совершенно случайно наткнулся на новую тему! Помогал тёще по огороду на даче, она жалуется: мол, натуральных удобрений нигде не достать. Что за натуральные? Оказывается, тёща вёдет речь о навозе. Вот дожили - даже с дерьмом проблемы! Это в нашей-то говняной стране нет дерьма? И тут меня осенило: мы же по золоту ходим, не в буквальном смысле слова, конечно. Власти народу раздали приусадебные дачные участки, но земля на нашем северо-западе плохенькая и её надо удобрять. Вопрос: а где взять удобрения в нужном количестве? А места знать надо! Вблизи северной столицы птицефабрик тьма-тьмущая, и с их лидером Трусовцом, уважаемые господа, мы как раз сейчас соперничаем. Куриный помёт и есть то самое золотое дно, хоть и с душком. Говорят, деньги не пахнут! Порою ещё как пахнут! Вокруг каждой птицефабрики лунный ландшафт, всё заговнено, построены гигантские отстойники с этим добром, можно сказать плещутся озера и болота куриного помёта.

С руководителями хозяйств вопрос решился без проблем, ни один не заявил, хрен вам, а не народно-хозяйственное говно. Жлобский лозунг: «не дадим, сами съедим!» - не прозвучал ни разу. Проблема лишь в упаковке и транспортировке товара. «Душистые» ручейки от гигантских клоак не проведёшь к каждому садоводческому кооперативу или к отдельному огороду. Рационализаторская идея созрела тоже быстро - наполнять в двухсотлитровые бочки. Дачники рады вдвойне: и ценный продукт для огорода и бочка в подарок.

Взялись мы за дело энергично, с энтузиазмом. Купили лопаты, спецуху, сапоги. Первые дни сырьё грузили в бочки лопатами, что крайне не-

производительно и слишком вонюче. Конечно, лопатой махать мне было не в первой, опыт работы в котельной большой, но, то был уголёк для топки, а тут…

Честно говоря, пахло от нас как от настоящих ассенизаторов, после смены не отмыться шампунями и не забить запах одеколонами (при этих словах Дерига помощница Людмила густо покраснела и посмотрела на своего кумира с ещё большим обожанием). Запахи запахами, зато у фирмы сразу появилась хорошая копейка. Мы вначале арендовали, а затем выкупили колхозный списанный «ЗИЛ-130». Быстро поняли, что надо усовершенствовать производственный процесс. Раскинули мозгами, напрягли инженерную мысль и придумали: подсоединили гофрированные шланги к стокам, по которым вытекает «продукт», чтоб с лопатами не возиться и свежую продукцию сразу направлять на конвейер - только успевай вывозить! Итак, работа наладилась, встала на поток («поток» был полноводным и густым), дело пошло гораздо быстрее, а условия работы стали чище. Наполни ёмкость, завинти крышку, закатай бочку в кузов по трапу и берись за следующую. Несколько часов работы и машина полная - успевай - развози по адресам. Я уже сам не грузил - занимался сбытом и поиском клиентов. Отбоя не было от желающих заполучить наш «товар», вернее куриный помёт. Спрос превышал предложение. Итак, почти всё для процветания кооперативного предприятия мы имели: товар, клиенты, наши рабочие руки, транспорт. Но нет одного компонента - тары! Бизнес едва не застопорился и почти зашёл в тупик. Дружно ломаем головы, где взять бочки? Ведь ёмкости безвозвратные - вместе с продукцией дарим их дачникам.

Постепенно я совсем перестал работать в бригаде, моей главной задачей теперь были поиски бочкотары, ведь мы оперировали заказами уже на тысячи наполненных ёмкостей! Каждый день вставал чуть свет и метался по свалкам, по базам, по складам: там ухватишь десяток, тут сотню, а надо гораздо больше! Наконец добрался до заводов, прошерстил все предприятия куда пускали. И тут привалила удача - на одном из многочисленных заводиков я обнаружил настоящий клад, вернее сказать, один приятель случайно навел на него. Проник за проходную и вижу, действительно, заводская территория завалена пустыми бочками. Они либо громоздятся вповалку, как попало, либо упорядоченно стоят в штабелях в несколько рядов. Руководству девать их явно некуда. Вот он наш второй компонент капитала валяется никому не нужный!

Мчусь к директору, а тот в отпуске. Вот незадача! Тогда бегу к главному инженеру, так мол, и так, продай бочки, позарез нужно! Он от меня отмахивается как от назойливой мухи: «не до тебя, план горит, и зарплату платить рабочим нечем - замучили задержки с финансированием. Сколько надо штук? Одну? Две? Так бери, даром только вывози!»

«Поясняю, мне надо много бочек!»

«Много? Тогда выписывай через кассу, по три рубля, оплати и забирай, только учти - у нас самовывоз! Сколько увезёшь машиной?»

Я ему: «А вы сколько дадите?»

Главный инженер напрягся, подумал и снова: «Да не тяни ты резину! Пятьдесят? Сто штук?»

Снова уточняю: «А сколько всего их на заводе валяется?»

Он снова уставился на меня: «Да кто ж их считал? Бочек, как видишь, тьма, во дворе, на складах, на свалке, да ещё в цехах стоят. Может быть, десять тысяч. Говори точнее, сколько тебе надо!»

Я тогда заявляю ему: «Беру тысячу!».

Инженер оторопел, глаза на меня вытаращил, затылок озадаченно чешет и переспрашивает, не ослышался ли?

Говорю в ответ: «Нет, не ослышался, первую тысячу сразу заберу!»

Инженер радуется: «О! Да я и завод выручу, и территорию очищу, и деньги живые люди получат».

Спрашиваю тогда в надежде на снижение цены за оптовую поставку: «А если пять тысяч бочек или десять тысяч? Тогда почём?»

Кивает головой и говорит: «Столько бочек у нас есть, но тогда отдам по пять рублей! Иди и плати в кассу…»

Ну и чёрт с ним, я был вне себя от счастья, и переплатить не жалко! Сразу внёс стоимость всех десяти тысяч бочек, раз привалила такая удача, то надо пользоваться и запасаться. А ну как конкуренты появятся? Сколько можно по свалкам бегать в поисках тары…

Дело закипело, мы с друзьями перестали заниматься черновой работой: наняли несколько машин и несколько бригад, обслуживали все ближайшие птицефабрики, народ трудился в поте лица: каждый день по сотне бочек наполняли «продуктом» и далее доставляли на дачи. Лето - полевой сезон в разгаре! Деньги, словно то дерьмо с птицефабрики, стекались ручейками к нам в карманы. Чудеса, волшебство, мечта алхимика, несложная операция и дармовой помёт превращается в денежные знаки эквивалентом в сто рублей! А потом можешь идти скупать золото и бриллианты, если это мечта всей жизни. Вот она, настоящая алхимия: превращение говна в золото!

Однако недолго длилась наша буржуазная идиллия. Едва «фирма» успела реализовать треть закупленной тары, как на нашу беду из отпуска вернулся директор. И надо же такому случиться, прямо с порога на проходной он сталкивается с машиной, гружённой бочками. Директор орёт на вахтёра, мол, почему позволяет разбазаривать народное добро? Хватает за грудки нашего водителя, но у него всё честь по чести: накладная, квитанция об оплате, путёвка, пропуск. Директор мчится к главному инженеру и принимается выяснять отношения, а тот поясняет, что продал бочки за «живые деньги» и на них выдал зарплату и премию рабочим. Директор визжит и брызгает слюной: мол, да как ты посмел!? народную собственность буржуям!!! кому продался! вонючим кооператорам?

Инженер пытается пояснять:

- Бочки ушли кооперативу «Фиалка» по пять рублей штука! Выгодная сделка, и деньги получили и территорию очистили от хлама: освободил цеха и склады, товарищ директор!

- Ах, значит всё же кооператорам!? Я на сделки с совестью не пойду! Хрен им, а не наши народные, социалистические бочки! Новоявленным буржуям объявляю войну! Сколько с них взял? По-настоящему сколько? Сознавайся! Что ты мне кассой и ведомостью тыкаешь? Говори, пока для показаний к прокурору не вызвали! Сейчас же выговор влеплю! Из партии вылетишь!

Короче говоря, начальники переругались. Главный инженер испугался не на шутку, хотя ещё пытался пояснить, как он замечательно организовал бизнес по-русски, что выторговал вместо трёх рублей - пять с каждой бочки. Но директору уже вожжа попала под хвост:

- Всю тару под пресс! Ни одной бочки за ворота проходной! Ничего не дам «мироедам»! Уничтожить!

Инженер, как ни пытался пояснить, мол, деньги уже вперёд получены и выданы. Что делать с деньгами? Как быть?

- Вернуть! Не нужны советским рабочим деньги эксплуататоров! - пуще прежнего кричит директор. - Обойдёмся без их подачек! Бочки смять - деньги вернуть!

Потом директор немного подумал и спрашивает:

- А договор составляли?

- Нет, всё на доверии…

- Прекрасно! Тогда всё под пресс и бочки выдать мятыми, пусть забирают металлолом!

Вот так они кинули нас! Нам к тому же ещё пришлось вывозить эти смятые бочки! Хорошо мы потеряли только пять тысяч рублей. Вот такая забавная история у меня приключилась с бизнесом по-советски…

***

Я ощутила вкус свободы.
В мой тихий сад пришла весна.
Крылечко, дверь, герань у входа,
Уют, покой и тишина.
В конце концов - не в том ли счастье,
Чтобы дерзать, любить, творить,
И не за тем ли родилась я,
Чтобы стихами говорить?!

***

Лишь окно моё окрасят
Вспышки утренних зарниц -
Буду, сидя на террасе,
Молча слушать пенье птиц.
И глаза прикрыв блаженно,
Как младенец, буду я
Наслаждаться совершенством
Жития и бытия.
Ярым цветом первоцвета,
Что цветёт на берегу,
И настроенным на лето
Незатейливым «ку-ку».
Пусть за плёсом просыхает,
Споря с ветром, синева,
Пусть черёмуха вздыхает,
Нарядившись в кружева!

***

Бабье лето, бабье лето,
Да в своём ли ты уме?
Вся река в чешуйках света,
Будто дело не к зиме.
Солнцем залита Невинка -
Столько золота вокруг…
Паучки на паутинках
Эмигрируют на юг.

Как весной кудахчут куры,
Холодов никто не ждёт.
И сирень, как баба сдуру,
В палисаднике цветёт!

***

У меня своя река,
Солнце, ветер, облака,
А за речкой - лес с опушкой,
Где душистые стога.
А над речкой - для души -
У меня свои стрижи,
Что взмывают над водою,
Заходя на виражи.
Сизых горлиц воркотня,
В окнах отблески огня,
И закаты, и рассветы -
Персонально для меня.
Плёса бархатная шаль,
Неба звёздного скрижаль...
Ты лишён всего такого -
Мне тебя немного жаль.
Я зажгу в ночи свечу,
Помолюсь и помолчу...
Мне кукушка обещала
Всё, чего ни захочу.

***

Вот оно чудо, свершилось:
За ночь опали сады.
Золотоносною жилой -
Листья у кромки воды.
Дружно осыпались клёны.
Дружно кричит вороньё.
Смотрит мой сад удивлённо
На отраженье своё.
Сумерек тонкая пряжа
Рвётся о сколок звезды.
Вяз не смущается даже
Дерзкой своей наготы.
Только глупышка-крушина,
Колкий вдохнув холодок,
Сбросить ещё не решилась
Самый последний листок.

***

За моим окном заря осенняя
Вызрела до срока, до поры.
Рифмы и слова - моё спасение
От унынья, грусти и хандры.
Снят гамак. Простор мне душу радует.
Под навес упрятаны дрова.
И с размаху на газоны падает
Стылая сырая синева.
Мечутся по саду листья в панике
И во всей вселенной - ни души.
Липовые веники в предбаннике
Необыкновенно хороши.
Хорошо мне здесь в саду под кущами -
Есть что вспомнить, есть чем дорожить...
Вот и всё. Грехи душе отпущены -
Можно ждать, надеяться и жить!

СОЛОВЕЙ

Синеглазый рассвет
Приподнял дымовую завесу
И открылось сознанью
Высокое время чудес:
Соловей хулиганил -
Он вторил то речке, то лесу
И смущённо пред ним
Замирали и речка и лес.
Он то плакал, то вдруг
В кураже заходился от смеха,
То в бреду начинал
Что-то новое звуком творить.
Он сплетал кружева
И уже не могло даже эхо,
Как ни билось, увы,
Эту песню его повторить.
По опушкам цветы
Открывали глаза голубые,
Продираясь сквозь мох,
Сквозь коренья, листву, бурелом.
Онемев от восторга,
Про всё я на свете забыла.
Мне казалось, что ангел
Ко мне прикоснулся крылом...

А когда он смолкал,
Чтоб воды родниковой напиться,
Возвратившись в реальность
Недолгое время спустя, -
Начинали вещать
До антракта молчавшие птицы,
Прославляя его,
Как любимое Божье дитя!

***

Вышиты тайными знаками
Стёкла окошек с утра...
Чайник с цветущими маками
Мне подарили вчера.
Сутки сплошного везения,
Мысли и чувства полёт.
Чайник весь день по-весеннему,
Не унимаясь, поёт.
Я уже чувствую запахи,
Свежего ветра поток.
Бабочка крылышком бархатным
Нежно ласкает цветок.
Я уже вижу заранее,
Как расцветает земля.
Пчёл полосатых жужжание,
Бас молодого шмеля.
С утренней зорьки до полночи
Радостно сердцу - пока
Свист соловьино-разбойничий
Слышат и лес, и река.
Выцветут чёрные полосы,
Вместе, была ни была,
Будем мы петь на два голоса
До наступленья тепла.

***

Ещё насвистывают зяблики
И далеко до холодов.
И сад рассовывает яблоки
В пустые пазухи кустов.
А надо мной лоскутик просини
Хранит неяркий свет звезды.
И чую я дыханье осени
От зацветающей воды.

В глазах темно от света белого
И от признанья твоего...
И кроме ветра оголтелого
Во всей вселенной - никого!

ДОМА

Дождь и снег попеременно
Шлют на землю облака.
На задворках купол сена
Скособочился слегка.
Все дары моей юдоли:
Лук, крапива, лебеда...
Целый день утюжит поле
Синий трактор у пруда,
Да за озером Царёвом
Денников свергая крепь,
Вилорогие коровы
Обрабатывают степь...
Будет клён скрести по рамам,
Будет слёзы лить душа...
Тихо-тихо встанет мама,
Печь затопит не дыша.
Чтоб не скрипнуть половицей,
Да не впасть потом в тоску -
Избегает становиться
На скрипучую доску.
Озирается тревожно
На коварные углы,
Огибает осторожно
Табуретки и столы.
Звякнет дужка, блики солнца
Заснуют над головой...
Это мама из колодца
Принесла воды живой.

ЕСЛИ ВДРУГ

На кого я оставлю всё это:
Звёздный свет соловьиных ночей,
Крону вяза, прошитую светом,
Изумрудный холодный ручей,
Душный клевер за белой оградой,
Вой в ночи заблудившихся вьюг,

Мятный сумрак весеннего сада,
Синий плёс и ромашковый луг.
Передать бы кому по наследству,
Поручить бы беречь до конца -
Шум берёз из далёкого детства,
В белой мантии клён у крыльца,
Лист осинки, что в кадке кружится,
Всё, что помнит тепло моих рук...
На кого я могу положиться,
Если где-нибудь, что-нибудь, вдруг?!

ЕСТЬ СЛОВА У МЕНЯ

Шепелявит дождём,
Как старуха беззубая, осень,
Осыпается лист
С пожелтевшей до срока ольхи.
Через пару недель
Скользкой тиной затянутся плёсы
И лавиной пойдут
Из души на бумагу стихи.
Я их буду писать
День и ночь по наитию свыше,
Под невнятные всхлипы
И шорохи в старом саду.
Озорной ветерок
Вдруг подхватит с обшарпанной крыши
Ворох красной листвы
И небрежно швырнёт в пустоту.
Карамелькой душа
Растворится в белёсом тумане.
Сад озяб и промок
Под оранжевым ветхим плащом...
Я не жду от судьбы
Исполненья заветных желаний -
Есть слова у меня,
Что для счастья мне нужно ещё?!

ПИСЬМА О ЛЮБВИ

***

Интересная, непредсказуемая, многогранная и, вообще, фантастическая штука - жизнь! Как, собственно, и память, иногда выкидывающая такие финты и выкрутасы, что просто диву даёшься! Ведь и правда, память - избирательна. Она может себе позволить напрочь стереть что-то неважное, малозначительное, ненужное, в конце концов, хотя и сбережёт маленькую толику информации в своих потайных уголках, а потом внезапно выбросит, и будет жечь, колоть, растравлять душу и сердце. А жизнь, она и есть жизнь, всё как на ладони, всё перед глазами, всё переживается, проходит через те самые душу, сердце и оседает в памяти. Избирательно!

Когда-то, давным-давно, в детстве, то ли слышал, то ли читал где о якобы существующей Книге Судеб, в которой прописано о жизни всякого сущего на Земле. Очень хотелось найти эту Книгу, прочитать, что ждёт меня, моих родных и близких. Особенно остро хотелось этого, когда трагически погиб мой двоюродный брат. Думалось тогда: ну почему, отчего человек не волен заглянуть в Книгу хотя бы в том возрасте, когда уже осознанно умеет читать и думать. Вот что стоило бы тогда мне заглянуть в Книгу и поправить, изменить судьбу брата, всё бы было по-иному… наверное…

Потом, гораздо позже, уже в Афганистане, испытывая мучительное чувство страха не перед смертью, нет, перед неизвестностью исхода в лучшем случае завтрашнего боя, но, как правило, боя внезапного, сегодняшнего, ожидаемого или вот в том кишлачке, что настороженным хищным зверьком прилепился на неширокой скалистой террасе, или вот за тем холмом, песчаной дюной, или за елe видной в колыхающемся мареве горячего воздуха зелёнкой из жидких зарослей одичавшего за войну виноградника, или… или… или… Много было этих «или», а в усталом мозгу (это всё игры памяти) вяло копошились воспоминания о Книге Судеб, и уже тогда было наплевать на всё и даже на возможность

заглянуть в неё. Было одно острое желание - лишь бы скорее, лишь бы уже сейчас случилось то, что неминуемо и написано на твоей собственной странице в Книге. И думалось тогда, если уж суждено попасть под пулю, мину или под нож, так уж чтобы сразу хлоп - и всё! Вот ещё одна грань страха. Страха перед болью, её достаточно было видеть, даже не ощущать, а именно видеть, что она вытворяла с парнями. Видимо, строки из Книги на их страницах были слишком, очень слишком, короткими.

Позже стало приходить понимание - а ведь страшно знать своё будущее! Знать о последнем своём часе, жить в ожидании даты, завершающей твой собственный жизненный путь, мрачными цифрами, выбитыми на памятнике через чёрточку от даты рождения. Нет уж, пусть жизнь идёт своей чередой, непредсказуемой, многогранной и порой фантастической.

***

Память. Почему-то часто вспоминается лето у бабушки в Казахстане, в городке Аксай. Грунтовая дорога, лениво извивающаяся по улице Будённого, по одной стороне которой глинобитные, с такими же глинобитными дувалами дома, выбеленные ещё к майским праздникам яркой, кипенно-белой известью, сверкающие до боли в глазах вкраплениями соломы, с другой стороны тянется глубокий и широкий овраг, с густыми зарослями орешника и молоденьких тополей. Дорога покрыта толстым слоем дремучей, мягкой, словно мука высшего сорта, податливой пыли. Можно со всего размаха упасть в неё, что я частенько и проделывал, и быть совершенно спокойным - пыльная подушка не позволит расшибить локти и колени.

Я иду по этой дороге, загребаю пыль новенькими, с острым запахом кожи, жёлтыми сандалиями. Она мягко вздымается вверх и в полном безветрии медленно оседает на окружающий мир, на мою остриженную накороть голову, с обязательным, модным в те времена, чубчиком, на красную рубашку с чёрными маленькими парашютиками, на ещё не расцарапанные как следует руки и ноги. Вчера только начался отпуск после долгих детсадовских зимы и весны. Мне нужно перейти через овраг, чтобы добраться к магазинчику, где намечено приобрести что-то для бабушки и бутылку ситро для себя любимого. На дне оврага пасутся коровы. Молоденький бычок заинтересованно смотрит на меня, задрав к небу уже начавшую курчавиться голову с чётко обозначенными бугорками будущих рогов. Я спокойно иду ему навстречу, как вдруг меня бросает в жар. Ёлки-палки, вспомнилось, а ведь быки остро реагируют на красное! А я в своей любимой красной рубашке с парашютиками!

Бычку, в общем-то, наплевать было на цвет, видимо, просто захотелось поиграть. Он низко опустил башку, присел на задние ноги, сильно оттолкнулся от земли и понёсся на меня, выставив в атаке будущие рога. Ах ты ж, и под рукой нет ни камня, ни палки! Я только успел чуть отскочить назад и в сторону, как бычок задел меня головой, и я кубарем полетел в пыль. Телёнок, восхитившись своим героизмом, силой и ловкостью, развернулся,

чуть не упал, оскользнувшись копытами на сочной овражной траве, всколыхнул пыль над ареной (Мадрид, не иначе!) и вновь кинулся в атаку, только уже не сваливать меня, а бодать и топтать поверженного наземь неприятеля. Не знаю, почему я не заорал тогда, хотя крик был уже вот, на выдохе. По дороге шли люди, и, уж, конечно, кто-нибудь да пришёл на помощь.

Когда бычок налетел, я уже был готов к схватке, правда, всё ещё лёжа на дне оврага. Я схватился руками за его шею, подтянулся и обхватил её ещё и ногами. Теперь бычок оторопел. Он пытался сбросить меня, крутил головой в разные стороны, сердито фырчал через зажатый моим животом нос, рыл копытцами землю. Однако мне удалось пересилить его напор. А потом я увидел боковым зрением, что у бычка на шее не просто верёвка, а верёвка, привязанная к колышку, крепко вбитому в землю. Тут уже стало даже весело, игра обрела смысл своей неожиданной развязкой, исчезла обречённость неминуемого моего поражения. Я уже опустил ноги, стал отступать вместе с телёнком к строго очерченному радиусу его свободного жизненного пространства. Отпустил и руки, отпрыгивал дальше и дальше от рассерженного животного и вот - сладкий миг победы и поражения террориста. Бычок дёрнулся за мной, отступившим от него на пару шагов, но верёвка, моя союзница, так же сильно отбросила его назад, телёнок ещё раз кинулся, не понимая, что победа за мной, однако упал на бок, замычал от обиды, поднимаясь неловко на тонкие ноги.

Конечно, я был горд и счастлив от чувства победы, которое очень быстро погасло, поскольку в пылу схватки были потеряны монеты на покупки, а красная, с мелкими чёрными парашютиками рубашка оказалась изорванной в лохмотья. Даже умелые, ловкие, чудодейственные руки бабушки не смогли реанимировать мой любимый наряд.

***

Жизнь. Она полна невероятных поворотов и кульбитов. Кто бы мог подумать, а в первую очередь я сам, что когда-нибудь смогу и буду работать в школе?! Школу я не любил где-то с седьмого класса. В связи с переездами нашей семьи из одного города в другой, из одного района в противоположный, мне пришлось поменять три школы, и от каждой последующей на душе становилось всё сквернее и гаже. Тут и притирка к новому коллективу, и поиск своей ниши, и постановка на нормальное, приличествующее для себя место, что непременно сопровождалось драками, потасовками и прочими неприятными вещами с одноклассниками. Тут и привыкание к новым учителям, к новым предметам, что неизбежно наваливались с каждым учебным годом. Да ещё и возрастные изменения в себе самом, а это ого-го какая гремучая смесь. Становление характера тоже штука не очень приятная для окружающих. Дома ещё так-сяк, поскольку авторитет родителей непререкаем, а уж в школе… Отсюда и взаимная неприязнь с некоторыми учителями, отсюда и поступки, конечно же, хулиганские. Чего только стоил сожжённый классный журнал в конце года в восьмом классе, перед самы-

ми экзаменами. И ведь дураки, идиоты. Стащили из учительской журнал, так валите подальше! Нет. Зашли за школу и подожгли документ с нашими пропусками и двойками прямо в мусорном ящике. Так опять же, ведь посмотрите, загорелся ли замусоленный за год талмуд! И опять же - нет! Дело сделано, героизм проявлен, чего тут. Ну невдомёк, что бдительная школьная техничка увидела нас из окна второго этажа, и вслед за нами прибежала тушить мусорный ящик, а в нём обнаружила похищенный журнал! Дальше понятно, педсовет, родительское собрание, обещание такой характеристики, с которой и в тюрьму-то не возьмут и прочее, и прочее. Даже скучно становилось от предсказуемости угроз, тем более, что почти каждую субботу моих родителей вызывали на беседу то с классным руководителем, то с учителями-предметниками, то с завучами, а то и с самим директором. И что, после всего этого ещё одни угрозы могли повлиять на нас, на меня? Смешно.

Экзамены были сданы. Я пришёл в школу за документами, чтобы отнести их в техникум для поступления, и тут узнал, что, оказывается, я - ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ученик, что меня ждёт к концу десятого класса большое будущее, что… Аж тошно стало, как от пресыщения сладким. Документы так и не отдали, уже потом, после поступления в техникум, вынужденно отправили почтой после запроса деканата.

И вот, подишь ты, через каких-то двенадцать лет первого сентября я открыл дверь кабинета русского языка и литературы в качестве новенького учителя указанных предметов. И мало того, через время стал завучем, а потом и директором. Жизнь!

***

Сны. Недавно слышал разговор мамы с тётей, её старшей сестрой, что они видят во снах. Оказалось, что нас, своих детей, они видят во сне только маленькими, никогда взрослыми, из прошлого снится либо детство, либо что-то из недавнего. И я задумался, стал вспоминать, что же мне снится из реального прошлого. К счастью, Афганистан всё реже и реже прорывается в мои сновидения, может быть, отступает всё же? И ведь точно, детей своих вижу только маленькими, крайне, очень крайне редко. Из прошлого ничего особенного не снится. Часто во сне вижу тебя, мою любимую жену.

Иногда вижу тревожные сны, ты почему-то уходишь, прощаешься со мной, причём так резко, настойчиво и безапелляционно, а я, из дурацкого своего характера, не уговариваю, не прошу тебя остаться, только застываю холодом в душе и острой обидой в сердце. Понимаю, что без тебя не смогу и не захочу жить, а вот переубедить тебя, вернуть - не в силах! От этого просыпаюсь с тяжёлым чувством, медленно возвращаюсь в реальность, прислушиваюсь в темноте к твоему тихому дыханию, обнимаю тебя тёплую, родную, любимую, желанную, потом долго не сплю, сквозь дремоту анализирую, почему и зачем мне это всё приснилось. Под утро забываюсь, успокоенный, что это всего-навсего плохой, ничем не подкреплённый сон…

***

Судьба. Когда-то, очень давно, случайно подслушал разговор моих родителей. Папа со вздохом говорил маме, вот мол, старшему сыну не повезло, не сложилась судьба, неудачный первый брак. Часто сын уезжает из дома, то к ним, к родителям, то пропадает на каких-то торговых мероприятиях, никак не хочет быть дома! Ну что ж, надо признать, прав был папа, на все сто прав! Ах, как жаль, что нет его уже давно, что незнаком он был с тобой, моей любимой. Думаю, вы бы друг другу понравились! Много общего у вас было бы. Папа не очень многословным человеком был, деликатным, любил порядок и уют, тонко чувствовал книги, кинофильмы, музыку, умел толково рассказать о чём-то, умел и просто слушать. О чём только мы с ним не разговаривали, когда оставались вдвоём, ведь находили общие интересы, важные для обоих темы. Как мне хотелось бы увидеть тебя и его рядом, чтобы папа сидел на кухне за столом, слушал твой рассказ о чём-то, сложил бы руки перед собой и слушал, изредка переспрашивал и опять слушал, то хмуря брови, то улыбаясь. А я бы просто стоял в сторонке и смотрел на вас… Господи, аж сердце заходится от такой картины, комок к горлу подкатывает. Ведь я люблю вас. Обоих люблю в этот миг. А когда картинка рассеивается, понимаю, что любовь эта разная. К папе - щемящая, грустная. К тебе - нежная, трепетная. И всё равно, обе эти любви сродни друг другу, потому что они мои, Любови эти самые, мои и ничьи больше.

Думаю, папа бы никогда больше не говорил бы о нескладности моей судьбы, если бы дано было вам познакомиться…

***

Жизнь. А ведь и на самом деле, разве могли мы предположить ещё всего-то немногим больше полутора десятка лет, что жизнь наша изменится? А лет двадцать-двадцать пять назад ты могла подумать об этом на своём дальнем Севере или я, тут, что где-то на страницах Книги тонкие линии Судьбы прочерчены и неуклонно пересекутся в одной географической точке? Господи, как же хорошо, что линии были не параллельны, пусть не под большим уклоном, чем хотелось бы, но всё равно, они пересеклись!

Память. Никогда не вспоминаю свою прежнюю жизнь, жизнь до тебя. Вернее, вспоминаю, но так, будто бы это было не со мной: то ли видено, то ли слышано, то ли писано кем-то, когда-то, для кого-то, и случайно увидено, услышано, читано мною. Да и вспоминать не хочется, хотя память, конечно же, хранит в укромном уголке прошлое и прожитое. Ну и пусть себе хранит, мне в тот чуланчик низачем не нужно и не хочется!

***

Память и сны. Откуда-то из глубины памяти всплывает маленький эпизод.

Сидим в ущелье, в небольшом разломе скальной породы. Жара. Солнце в зените. Под бронежилетом можно варить куриные яйца. Вкрутую.

Пот уже не капает и не течёт, просто обильно облепил тело и при каждом, даже еле заметном движении, густо и сытно, маслянисто и мерзко чавкает под мышками, в паху, под подбородком. Рядом, на камнях же лежит каска. На неё страшно смотреть. Вернее, страшно, что при необходимости нужно будет хватать голой рукой эту стальную, раскалённую сферу и напяливать на закипающую от солнца голову. Представляешь, как стальной обруч обожжёт кончики ушей и жар в голове удвоится, утроится, если даже не удесятерится. С не меньшим ужасом взгляд скользит по автомату, металл которого ничем не защищён от протуберанцев светила. А если начнётся «войнушка», опять же, голыми руками хватать оружие, обжигаться и стрелять горячим из раскалённого…

Хочется пить. Очень хочется пить! Страстно хочется пить!! Но для этого нужно пошевелиться, заставить правую руку выпрямиться, затем согнуться в локте ещё раз, опуститься к правому бедру, нащупать фляжку в выцветшем холщовом чехле, отстегнуть её от ремня, затем поднести руку к груди, свинтить крышку… и это всё для того, чтобы глотнуть горячей, несвежей воды, безусловно не принесущей никакой прохлады и радости! Так зачем тогда насиловать себя, для чего слышать чавкающий звук мерзко пахнущей хэбэшки и затем вновь с содроганием привыкать к болезненной мокроте тела?!

Так просидели целый день, до заката. Иногда, когда была не моя очередь караулить, лениво выкурив сигарету, проваливался в мокрый полубредполусон, недолгий, очень краткий, без сновидений, и только однажды заснул глубоко, перед тем, как духи всё же вышли на нас, обойдя нашу позицию по дальнему, не замеченному нами распадку у самого основания скалы, где мы сидели в засаде.

Перед самым первым выстрелом ты разбудила меня!

Это я так думаю по прошествии многих лет. Да, точно, это была именно ты!

Мне снилась женщина, светлая не только цветом волос, но и сердцем, и душой. Я это знал и чувствовал. Вот хочешь - верь, хочешь - нет! Я знал во сне, что ты идёшь ко мне по той самой пыльной дороге из детства, и я знал, что мы знаем друг друга, и что любим и любимы, я потянулся во сне к тебе, а ты вдруг протестующе подняла руки и словно оттолкнула меня. Я проснулся…

Тут началась стрельба. Ну, как всегда в общем. И только потом я вспоминал этот сон, и только недавно понял, что во сне была ты. Спасибо, любимая!

***

Жизнь. А ведь и правда, не думали, не гадали…

Никогда не подумал бы, что я смогу сдержаться где-то в споре, не вспылить, не наговорить глупостей. Не всегда, далеко не всегда, но по большей части могу теперь.

Никогда не подумал бы, что смогу до конца довести какое-то дело, которое не получается, валится из рук, не хочет занимать нужное место. Да бросил бы к чёрту!

Никогда не подумал бы, что смогу возиться с землёй, как-то вести хозяйство, что-то по нему делать, задумывать и претворять в жизнь задуманное. Никогда!

Никогда не подумал бы, что можно будет бороться с собственной природной, врождённой ленью! Ой, не подумал бы…

И за это спасибо тебе, Любимая моя!

Жизнь и судьба. Мне не хочется искать и найти, как в детстве, Книгу Судеб. Зачем, для чего она мне? Ведь говорят, что человек делает свою судьбу и жизнь сам. Это - верно! И какими они будут, жизнь и судьба, зависит от самого человека.

Я верю и знаю, что у нас с тобой ещё много-много лет впереди, что мы любим и будем любить друг друга все эти годы, мы будем нужны: ты мне, а я - тебе, и каждый прожитый год будет только укреплять нас в любви и согласии.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!

***

День груб, нервозен, обездвижен.
Сдружились с пылью ордена.
Взрывная терпкость спелых вишен,
Как лоб, к руке пригвождена.
Вгрызаясь в чувственную мякоть
С восторгом бешеным, готов
Конкистадор смеяться, плакать,
Пешком отправиться в Ростов,
В Солнечногорск, в Саратов к тётке,
В прохладный сумрак, в синеву -
Чтоб где-то там без слёз, без водки
Из сердца выскоблить Москву.

***

Октябрь. Слякоть. Листопад
Флиртует с ветром. День обвалом
Надежд отмечен... Двое спят,
Укрывшись плотным покрывалом.
Ночная мгла не так страшна
Содружеству... В застенках рая
Жена, как смерть, ему нужна;
Ей нужен муж, как боль зубная.
Так - было, есть. Так будет впредь.
Вновь умертвив в октавах звуки,
Она рискует - растолстеть,
А он - состариться от скуки.

***

С разнузданной страстью к погромам - не споря,
Жизнь растормошив, ты бросаешься в море
Подследственных чувств. Твои бёдра, твой взгляд
С бесстыдством - о ласках земных говорят.

Медведь, впавший в спячку, и тот был разбужен
Твоим восхитительным возгласом - «Нужен
Мне ты!». В Дюссельдорфе, в Атепцево, в Минске
В честь - вздорной любви - расцветут обелиски.

Белая акация

***

Жизнь, как камни, раскидала
Нас. Взбодрив судьбу хлыстом,
Твёрдой поступью вандала
Входит память в старый дом.
Без фанфар, без песнопений,
Раздразнив промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем высветлив версту,
Батька в платье чёрно-белом
Грудью тянется к кресту...
Прокричав веселью: «Трогай!»,
Ради нас - в расцвете лет
Свыклась мать с фортуной строгой;
Под Берлином - сгинул дед...
Скорбь неистовствует. Память
То безмолвствует, то вздрог...
Вздрогнув, пробует подправить
Сволочной оскал - дорог.
Жизнь вбивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошкара...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

***

Дурная наследственность, взгляд исподлобья;
Бесстрастно, бессмысленно, жуликовато
Хрустят под стеклом бессловесные хлопья,
Как взрывы, в подследственном штате Невада.
Всё так же - в зашторенность чопорных зданий
Прицелившись - ластится зверь высокосный
К взволнованным планам народных восстаний...
Ты слышишь - как плачут кремлёвские сосны?!

***

Мгла простёрлась над табло,
Подтверждая многократно -
Здесь, бесспорно, не тепло,
Здесь по-взрослому прохладно
В межсезонье. Здесь с утра,
В борозду вгрызаясь просом,
Смерть впускает медсестра
К пехотинцам и к матросам.

***

Голос, взгляд, походка, жесты -
Слепок жизненный... В Белграде
Смерть, схватив костюм невесты,
Льнёт к кладбищенской ограде.

Под стеклом расправив спины,
Подвывая: «Все мы смертны»,
Розы, астры, георгины
Снова ждут сакральной жертвы.

Затхлый запах влажной тверди
Мозг взрывает криком: «Горько!».
Моцарт, Бах, Чайковский, Верди
Нагнетают страсти... Только

Оглашенным - страх неведом:
Растворившись на погосте,
Будешь - скомканным портретом
Приходить к Отчизне в гости.

***

С утра расцвела придорожная ива.
Возможно, чужую предчувствуя боль,
Природа сегодня так красноречива,
Что я над собою теряю контроль.

Забыты тревоги, бег в поисках хлеба;
Надуманный страх безвозвратно исчез.
Мне только бы видеть бездонное небо,
Рассвет и с туманом флиртующий лес.

***

В две тысячи бесхитростном году,
Почти что став родного батьки старше -
Забронзовеешь, съездишь в Воркуту,
По Брахмапутре проплывёшь на барже,
Пройдёшь сквозь строй состарившихся лиц
На сквернословных ярмарках, вериги
Сорвёшь с души, вернёшься в Аустерлиц
И жизнь вдохнёшь в неизданные книги.

Белая акация

***

Мне кажется - мы не были знакомы,
Когда, дыша в оконные проёмы
И в полушубок кутаясь овечий,
Мы на алтарь передавали свечи.
Курился ладан. И, как можно строже,
Смотрел на нас всемилостивый Боже...
И я был чужд сомненьям и порокам,
Покуда мы любовь делили с Богом.

***

Не потому - что я тебя люблю,
Не оттого, что сердце в горле скачет;
Ты мне нужна, как крылья кораблю,
Ты мне нужна, как кнут ленивой кляче.

Я пренебрёг заветами Христа...
Не зря ко мне не благосклонны Боги.
Но без тебя я - церковь без креста,
Я путник, ночью сбившийся с дороги.

Ты мне нужна и в Спас, и в Рождество,
И в скорбный час истерзанной отчизны.
Ты мне нужна, как смерти торжество
Над мрачными развалинами жизни.

***

Так это - всё?! А где - под грохот сбруи -
Проклятья, ласки, слёзы, поцелуи?
Где монолог: «Как долго, в самом деле,
Должна я ждать тебя в своей постели?! -»
Где взрыв эмоций? Где - ответь мне быстро -
Французской водки полная канистра?..
Постель согрев, ждёшь агнца, Клеопатра?
Помру - сегодня. Ты погибнешь завтра.

***

Маме, Нине Павловне

Сколько непритворных слёз,
Бедствий, стрессов нервных
Отпрыск ваш Вам преподнёс,
Будучи, во-первых -
Хворым, хрупким, щипцевым,

Вздорным... С колыбели -
Плакальщицы стадом злым
Над блаженным пели:
«Для тебя под Минском вы-
Выдолблена яма!»...
Где б я был, когда б не Вы,
Дорогая мама?!

***

Не суди ты меня строго.
Хоть и порознь бродим мы -
Я люблю тебя, как Бога
Мог любить юродивый.
По церквам да по задворкам,
Чтя надгробные кресты,
Лишь тебя люблю я... Только
Влюблена ли в меня ты?!

ТЫ СПАС МЕНЯ, БРАТ

(Рассказы из книги)

ОГОНЬ, ПЛИ

Мой директор общеобразовательной школы, где я учился в юные годы свои, воевал под водительством Рокоссовского, командовал ротой, в состав которой входили в основном бывшие зэки - заключённые советских тюрем и лагерей.

- Такие отчаянные ребята были! - С восторгом говорил о них мой директор-фронтовик, боевой офицер советской армии. - Накануне накормили нас гороховым супом. Идёт артподготовка, пули свистят, снаряды рвутся. А тут двое бывших зэков (когда голову высунуть из траншеи нельзя) взлезли на бруствер. Один, встав задницей в сторону Варшавы (её-то и готовились брать как раз), спустил штаны, оголился. А другой со спичками, стоя во весь рост рядом, скомандовал: «По вражеским батареям - огонь, пли!» И чиркнул спичкой. А я ж не знал, что этот газ горит… Такое пламя выскочило оттуда, что я тебе дам!..

ЧИТАЮЩИЙ НАРОД

В те добропорядочные советские времена, когда пуще всего берегли приличие, пьяным быть считалось очень некрасивым делом. Поэтому, войдя в вагон метро, человек, находившийся под мухой, присев на сиденье, тут же раскрыл журнал и сделал вид, что читает. А журнал, который он держал в руках, оказывается, был перевёрнут вверх тормашками.

ЗА МНОЙ - НА ВАРШАВУ

Впервые после долгих лет забвения фронтовиков по-настоящему вспомнили при Брежневе - в 1965 году. Вся страна тогда праздновала 20-летие нашей славной Победы! Один герой того времени, реальный участник Великой Отечественной войны, явился домой после городского мероприятия в стельку готовенький и всю

ночь Варшаву брал, кричал во сне: «За мной на Варшаву!». Потом, когда случалось ему приходить в подобном виде, жена неизменно спрашивала: «Ну, что? Сегодня опять Варшаву брать будем?!».

ВОТ КАК БЫВАЕТ

Выйдя из кабинета доктора, пациент радостно сообщил ожидающим очереди на прием:

- Я ведь много лет лечился у этого доктора. Потом она ушла на пенсию. А мне назначили другого участкового. А я к назначенному никогда больше не пойду. Потому что захожу как-то, а она: «А-а, - говорит, - как, ты ещё живой?!». Я в ужасе от неё выскочил - всего колотит! - и вдруг вижу: по коридору мой прежний доктор идёт. Вернулась, оказывается, не усидела на пенсии. Я к ней и попросился, рассказал всё. Она и взяла меня. Вот как бывает!

БИТЬ НАДО ПЕРВЫМ

В рабочем посёлке, в котором протекало моё детство, на ту пору не было пассажирских автобусов. В музыкальную школу, где я учился игре на баяне, приходилось ходить пешком. Лучше всего преодолевать этот длинный маршрут в осенне-зимне-весеннее время считалось по шпалам. Они не заснежены, ускоряют ход и прочее.

И вот иду я как-то раз после занятий по зимнему солнышку, а с пригорка спускаются два пацана. Один побольше меня, другой поменьше. Тот, который побольше, шепчет тому, что поменьше: «Давай этому прилизанному накостыляем!».

А в «прилизанности» моей было только то, что я нёс в руках музыкальную папку на шёлковых верёвочках и в ней лежали разные ноты разных красивых русских народных песен. Я вообще-то не предполагал, что можно ни с того ни с сего взять и подраться. Поначалу я даже растерялся, услышав такое.

Но я не пожалел ни песен, ни папки, я швырнул в сторону косогора нотную папку и без всякого словесного предупреждения первым треснул по уху не ожидавшему такого вероломства моему противнику-«здоровяку», а следом и противнику-«коротышке». Они взялись бежать наутёк.

И я тогда понял, что бить всегда надо первым.

ТЫ СПАС МЕНЯ, БРАТ

Мы долго шли к этому утёсу-скале, над Иртышом нависавшему, в жаркую летнюю пору. И по дороге мне всё рассказывали большие ребята, ровесники брата, как надо ничего не бояться, а главное - не смотреть вниз. Тропинка там узкая, но не длинная, и по ней надо пройти быстро, не глядя вниз. И я поклялся, что сделаю всё так, как они просят, как они учат.

Брат шёл молча. Не вмешивался. Я вроде был мал для той их, «взрослой» жизни. Но куда меня деть, не сидеть же круглосуточно, играя в «Конструктор», лучше поскорее приобщить к тому, что сам уже преодолел.

Им было по тринадцать лет, мне шесть. И я там не помню, кто, как, когда и сколько раз проходил туда и обратно по тропинке над семиметровой плоской скалой, демонстрируя своё геройство. Помню, что я двинулся бесстрашно вперёд, на середине взглянул на воду и полетел вниз и услышал крик: «Хватайся!». И я схватился за единственное живое существо на мёртвой чёрно-серой, скользкой глыбе - за вереск и повис над бездной, над плывущей тёмно-зелёной рекой, бурлящей воронками и безразличной к происходящему. А, повернув голову к моим спутникам-наставникам, объятым ужасом, страхом, правой (левой держась за остов трещащего кустарника с редкой игольчатой зеленью под грузом маленького человеческого тельца) схватился за худенькую руку брата. И почувствовал, как она сильно вцепилась в запястье, а дымчато-серый ствол вереска уже обломился и полетел к воде. Меня вытащил брат, долго дрожал и прижимал к себе в безопасности за утёсом на каменистом берегу. Уже, когда он тащил, из глаз его катились слёзы. И мне было жалко брата, потому что невозможно было представить, как бы он жил без меня.

Сверстники брата били себя в грудь и заявляли, что все они - участники моего спасения. И если бы я упал в воду, то они, не задумываясь, полетели бы вслед с той огромной высоты и не дали бы мне утонуть. Но я-то помню, кто заклинал меня не лететь дальше, кто просил держаться за высохший на солнце и разбегающийся по скале вересковый ствол, протянуть руку вверх и спастись. Это был брат.

И я не выдал его. Родители, строго-настрого запретившие испытывать опасные места, никогда не узнали о случившемся с нами на том утёсе, сохранившем мне жизнь благодаря брату.

КОЛ

Не знаю, почему меня в восторг привела моя первая оценка - кол! Она была самая первая. Нас долго готовили к ней, к тому, что в конце года мы, первоклашки, получим каждый свою оценку. А мама даже обещала купить за это машинку.

В тетради, когда я получил её, не было ни сложения, ни вычитания, ни чистописания, - все затмил красный кол, стоявший смехотворно на подставке с наклоном (безупречно прямым стволом заваливаясь назад), с жирной точкой после себя, занимая весь правый угол страницы.

Видимо, цвет сыграл свою роль: писали-то мы фиолетовыми чернилами, страницы выходили однотонными и корявыми, а тут совсем необычная получалась картинка. И потом ведь мы неизвестно чем занимались, непонятно что и для чего делали. А учительница, взрослая тётя, уже со знанием дела взяла и поставила то, что посчитала нужным. Ведь писать буквы кра-

сивее, чем мы - это её работа. Очевидно, наличие в тетради учительской работы меня и сподвигло на ликование.

Во всяком случае, когда я возвращался домой из школы в компании таких же маленьких обалдуев, как и сам, я несказанно обрадовался, завидев мать, стоявшую в кругу сослуживцев у входа в депо (где она, железнодорожница и победительница соцсоревнований, добросовестно трудилась). Я подпрыгнул, спотыкаясь, на бегу раскрыл портфель, достал тетрадь и показал свой кол.

- Вот, гляди! - держал я над собой тетрадь и пританцовывал от счастья. - Нам поставили оценки! А ты купишь машинку, как обещала?!

Шёл снежный декабрь 57-го года. Мы запустили первый искусственный спутник земли. Страна строилась, поднималась. Недалеко уже было до коммунизма, а тут - кол, единица.

Мать, ничего не говоря, побледнела, тихо расстроилась. А сослуживцы ни с того ни с сего стали хохотать. И этот хохот обескуражил меня. Я задумался. Обещанную машинку мама купила, конечно. А кол всё больше и больше напоминал о себе и не давал покоя. Так родилось во мне чувство стыда. Очень полезного, кстати, сегодня.

ЧАС РАСПЛАТЫ

Поголовное безбожие нас покинуло в 90-х годах. Тогда и приснился этот сон, а, может, и не сон. Всё десятилетие, начиная с 91-го и по сей день, я странно ощущаю себя. Сердце моё, конечно, в России, здесь оно глубокими родовыми корнями сидит. А мысли постоянно блуждают по СССР. Неправда, что не было в нём одиноких людей.

Пожилая женщина, украинка, подарила мне толковый словарь русского языка в редакции Ожегова. Я до сегодняшнего дня его храню, хоть и в новой обложке (прежняя истрепалась) и в другом, более надёжном переплете.

Ещё она подарила стихи Тараса Шевченко, просила выучить и читать ей вслух. С того раннего, школьного времени помню строчки:

Сэло зэлэным гаем поросло:
Шумлять сады,
Белиють хаты,
А на двори стоять палацы.

Нэ начэ диво,
А навколо - широколисты тополи,
А там - и лис, и лис и полэ,
И сыни горы за Днепром - сам Бог витае над сэлом!

Словарь - это память об одинокой женщине, у которой никого на свете не было, кроме нашей семьи, куда она часто наведывалась перед кончи-

ной. А богосодержательные стихи необходимо было слышать, чтобы возвращаться на родину, туда, куда возвратиться никак не могла - там ни одной родной души не осталось.

В пору СССР можно было поехать куда угодно, но из-за прошедшей войны, из-за проходивших репрессий не найти своих близких. Сейчас близкие живы, а средств навестить их на постсоветском пространстве нет.

Не видя много лет крепко постаревшую мать и тоскуя по ней, я поплыл в том сне, разговор с которого начал, будто бы в космосе. Вокруг - синяя темнота и светлые портреты умерших, дорогих мне людей (это бесшумное, сладкое путешествие длилось мгновение). Затем - плавный переход в вибрационную полосу, обратившую моё внимание на то, что космический корабль - не что иное, как обыкновенный таз, в который я что есть силы впился обеими руками, дабы только не выпасть и, таким образом, вхожу в тропосферу, приближаясь к земле. А земля - моё детство, где на большой поляне наши пацаны гоняют в футбол. Никто из них не обратил внимания на моё чудо-приземление. И ни фанфар тебе, ни оркестра, ни цветов, ни аплодисментов. Как играли, так и продолжают играть, не различая ни Бога, ни чёрта.

Проснувшись, я подумал: видимо, слишком долго мы плыли на корабле атеизма - вот и пришел час расплаты, в очередной раз мы остались без прошлого.

МОЙ ДРУГ

Бывшие десантники (те, кто служил в десантных войсках) как правило навыки, обретённые в армии, привносят в штатскую жизнь.

Я вошёл в общежитскую комнату сокурсника, дверь которой изнутри была испещрена дырами от киданий ножа. Когда я вошёл, плотно прикрыв дверь, сокурсник, бывший десантник, крикнул:

Стой там!

Я замер, спиной прижавшись к двери. И тут же ощутил возле уха «дыхание» ножа: лезвие трепетало и вздрагивало прямо возле ушной раковины.

Сокурсник сидел скрюченный на специфически прогнувшейся панцирной сетке эмалированной кровати с раскрытым ртом и бледный, как стена.

Он рассчитывал, что я испугаюсь и уклонюсь, шарахнусь от двери, а я был уверен, что он не посмеет кинуть в меня нож.

Так мы стали друзьями.

БАКЕНЩИК

Он - бакенщик! - был почти волшебник. Он зажигал свои бакены, когда на горы и на Иртыш ложилась ночь. Это необыкновенное зрелище - точечки света на тёмной воде.

Был бакенщик без ноги (то ли на войне потерял, то ли ещё что - никто не знал). Жил он с мальчиком, сыном, который учился в нашей школе. А матери у них не было.

Незаметные это были люди. Избушка их стояла в ущелье, на том берегу Иртыша, где никто из горожан не обитал.

Мальчик в школу плавал на лодке, зимой ходил по запорошенному снегом льду. Однажды он не пришёл в школу, и мы узнали страшную весть - отец его, бакенщик, застрелился.

Больше в школе он никогда не появился, а я все думал и не забывал ни этого мальчика, ни его отца - бакенщика!

БАБА ФРОСЯ

Ковбой - так бабу Фросю звали в семье. «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт», - эти некрасовские строчки про неё написаны.

Страна была большая. Больше, чем сейчас. И лучше. Страну унесло. Развеяло. Но все её люди стоят перед глазами, точно памятники. Они были великие люди великой - и теперь уже сказочной! - державы.

Когда война катилась по России, с ней катились и оседали в деревнях, городах и поселках в виде «гауляйтеров» (начальников) немецкие прихвостни. Соседка, жена такого, прибывшего с немцами, старосты, кричала на кур бабы Фроси: «Кышь, сталинские курвы!».

Ефросинию Ивановну - так уважительно звали бабу Фросю в деревне - забрали в гестапо. Староста донес (не мог смириться, разделить соседство с бывшим председателем советского колхоза, кем до войны и являлась почитаемая всей деревней Ефросиния Ивановна).

Немецкий капитан, русского происхождения, родители которого эмигрировали в Германию ещё до 1914 года, казалось, был неумолим, когда подверг Ефросинию Ивановну допросу:

- Что, матка, скот угнала? - грозно спросил капитан.

- Да, товарищ, - опрометчиво согласилась Ефросиния Ивановна и по-житейски хитро, заметив, как исказилось лицо капитана от слова «товарищ», поспешила исправиться: - Вот у нас глава государства - товарищ Сталин, мы все его товарищем зовём. А вам, если не нравится, вы только скажите, - я вас буду называть товарищ-господин. А товарищ Сталин приказал угнать скот, я и угнала.

Представителю «высшей расы», видимо, не понравилась бестолковость русской бабы, и он сказал:

- А что, матка, детей у тебя много?

- Восемь душ, товарищ-господин.

- Ну, вот что, матка, - лицо капитана от безрассудного попугайства Ефросинии Ивановны вновь покоробилось, - люди хотят твоей смерти (это он имел в виду старосту). Бери-ка ты свою ораву и топай по Смоленской дороге в эвакуацию!

Когда Ефросиния Ивановна вернулась восвояси, староста не преминул спросить:

- Как-так, почему отпустили?

- А так! - заявила, образцово исполнившая накануне прихода немцев приказ главы государства, Ефросиния Ивановна: - Михаила Семёновича, учителя, отпустили, и меня заодно.

Врала Ефросиния Ивановна: Михаила Семёновича отпустили из гестапо потому, что партбилет выбросил и от страны советской отрёкся, а Ефросиния Ивановна непринуждённым простодушием покорила врага. И ни в какую эвакуацию с восьмью детьми не собиралась, здраво рассудив, что капитан не станет проверять, тронулась она с места или нет, а староста не посмеет ставить под сомнение действия гестапо и обращаться к ним с вопросами. И только успокоилась, войдя в избу, видит - старший сын, семнадцатилетний увалень, сидит на печи, свесив босые ноги, и тупо смотрит неизвестно куда. Оказывается, пришли полицаи и под дулом винтовки заставили написать заявление о вступлении в полицию.

Ефросиния Ивановна тут же за порог и в полицейскую управу, через заметённое снегом пятикилометровое поле, навстречу ночи да в поднявшуюся пургу, но добралась, достигла цели. Отдышалась, вошла к начальнику, а там - коммунист с 1905 года, он и есть начальник управы.

- Что тебе, матка? - рявкнул коммунист-перевёртыш.

- Да, как же! - запричитала Ефросиния Ивановна. - Моего сына записали в полицию, а у него чёрная болезнь. Ему выдадут винтовку, он постреляет кого ни попадя, а я же мать, мне отвечать.

Отмазала, говоря современным, «новорусским» языком, Ефросиния Ивановна своего старшего от полиции. И «коммунист-перёвертыш» оказался не чужим, а нашим. Он был тот, кого оставили во главе местного подполья. И сына вскоре сплавила в лес, к партизанам.

И вот уже в старости, упиваясь кадрами фильма «Семнадцать мгновений весны», баба Фрося вздохнула, оглянувшись в прошлое, и с легкостью поведала нам:

- Я бы этому артисту, который Штирлица играл, огромные деньги заплатила. Ведь что вы думаете? Вы думаете, я смерти боялась, когда в подполье работала? Нет, я смерти не боялась. И не думала о ней! Мне детей кормить надо было. А с листовками приду, мне то в одной деревне, то в другой - кто сало, кто картошки даст. С тем и выдюжила в войну.

ЗВОН

В двенадцать лет я был заядлый рыболов. И вот тогда на берегу Иртыша, когда, закинув удочку, следил за поплавком - мне проломили голову.

Удар был настолько сильным, что показалось, будто рухнула планета. А звон от него стоял в ушах такой, как будто вся земля (Вселенная!) - это колокол мира.

Булыжник прилетел со скалистого обрыва, утопавшего в зелени кустарника. Оттуда, куда, смотав удочки и направляясь домой, поднялись два олуха (один мой ровесник, другой постарше). Камень нанёс удар неожиданно - в самую макушку.

И вот вопрос:

За что? За удачный улов?

Видимо, да: у меня рыба клевала одна за другой, а у них нет.

БАНЯ

Дома-то их, некоторых мужиков, уже никто не слушает. Никому они не интересны. Потому они и ходят в баню только затем, чтобы пооригинальничать - исключительность свою показать.

Примерно так выглядит это банное позёрство: в парилку вскакивает зачумлённый мужик.

- За прокладкой бегал? - подковыристым вопросом встречает его лежащий на полу кореш; подстилку для полков вдоль стены или для пола, чтоб зад не жгло, он переименовал в прокладку - умный такой.

- Угу! - отвечает мужик и возится с подстилкой, как с бабой - то прямо на неё ляжет (от пара-то ломает), то на пол, то на полок повыше её мостит.

- А она у тебя с крылышками? - язвит кореш.

С крылышками! - сопя и покряхтывая, соглашается мужик.

- А чё ж, б.., не летаешь?! - основательно припечатывает своего товарища банный кореш.

И парилка содрогается от хохота.

А на веранде, куда я вышел, ведущей на банный двор, в тот же самый момент другие уже мужики спор затеяли - клянут Америку и американцев. Но среди них сидит, конечно, тот, кто обязательно всем противоречит:

- В Афганистане, - говорит данный… явно позёр противоречий, - тринадцать тысяч наших погибло, но это надо умножать на десять.

Это он после того, как стало доподлинно известно, что за такой же период, каковой был у нас в Афганистане, а именно: десять лет боевых действий, американцы потеряли во Вьетнаме пятьдесят восемь тысяч убитыми, мы - тринадцать тысяч восемьсот тридцать пять. Войны же в Персидском заливе (Ирак и т.д.) обошлись американцам уже в семьдесят три тысячи восемьсот сорок пять погибших.

- А ты американец, что ли? - Резко наехал на балагура-арифметика: - Что ты всё на десять умножаешь?!. Сидишь в русской бане, в центре России - в Москве, и умножаешь?! Кто тебе дал право цифры завышать?

Я заткнул его. Хорошо заткнул! А сам не мог успокоиться: ну, откуда эти клоуны берутся? Всё они на десять умножают и всегда делают так, чтоб всё против нас было.

СЛУЧАЙ БЫЛ

Под Одессой, в то ещё давнее, советское время, когда в лунном свете ночного южного лета интеллигентные люди - можно сказать, физики и лирики, здорово подгуляв, расходясь по домам после свадьбы, вели по пустынной шоссейной дороге одного из числа своих «физиков-лириков-очкариков», заботливо держа на собственных плечах его сонно висячие руки, а у того, наклонённого вперёд головой, внезапно упали на асфальт очки, и они, те, что вели безмятежно дремавшего на ходу собрата, оба разом нагнулись, чтобы поднять слетевшие наземь очки, после чего, что закономерно, их ведомый, оказавшись без поддержки, плашмя рухнул на дорогу… Но никто (заметьте - никто!) не пострадал: упавшего поставили на ноги, отряхнули в беспроглядной мгле, надели на нос окуляры и, качаясь из стороны в сторону, потопали дальше - до самой Одессы, где, очевидно, сев в такси, разъехались по домам. В разные стороны или в одну - этого уже никто не подтвердит.

МАЙОР КГБ И ДРУГ СЕРЁГА

В царящем безвременье, когда ты молод и полон сил, некуда себя деть. В профессиональном смысле в 90-е годы никто из нас, литераторов, не был востребован. И мы старались навещать друг друга.

Сначала ехали, допустим, к Серёге. Затем от Серёги - к нам. На одном из таких маршрутов - «от Серёги к нам» - произошла ссора. Подруга моего друга заявила, что он чурбан неотёсанный. А он ей сказал: «Ну и пошла ты!..» И отвернулся от нас, сидевших на заднем сиденье. А я был, конечно, занят своей подругой, которая зажата была мной слева, и не обращал внимания на дорожный скандал. Но тут вдруг Марина - так звали возлюбленную Серёги, бесшумно распахнув и захлопнув правую дверцу, на ходу выскочила из такси в октябрьский уличный свет хрустального дня осенней Москвы, легко перевернулась, то есть сделала кульбит (колесо в воздухе), будучи в застёгнутом на все пуговицы кожаном чёрном пальто, и, оказавшись на тротуаре, пошла по нему буквально бульварной походкой, покачивая бёдрами.

- Гляди! Гляди, что она выкинула! - воскликнул я.

- А-а! - сожалея, видимо, о таком финале (с разрывом отношений навсегда), махнул рукой Серёга: - Она майор КГБ!

Мы-то понятия не имели, кто эта Марина.

Оказывается, вон кто!

ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

Если кто-то скажет, что срочная армейская служба и любовь несовместимы, то я буду тут сильно возражать.

Мы прибыли в учебку на Украину в город Бердянск из Забайкалья. А в армию я уходил из Усть-Каменогорска - это областной центр Восточного Казахстана.

Дней пять ехали из Усть-Каменогорска до Улан-Удэ. Дней десять после месячного прохождения курса молодого бойца добирались до Бердянска. Таким образом, из сорока пяти дней и ночей, начиная с 10 мая по 25 июня, пятнадцать суток я провёл в воинских эшелонах. Словно бы в стойле. Словно бы на привязи, в полной зависимости от замкнутого пространства, от всех и каждого. А тридцать - на плацу и на учебном тактическом поле в Забайкальском военном округе, постигая азы армейской службы. Строевая и боевая подготовка задолбали до такой степени, что в голове одна только мысль пульсировала: как отсюда слинять поскорее куда-нибудь? Возможность представилась: слиняли в Бердянск. Однако муштра, начавшаяся здесь, в учебке, вообще зашкаливала - воспринималась, как беспредел, как издевательство над человеческим смыслом.

Вот стою я во время учебной подготовки в траншее, одной из тех, которыми фактически изрыт учебный полигон, где нас готовят к освоению зенитно-ракетной техники для прикрытия пехотных полков - «Шилок» и «Стрел», и наблюдаю в перископ, как на противоположном Юго-Восточном берегу Азовского моря в сегодняшнем Мариуполе, в тогдашнем Жданове, дымят заводские трубы, работают портовые краны. И хочется туда - в этот большой, цветущий в зелени солнечный город, в его гражданскую жизнь, исполненную любви и счастья.

А тут команда: «Стройся! На инструктаж!» И бравый капитан, бывший «суворовец», проходит вдоль строя, а у меня, я этого не вижу, пуговица на гимнастёрке расстегнулась. Тогда он достаёт маленький перочинный ножичек, срезает все пуговицы и даёт команду: «Десять минут, чтобы добежать до подразделения, пришить пуговицы и стать в строй!» Когда я добежал, достиг цели, то крикнул дневальному-дагестанцу, добросердечному, всегда улыбчивому кумыку Яшке: «Быстро снимай свою и надевай мою гимнастёрку!» Он, сурово сдвинув брови, с ходу понял, в чём дело, скинул свой солдатский верх, и я уже бежал обратно, застёгивая на бегу ремень и пуговицы. Но, когда я вернулся в строй, перед которым продолжал гарцевать капитан, давая наставления по боевой подготовке, с его командирским красноречием случился какой-то надлом. Он пару раз споткнулся, по лицу пробежала тень. Однако этот мой доблестный начальник в погонах капитана так и не решился спросить, как удалось «нерадивому» курсанту, коим я в его представлении в данной ситуации являлся, через десять минут стать в строй с пришитыми пуговицами и в той самой гимнастёрке, с которой он все их срезал.

Одним словом, не выдержав нагрузок и разного рода дисциплинарных взысканий, я надорвался. В организме произошёл сбой, я попал в госпиталь, напугав военврачей стабильным высоким давлением. Этот итог, конечно же, радовал, потому что давал передышку от бесконечных придирок и бестолковых, как воображалось, нареканий.

В палате, где, помимо меня, находились на обследовании ещё два курсантика-солдата: прибалт-латыш Янис и украинец из Мукачево Вася

Тараненко, - я сразу оказался в авторитете. Так как, по слухам, тиражируемым во врачебной среде местного значения, я явно не придуривался и не косил. К тому же симптомы кризисной ситуации были налицо.

Поэтому Янис, голубоглазый шатен с весёлым нравом, обращаясь ко мне, пытался добиться для себя такого же медицинского результата, как у меня: прибегая к жаргонному словечку, ёрзая в кровати, то и дело, переворачиваясь с боку на бок, он всё просил: «Ой, Кеша (что значило - друг, приятель), Кеша! Помоги! Подскажи, как комиссоваться?!» А украинец Вася Тараненко в очередной раз, посетив невропатолога, опять же почему-то именно мне хмуро жаловался в столовой за обедом: «Я им говорю: “Голова болит!” А они в зад трубку вставляют!»

Ну, в таких обстоятельствах я, естественно, ничего не мог подсказать ни Янису, ни Васе, потому что страдал, как и мои друзья-товарищи по госпитальной койке, тем же солдатским недугом, что и они: процессом ломки молодого человеческого организма. И не столько физическим, сколько душевным, лишённым, как нам казалось тогда, высоких смыслов. Тем не менее, в отличие от Яниса и Васи, я не собирался комиссовываться. И поэтому методов симуляции не знал, и никогда ими не интересовался. Я сочувствовал друзьям-товарищам из-за того, что у них не находят явных признаков болезни. В то же время подсказать ничего не мог.

А за окном столовой армейского лазарета, состоящего из одноэтажных зданий, огороженных простым и даже не выкрашенным серым штакетником, такое солнце сияло. Воздух был таким светлым и жизнерадостным, что никак не вязались с ним ни наш цыплячий вид в госпитальных пижамах с «чужого» плеча, ни наша стрижка под нулёвку, ни наши тапочки из кожзаменителя, на босу ногу, ни наши пустопорожние пересуды какой-нибудь новой, ничего не дающей, медицинской процедуры.

Возвращаюсь за свой стол с раздачи - к окну (ходил за компотом). И вижу, что по тротуару - этого не может быть! - идёт, как ныне говорят, вся в шоколаде, загорелая(!), длинноногая, ноги прямо из-под мышек растут, на высоких каблуках, с потрясающей талией и обворожительным бюстом, не идёт, а чешет, точно голливудская кинозвезда великолепная красавица-блондинка с дамской сумочкой на правом плече. И все, кто находился в столовой, прекратили ложками стучать. Вся солдатская масса оцепенела. А затем вздохнула, зачарованно смотря на то, как топает, искрится изяществом, молодостью, свежестью, женской красотой, волшебная блондинка. И я, потрясённый, произношу так, что вся столовая снова цепенеет, одновременно испуская ещё один общий вздох, от того, что слышит:

- Мужики! По-моему, это ко мне.

Так и случилось: из Казахстана в Бердянск - через всю страну! - сюрпризом, без предупреждения прилетела Светлана, моя подруга по учёбе в культпросвете. Успела загореть (у неё в Бердянске, оказывается, родной дядя с семьёй проживал) и добилась встречи.

В войсковую часть, в учебку, её не пустили, а в госпиталь она всё-таки проникла.

После этого никаких проблем с армейской службой (до самого окончания оной!) у меня не было.

Есть любовь! Я помню это.

ВЕСНА

Неожиданности подстерегают человека в самых непредвиденных местах и нередко в самые романтические моменты. Это обескураживает. Особенно, когда ты юн и преисполнен страсти.

Все мы росли в огромной стране. Удобств на всех не хватало (их не успевали создавать). Это естественно. Потому-то, наверное, туалеты у нас чаще всего назывались уборными. Уборная, как правило, имела деревянный вид с множеством отхожих дыр. Освещение в ней, водослив, мытьё рук не предусматривались. Их и сейчас - таких уборных, думаю, в разных уголках России хватает.

И вот приспичило. Возвращаюсь после долгого свидания под луной в свой железнодорожный район. Весна. Проводил шестнадцатилетнюю, как и я, любимую из соседней школы домой - на улицу Графтио, которая от площади Ленина ступенями «одесской “потёмкинской”» лестницы спускается к Иртышу. Запах речного воздуха, аромат весны, губ любимой после прощального при расставании поцелуя переполняют грудь, чистой свежестью бьют в ноздри. Поднимаюсь к площади, иду через неё (она у нас центральная) к городской гостинице, во дворе которой и размещается общественная уборная. Высокая луна делает небо практически прозрачным, по ночному светлым. Я почти лечу, кружусь в сумрачном пространстве. Фонарные столбы к тому же производят качающиеся круги жёлтого света. Всё это в мечтательной, юной душе рождает красоту невероятных ощущений.

Вбегаю в уборную и быстренько, несмотря на темноту, нахожу, забиваюсь в угол. Лепота! Даже обычной вони нет. В это время также домой после окончания вечерней смены, по всей видимости, со швейной фабрики возвращалась группка швей-мотористок, состоящая из весёлых и, наверно, склонных к озорству женщин. Шли они задорно, смеялись. Не помню, правда, по поводу чего был смех. Да, скорее всего, по поводу весны. Весной всегда как-то по-новому хохочется. Вдруг возле уборной они остановились и одна из женщин говорит:

- А давайте в мужскую зайдём?!

Я обмер. Однако слышу вскоре топот ног и приглушённый хохот - все дружно согласились и всерьёз, всей гурьбой ринулись ко мне, в мужскую половину. Я перестал мечтать. Ни жив ни мёртв сижу на корточках. Затаил дыхание. Никто меня не видит и не слышит.

Но, как только женщины расселись в темноте, как только солидарно зажурчали струйки, с ходу повзрослев, я осмелел, пришёл в себя, вспом-

нил почему-то про любимую, которой о происходящем, конечно, не расскажешь, и сделал носом многозначительное: «Гм - м!».

Тут-то наступил переполох: женщины, визжа и чуть ли не валя друг дружку в замкнутом тёмном пространстве на пол, спешно побежали наружу, крича, отбиваясь, словно их кто-то ловит, от самих себя. Оказавшись за пределами уборной, обретя таким образом свободу, они стали обхохатываться в бодрящем сиянии луны под открытым небом. И, не останавливаясь, двигаясь торопливым гуськом восвояси, продолжали смеяться над случившимся, удаляясь всё дальше и дальше.

А я, собираясь домой, приведя себя в порядок, вздохнул и порадовался: как хорошо всё-таки, что на земле стоит весна.

ВРАГ НАРОДА

В нашем небольшом городке было немало бывших зеков. Они на равных, как и все остальные, строили социализм. Только своё отношение к этому строительству каждый из них проявлял весьма индивидуально. Вот, к примеру, как это выглядело (сам был тому свидетелем):

Мать кричит сыну из окна на первом этаже, высунувшись в форточку.

- Федька! Ты ж человека убил!

- А, ладно, - в пьяном угаре возвращаясь до дому до хаты после только что совершённого убийства, отмахивается сын, бывший зек, - он враг народа!

ПРАЗДНЫЙ РАЗГОВОР

Когда мы жили в другой стране - не в теперешней России - от нас (людей литературы и искусства) требовали изображения не праздности, а трудовых будней. Не праздных собеседников, а объятых борьбой и трудом героических личностей. Ну, а поскольку сегодня это абсолютно никому не надо, то я позволю себе изложить один праздный разговор на праздную тему двух праздных людей.

- Понимаешь, Валя, - говорит бывший театрал, ныне известный писатель, своему собеседнику - знаменитому поэту, у которого и находились в ту минуту, сидя в творческой мастерской в Переделкино в февральскую зимнюю пору, тёмным, заснеженным вечером, наслаждаясь домашним теплом и наваристым чаем, - моя руководительница курса в театральном институте Марья Николаевна Орлова-Овчиннинская, ученица Константина Сергеевича Станиславского, была ярой противницей всякого рода сценических и кинематографических эффектов и трюков. Говоря об этом, она утверждала, что это не русская школа. Что вот, например, знаменитый режиссёр Андрей Александрович Гончаров в Учебном театре ГИТИСа по бедности вынужден был оголить сцену: играть без кулис, без декораций, без задника - на фоне голых кирпичных стен, среди которых расположена сцена. И все стали ему подражать: оголять сцену, играть без декораций, без кулис и прочее. Стали говорить, что это авангард. «Да

не авангард это, а бедность, - справедливо возмущалась она. - Театр же - это праздник, это искусство. И в него надо идти именно так, как на праздник!». - «Это также, - согласился поэт, - как в стихах, когда нет богатства в душе - ударяются в авангард!»

МУРМАНСК

Обожаю Мурманск. Город-ночь и город-день. Это я о том, что зимой в нём всё время ночь, а летом - день. Но и зимой, и летом есть моменты смены ночного на дневное, а дневного на ночное время: маленький рассвет и быстрый закат, большой рассвет и долгий закат.

Мы же не знаем, где что находим, а где что теряем.

Так случилось, что брат моей невестки и я (он в Мурманске, я в Москве), разведясь, в одночасье оказались холостыми.

И вот в конце января прилетел я в Мурманск, отдохнуть на трёшку дней. Выпили. Посидели. Анекдоты порассказывали. Один, например, с суровым северным оттенком, сильно запомнился: «Идёт человек, заезжий гражданин, по лесистой местности, а перед ним мужик со спущенными штанами меж двух деревьев руками к оным привязан. Человек дошёл до него и с удивлением спрашивает: «Мужик, а ты чо так стоишь-то?» - «Да чо, чо? - отвечает мужик. - Я грибы собирал, а тут шли двое, привязали к дереву и надругались». -«Ну а что ж ты не кричал?» - «А чо кричать-то? Одна деревня, - показал налево, - в десяти километрах отсюда. Другая, - показал направо, - в пятнадцати». - «Да-а?! - обрадовался, торопливо расстёгивая штаны, заезжий гражданин. - Ну у вас и глухомань!»

Дальше-больше… На подвиги потянуло! А заведений ночных никаких таких нет: ни тебе ночного клуба, ни тебе ночного бара - ни интимного салона. Год 1981-й - советский! - на дворе.

- Да поехали ко мне, - предлагает Антон, брат невестки, - по дороге, на стометровке, тёлок снимем.

Как тут не согласиться? Даже я, не будучи мурманчанином, знал, что «стометровкой», находившейся рядом с железнодорожным вокзалом, зовётся съёмный скверик «ночных бабочек».

Сняли. Чуть раньше, на проспекте Ленина возле драмтеатра. На такси ехали, а она голосовала. Оба из машины выскочили кадрить особу женского пола. Снег валил невероятный, ноги в отделявшем трассу от тротуара сугробе по колено проваливались, да и она, надо сказать, наша «ночная бабочка», с бутылкой «Советского Шампанского» в руках неуклюже одиноко утопала на морозе в этом обилии снежной массы. Зато солнечный свет от фонарных столбов на фоне ночного зимнего неба и висячих, болтающихся на ветру световых гирлянд, растянутых над проспектом, завораживал, восхищал и делал нас самих восхитительно-романтичными. Быстро согласилась сесть в машину (видимо, от холода) голосовавшая особа. Она к подружке в гости собралась на улицу капитана Буракова, а тут мы - такая удача!

Ликовал больше всего Антон. Меня же смена маршрута начинала смущать: не люблю незнакомые места - особенно квартиры с ночлегом, в которых раньше никогда не бывал (путь-то к Антону намечался). Однако вскоре мы въехали в жилой массив, дома которого были воздвигнуты на скалистом предгорье. И это было также романтично. И, конечно, восхищало.

Когда же по комнатам и кроватям разбежались: Антон с хозяйкой квартиры, куда мы приехали, а я с той, что у театра стояла, - то тут вообще неописуемо, что с нами сделалось.

Правда, перед этим мы выпили всё, что у нас было: и шампанское, и водку, купленную у таксиста (ночных точек с продажей спиртного тогда и в помине не существовало), и, кажется, вино, имевшееся у хозяйки, весёлой блондинки, также прикончили. Выпили, короче, всё подчистую.

Проснувшись в типовом доме, в типовой девятиэтажке, в чужой постели, после угасшей романтики, я засуетился: стал каким-то чрезмерно галантным, сделал вид, что ничего не было - не обещал, не просил, не клялся. И что меня уже ждут. Пора закругляться да в Москву улетать.

Но Антон, на всю катушку развлекаясь в другой комнате, никуда не собирался. Продолжал постельничать с блондинкой, ржать и подпрыгивать в кровати. У него, наоборот, пробудилось желание никуда не уходить с рассветом - в окне прорезался натуральный дневной недолгий зимний свет, и к тому же светомузыка играла (в ту пору сверхдостижение в мировой электронной технике и музыкальном сценическом искусстве). Она-то, видимо, к себе его и приковала: от вспышек звуков во вспышках света Антон то зависал, то радужно сиял.

- Давай послушаем! - при каждом моём появлении, расплываясь в улыбке, просил Антон и целовал блондинку, извивавшуюся и хихикавшую, как от щекотки, под одеялом рядом.

Я ходил по квартире туда-сюда - покурить на кухне, воды испить из-под крана. Наконец, блуждая так в одном и том же направлении, в коридоре обнаружил, наткнулся вдруг на мужские туфли никак не меньше 48-го размера и огромный китель представителя морского флота, не меньше старпома по званию. Я немедленно вызвал к себе Антона и выразительно показал ему на находку. И, хоть тот был довольно крепким тридцатилетним мужиком совсем не маленького роста, а быстро сориентировался и, не отрывая глаз от непомерных размеров кителя, шепнул мне с неподдельным ужасом.

- Уходим!

Мы исчезли почти не прощаясь, торопливо вскакивая в одежду на лестничной площадке, в лифте, на заснеженном морозном дворе.

Таким вот запомнился один из последних визитов в Мурманск - любимый мной и дивно красивый с тех пор город.

ЖИВОТНЫЙ МИР

Конец августа 2016 года. В часу пятом после полудня прошёл сильный дождь с грозой. Я спал тем не менее в новой Москве на даче. Теперь в ночи сижу перед компьютером и сладко вспоминаю дни, проведённые в Крыму, с 20-го июня до середины июля.

Отдыхая на крымском берегу в гостевом доме-отеле «Суслик Морской» под Севастополем в посёлке Кача, я получал удовольствие не только от прелести этих мест, где небо гораздо ближе к земле, чем, скажем, в средней полосе России, где солнце более открыто, и где солнечные дни более объёмны, но и от неповторимой особенности животного мира. Почти очеловеченного мира.

У хозяев гостевого дома с семью комфортабельными номерами, Виктора и Ирины, на территории их сказочного, райского дворика, усеянного цветами вдоль тротуара и в промежутках между ним и открытыми, увитыми клематисом, верандами, позволяющими отдыхающим проводить время на воздухе, растут и красуются густые зелёные туи, голубая ель, ленкоранские акации, декоративные кустарники, и, качаясь, четыре стройные берёзы листвою шелестят, а также наравне с людьми проживают животные - упитанная четырёхлетняя дворняга Рыжик, шестнадцатилетняя старушка, болонка-толстуха Барбоска с расчёсанным облезлым пузом и двухлетняя кошка по имени Гриша.

Из них из трёх земному физическому состоянию соответствует имя только Барбоски, так как она - собака женского рода. Однако Рыжик - не кобель, и Гриша - не кот, а кошка.

Когда её, кошку, хозяева после кошачьей драки, с повреждённым глазом доставили в ветлечебницу и вслух назвали Гришей, то даже врач одурел и на просьбу сделать какую-нибудь операцию, сказал нечто совсем уж неадекватное (немедицинское):

- А ему что, - возмутился ветеринар, глядя на кошку, которую зовут как кота, - читать необходимо?!

Уловка, придуманная хозяевами о питомцах, что, дескать, сызмальства не разглядели пол и, дав однажды имя, не стали ничего менять, - мало похожа на правду. Высказывать же неудовольствие, почему имена двух животных не соответствуют их физическим данным, не имеет никакого смысла, так как и Рыжику, и Грише абсолютно без разницы, какого они рода.

Места в посёлке только обживаются. На земле, где выстроен «Суслик Морской» - необычный для Качи длинный одноэтажный дом из сруба Г-образной формы под красной черепицей - долгое время был пустырь. И, что характерно для по-настоящему необжитой пока местности, на недостроенном соседнем двухэтажном доме из неоштукатуренного самана, с пустыми, как бойницы, окнами, в ночное время появляется сова и, словно в фильме ужасов, кошачьи рулады почему-то выводит - пищит, как слепой котёнок. Я сначала предположил, что она за котятами охотится, потому-то и подражает их мяуканью. Но это, оказывается, не так. Оказывается, мяу-

канье вообще присуще ушастой сове, каковая и просматривалась в падавшем на неё свете луны.

Обратив внимание на то, что Барбоска в неурочный час, взбираясь ко мне на веранду, очень чешется и тем самым, стуча лапами об пол, мешает отдыхать, я сказал хозяйке Ирине:

- Что же вы блох-то не выведете? Мучается ведь собачка! Загрызли насекомые её совсем.

Однако это было моим заблуждением, и не удивило, и не обескуражило хозяйку.

- Дело не в этом, - объяснила Ирина с сожалением, - сколько мы ни просим: отдыхающие всё равно прикармливают Барбоску конфетами, а ей сладкое нельзя, вот и чешется от аллергического зуда.

И снова я ошибся: животные в «Суслике Морском» под хорошим присмотром, ни в чём не нуждаются, имеют защиту, уход и снисхождение к своим «звериным» слабостям.

Рыжик, например, когда Ирина принесла во время обеда на второе куриную грудку с вкусным-превкусным овощным гарниром, после ухода хозяйки, моментально появилась на веранде и присела на задние лапы возле моего кухонного стола, ожидая любимые косточки. Вот как она узнала, - удивился я сугубо для себя, - что принесли куриное блюдо?! Но самое смешное и примечательное - Рыжик часами может гоняться не за дичью, появляющуюся во дворике в виде птиц (что было бы правильнее для собаки), а за бабочками, мухами, струями воды из-под шланга и так далее. Есть правда одно правило, которое она никогда почти не нарушает, - подойдя к хозяйской веранде, Рыжик без разрешения Виктора или Ирины никогда не ступит на эту территорию. Ей разрешено подняться передними лапами лишь до третьей верхней ступеньки. Видимо, очень серьёзным был прокол, когда она поднималась выше. Теперь, и по ней это заметно, Рыжик старается не нарушать установившийся порядок.

Барбоске, несмотря на совершаемые ею дисциплинарные нарушения, в силу возраста что ли, позволено гораздо больше, чем Рыжику. Она может поваляться и на хозяйской веранде, и в их уютном жилище, поспать возле роскошных (с блеском перламутра) кресел у стойки бара, где разливают для отдыхающих в отеле «Суслик Морской» вино по звонким бокалам и пьют коктейли, где можно посмотреть плазменный телевизор с огромным экраном. Но частенько ей становится этого мало, и Барбоска пускается во все тяжкие. В правом крайнем углу Г-образного гостевого дома специально предусмотрен и сделан удобный лаз и за ним дыра в заборе для кошачьих похождений. Так вот, дождавшись ночи, Барбоска «кошачьей тропой» выбирается за пределы двора на пустырно-пустынное пространство, где кроме тьмы нет ни одного живого существа и ни одного строения. Там она дико отлаивается, выговаривается, набравшись за день впечатлений, обид. Затем, обогнув дом и двор, огороженный высоким досчатым забором из обработанного горбыля, покрытого лаком, подходит к калитке и уже тут ис-

тошно снова лает, просит открыть, впустить домой. Виктор, хозяин отеля, под одобрительными взглядами отдыхающих, идя открывать, возмущается всякий раз, говоря одно и то же:

- Тебя, шельма, никто не выпускал. Ты ни у кого не отпрашивалась. А теперь требуешь, чтоб впустили. Да кто ты такая? Вот открывай сама, как хочешь!

И только у кошки, с именем кота Гриши, есть абсолютное преимущество перед остальными - она не просто входит в жилище и даже в опочивальню хозяев, а спит с ними в одной постели и храпит порой сильнее, чем они.

Однажды Гриша, будучи уверенная, что никто этого не видит (я сидел в глубине веранды и читал беллетристику), подслеповато крадучись, проникла в мой номер, однако вскоре вылетела из принадлежащих мне покоев с задранным хвостом, напугавшись, по всей видимости, здоровенного паука, напоминавшего тарантула и поселившегося у меня под кроватью, или же, что наиболее вероятно, дрогнув от голоса семилетней девочки Сони из соседнего номера, которая, принимая завтрак, всё время огрызалась, но, выслушав всё-таки мамины воспитательные советы, вдруг рявкнула на родительницу, стукнув кулаком по столу:

- Не вредничай! Давай!

После этого Гриша никогда ко мне не наведывалась.

Апофеоз же показательно-нерасторжимых отношений человека и животного мира наступал в утренние часы, когда живущие в отеле люди с сумками, надувными крокодилами, матрасами, кругами уходили на море. Тогда опустевший дворик с цветущим садом начинал действительно напоминать чудесный эдемский уголок, по мощёной дорожке которого передвигался, как рыцарь в латах, но с открытым забралом - так выглядела пластика движения, физически сильный человек, озадаченный последовательностью выполнения простой домашней работы. А за ним топало, перемещалось в том же ритме и с такой же, похожей на человеческую, озабоченностью стадо его питомцев. Таким образом, хозяин отеля Виктор в неизменных красных шортах, с загорелыми голым торсом и ногами, обритый налысо, и его животный мир, шагавший следом строго по росту и по ранжиру - Рыжик, Барбоска, Гриша, активно приступали к повседневным заботам. В это самое время ясноглазая, с очаровательной улыбкой, хозяйка Ирина находилась уже на рынке, закупая продукты для замечательного своего отеля.

Сладкие всё-таки воспоминания о море, солнце, людях и животных возникают и ложатся на бумагу, несмотря на то, что в ночи за окном вновь начинается дождь, сверкает молния и грохочет раскатистый гром.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКСЁНОВ Иван Михайлович - поэт, прозаик, художник. Родился в 1935 г. в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края. Член Союза писателей России. Занимается переводами с испанского, немецкого и украинского языков. Автор 14 книг и иллюстраций к ним. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2004 г.). Дипломант Всероссийского конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова». Отличник народного просвещения. Почётный гражданин города Новопавловска Ставропольского края, где и проживает в настоящее время.

БАБЕНКО Владимир Васильевич родился в 1952 г. в селе Томузловском Будённовского района. Окончил Александровский зооветеринарный техникум и Вологодский педагогический институт. Работал литсотрудником ряда газет в Ставропольском крае и Вологодской области, в областном Вологодском комитете телерадиовещания, ветврачом и начальником отдела кадров на Вологодском мясокомбинате. Автор 18 книг. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России. Живёт в Ставропольском крае.

БЕРНАРД Ян Игнатьевич - поэт, член Союза писателей России. Работал организатором писательских выступлений, артистом разговорного жанра в Ставропольской краевой филармонии, лектором краевого фонда культуры. Возглавлял «Союз поляков города Ставрополя». Автор 21 книги. Лауреат премии комсомола Ставрополья, лауреат национального турнира поэтов «Серебряное перо» (Республика Польша). Кавалер Золотого Знака Почёта ОПСД Польши. Живёт в Ставрополе.

БОНДАРЕНКО Николай Пантелеевич - поэт. Родился в Карелии в 1947 году. С 1950 года проживает в г. Минеральные Воды. Служил в Советской Армии, в войсках ПВО. Первый сборник стихов «От первого лица» был издан в 1998 году в московском издательстве «Глобус». Затем вышли книги: «Пульс 4500», «Всё, что могу», «Благословенно имя твоё». Член Союза писателей России с 2002 года. В 2014 году возглавил общественную организацию «ТО «Современник» города Минеральные Воды.

БРОДОВСКИЙ Валерий Давидович (Петросян) - прозаик. Родился в 1965 году. Закончил Ставропольский государственный медицинский институт. Член Союза писателей России. Автор книг «Кавказский набат», «Сумрак лабиринта», «Печать апостола». Живет в Ставрополе.

БУДАРИН Владислав Пантелеевич - поэт. Родился в 1947 году в Ставрополе. После военной службы, в 1969 году, приехал в город Минеральные Воды, где и живёт в настоящее время. Работал в локомотивном депо, в строительном управлении, на Севере, в Сибири и на БАМе - шофёром, рабочим-строителем. Член Союза писателей России, автор 4 книг.

БУТЕНКО Владимир Павлович - поэт, прозаик, музыкант, член Союза писателей СССР и России. Лауреат литературной премии журнала «Наш современник» (2011 г.), трижды лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина. Автор многих книг прозы и стихотворений, 9 сольных альбомов разнообразных песенных жанров. Награждён орденом «За возрождение казачества». Главный редактор альманаха «Литературное Ставрополье». Живёт в городе Ставрополе.

ВОРОПАЕВ Олег Владимирович - поэт, прозаик, автор и исполнитель песен. Родился в 1963 г. в городе Заполярном Мурманской области. Закончил сельскохозяйственный факультет Петрозаводского госуниверситета. Работал зоотехником, учителем биологии в школе, участвовал в геологоразведочной экспедиции. С 1994 года офицер милиции. Участник двух «боевых» командировок в Чеченскую Республику (2000 и 2003-2004 гг). Подполковник в отставке. Член Союза писателей России. Автор семи книг. Дипломант литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2013 г.). Живёт в г. Новопавловске Ставропольского края.

ГАМАЮНОВ-ЧЕРКЕССКИЙ Сергей Васильевич - поэт, прозаик, публицист. Дипломант национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Поэзия» (2010 г.). Член Международного Союза писателей «Новый Современник» и содружества писателей «Золотое перо Руси». Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси - 2011» в номинации «Поэзия». Член Российского союза писателей. Автор нескольких сборников поэзии, прозы. Окончил Свердловский юридический институт им. Р.А. Руденко. Работал Народным судьёй, судьёй Верховного суда Карачаево-Черкесской республики, на руководящих должностях в органах прокуратуры Ставропольского края. В настоящее время в отставке. Живёт в Кисловодске.

ГАТИЛО Андрей Борисович - прозаик, поэт. Родился в 1963 г. в селе Красногвардейском Ставропольского края. По образованию - учитель биологии-химии. Работал воспитателем в детском доме для детей-сирот, в общеобразовательной школе учителем химии. С 1992 по 2000 год работал в Ставропольском ГУВД в должности эксперта, преподавателем криминалистики в учебном центре МВД г. Ставрополя, затем в институте повышения квалификации ВИПК МВД России. С 2003 по 2012 годы работал в должности ведущего эксперта базовой экспертно-криминалистической службы Управления по контролю за оборотом наркотиков ЮФО. По роману «Тень Дракона» поставлен спектакль «Вечер сотни небес». Занимается кузнечным делом, реконструкцией и бутафорской театральной имитацией оружия. Живёт в Ставрополе.

ГОНЧАРОВА Елена Михайловна - поэт. Родилась и живёт в Ставрополе. Победитель конкурса молодых поэтов г. Ставрополя (2001 г.). С 2003 г. - президент литературного клуба молодых писателей «Экспромт». Автор книги стихов «Трамвайчик» (2011 г.) и книги детских стихотворений «Полосатый понедельник» (2015 г.). Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2012 г.). Лауреат конкурса книжных новинок Министерства культуры Ставропольского края и СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова в номинации «Семейное чтение» (2015 г.).

ДМИТРИЧЕНКО Валентина Гапуровна - поэт. Родилась в 1956 г. в с. Лузинка Северо-Казахстанской области. Работала преподавателем физической культуры в школе, затем уехала по комсомольской путёвке на строительство Павлодарского тракторного завода. Работала воспитателем, библиотекарем. В период становления рыночной экономики переехала с семьёй в Польшу, затем вернулась в Россию и открыла свой бизнес. Член Союза писателей России. Автор 6 поэтических книг. С 1976 года живёт и работает в г. Невинномысске Ставропольского края.

ИВАНОВА Елена Львовна - поэт, журналист. Член Союза писателей СССР и России, член Союза журналистов России. Работала редактором Ставропольской краевой студии телевидения, корреспондентом газет «Кавказская здравница» и «Ставропольская правда», возглавляла издательский отдел Ставропольского краевого института повышения квалификации работников образования. Руководила краевым отделением Литфонда России (2008 - 2011 гг.). Автор более 10 поэтических сборников. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2009 г.). Живёт в городе Ставрополе.

КОБРИН Юрий Леонидович родился в 1943 г. в г. Черногорске Красноярского края в семье офицера Советской Армии. В связи с переназначениями отца учился в пяти школах СССР. С 1950 г. по настоящее время (с перерывом 1956-1960) живёт в Литве. Работал на ТЭЦ «Сахалинэлектро», заводах Каунаса и Вильнюса. Учился в Вильнюсском госпединституте и Высших литературных курсах в Москве. Рекомендацию в Союз писателей СССР в 1966 г. дал Арсений Тарковский. Внутреннюю рецензию на рукопись первого сборника стихов «Очереди за небом» (Вильнюс, «Вага», 1966) написал Борис Слуцкий. Автор 13 стихотворных книг и 13 переводных сборников литовских поэтов. Заслуженный деятель искусств России, академик Европейской Академии Естественных Наук (ФРГ), кавалер ордена Дружбы (РФ) и ордена Великого князя Литовского Гедиминаса (ЛР), медали Пушкина (РФ), медали Гёте (ФРГ), вице-президент Международной Федерации Русскоязычных Писателей, член Высшего Творческого Совета Союза Писателей XXI века, член Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, Союза писателей Литвы, президент Благотворительного фонда поощрения русской культуры писателя Константина Воробьёва.

КОЗЛОВ Юрий Вильямович родился в 1953 г. в г. Великие Луки. Писатель-прозаик, член Союза писателей СССР и России. Лауреат премии издательства «Молодая гвардия» (1979 г.), Всероссийской литературной премии «Традиция» (1995 г.), Литературной премии Правительства Москвы (1996 г.), Малой Российской литературной премии «За объективность и честность в творчестве» (1998 г.) и Литературной премии им. Александра Невского (2002 г.). Главный редактор журнала «Роман-газета». Автор более 30 книг. Книги писателя переведены на многие языки. Живёт в Москве.

КОНОПЛЯННИКОВ Юрий Викторович - писатель-прозаик, драматург, киноактёр - родился в 1950 году. Закончил ГИТИС, актёрский факультет. Лауреат литературной премии МГК ВЛКСМ, МО СП РСФСР, журнала «Москва» и издательства «Московский рабочий». Член Союза писателей России, Союза кинематографистов России. Известен по работам в фильмах: «Волны Чёрного Моря», «Лесник», «Косатка», «Петля Нестерова» и др. Член Союза журналистов России, лауреат премий: им. Г.Р. Державина, им. К.С. Станиславского, им. А.П. Чехова. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

КРАСУЛЯ Василий Александрович родился в 1952 году в семье офицера. Окончил экономический факультет Кубанского сельскохозяйственного института. Работал в газетах «Комсомолец Кубани», «Молодой Ленинец», «Ставропольская правда». Опубликовал книги «Диссидент из номенклатуры» (1992 г.), «Когда же придёт настоящий хозяин?» (1997 г.), «Мужские разговоры - рассказы о любви» (1998 г.), «Часы пущены» (2000 г.), роман «Женщина в августе» (2003 г.), повесть «Приземление образа» (2010 г), повесть «Мы родились, чтобы быть свободными» (2015 г.) Член Союза российских писателей и член Союза журналистов России. Живёт в Ставрополе.

КУПРИН Александр Иванович - поэт. Член Союза писателей России, председатель краевого отделения Союза писателей России. Родился в 1940 г. в селе Каново Курского района Ставропольского края. Окончил Пятигорский сельхозтехникум, затем Ростовский институт народного хозяйства. Работал в проектном институте «Севкавгипроводхоз», затем начальником отдела кадров в ряде предприятий Пятигорска, а с 1987 по 2004 год - директором кинотеатра «Космос». Автор 5 поэтических книг. Награждён медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «М.Ю. Лермонтов», «Коста Хетагуров», «Кязим Мечиев» (Кабардино-Балкария), «Навеки вместе» (Калмыкия). Живёт в Пятигорске.

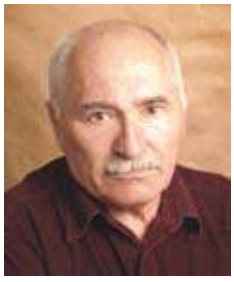
КУСТОВ Виктор Николаевич - прозаик, публицист, драматург, журналист, издатель. По образованию - горный инженер. Главный редактор журнала «Южная звезда», интернет-журнала «Культурный слой. Журнал для избранных», шеф-редактор журнала «Сельское Ставрополье». Лауреат премии Союза журналистов СССР. Член Союза писателей России. Автор более 10 книг. Победитель международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Драма» (2011 г.). Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2014 г.). Живёт в Ставрополе.

ЛАНГУЕВА (СУХОРУКОВА) Тамара Васильевна - поэт, член Союза писателей России. Родилась в г. Кемерово. В 1976 году окончила юридический факультет Кубанского государственного университета. Работала старшим следователем прокуратуры г. Липецка, старшим помощником прокурора г. Невинномысска Ставропольского края, в настоящее время - в отставке. Принимала непосредственное участие в создании полнометражных документальных фильмов: «Дневник оборотня», «Танец смерти» и других. Является автором шести поэтических сборников. Живёт в г. Невинномысске Ставропольского края.

ЛИВИНСКИЙ Станислав Аликович родился в 1972 г. в Ставрополе. По образованию фотограф. Работал фотокорреспондентом, видеооператором и звукорежиссёром. Участвовал в Форумах молодых писателей России. Стихи публиковались в «Литературной газете», журналах «Юность», «Знамя», «Дружба Народов» и др. Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса (2012 г.). Автор книги стихов «А где здесь наши?» (2013 г.). Живёт в Ставрополе.

ЛЮБЕНКО Иван Иванович - прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1963 г. Окончил факультет истории и английского языка Ставропольского государственного пединститута. Работал преподавателем истории и английского языка в школе, учился на заочном отделении Московской юридической академии. С 1991 года работал юристом и директором в разных организациях г. Ставрополя. С 1996 года по настоящее время - член коллегии адвокатов МКА «Санкт-Петербург». Автор множества романов и сборников в жанре детективной прозы. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2014 г.). Живёт в Ставрополе.

ЛЯШЕНКО Николай Петрович - прозаик. Родился в 1945 г. в селе Подгорном Калачеевского района Воронежской области. Трудился рабочим бурового агрегата, бетонщиком. После окончания Саратовского политехнического института работал на строительстве военных объектов в Подмосковье, на Украине, в Казахстане. В 1972 году переехал в Ставрополь. Член Союза писателей России. Автор 7 книг. Был уполномоченным Литфонда, главным редактором газеты «Литературный Юг России». Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2014 г.). Живёт в Ставропольском крае.



МАЛЯРОВ Владимир Константинович - прозаик. Член Союза писателей СССР и России. Родился в 1946 г. в Саратовской области. До призыва на военную службу работал матросом-рулевым в Каспийском пароходстве, служил на Балтике. С 1974 года обучался в Литературном институте им. А.М. Горького на заочном отделении. Работал в редакции газеты «Пинежская правда». В 1978 году переехал в Ставрополь. Работал в редакции художественной литературы Ставропольского книжного издательства, редактором альманаха «Ставрополье». В 1990 - 1991 гг. возглавлял Ставропольскую краевую писательскую организацию. Автор 8 книг. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина. Живёт в Ставропольском крае.

МАСЛОВ Анатолий Михайлович - поэт, член Союза писателей России. Родился в 1950 г. на хуторе Весёлом Изобильненского района Ставропольского края. Военную службу проходил в Забайкалье. Был грузчиком, электромонтёром, разнорабочим. Получил филологическое образование в Ставропольском государственном педагогическом институте. Работал учителем русского языка и литературы, завучем в средней школе, избирался депутатом и заместителем главы администрации посёлка Передового Изобильненского района. Автор 5 поэтических книг. Награждён Терским казачьим крестом генерала Ермолова, нагрудными знаками «За верность казачеству» и «За возрождение казачества». Живёт в Ставропольском крае.

МОСИЕНКО Александр Алексеевич - поэт, прозаик, драматург. Родился в 1935 г. в ст. Зольской Кировского района Ставропольского края. Окончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Работал директором школы, возглавлял редакцию газеты «Учитель» (с 2006 года - «Наш университет») Пятигорского государственного лингвистического университета. Отличник народного просвещения России. Награждён медалями «За вклад в отечественную культуру», «За гуманизм на Кавказе», «За вклад в развитие Пятигорска». Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2006 г.). Автор 21 книги поэзии, прозы, драматургии. Живёт в Пятигорске.

НАРЫЖНАЯ Валентина Васильевна - поэт, поэт-песенник, родилась в 1946 г. на х. Гремучем Ставропольского края. В 16 лет была назначена на должность заведующей сельским клубом, проработала бессменно более 40 лет в ст. Новомарьевской директором Дома культуры. Член Союза писателей России с 1999 года. Плодотворно работает с известными композиторами края: А.Масловым, В.Кушнарёвым, В. Сущенко. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края (2011) в области музыкального искусства им. В.И. Сафонова. Автор 10 поэтических сборников. Обладатель Гран-При на международном фестивале-конкурсе «Искусство объединяет мир» (2015г. , Сочи) за песенное творчество. Награждена медалью «За доблестный труд».

НОВИКОВСКАЯ Марина Борисовна - прозаик-фантаст, поэт. Родилась в 1977 году в г. Грозном. В 1983 вместе с родителями переехала в Ставропольский край. Окончила Ставропольский государственный университет по специальности «библиотековедение и библиография». Работает в центральной библиотеке г. Михайловска. Рассказ «Улитка времени» стал лауреатом ряда конкурсов. Автор романов «Тайное правительство. Орден» и «Тайное правительство. Иерарархия» (второе место в Германском международном литературном конкурсе русскоязычных авторов 2015 в номинации «Фантастика и фэнтези»). Член Союза российских писателей.

ПИДОРЕНКО Игорь Викторович (ИГОРЬ БЕРЕГ) родился в 1953 г. Писатель-фантаст, работает в жанре военно-приключенческой литературы. Член Союза писателей России, журналист, лауреат Международной литературной премии им. А. Фадеева (2004 г.) и премии Губернатора Ставропольского края в области литературы имени А.Т. Губина (2006 г.). Удостоен всероссийской премии «Во славу Отечества» в 2015 году. Живёт в Ставрополе.

ПОДОЛЬСКИЙ Станислав Яковлевич - поэт, прозаик, член Союза российских писателей. С 2007 года состоит в Русском ПЕН-центре всемирной ассоциации писателей «Международный ПЕН-клуб». Является членом общественного движения писателей «Апрель» и Ассоциации русских верлибристов. Автор 18 книг. Дважды лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (1999 г., 2008 г.). Главный редактор альманаха «Литературный Кисловодск». Живёт в Кисловодске.

ПОКРОВСКИЙ Александр Михайлович родился в 1952 году в Баку. Писатель-маринист, издатель, киносценарист. Окончил Каспийское Военно-морское училище в 1975 году. В военно-морском флоте более 20 лет, более 10-ти из них служил на Северном флоте на ракетных атомных подводных лодках. Капитан 2 ранга в отставке. Автор более 30 книг, наибольшую известность из которых принесли автору книги «Расстрелять», Расстрелять-2», «72 метра», «Бегемот», «Кот». По его произведениям сняты фильм «72 метра» и телесериалы - «Робинзон», «Горюнов». Автор проекта «Люди в войсках», участвовал в создании игры «Шторм: Солдаты неба». Живёт в Санкт-Петербурге.

ПОЛУМИСКОВА Екатерина Петровна - поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей России. Автор 5 книг поэзии и прозы, составитель и редактор нескольких коллективных сборников. Победитель поэтического конкурса «Белый лист» на радио России (1995 г.). Участник 1-го (2001 г.) и 2-го (2002 г.) Форумов молодых писателей России, проходивших в Москве. Дипломант Всероссийского конкурса-премии «Хрустальная Роза Виктора Розова» в номинации «Поэзия» (2005 г.). Награждена юбилейной медалью Российского Лермонтовского Комитета «В память 200-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова» (2014 г.). Директор регионального отделения Общероссийского литературного сообщества, член общественного совета при министерстве культуры Ставропольского края и общественного совета при следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю. Живёт в Ставрополе.

ПОЛЯНСКАЯ Александра Станиславовна - поэт, прозаик, публицист. Юрист, член Союза российских писателей, член Союза независимых авторов и издателей. Автор поэтических сборников: «Называй меня Сашенти», «Время плена», «Снежная баба», «Дождливый понедельник». Участвовала в коллективных сборниках, российско-японском сборнике «Душа» (Москва), в антологии «Жаворонки степей» (Ставрополь), Антологии Живой Литературы «Цвет алый» (Санкт-Петербург), антологии «Бесконечный свет» (Москва). Живёт в Кисловодске.

ПРОКУДИН Николай Николаевич - прозаик, детский писатель. Родился в 1961 году в г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Окончил Свердловское ВВПТАУ в 1984 году. Ветеран войны в Афганистане, награждён двумя орденами «Красная звезда», медалями. Майор запаса. Участник антипиратских операций в Индийском океане с 2011 года. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель комиссии по военной литературе Союза российских писателей, лауреат нескольких литературных премий. Автор 15 книг. Его трилогия «Вернуться живым» удостоена премии им. Н.В. Гоголя за 2004 г., премии Литературного фестиваля «Невский Проспект» и премии «Спасибо тебе солдат». Живёт в г. Сертолово Ленинградской области.

РЫБАЛКО Сергей Николаевич - поэт, прозаик, драматург. Член союза писателей России, член бюро Независимой ассоциации писателей Кавказских Минеральных Вод. Автор более 20 поэтических сборников, автор и исполнитель песен. С 2009 г. - главный редактор альманаха «Синегорье», с 2011 г. - руководитель Ессентукского творческого объединения «Синегорье». Лауреат премии краевого Фонда культуры (1993 г.), лауреат литературной премии Семёна Бабаевского (2000 г.). Делегат 10-го съезда писателей Дагестана (г. Махачкала, 2001 г.). Награждён Лермонтовской медалью «За вклад в развитие культуры» (2003 г.). Живёт в г. Ессентуки Ставропольского края.

САХВАДЗЕ Николай Николаевич - прозаик. Родился в 1950 году. Окончил Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России с 1992 года. Автор десятка книг прозы. Удостоен премии Губернатора Ставропольского края им. А. Т. Губина. Живёт в Ставропольском крае.

СЕЛИВАНОВ Юрий Геннадиевич - поэт, прозаик, член Союза российских писателей. Окончил географический факультет Кубанского государственного университета. Работал электромехаником, каменщиком, буровым рабочим, геологом, учителем, инструктором спортивно-туристского клуба. С 2005 по 2010 гг. был депутатом Минераловодской городской думы. В настоящее время - директор ООО «Минераловодский городской туристский клуб». Награжден тремя орденами «Отличник качества Ставрополья». Автор 3 книг стихов и прозы. Живёт в Минеральных Водах.

СКРИПАЛЬ Сергей Владимирович - прозаик и журналист, лауреат всероссийских журналистских премий «Золотой гонг» и «Золотое перо России», премии союза журналистов Ставропольского края им. Г. Лопатина. Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2015 г.). Родился в 1960 г. в Темиртау (Казахстан). Окончил филфак Ставропольского пединститута, был учителем русского языка и литературы, завучем и директором школы. Ветеран войны в Афганистане. Имеет правительственные награды. В настоящее время - директор департамента издательства и рекламы издательского дома «Ставропольская Правда». Живёт в Ставрополе.

СМАЙЛИЕВ Сергей Олегович – поэт, прозаик, родился в 1961 г. в Кисловодске. В 1993 г. окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза российских писателей. Принимал участие в неформальных и сетевых проектах: «Скоросшиватель», «Тёмный лес», «Русский переплёт», «Кавказская ссылка».

СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ Сергей - поэт, главный редактор международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель»//45parallel.net. Родился в 1952 году в Северном Казахстане. Окончил филологическое отделение Ставропольского государственного педагогического института и сценарное отделение ВГИКа имени С.А. Герасимова. Член Союза российских писателей, Южнорусского союза писателей и Союза журналистов России. Автор термина «поэллада» (поэма + баллада), 9 книг стихов и многочисленных публикаций в российской и международной периодике. Лауреат конкурсов «Золотое перо Руси», «Серебряный стрелец», имени Петра Вегина, «Эмигрантская лира», «Редкая птица», премии имени Германа Лопатина, премий журналов «Зинзивер», «Дети Ра». Лауреат в номинации «Поэт-подвижник Русского Безрубежья». Награждён медалью Императорского ордена Святой Анны - в ознаменование заслуг перед российской культурой.

ТРЕТЬЯКОВА-СУХАНОВА Татьяна Константиновна Родилась и живёт в г. Ставрополе. Поэт, художник-график, врач по профессии. Член Союза российских писателей с 1997 г. Председатель Ставропольского регионального отделения союза российских писателей. Автор 3 поэтических книг и 3 альбомов графики, изданных Ставропольским краевым музеем изобразительных искусств (2002, 2009, 2014 гг.). Её работы экспонировались на 8 персональных выставках в музеях и галереях Ставропольского края. Дипломант IV Всероссийского конкурса-премии «Хрустальная Роза Виктора Розова» (2005). Награждена медалью «За заслуги перед Ставропольским краем», юбилейными медалями Министерства культуры РФ (М.Ю. Лермонтова, М. Шолохова).

ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК Алла Владимировна - поэт, прозаик. Член союза писателей России. Окончила Новосибирскую государственную консерваторию им. М.И. Глинки, затем Санкт-Петербургскую духовную семинарию, Кабардино-Балкарский государственный университет. Преподаватель английского языка, музыковед. Автор более 10 поэтических сборников духовной поэзии. Живёт в Ставрополе.

ХМЕЛЁВА Надежда Владимировна - поэт, прозаик, член Союза писателей России. Родилась в 1949 г. в с. Крем-Константиновка (Кабардино-Балкарская АССР). По специальности инженер-строитель. Ветеран труда, отличник образования, руководитель литстудии «Родники Прикумья», директор и преподаватель Воскресной школы. Награждена медалью «К 100-летию А.М. Шолохова». Автор книг для детей и для взрослых. Живёт в г. Будённовске Ставропольского края.

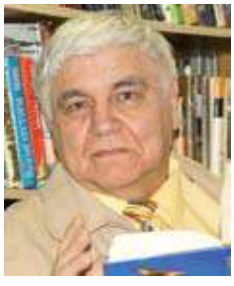
ХОДУНКОВ Константин Дмитриевич родился в 1929 г. в селе Орловка Каргатского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский государственный педагогический институт, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1966 г. живёт и работает на Ставрополье. Занимал должности: зав. отделом пропаганды Ипатовского РК КПСС, секретарь Красногвардейского РК КПСС, заместитель председателя краевого ПО «Крайсельхозтехника». Последние 15 лет - редактор газеты «Родина». Член союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор более 20 книг поэзии и прозы, в том числе для детей. Лауреат краевой журналистской премии им. Г. Лопатина.

ХАТЕНОВСКИЙ Виктор - поэт, актёр театра и кино. Родился в Минске в 1958 году, учился в Саратове, живёт и работает в Москве. Победитель и лауреат международных поэтических конкурсов. Обладатель Приза парижского литературного альманаха «Глаголъ» - «За литературное мужество!» (Париж, 2016 г.)
Участвовал более чем в 40 кинопроектах.

ШЕВЧЕНКО Галина Александровна - поэт, переводчик, публицист, литературный критик, краевед. Член союза писателей России, автор 22 книг. Родилась в 1939 году и проживает в Пятигорске.

ШИШКИН Евгений Васильевич - прозаик, драматург, сценарист. Родился в 1956 году в городе Кирове (Вятка). Окончил филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Высшие литературные курсы в Москве. Работал в различных издательствах, а также главным редактором журнала «Нижний Новгород». Член Союза писателей России. Заведующий отделом прозы журнала «Наш современник». Лауреат премий им. В.М. Шукшина, А.П. Платонова, И.А. Гончарова. Его произведения переведены на многие языки. Живёт в Москве.

ШУБНАЯ Любовь Федоровна - поэт, прозаик, переводчик, журналист. Заслуженный работник культуры РФ, член Союза российских писателей, Союза журналистов, Международного творческого объединения детских авторов. Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов. Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси - 2015». Награждена медалью Российского Лермонтовского комитета «За мир и гуманизм на Кавказе». Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов. Живёт в с. Александровском Ставропольского края.



ЯКОВЛЕВ Владимир Яковлевич - поэт, радио- и тележурналист. Окончил художественный факультет Смоленского пединститута, затем - Литературный институт им. М. Горького в Москве. Служил в армии, был пожарным, фотографом, корреспондентом. Преподавал на кафедре журналистики Ставропольского госуниверситета. Организовал работу пресс-центра Ставропольской городской службы спасения, несколько лет вёл военную программу «Призыв» на телеканале «Рен-ТВ». Член союза писателей России, автор 6 поэтических сборников. Живёт в Ставрополе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

АВСАДЖАНОВ Николай Георгиевич (Ставрополь) - член Союза художников России. Занимается преподавательской деятельностью в Ставропольском краевом художественном училище, доцент кафедры дизайна в СКФУ.

«Весенний этюд». 2012 г., холст, масло, 25х35.

«Старый двор». 2010 г., холст, масло, 85х95.

АЛМОСОВ Артём Львович (Ставрополь) - член Союза художников России. Живописец, график, графический дизайнер. Доцент ЮРГИ. Член-корреспондент РАНИ, Лауреат краевой премии им. Героя Советского Союза А. Скокова.

«Ставропольские дали. Вид на Кравцово озеро». 2005 г., холст, масло, 60х80.

АЛМОСОВ Лев Иванович (Ставрополь) - член Союза художников России. Действительный член (академик) РАНИ, профессор РАЕ, почётный деятель искусств СК, лауреат краевой премии по живописи им. художника В.Г. Клёнова.

«Грёзы». 1980 г., холст, масло, 90х110.

АРЗУМАНОВ Валерий Николаевич (Пятигорск) - член Союза художников России, Заслуженный художник РФ, Народный художник России, член-корреспондент Российской Академии художеств. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2000 г.). Инициатор создания Пятигорского филиала краевого художественного училища, на базе которого было образовано Ставропольское краевое училище дизайна, директором которого он является. Член исполкома секретариата ВТОО «Союз художников России», секретарь СХ России по Южному Федеральному округу; имеет учёную степень кандидата искусствоведческих наук и ученое звание профессора.

«Подсолнухи». 2008 г., холст, масло, 90х120.

«Пейзаж». 2009 г., холст, масло, 90х100.

ГАЙДЕНКО Александр Владимирович (Ставрополь) - член Союза художников России. Занимается преподавательской деятельностью - доцент кафедры дизайна Ставропольского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

«Белая акация» (фрагмент). 2016 г., холст, масло, 23х28 (обложка).

«Хижина в горах». 2010 г., холст, масло, 28х40.

«Исток реки». 2009 г., холст, масло, 35х50.

«Весна в Подмосковье». 1993 г., картон, масло, 20х25.

ГРИБАЧЁВ Владимир Яковлевич (Ставрополь) - член Союза художников России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2009 г.). Занимается педагогической деятельностью. Член Правления СКО ВТОО «Союз художников России».

«Николаевский проспект. Зима» (из цикла «Ставрополь Губернский»). 2006 г., холст, масло, 70х180.

«Станица». 2013 г., холст, масло, 80х80.

«Небесный карагод». 2015 г., холст, акрил, 70х140.

«Несущий». 1998 г., холст, масло, 80х90.

ГУЩИН Дмитрий Сергеевич (Ставрополь) - член Союза художников России, Заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2009 г.).

«Защитники кавказских перевалов». 2012 г., холст, масло, 90х110.

«Отчий дом». 2005 г., холст, масло, 75х91.

ДОЛГОПОЛОВ Фёдор Андреевич (Ставрополь) - член Союза художников России

«Вокзал». 1991 г., холст, масло, 85х65.

КУЗНЕЦОВ Евгений Георгиевич (Ставрополь) - член Союза художников России Член Международной Общественной Организации Художников «Солнечный квадрат». Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2012 г.).

«Акация». 2016, холст, акрил, 100х80

«Цветок». 1998, холст, масло, 60х70.

ЛИТОСОВА Наталия Валерьевна (Ставрополь) - член Союза художников России, член «Творческого союза художников России», член Объединения художников Юга России «Колесо». Награждена «Золотой медалью» Творческого союза художников России «За вклад в отечественную культуру». Лауреат премии Министерства культуры Российской Федерации (2014 г.).

«Зимка». 2012, холст, масло, 90х60.

ПАРШИН Сергей Николаевич (Ставрополь) - председатель Правления Ставропольского краевого отделения «Союз художников России». Действительный член-корреспондент Российской академии художеств. Лауреат премии Союза моложёжи им. А. Скокова в области изобразительного искусства (1996 г.). Дипломант Международного художественного фонда. Лауреат и Дипломант Российских и международных выставок. Произведения находятся в музеях, галереях, коллекциях, частных собраниях России и более 25 стран мира. Основатель первой негосударственной картинной галереи современного изоискусства в Ставрополе (2011 г.).

«Лик». 2001 г., холст, масло, 73х64.

«Сад». 2009 г., холст, масло, 190х130.

ПЛЕТНЁВ Евгений Семёнович (1933 - 2013 гг.) - член Союза художников России, Заслуженный художник РФ. Жил и работал в Невинномысске Ставропольского края.

«Вечер». 2002 г., холст, масло, 50х50.

ПЛЕТНЁВА Ирина Евгеньевна (Невинномысск) - член Союза художников России, окончила Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества.

«Голос моря». 2014 г., холст, масло, 40х50.

«Лето». 2013 г., холст, масло, 70х50.

ПОЛЯКОВ Василий Сергеевич (Ставрополь) - член Союза художников России, член Международной общественной организации художников «Солнечный квадрат», член Международного художественного фонда. Лауреат краевой молодежной премии им. А. Скокова (1998 г.). Лауреат и Дипломант Российских и международных выставок. Произведения находятся в музеях, галереях, коллекциях России и других стран мира.

«Старинный романс». 2011 г., холст, масло, 70х50.

«Испанский танец». 2010 г., холст, масло, 80х120.

СЕРОВА Елена Александровна (Ставрополь) - член «Творческого союза художников России». В 2014 году награждена бронзовой медалью за вклад в отечественное изобразительное искусство.

«Васильки». 2013 г., холст, масло, 84х60.

«Сороки». 2014 г., картон, темпера, 70х80.

СИНЧИНОВ Евгений Александрович (Ставрополь) - член Союза художников России, член Союза журналистов России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2011 г.).

«Королевский гамбит». 1999 г., картон, темпера, акрил, 65х50.

«Штиль». 2010 г., холст, масло, 60х120.

СОКОЛЕНКО Алексей Егорович (1938 - 2011 гг.) - член Союза художников России, Заслуженный художник РФ. Жил и работал в Ставрополе. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2006 г.). Награждён медалью Советского Фонда Мира.

«Белая акация». 1975 г., холст, масло, 90х80.

СОКОЛЕНКО Денис Алексеевич (Ставрополь) - член Союза художников России.

«Луна». 2009 г., холст, масло, 80х100.

ЧЕМСО Виктор Муссович (Ставрополь) - член Союза художников СССР и России. Заслуженный художник РФ. Жил и работал в Ставрополе. Награждён медалью «За доблестный труд». Занимался педагогической деятельностью. Лауреат премии им. Героя Советского Союза Александра Скокова.

«Мечты», холст, масло, 110х120.

ДЛЯ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ИСПОЛЬЗОВАНЫ КАРТИНЫ ПИСАТЕЛЕЙ:

ЛАНГУЕВОЙ (СУХОРУКОВОЙ) Тамары Васильевны
«Золото моря». 1990 г., картон, масло, 56х42.

ТРЕТЬЯКОВОЙ-СУХАНОВОЙ Татьяны Константиновны
«Зырое зерно». 1993-1995 гг., гофра, пастель, мел, 66,5х55.

НОВИКОВОЙ Марины Борисовны
«Тени прошлого». 2015 г., холст, масло, 60х100.

а также
КУСТОВОЙ Людмилы Петровны
«Маки». 2016 г, холст, масло, 60х80.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово 3

ПЕРЕКРЁСТОК

Екатерина Полумискова. Кисловодская элегия 6
Тамара Лангуева. Стихотворения 25
Иван Любенко. Демон....29
Алла Халимонова-Мельник. Стихотворения 38
Владимир Маляров. Моя степь....44
Владислав Бударин. Стихотворения 54
Виктор Кустов. Рыбацкий альбом 63
Ян Бернард. Стихотворения 81
Николай Сахвадзе. Погожие дни в горах....86
Станислав Подольский. Стихотворения....96
Иван Аксёнов. За давностью лет....103
Анатолий Маслов. Стихотворения 111
Николай Ляшенко. Тёплый сентябрь....116
Николай Бондаренко. Стихотворения....122
Олег Воропаев. Предзимний сезон 125
Елена Гончарова. Стихотворения....138
Владимир Бутенко. Я приеду на закате 146

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Любовь Шубная. Портрет в четыре руки....176
Константин Ходунков. Стихотворения 185
Александр Куприн. Стихотворения 190
Валерий Бродовский. Мазки времени....193
Татьяна Третьякова-Суханова. Стихотворения....198
Сергей Гамаюнов-Черкесский. Дело было летом... 201
Валентина Нарыжная. Стихотворения 206
Василий Красуля. Не приходите, я вас жду... 211
Сергей Рыбалко. Стихотворения....219
Игорь Пидоренко. Пять вёдер речной воды....225
Сергей Смайлиев. Стихотворения 235
Марина Новиковская. Отражени....237
Сергей Сутулов-Катеринич. Стихотворения 244
Андрей Гатило. Издалека долго течёт река Конго... 251
Александра Полянская. Стихотворения 261
Галина Шевченко. Стихотворения....263
Надежда Хмелёва. Наследник....267
Владимир Бабенко. Стихотворения 272
Юрий Селиванов. Стихотворения....276

МАЯКИ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Евгений Шишкин. Лапти 280
Елена Иванова. Стихотворения 284
Александр Мосиенко. Базальт 291
Юрий Кобрин. Стихотворения 302
Александр Покровский. Весна на Севере 307
Владимир Яковлев. Стихотворения 322
Юрий Козлов. Бедный медведь 326
Станислав Ливинский. Стихотворения 332
Николай Прокудин. Мятежный капитан 336
Валентина Дмитриченко. Стихотворения 344
Сергей Скрипаль. Письма о любви 350
Виктор Хатеновский. Стихотворения 357
Юрий Коноплянников. Ты спас меня, брат 362

Сведения об авторах 380
Иллюстрации 392

Литературно-художественное издание

Белая акация

Сборник литературных произведений

Технический редактор Л. П. Кустова
Верстка, дизайн А. В. Савицкой
Корректор А. В. Дубровская

Б 43

Белая акация: Сборник литературных произведений. /Составление Е. Полумисковой. - Ставрополь: «Блиц-Инфо», 2017. 400 с.+ вклейка.

ISBN 978-5-91717-015-2

Настоящий сборник составлен из лучших произведений поэзии и прозы участников Межрегионального форума творческих союзов «Белая акация - 2016» - писателей России и зарубежья, признанных мастеров слова.

Книга иллюстрирована картинами известных ставропольских художников и адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2) 6

Министерство культуры Ставропольского края

Ставропольское Региональное отделение
Общероссийской общественной организации писателей
«Общероссийское литературное сообщество»

Ставропольское Краевое отделение Общероссийской
общественной организации «Союз писателей России»

Ставропольское региональное отделение Общероссийской
общественной организации «Союз российских писателей»

Ставропольское краевое отделение Всероссийской
творческой общественной организации
«Союз художников России»

Сдано в набор 03.04.2017. Подписано в печать 11.05.2017.
Формат 70x108 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35 + вкл. 2,8. Тираж экз. Заказ №

ООО «Блиц-Инфо»
355035, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8, тел. (8652) 94-14-56
e-mail: vkustov@yandex.ru

ООО «ЮРКИТ»
355035, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8, тел. (8652) 26-48-31
e-mail: yurkit@yandex.ru

Отпечатано с электронного оригинал-макета
в типографии ООО «АРКОЛ»:
344000, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича,
д. 45, корп. 54-а, оф. 10. Тел./ф. (863) 269-00-66